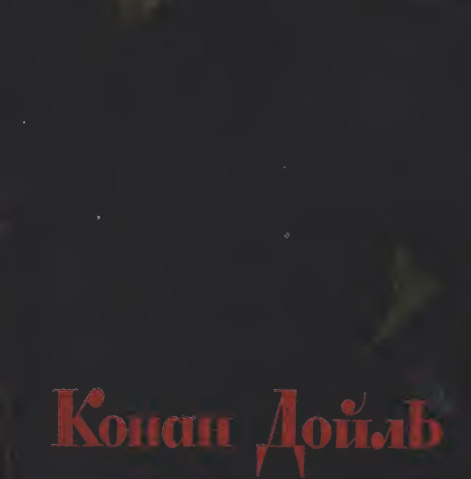

Конан Дойль

Артур Конан Дойль

Том 6

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1966

Собрание сочинений
выходит под общей редакцией
М. Урнова.

ГЛАВА 1

МОНАХОВ ДУБ

Сегодня, первого января тысяча восемьсот пятьдесят первого года, девятнадцатый век перевалил на вторую половину, и многие из нас, те, кто делил с ним юность, уже получили не одно предупреждение, что годы не прошли для нас даром. Седовласые старики, мы собираемся вместе и вспоминаем былые славные дни, но когда заговариваем со своими детьми, оказывается, что они нас не понимают. Мы жили почти так же, как наши отцы, а вот наши дети, которые не представляют себе жизни без железных дорог и пароходов,— люди иного века. Можно, конечно, засадить их за учебники истории, и из этих учебников они узнают про нашу изнурительную двадцатидвухлетнюю борьбу с великим человеком, со злым гением. Они узнают, как свобода покинула просторы европейского континента, как была пролита кровь Нельсона и разбито благородное сердце Питта, противоборствовавших ее исчезновению, не желавших, чтобы, найдя приют у наших братьев за океаном, она навеки покинула нас. Обо всем этом они прочтут в книгах, где точно указана дата того или иного договора, той или иной битвы, но откуда они узнают про нас самих, про то, что за люди мы были, как мы жили, каким представлялся нам мир, когда мы были так же молоды, как они сегодня?

Ежели я берусь за перо, чтобы рассказать вам обо всем этом, не ждите от меня рассказа о моей собствен-

ной жизни, ибо в те дни я был еще слишком молод, и хотя оказался свидетелем иных жизненных историй, моя собственная лишь начиналась. Историю жизни мужчины создает женщина, ее любовь, а до той минуты, когда я впервые заглянул в глаза матери моих детей, должно было пройти еще немало лет. Нам кажется, что мы встретились только вчера, а ведь наши дети уже легко достают в саду сливы, нам же для этого нужна лестница, и на дорожках, где мы, бывало, гуляли, держа их крохотные ручки, мы теперь рады опереться на их сильные руки. Рассказ мой будет о той поре, когда я знал только любовь моей собственной матери, и если вы ждете чего-то иного,— отложите в сторону мою повесть, она не для вас. Но если вы готовы погрузиться со мною в тот забытый мир, если вы не прочь узнать Джима и Чемпиона Гаррисона, если хотите познакомиться с моим отцом, одним из сподвижников адмирала Нельсона, если захотите взглянуть на самого великого моряка и на Георга, впоследствии недостойного короля Англии; если к тому же вы захотите увидеть моего знаменитого дядюшку, сэра Чарльза Треджеллиса, короля щеголей, и знаменитых бойцов, чьи имена еще и сегодня не сходят у вас с языка, тогда дайте мне руку, читатель, и отправимся в путь. Но, пожалуйста, не надейтесь найти во мне занимательного гида, не то вы будете разочарованы. Когда я смотрю на свои книжные полки, я вижу, что одни только мудрецы, остроумцы и храбрецы отваживаются писать о собственной жизни. Что же до меня, то если я не глупее и не трусливее других обыкновенных людей, этого с меня вполне довольно. Одно могу сказать о себе: искусники и умельцы хвалили мою голову, а мудрецы хвалили мои руки. И хвастать мне нечем — разве только одной врожденной способностью к музыке: я легко и быстро выучиваюсь играть на всяком музыкальном инструменте. Внешность у меня самая заурядная — роста я среднего, глаза не то серые, не то голубые, а волосы, пока природа не припорошила их сединой, были то ли светлые, то ли каштановые. Впрочем, одно я, пожалуй, могу сказать с уверенностью: во всю жизнь я ни разу никому не позавидовал, всегда восхищался людьми более одаренными и всегда все видел таким, как оно есть на самом деле, в том числе и себя самого; думаю, это и дает

мие право сейчас, в зрелые годы, писать свои воспоминання.

Итак, с вашего разрешення, отодвннем мою особу иа самый задний плаи. Постарайтесь вообразнть, будто я тоикая, бесцветная нить, иа которую ианизываются жемчужины, н это будет как раз то, чего я хочу.

В нашем роду, в роду Стоунов, мужчниы нз поколения в поколение служилн во флоте, н старшего сыиа у иас всегда иарекалн нмеием любнмого адмнрала отца. Так можио проследнть нашу родословную до самого Верноиа Стоуна, который в сраженнн с голлаидцами комаидовал остроиосым пятидесятнпушечным кораблем с высокой кормой. После иего был Хоук Стоуи, потом Бенбоу Стоун н, иакоиец, мой батюшка, Энсои Стоуи, который, в свою очередь, в году от рождества Хрнстова 1786-м в прнходской церкви Св. Фомы в Портсмуте дал мне при крещении имя Роднн.

Стонт мие подиять сейчас голову, как я вижу в саду за окном своего рослого мальчнка, н если я его окликну, вы поймете,что н я остался верен традициям нашего рода: его зовут Нельсои.

Моя дорогая матушка, лучшая из матерей, была второй дочерью преподобиого Джона Треджеллнса, священника в Милтоие, скромном сельском приходе, граинчащем с Лэнгстонскими топями. Семья ее была небогатая, но с положением, нбо ее старший брат был тот самый сэр Чарльз Треджеллис, который унаследовал богатство одиого индийского купца и был одно время притчей во языцех, да к тому же состоял в близкой дружбе с прнicцем Уэльскнм. Далее я еще расскажу вам о ием, а пока заметьте только, что ои был мой родной дядя и брат моей матушки.

Я помию ее иа протяжеинн почтн всей ее прекрасиой жизин, нбо она вышла замуж очень юиой, н в ту пору, когда я впервые запомнил ее нежный голос н хлопотлнвые руки, она была еще совсем молоденькая. Матушка представляется мне прелестной женщнной с добрыми, кроткими глазами, роста, правда, небольшого, но зато с горделивой осанкой. Помню, в те днн она всегда иоснла платья из какой-то снреневой переливающейся ткани и белый платок иа высокой белой шее, н ее ловкне пальцы, вооружеииые вязальиым крючком или спицами, сио-

вали, как челнок. Вот она передо мной в зрелых годах, нежная и любящая, что-то придумывает, изобретает, изворачивается, чтобы на скудное лейтенантское жалованье вести хозяйство и не ударить лицом в грязь перед соседями. И теперь, стоит мне только войти в гостиную, и я снова ее вижу — за плечами у нее восемьдесят с лишним лет безгрешной жизни, волосы уже совсем седые, лицо спокойное; на ней изящный, отделанный лентами чепец, очки в золотой оправе, на плечах шерстяная шаль с голубой каймой. Я любил ее молодую и люблю в старости, и, когда ее не станет, она унесет с собою что-то, чего уже никогда ничем не заменишь. У вас, быть может, много друзей, читатель, вы, быть может, не однажды вступали в брак, но мать у вас одна, и второй не будет, а потому лелейте ее, пока можете, ибо настанет день, когда всякий опрометчивый поступок, всякое сказанное ей необдуманное слово вновь вернется к вам и еще больнее ужалит ваше собственное сердце.

Такова была моя матушка. Что до моего батюшки, то я смогу описать его лучше, как только дойду в своем рассказе до времени, когда он вернулся домой со Средиземного моря. Все детство я знал лишь его имя да лицо на миниатюре, которую матушка всегда носила на шее в медальоне. Поначалу мне говорили, что он сражается с французами, а потом, с годами, стали говорить уже не о французах, а все больше о генерале Буонапарте. Помню, с каким благоговейным страхом я смотрел на гравированный портрет великого корсиканца, выставленный в витрине книжного магазина на Томас-стрит в Портсмуте. Так вот он каков, заклятый враг, в жестоком и нескончаемом поединке с которым прошла жизнь моего батюшки! В моем детском воображении они дрались один на один, и я всегда представлял себе, что мой отец и этот бритый тонкогубый господин сошлись врукопашную и никак не могут одолеть друг друга в смертельной, затянувшейся на годы схватке. И только в школе я понял, как много на свете мальчиков, чьи отцы, как и мой, сражались с Буонапарте.

За все эти долгие годы батюшка мой лишь однажды побывал дома — вот что значило в те дни быть женой моряка. Он приехал к нам почти сразу после того, как мы переселились из Портсмута в Монахов дуб, и пожил

с нами неделю перед тем, как отправиться в плавание с адмиралом Джервисом, чтобы помочь ему стать лордом Сент-Винсентом. Помнится, он испугал и пленил меня бесконечными рассказами о сражениях, и я вспоминаю, точно это было вчера, с каким ужасом я глядел на пятно крови на кружевной манжетке его рубашки, хотя появилось оно, конечно же, всего лишь из-за оплошности при бритье. Но в ту пору я не сомневался,что это кровь какого-нибудь поверженного француза или испанца, и в ужасе отшатывался, когда он гладил меня по голове своей загрубевшей рукой. Потом он уехал, и матушка горько плакала, а я глядел, как его синий мундир и белые панталоны удаляются по садовой дорожке, и не испытывал ни малейшего огорчения — со свойственным ребенку бессознательным эгоизмом я чувствовал, что без него мы с матушкой гораздо ближе друг другу.

Когда мы переехали из Портсмута в Монахов дуб, мне шел одиннадцатый год; перебраться в это небольшое селение в графстве Суссекс, к северу от Брайтона, нам посоветовал мой дядя, сэр Чарльз Треджеллинс: тут неподалеку была расположена усадьба одного из его высокопоставленных друзей, лорда Эйвона. Мы покинули Портсмут, потому что сельская жизнь дешевле, и, кроме того, вне круга людей, которым матушка по своему положению вынуждена была оказывать гостеприимство, она могла без большого труда сохранить видимость уклада, какой подобает благородному семейству. То были тяжелые времена для всех, кроме фермеров,— они, как я слышал, вполне могли возделывать лишь половину своей земли и все-таки жить припеваючи: пшеница в ту пору была в цене, она стоила по сто десять шиллингов за четверть, а четырехфунтовый хлеб — шиллинг и девять пенсов. И даже в нашем скромном домике мы сводили концы с концами только благодаря тому, что отец служил на одном из кораблей эскадры, державшей блокаду, где изредка перепадал случай получить призовые. Линейные корабли, крейсировавшие у Бреста, не могли заработать ничего, кроме славы, но фрегаты захватывали каботажные суда, которые — таков был закон — становились собственностью флота, весь их груз обращался в деньги, и их выдавали в качестве призовых.

Таким образом, денег, которые посылал отец, хватало на то, чтобы содержать дом и отдать меня в школу мистера Джошуа Аллена, где за четыре года я превзошел все, чему он мог научить. Там я и познакомился с Джимом Гаррисоном, племянником деревенского кузнеца, Чемпиона Гаррисона. Малыш Джим мы его называли. Вот он передо мной, каким он был в то время,— большие, нескладные и неловкие руки и ноги, точно лапы у щенка ньюфаундленда, а лицо такое, что все женщины на него оглядывались. В те дни и началась наша дружба, дружба, которая продолжалась всю жизнь и сейчас, на склоне лет, все еще связывает нас узами братства. Я помогал ему делать уроки, ибо самый вид книги внушал ему отвращение, а он, в свою очередь, учил меня боксировать, бороться, ловить руками форель в Эйдре и ставить ловушки на кроликов,— руки его были так же скоры, как нетороплива мысль. Но он был двумя годами старше меня, и задолго до того, как я кончил учение, начал помогать своему дяде в кузнице.

Монахов дуб расположен в одной из долин Дауиса, и столб с пометой «сорок третья миля» на пути от Лондона к Брайтону стоит как раз на окраине. Это совсем небольшое селение с увитой плющом церковью, красивым домом священника и выстроившимися в ряд домиками из красного кирпича, каждый в своем собственном садике. На одном конце перед домом Чемпиона Гаррисона стояла кузница, а на другом — школа мистера Аллена. Мы жили в желтом домике чуть поодаль от дороги; его второй этаж был слегка выдвинут вперед, и из штукатурки выступали черные деревянные балки. Не знаю, цел ли он там и поныне, но скорее всего цел, ибо в таких местах веками ничего не меняется.

Прямо напротив нас, через широкую меловую дорогу, стояла гостиница, которую в ту пору содержал Джон Каммингз; в нашем селении Каммингз пользовался отличной репутацией, но вдали от дома способен был, как вы увидите дальше, на странные выходки. Хотя движение на дороге было довольно оживленное, но от Брайтона до нас было рукой подать, и лошади не успевали притомиться; тем же, кто ехал из Лондона, не терпелось поскорей добраться до места, так что если бы не случались какие-нибудь поломки да не соскакивали колеса,

хозяину приходилось бы рассчитывать на одних только сельских выпивох. В те дни принц Уэльский только что возвел у моря дворец, и в брайтонский сезон, то есть с мая по сентябрь, мимо наших дверей каждый божий день с грохотом проносилось от ста до двухсот карет, колясок и фаэтонов. Летними вечерами мы с Джимом нередко растягивались на траве при дороге, во все глаза глядели на знатных господ и громкими радостными криками встречали лондонские экипажи; они с грохотом мчались мимо, окутанные облаками пыли, коренники и передовые кони тянули изо всех сил, пронзительно заливались рожки, на кучерах были шляпы с низкими тульями и с изогнутыми полями, и лица их пылали таким же алым цветом, как их ливреи. Когда Джим криками приветствовал пассажиров, они лишь смеялись, но если бы они могли разглядеть его большие, хоть и не совсем еще оформившиеся руки и ноги и широкие плечи, они, быть может, поглядели бы на него внимательнее и не оставили бы его приветствие без ответа.

Джим не помнил ни отца, ни матери, он все детство прожил со своим дядей, Чемпионом Гаррисоном. Гаррисон был сельский кузнец, а Чемпионом его прозвали потому, что он выступал против Тома Джонсона, когда тот был чемпионом Англии, и, конечно, побил бы его, если бы бедфордширские власти не прервали бой. Многие годы не было в Англии такого выносливого боксера, как Гаррисон, и никто лучше него не умел нанести последний решающий удар, хотя, как я понимаю, он не был скор на ноги. А потом случилось так, что в бою с Черным Барухом он под конец нанес такой сокрушительный удар, что тот не только перелетел через канаты, но и долгие три недели находился между жизнью и смертью. Все это время Гаррисон был точно помешанный, он каждую минуту ждал, что вот сейчас тяжелая рука полицейского опустится ему на плечо и его будут судить за убийство. Этот случай и мольбы жены заставили его навсегда отказаться от бокса, и всю свою недюжинную силу он направил на ту единственную профессию, в которой был от нее толк. Суссекским фермерам и многочисленным проезжим постоянно требовались услуги кузнеца, так что Гаррисон быстро разбогател и, сидя по воскресеньям в

церкви с женой и племянником, выглядел человеком весьма почтенным.

Росту Гаррисон был небольшого, всего пяти футов и семи дюймов, и, будь у него руки хоть на дюйм длиннее, он ни в чем бы не уступил Джексону или Белчеру в их лучшую пору. Грудь у него была колесом, а таких могучих предплечий я в жизни не видал: набухшие мышцы походили на обточенные волнами камни, а между ними пролегали глубокие впадины. Несмотря на огромную силу, он был человек тихий, благонравный и добрый — всеобщий любимец в нашей округе. Его крупное, невозмутимое, выбритое лицо становилось в иных случаях очень суровым, но для меня, да и для всех детей у него всегда находилась приветливая улыбка и веселый взгляд. Все нищие, сколько их было в нашей округе, знали, что сердце его так же мягко, как тверды мышцы.

Больше всего на свете он любил рассказывать про свои былые схватки, но стоило невдалеке показаться его женушке, как он тут же замолкал, ибо одна тень постоянно омрачала ее жизнь: она боялась, что рано или поздно он забросит кувалду и рашпиль и снова вернется на ринг. Не забывайте, что в ту пору бокс не утратил еще доброй славы. Но постепенно общественное мнение стало относиться к нему враждебно, по той причине, что он перешел в руки мошенников и около ринга начали подвизаться всякие негодяи. Даже самый честный и храбрый боксер невольно оказывался средоточием всяческих подлостей и спекуляций, так же как это бывает с ни в чем не повинными благородными скаковыми лошадьми. Вот почему бокс доживает в Англии последние дни, и можно думать, что, когда Конту и Бендиго придет конец, заменить их будет некому. Но в дни, о которых я рассказываю, все было совсем иначе. Общественное мнение всячески поддерживало бокс, и на то были серьезные причины. Шла война; армия и флот Англии состояли сплошь из добровольцев, вояк по призванию, и им предстояло, как и в наши дни, противостоять государству, которое в силу царившего в нем деспотизма могло любого гражданина превратить в солдата. Если бы англичане не были одержимы страстью ко всякого рода поединкам, Англии бы не миновать поражения. И в ту пору полагали — и не без оснований,— что схватка двух бесстрашных бойцов

на глазах у тридцати тысяч зрителей, которую к тому же обсуждают еще три миллиона человек, помогает воспитывать в людях смелость и выносливость. Спорт этот, что и говорить, жестокий, и именно жестокость приведет его к гибели, но он не так жесток, как война, которая его переживет. Разумно ли поэтому воспитывать граждан в духе миролюбия сейчас, когда от их воинственности может зависеть само их существование,— это решать людям поумнее меня. Но так мы судили в дни, когда были еще живы ваши деды, и вот почему такие государственные мужи и филантропы, как Уиндем, Фокс и Олторп, всячески поддерживали ринг.

Покровительство столь достойных людей уже само по себе, казалось, было залогом того, что на ринге не будет места ни мошенничеству, ни грязи, которые в конце концов туда проникли.

Больше двадцати лет, в дни Джексона, Брейна, Крибба, Белчеров, Пирса, Галли и других, на ринге задавали тон люди, чья честность была вне подозрений, и именно в это двадцатилетие ринг, как я уже говорил, способствовал благу государства. Всем известно, что Пирс в Бристоле вынес из горящего дома девушку, что Джексон заслужил уважение и дружбу лучших умов тех дней, что Галли был избран в первый после реформы парламент. Вот каковы были тогда лучшие боксеры, да к тому же каждому было ясно, что пьянице или развратнику здесь не преуспеть. Разумеется, в семье не без урода — были и негодяи вроде Хикмена и грубые животные вроде Беркса; но в большинстве это были люди честные, храбрые, невероятно выносливые, и они делали честь стране, которая их взрастила. Как вы увидите дальше, мне довелось познакомиться с некоторыми из них довольно близко, и я знаю, что говорю.

Все наше селение очень гордилось, что среди нас живет такой человек, как Чемпион Гаррисон, и всякий, кто останавливался в гостинице, непременно шел к кузнице, чтобы взглянуть на него. И поглядеть было на что, особенно зимним вечером, когда они с Джимом размахивали молотами и при каждом ударе по раскаленному лемеху плуга разлетались во все стороны искры, окружая их сверкающим ореолом, а красное сияние горна бросало отсвет на могучие бицепсы дяди и на гордый ястребиный

профиль племянника. Чемпион Гаррисон с размаху ударял один раз тридцатифунтовой кувалдой, а Джим дважды ручным молотом, и стоило мне услышать «кланк, клинк-клинк, кланк, клинк-кликн!», как я тут же со всех ног бежал к кузнице в надежде, что раз оба они у наковальни, меня, быть может, допустят к кузнечным мехам.

За все годы, прожитые в Монаховом дубе, мне вспоминается лишь один случай, когда Чемпион Гаррисон на мгновение вдруг стал тем человеком, каким был прежде. Как-то летом, поутру, когда мы с Джимом стояли у дверей кузницы, на дороге со стороны Брайтона показалась карета, запряженная четырьмя свежими лошадьми; медь на сбруе празднично сияла, и мчалась карета с таким веселым звоном и громом, что Чемпион выскочил из кузницы, держа в руках еще зажатую клещами подкову. Господин в белой кучерской пелерине — знатный ринго-ман, как мы тогда называли аристократов — покровителей бокса,— правил коляской, а полдюжины его приятелей с хохотом и криками теснились у него за спиной. Быть может, он заметил рослого кузнеца и захотел подшутить над ним, а может, то была чистая случайность, но, когда карета мчалась мимо кузницы, двадцатифутовый кнут со свистом разрезал воздух и хлестнул по кожаному фартуку Гаррисона.

— Эй, сударь! — закричал кузнец вслед коляске.— Вам на козлах не место, вы еще с кнутом не научились управляться.

— Что такое? — воскликнул проезжий, осаживая лошадей.

— Советую вам поостеречься, господин хороший, не то не миновать кому-то окриветь на этой дороге.

— Ах, вот как? — сказал проезжий, вкладывая кнут в гнездо и стаскивая кучерские перчатки.— Сейчас я с тобой побеседую, любезный.

В ту пору знатные повесы были по большей части отличные боксеры, ибо тогда считалось модным пройти курс у Мендосы, как несколько лет спустя всякий светский человек почитал своим долгом потренироваться с Джексоном.

Удалые и заносчивые, они никогда не упускали возможности подраться, и почти всегда их случайные про-

тивинки — лодочники, матросы — оказывалнсь нещадио биты. И этот господнн, вндно, не сомневался в нсходе стычкн: ои жнво соскочнл с козел, сброснл пелериину на трепало и изящио подвернул кружевиые манжеты белой батнстовой рубашкн.

— Сейчас я тебе заплачу за совет, братец!

Господа, снлящие в карете, без сомиеиня, зналн, кем был снлач кузнец, н, видя, в какую переделку попал их приятель, предвкушалн отлнчное развлеченне. Оин громко хохотали и развеселыми голосамн подавалн ему всевозможиые советы.

— Посбейте с иего сажу, лорд Фредернк! — кричали онн.— Покажнте этому задире, где раки знмуют. Вываляйте в его собственной золе! Пожнвей, не то ои даст тягу.

Распалениый этимн крнкамн, молодой арнстократ с угрожающнм вндом направнлся к протнвннку. Кузнец словно врос в землю, губы его сурово сжалнсь, и иахмурилнсь кустнстые брови иад зоркими серыми глазами. Клещи он бросил, и рукн его свободио повисли по бокам.

— Поберегись, господии хороший,— сказал ои.— Не то как бы не было худа.

Голос его звучал так увереино, все в нем дышало таким спокойствнем, что молодой лорд насторожнлся. Он прнстальнее вгляделся в протнвннка, и вдруг раскрыл рот н опустнл рукн.

— Черт подери! — воскликиул он.—Да ведь это Джек Гаррнсон!

— Он самый, сударь.

— А я-то прнинял вас за какого-то грубняна. Да я ие вндел вас с того самого дия, когда вы чуть ие убнлн Черного Баруха. Прншлось мне тогда выложнть кругленькую сумму!

Ну и хохоталн же его приятелн!

— Попался! Попался, черт возьми! — вопнли оин.— Это Джек Гаррнсон, боксер! Лорд Фредернк хотел одолеть бывшего чемпиона. Стукнн его разок, Фред, н посмотрн, что будет.

Но тот, хохоча чуть лн не громче всех, уже снова взобрался иа козлы.

— На сей раз прощается, Гаррисон,— сказал он.— А это ваши сыновья?

— Это мой племянник, сударь.

— Вот ему гинея! Ему не придется жаловаться, что я лишил его дяди.

И так, посмеявшись над самим собой, он отвратил от себя насмешки приятелей, хлестнул лошадей, карета помчалась дальше, и через пять часов седоки уже были в Лондоне; Джек Гаррисон посмотрел вслед карете и, посвистывая, вернулся в кузницу кончать подкову.

ГЛАВА 2

ШАГИ В ЗАМКЕ

Ну, хватит о Чемпионе Гаррисоне. Теперь я хочу рассказать поподробнее о Джиме — не только потому,что он был другом моего детства и юности, но и потому, что, как вы увидите дальше, эта книга повествует не столько обо мне, сколько о нем, и еще потому, что впоследствии он прославился и его имя было у всех на устах. Так что потерпите, пока я буду рассказывать о том, каков он был в те далекие времена, и особенно об одном удивительном происшествии, которое оба мы, вероятно, никогда не забудем.

Странно было видеть Джима рядом с его дядей и теткой — казалось, он был существом другой породы. Я часто видел, как все семейство в воскресный день входило в церковь — широкоплечий, коренастый мужчина, за ним маленькая, усталая, с тревожным взглядом женщина и позади чудесный юноша — четко очерченный профиль, черные кудри, а походка такая пружинистая, легкая, словно он не испытывал на себе силы притяжения, как все прочие тяжело ступавшие по земле жители наших мест. Он еще не достиг тогда своих шести футов росту, но у всякого мужчины (а уж о женщинах и говорить нечего) при одном взгляде на его широко развернутые плечи, узкие бедра, на гордую, орлиную посадку головы делалось радостно на душе, как бывает при виде всего

прекрасного в природе,— когда кажется, что и ты тоже помогал сотворить это чудо красоты.

Но красоту мужчины мы привыкли связывать с изнеженностью. Не знаю, почему так повелось, и уж про Джима этого, во всяком случае, никак нельзя было сказать. Из всех, кого я знал, он был самый выносливый — и телом и душой. Кто из всех нас мог сравняться с ним в ходьбе, в беге, в плавании? Кто, кроме него, решился бы взобраться на стофутовый Уолстонский утес, а потом спуститься, не испугавшись самки сокола, которая вилась, хлопая крыльями, над самой его головой, тщетно пытаясь не подпустить его к своему гнезду? Ему едва исполнилось шестнадцать, и еще не все его кости окрепли и отвердели, а он уже одолел в бою цыгана Ли, который называл себя «Коноводом Южного Даунса». После этой драки Чемпион Гаррисон принялся сам обучать его боксу.

— Лучше бы ты не привыкал давать волю кулакам, Джим,— сказал он.— И тетка будет рада. Но уж если тебе без этого никак нельзя, я буду не я, если ты хоть перед кем отступишь в наших краях.

И он очень скоро сдержал свое обещание.

Я уже говорил, что книг Джим не любил, но это касалось только школьных учебников, ибо, когда ему попадался роман с приключениями, его, бывало, не оторвешь, пока он не дочитает все до конца. Стоило ему заполучить такую книгу — и Монахов дуб и кузница переставали существовать, и он вместе с героями плавал по морям и океанам или путешествовал по всему свету. Джим и меня заражал своей увлеченностью, так что, когда он провозгласил себя Робинзоном, а рощицу в Клейтоне — необитаемым островом, где нам предстоит провести неделю, я с радостью согласился стать Пятницей. Но когда оказалось, что нам и вправду надо ночью спать под деревьями без подушек и одеял и что пищей нам должны служить овцы (он называл их дикими козами), изжаренные на костре, а огонь мы будем добывать из двух палок, которые заменят нам трут и огниво, мужество мне изменило, и я в первую же ночь сбежал домой. Но Джим оставался на своем острове всю долгую и к тому же сырую неделю, и возвратился он куда больше похожий на дикаря и куда более грязный, чем его герой на картин-

ках в книжке. Хорошо, что он решил провести там всего неделю, ибо за месяц он бы умер от голода и холода, потому что вернуться домой ему бы не позволила гордость.

Гордость — вот что было главное в его натуре. На мой взгляд, гордость — это и достоинство и недостаток: достоинство — потому, что она удерживает человека от падения, от грязи, недостаток — потому, что, уж если человеку все-таки случилось упасть, она мешает ему подняться. Джим был гордец до мозга костей. Помните, молодой лорд, усевшись на козлы, бросил ему гинею? Два дня спустя кто-то подобрал ее в грязи на дороге. Джим лишь проводил ее взглядом, но не соизволил даже показать на нее нищему. И объяснять подобный поступок он ни за что не стал бы, а на все уговоры только презрительно скривил бы губы да сверкнул глазами. Джим и в школе вел себя так же, и столько в нем было чувства собственного достоинства, что и другим приходилось с этим считаться. Он вполне способен был заявить и заявил, что прямой угол — это не кривой угол или что Панама находится в Сицилии, но старик Джошуа Аллен и не подумал отделать его линейкой, как не подумал бы спустить подобную дерзость мне или кому-нибудь еще. Так что, хоть Джим был совсем никто, а я сын офицера его величества, я всегда считал, что он оказал мне большую честь, став моим другом.

Гордость Джима вовлекла нас однажды в историю, при воспоминании о которой у меня и сегодня волосы становятся дыбом.

Случилось это в тысяча семьсот девяносто девятом году в августе или в самом начале сентября; помню только, что мы слышали, как в Пэтчемской роще куковала кукушка и Джим сказал, что, наверно, она кукует последние денечки. Я тогда еще ходил в школу, а Джим уже нет: ему было в ту пору без малого шестнадцать, а мне — тринадцать. По субботам уроки у нас кончались рано, и на этот раз мы почти весь день провели на холмах. Мы отправились в наше любимое местечко, за Уолстонбери, там можно было растянуться во всю длину на мягкой, упругой, припорошенной мелом траве, среди пушистых овечек, и болтать с пастухами, которые опирались на свои диковинные посохи, выделанные еще в те дни, ко-

гда в Суссексе производили больше железа, чем во всех прочих графствах Англии, вместе взятых.

Там-то мы и лежали в тот чудесный день. Стоило нам повернуться на правый бок — и перед нами оказывалась вся Южная Англия: в оливково-зеленых изгибах и складках, то там, то сям прорезанных белыми расщелинами меловых карьеров; а если повернуться на левый бок,— далеко внизу расстилалась широкая синяя гладь Ла-Манша. Помню, в тот день по нему плыл караван судов — впереди, сбившись в кучу, несмело двигались «купцы»; по бокам, точно хорошо обученные овчарки,— фрегаты; а замыкали процессию два могучих гуртовщика, два линейных корабля. Мысли мои устремились к отцу, который тоже где-то сейчас плавал, но тут Джим вернул меня на землю, точно чайку с переломанным крылом.

— Родди,— окликнул он меня,— ты слыхал, что в замке водятся привидения?

Слыхал ли я! Еще бы! Да разве можно было сыскать во всей нашей округе хоть единого человека, который не слыхал бы про привидение в замке?

— И ты знаешь, что там случилось?

— А как же? — сказал я не без гордости.— Кому же и знать, как не мне, ведь брат моей матери, сэр Чарльз Треджеллис, был самый близкий друг лорда Эйвона и играл у него в карты в тот самый день, когда это случилось. Да еще совсем недавно, на прошлой неделе, я слыхал, как матушка говорила об этом со священником, и до того ясно все это представляю, будто своими глазами видел, как произошло убийство.

— Странная история,— задумчиво сказал Джим,— а когда я стал расспрашивать тетку, она не захотела мне отвечать, а дядя и вовсе слова не дал вымолвить.

— Ничего удивительного,— ответил я,— ведь, говорят, лорд Эйвон был лучший друг твоего дяди; конечно, ему неохота вспоминать про его позор.

— Расскажи мне, Родди.

— Это случилось давно, четырнадцать лет прошло, а никто до сих пор так ничего и не знает. Они приехали из Лондона вчетвером, хотели пожить несколько дней в старом замке лорда Эйвона. Его младший брат, капитан Баррингтон, и его родич сэр Лотиан Хьюм; третьим был

мой дядя, сэр Чарльз Треджелланс, а четвертым — сам лорд Эйвон. Все эти господа больше всего любят играть в карты на деньги, и они играли два дня кряду и одну ночь. Лорд Эйвон был в проигрыше, и сэр Лотиан, и мой дядя, а капитан Баррингтон все выигрывал и выигрывал, пока у них ничего больше не осталось. Он выиграл у них все деньги, но, самое главное, он выиграл у старшего брата какие-то бумаги, которыми тот очень дорожил. Игру кончили в понедельник поздней ночью. А во вторник утром капитана Баррингтона нашли на полу у его постели с перерезанным горлом.

— И убил его лорд Эйвон?

— На каминной решетке нашли наполовину сожженные бумаги лорда Эйвона. Убитый зажал в руке манжету лорда Эйвона, возле тела валялся нож лорда Эйвона.

— Значит, его повесили?

— Не успели. Он дождался, пока его уличили, и сбежал. С той поры его никто не встречал, но, говорят, он добрался до Америки.

— А привидение бродит по дому?

— Его многие видели.

— А почему дом до сих пор пустует?

— Потому что он под охраной закона. У лорда Эйвона не было детей, а сэр Лотиан Хьюм — это который играл тогда с ними в карты — его племянник и наследник. Но он не имеет права ничем распоряжаться, пока не докажет, что лорд Эйвон умер.

Джим молча пощипывал пальцами невысокую траву.

— Родди,— сказал он наконец,— пойдешь со мной нынче ночью смотреть привидение?

При одной мысли об этом меня бросило в дрожь.

— Меня матушка не пустит.

— А ты сбеги из дому потихоньку, как она ляжет спать. Я буду ждать у кузницы.

— В замке все двери заперты.

— А я открою окно, это нетрудно.

— Я боюсь, Джим.

— Но ведь мы пойдем вместе, чего ж бояться, Родди. Ты на меня положись, и никакие привидения тебя не тронут.

И я дал ему слово, что приду, но в этот день во всем Суссексе не было мальчишки несчастнее меня.

Джиму все нипочем! А все его гордость, это она влечет его в замок. Он должен пойти хотя бы потому, что ни один человек в нашей округе на это не решится. Но у меня-то такой гордости нет. Я такой же, как все, и для меня провести ночь в замке с привидениями все равно, что провести ее у виселицы Джейкоба на пустыре Дичлинга. Но не мог же я обмануть Джима, и я слонялся по дому, такой бледный и несчастный, что моя дорогая матушка решила, будто я наелся зеленых яблок и потому мне надо лечь пораньше, а вместо ужина выпить настой ромашки.

В те времена Англия укладывалась спать рано, ибо лишь очень немногие могли себе позволить роскошь покупать свечи. Когда пробило десять, я выглянул из окна — селение погружено было во тьму, только в гостинице еще горел огонь. Наши окна были совсем невысоко над землей, так что я выбрался из дому без труда. Джим уже ждал меня у кузницы. Мы вместе пересекли луг, миновали ферму Ридденa и встретили по пути только двух или трех верховых. Дул свежий ветер, луна то пряталась, то проглядывала между облаками, дорога то серебрилась, то погружалась в непроглядную тьму, и мы забредали в заросли ежевики или вереска, росшего по обочинам. Наконец мы подошли к деревянным воротам с высокими каменными столбами и, поглядев сквозь решетку, увидели длинную дубовую аллею, а в глубине этого мрачного туннеля бледный лик дома, тускло светящийся под луной.

С меня было вполне достаточно одного вида этого дома и вздохов и стонов ночного ветра в ветвях. Но Джим распахнул калитку, и мы двинулись по аллее, а гравий поскрипывал у нас под ногами. Старый дом вздымался высоко в небо, на стеклах множества окошек мерцали лунные блики, три его стены омывал ручей. Вскоре мы приблизились к высокой двери под аркой, сбоку от нее висела на петлях решетка.

— Нам повезло, Родди,— прошептал Джим.— Одно окно открыто.

— А может, хватит, а, Джим? — сказал я, стуча зубами от страха.

— Я тебя подсажу.

— Нет-нет, я не хочу первый.

— Тогда я сам полезу.

Он ухватился за подоконник, и вот его колено уже на окне.

— Ну, Родди, давай руки.

Рывком он подтянул меня вверх, и в следующее мгновение мы оба были в доме с привидениями.

Деревянный пол гулко охнул, когда мы спрыгнули с подоконника, казалось, внизу глухими раскатами отдавалось эхо. Мы застыли на месте, но тут Джим расхохотался.

— Ну совсем как старый барабан! — воскликнул он.— Сейчас засветим огонь, Родди, и поглядим, что тут есть.

У него в кармане оказались свеча и трутница. Пламя разгорелось, и мы увидели каменный свод и широкие сосновые полки, уставленные запыленной посудой. Мы попали в буфетную.

— Сейчас я покажу тебе дом,— весело сказал Джим и, распахнув дверь, первым вступил в зал. Помню высокие, с дубовыми панелями стены, украшенные оленьими головами, и в углу — белый мраморный бюст, при виде которого у меня сердце ушло в пятки. Отсюда можно было попасть во многие комнаты, и мы переходили из одной в другую — кухня, посудная, малая гостиная, столовая,— и всюду так же удушливо пахло пылью и плесенью.

— Тут они играли в карты, Джим,— вполголоса сказал я.— Вот за этим самым столом.

— Смотри-ка, и карты еще лежат! — воскликнул Джим и снял со столика побуревшее полотенце. Под ним и в самом деле оказались игральные карты, колод сорок, не меньше,— они лежали на этом месте с той самой трагической ночи, когда здесь играли в последний раз — еще до того, как я родился.

— Интересно, куда ведет эта лестница? — сказал Джим.

— Не ходи туда! — закричал я и схватил его за руку.— Она, наверно, ведет в комнату, где его убили.

— Откуда ты знаешь?

— Священник говорил, что на потолке они увидели... Ой, Джим, и сейчас видно!

Он поднял свечу — прямо над нами на белой штукатурке темнело большое пятно.

— Кажется, ты прав,— сказал Джим,— но я все равно пойду погляжу.

— Не надо, Джим, не надо! — взмолился я.

— Замолчи, Родди! Если боишься, можешь не ходить. Я мигом вернусь. Что толку искать встречи с привидениями, если... Боже милостивый, кто-то спускается по лестнице!

Я тоже услышал шаркающие шаги в комнате наверху, потом под чьими-то ногами скрипнула ступенька — раз, другой, третий... Лицо Джима было словно выточено из слоновой кости — рот полуоткрыт, глаза устремлены на черный проем двери, за которым начиналась лестница. Он все еще держал свечу в высоко поднятой руке, но пальцы его вздрагивали, и тени прыгали со стен на потолок. У меня просто подкосились ноги — я опустился на пол и скорчился позади Джима, и крик ужаса замер у меня в горле. А шаги приближались.

Потом, едва осмеливаясь смотреть и, однако, не в силах отвести глаз, я различил в углу, где начиналась лестница, смутные очертания человеческой фигуры. Стало так тихо, что я слышал, как бьется мое перепуганное сердце, а когда снова поднял глаза, фигура исчезла, и только вновь глухо поскрипывали ступени. Джим кинулся вдогонку, а я почти без чувств остался в комнате, освещенной теперь лишь луной.

Но так продолжалось недолго. Джим вернулся, взял меня под руку и потащил прочь из дома. Он заговорил, лишь когда мы очутились в прохладном ночном саду.

— Можешь стоять на ногах, Родди?

— Могу, только меня трясет.

— Меня тоже,— сказал он, проводя рукой по лбу.— Прости меня, Родди. Напрасно я впутал тебя в такую историю. Но я думал, это все одни разговоры. Теперь-то и я вижу, что нет.

— Джим, а вдруг это был человек? — спросил я; на свежем воздухе, услыхав лай собак на окрестных фермах, я немножко пришел в себя.

— Это был дух, Родди.

— Откуда ты зиаешь?

— Я шел за иим по пятам — и он ушел в стену, точно угорь в песок. Родди, ты что, что с тобой?

Все мои страхи сиова вернулись, н меия опять стала бить дрожь.

— Уведи меня отсюда, Джим! Уведи меия! — закричал я. А сам не мог отвести глаз от дубовой аллен. Джим посмотрел туда же. В темиоте кто-то шел под дубами прямо к иам.

— Тише, Родди! — прошептал Джим.— Кляиусь богом, будь что будет, ио теперь уж я его поймаю.

Мы замерли, иеподвижиые, точио стволы деревьев позади иас. Кто-то тяжело ступал по песку, и из тьмы на нас иадвинулась кореиастая фигура.

Джим риинулся иа иее, как тигр.

— Уж ты-то, во всяком случае, ие дух! — воскликнул ои.

Человек удивлеиио вскрикиул, потом яростио взревел.

— Что за черт! Пустн, ие то я свериу тебе шею.

Сама по себе эта угроза не подействовала бы иа Джима, если бы ие зиакомый голос.

— Дядя! — воскликнул он.

— Да это же Джим, черт меия подери! А еще кто? Провалиться мие иа этом месте, да это же Родии Стоун! Какая иелегкая заиесла вас сюда в такой час?

Мы вышли иа освещеиное луиой место — перед иами стоял Чемпиои Гаррисон собствеиной персоной, иа плече большой узел, а лицо такое удивлеииое, что, ие будь я до смерти иапугаи, я бы иепремеиио улыбнулся.

— Мы исследуем, что тут скрывается,— ответил Джим.

— Исследуете, вои что? Да, капитана Кука из вас не выйдет, ни из одного, нн из другого, уж больио вы оба позелеиели. Что с тобой, Джим, чего ты испугался?

— Я ие испугался, дядя. Я ничего не боюсь, просто мне раиьше ие приходилось встречаться с духамн, и...

— С духами?

— Я был в доме, и мы видели привидеиие.

Чемпиои присвистиул.

— Так вот что вам тут поиадобнлось! — сказал он.— Ну как, перемолвились вы с иим словечком?

— Оно исчезло.

Чемпион снова присвистнул.

— Слыхал я, что здесь водится какая-то нечисть,— сказал он,— но мой вам совет: держитесь от всего этого подальше. С людьми и на этом свете хлопот не оберешься, Джим, и нечего из кожи вон лезть, чтобы повстречаться еще и с выходцами с того света. Ну, а на Родни Стоуне совсем лица нет. Если б матушка увидела его сейчас, она бы уж больше никогда не пустила его в кузню. Идите потихоньку, я вас догоню и провожу домой.

Мы прошли с полмили, когда Гаррисон нагнал нас, я заметил, что узла у него на плече уже не было.

Когда мы подошли почти к самой кузнице, Джим задал вопрос, который все время вертелся у меня на языке.

— А вы-то зачем ходили в замок, дядя?

— С годами у человека появляются обязанности, о которых несмышленыши вроде вас и понятия не имеют,— сказал он.— Когда вам будет под сорок, вы, может, и сами это поймете.

Больше нам ничего не удалось из него вытянуть; но хоть я был в ту пору еще совсем мальчишка, я слыхал разговоры про контрабандистов и про тюки, которые они ночью прячут в укромных местечках, так что с той ночи стоило мне узнать, что береговая охрана поймала очередную жертву, я не успокаивался, пока не видел в дверях кузницы веселую физиономию Чемпиона Гаррисона.

ГЛАВА 3

АКТЕРКА ИЗ ЭНСТИ-КРОССА

Я рассказал вам кое-что про Монахов дуб и про то, как мы там жили. Теперь, когда память возвратила меня в старые места, я с радостью задержусь там, ибо каждая нить из клубка прошлого тянет за собою другие нити. Когда я взялся за перо, меня одолевали сомнения, я не знал, достанет ли мне событий на целую книгу, но теперь вижу, что вполне мог бы написать

книгу об одном только Монаховом дубе и о людях моего детства. Кое-кто из них был, без сомнения, суров и неотесан, но сквозь золотистую дымку времени все они кажутся мне милыми и славными. Вот наш добрый священник, мистер Джефферсон, он любил весь мир, кроме одного только мистера Слэка, баптистского проповедника в Клейтоне; или добросердечный мистер Слэк,— для него все люди были братья, кроме мистера Джефферсона, священника из Монахова дуба. А вот мосье Рюдэн, французский роялист, эмигрант, живший на Пэнгдинской дороге. Когда он узнал о поражении Буонапарте, с ним сделались судороги от счастья, а потом его сотрясла ярость,— потому что это ведь было и поражение Франции; так что после битвы на Ниле он рыдал от восторга, а на другой день — от бешенства, то хлопая в ладоши, то топая ногами. Помню, какой он был худой, и как прямо держался, и как изящно помахивал тросточкой; его не могли сломить ни холод, ни голод, хотя и того и другого на его долю приходилось в избытке. Он был горд и обращался с людьми с такою важностью, что никто не осмеливался предложить ему еду или одежду. Помню, какие красные пятна выступили на его худых скулах, когда мясник преподнес ему говяжьи ребра. Он не мог от них отказаться, но, выходя из лавки с высоко поднятой головой, он через плечо метнул в мясника гордый взгляд и сказал:

— У меня есть собака, сударь!

Однако всю следующую неделю сытый вид был у самого мосье Рюдэна, а не у его собаки.

Помню еще фермера Пейтерсона, теперь бы его назвали радикалом, а в ту пору как только его не обзывали — и прихвостнем Пристли [1] и прихвостнем Фокса [2], а чаще всего изменником. Тогда мне и в самом деле казалось, что только очень дурной человек может хмуриться, услыхав о победе англичан; и мы с Джимом не стояли в стороне, когда у ворот фермы Пейтерсона сжи-

---

[1] Пристли, Джозеф (1733—1804) — английский священник, отстаивавший веротерпимость.

[2] Фокс, Чарльз (1749—1806) — английский государственный деятель, сторонник мира с Францией.

гали соломенное чучело, изображавшее его самого. Но нам пришлось признаться, что он, может, и изменник, а все равно смельчак — как всегда, в коричневом сюртуке и в башмаках с пряжками, он большими шагами вышел из дому, прямо к нам, и отблески пламени плясали на его суровом лице школьного учителя. Ох, и задал же он нам головомойку, и как же мы были счастливы, когда наконец удалось потихоньку ускользнуть оттуда.

— Вы напичканы ложью! — сказал он.— Вы и вам подобные уже чуть не две тысячи лет проповедуете мир и только и делаете, что уничтожаете друг друга. Если бы все деньги, которые пошли на уничтожение французов, были потрачены на спасение англичан, вот тогда в самом деле стоило бы зажечь в окнах благодарственные свечи. Кто вы такие, как вы смели ворваться сюда и оскорбить человека, послушного закону?

— Мы народ Англии! — выкрикнул юный Овингтон, сын сквайра Торн.

— Это вы-то?! Да вы только и знаете, что скачки да петушиные бои, а что такое справедливость, об этом вы понятия не имеете! И вы осмеливаетесь говорить от имени народа Англии? Народ — это глубокий, могучий, безмолвный поток, а вы пена, пузыри, жалкая, бесполезная пена, которая плавает на поверхности.

Тогда он казался нам очень скверным человеком, но сейчас, оглядываясь назад, я склонен думать, что и мы, пожалуй, были не лучше.

А еще у нас были контрабандисты! Даунс кишел ими; ведь законная торговля между Францией и Англией была запрещена, и все шло теперь по этому каналу. Однажды вечером я лежал в темноте на общественном выгоне среди орляка, и мимо меня бесшумно, точно форель в ручье, проскользнуло мулов семьдесят, и каждого вел человек. Каждый контрабандист к тому же нес по крайней мере два бочонка настоящего французского коньяка, либо тюк лионского шелку, либо валансьенских кружев. Я знавал Дэна Скейла, вожака контрабандистов, и Тома Хислопа, офицера береговой охраны, и помню, как однажды вечером они встретились.

— Будешь драться, Дэн? — спросил Том.

— Да, Том, так просто не сдамся.

И тогда Том вынул пистолет и выстрелил Дэну в голову.

— Не хотелось мне его убивать,— рассказывал он потом,— но я знал: мне с ним не справиться, нам ведь уже приходилось встречаться.

И Том сам заплатил какому-то стихотворцу из Брайтона, чтобы тот сочинил эпитафию, и стихи эти всем нам казались очень искренними и хорошими. Они начинались так:

Увы! Не медлит пуля роковая,
Летит, чело младое пробивая,—
И пал он, вздох последний испустил,
Навеки очи томные смежил...

Там были и другие строчки, наверно, эпитафию еще и сегодня можно отыскать на Пэтчемском кладбище.

Однажды, вскоре после нашего похода в замок, я сидел дома, разглядывал всякие диковинки, которые отец развесил по стенам, и, как все ленивые мальчишки, от души жалел, что мистер Лилли не умер до того, как написал латинскую грамматику; матушка вязала что-то, сидя у окна, и вдруг удивленно вскрикнула:

— Боже милостивый! Какая вульгарная особа!

Матушка так редко говорила о ком-нибудь плохо (кроме генерала Буонапарте), что я вскочил и кинулся к окну. По улице медленно двигалась коляска, запряженная малорослой лошадкой, и в ней сидела чудная-пречудная дама. Сама толстая, поперек себя шире, а лицо такое красное, что багровые щеки и нос даже отсвечивали лиловым. На голове большущая шляпа с изогнутым белым страусовым пером, а из-под полей глядят дерзкие черные глаза. Глядят так гневно, с вызовом, точно она говорит каждому встречному: можете думать обо мне, что хотите, но уж я-то вас ни в грош не ставлю. На плечи у нее было накинуто что-то вроде пунцовой мантильи, отделанной у шеи белым лебяжьим пухом, вожжи совсем провисли, а лошадь шла то по одной стороне дороги, то по другой — как вздумается. Коляска покачивалась, и голова в большущей шляпе тоже покачивалась в такт, и нам видно было то донце, то поля.

— Какой ужас! — воскликнула матушка.

— А что с ней?

— Да простит меня бог, если я ошибаюсь, но, по-моему, она пьяна, Родди.

— Смотрите-ка,— закричал я,— она остановилась у кузницы! Сейчас я все узнаю.— И, схватив шапку, я стремглав кинулся вон из дому.

В дверях кузницы Чемпион Гаррисон подковывал лошадь, и когда я выскочил на улицу, он стоял на коленях, копыто было зажато у него под мышкой, а в руке он держал рашпиль. Женщина в коляске манила его пальцем, он уставился на нее, и лицо у него было какое-то странное. Наконец он бросил рашпиль, подошел к ней, остановился у колеса и, покачивая головой, стал что-то ей говорить. А я проскользнул в кузницу, где Джим доделывал подкову, и стал смотреть, как он споро работает, как ловко загибает заклепки. Он все сделал, вынес подкову, а чудная женщина все разговаривала с его дядей.

— Это он? — донесся до меня ее вопрос.

Чемпион Гаррисон кивнул.

Она подняла на Джима глаза — в жизни я не видал у человека таких больших, таких черных удивительных глаз. И хоть я был совсем мальчишка, я понял, что это обрюзгшее лицо было когда-то очень красивым. Она протянула руку (пальцы у нее шевелились, словно она играла на клавикордах) и тронула Джима за плечо.

— Надеюсь... надеюсь, ты здоров,— запинаясь, произнесла она.

— Совершенно здоров, сударыня,— ответил Джим, переводя взгляд с нее на дядю.

— И ты всем доволен?

— Да, сударыня, благодарю вас.

— И нет ничего такого, чего бы тебе очень хотелось?

— Да нет, сударыня, у меня все есть.

— Ну, иди, Джим,— строго сказал дядя.— Раздуй горн, эту подкову надо перековать.

Но женщина, видно, хотела еще поговорить с Джимом и рассердилась, что его отослали. Глаза ее сверкнули, она вскинула голову, а кузнец, казалось, пытал-

ся ее успокоить. Они долго шепотом переговаривались, и под конец она как будто утихомирилась.

— Так, значнт, завтра? — громко спросила она.

— Завтра,— ответил он.

— Вы сдержите свое слово, а я сдержу свое,— сказала она и тронула кнутом лошадку.

И пока она не превратилась в красную точку далеко на белой дороге, кузнец все стоял с рашпилем в руках н смотрел ей вслед. Потом он обернулся, а лицо у него было печальное-печальное, никогда еще я его таким не видел.

— Джим,— сказал он,— это мисс Хинтон, она будет жить в «Кленах», возле Энсти-Кросса. Ты ей понравился, Джим, может, она тебе кой в чем поможет. Я ей пообещал, что завтра ты к ней сходишь.

— Не нужна мне ее помощь, дядя, и неохота мне ее видеть.

— Но ведь я пообещал, Джим! Ты не захочешь, чтоб я перед ней оказался вралем. Ей бы только поговорить с тобой — ведь она совсем одна живет, скучно ей.

— Да о чем ей со мной говорить?

— Ну, кто ее знает, а ей, видать, очень хочется, ведь женщнне чего только не взбредет на ум. Вот уж Родни Стоун, верно, не отказался бы навестить добрую леди, ежели б думал, что станет от этого богаче.

— Ладно, дядя, если Родди пойдет со мной, я, пожалуй, схожу,— сказал Джим.

— Конечно, пойдет! Пойдете, Родни?

Одним словом, я согласился и понес все эти новости домой, моей матушке,— она была охотница до всяких безобидных сплетен. Услыхав, куда я собираюсь идти, она покачала головой, но запрещать не стала, так что все уладилось.

До Энсти-Кросса было добрых четыре мили, но домик оказался премилый: уютный, весь в жимолости и диком винограде, крыльцо деревянное, на окнах частый переплет. Дверь нам отворила какая-то женщина, по виду служанка.

— Мисс Хинтон не может вас принять,— заявила она.

— Она сама нас позвала,— возразил Джим.

— А я-то тут при чем? — грубо ответила женщина.— Говорю вам, не может она вас принять.

Мы постояли в нерешительности.

— Вы ей все-таки скажите, что я здесь,— вымолвил наконец Джим.

— Скажите! Да как я ей скажу, когда ее и пушками теперь не разбудишь? Поднте сами попробуйте, коли охота.

Она распахнула дверь, и в глубине комнаты, в большом кресле, мы увидели бесформенную фигуру и свесившиеся черные космы. И в уши нам ударил ужасающий храп, точно хрюкало стадо свиней. Мы только взглянули на нее и тут же выскочили за дверь и кинулись домой. Что до меня, я был еще совсем мальчишка и не понимал, смешно это или страшно; но Джим очень побледнел и расстроился.

— Никому ни слова, Родди,— сказал он.

— Только матушке.

— А я не хочу даже дяде говорить. Скажу, что она захворала, бедняжка. Довольно и того, что мы видели ее позор, не хватает еще, чтобы вся округа стала про нее сплетничать. Как подумаю, тошно становится и сердце щемит.

— Она и вчера была такая, Джим.

— Разве? А я и не заметил. Знаю только, что глаза у нее добрые и сердце тоже, я это сразу увидал, когда она на меня поглядела. Может, она дошла до такого потому, что у ней нет друга.

Несколько дней он ходил как в воду опущенный. А я скоро совсем бы все это забыл, если бы не его несчастное лицо. Но это была не последняя наша встреча с женщиной в пунцовой мантилье; не прошло и недели, как Джим снова попросил меня пойти с ним в Энсти-Кросс.

— Она прислала дяде письмо,— сказал он.— Она хочет со мной поговорить, а мне легче, если ты тоже там будешь, Родди.

Я только обрадовался прогулке, но когда мы стали подходить к ее дому, Джим забеспокоился — боялся, как бы опять не вышло чего худого. Но страхи его скоро прошли, потому что, едва мы стукнули калиткой, она тут же выскочила из домика и побежала нам навстречу.

Внд у нее был такой чудной — иа плечах какая-то фиолетовая иакидка, а лицо большое, красиое и улыбается; будь я одии, я б, иаверио, пустился иаутек. Джнм н тот приостаиовился, словио ие зиал, как быть, ио оиа встретнла нас так сердечио, что мы скоро совсем освоились.

— Вы молодцы, что иавестили старую одииокую жеищииу,— сказала оиа,— и мие иадо перед вами извиннться, что во вторник вы зря потратили время, но отчасти вы сами тому виной: я подумала, что вы придете, и разволиовалась, а стоит мие разволиоваться, н у меня иачинается нервиая лихорадка. Бедиые мои нервы! Вот смотрите, какие оии у меия!

Оиа протянула вперед руки, пальцы все время подергивались. Потом взяла Джима под руку и пошла с ннм по дорожке.

— Я хочу тебя узнать, узиать хорошеиько,— сказала она.— С твоими дядей и тетей мы старые знакомые, и, хотя ты меия, конечио, ие помиишь, я ие раз держала тебя на руках, когда ты был еще младеицем. Скажн мне, дружок,— обериулась она ко мие,— как ты называешь своего приятеля?

— Малыш Джим, сударыня,— ответил я.

— Тогда я тоже буду звать тебя Малыш Джим, если ты не против. У иас, у людей пожилых, есть свои преимущества. А теперь пойдемте в комиаты н будем все вместе пнть чай.

Оиа ввела иас в уютиую комиатку, ту самую, куда мы загляиули в прошлый раз, и там посредине стоял стол, накрытый белой скатертью, и на ием сверкало стекло, мерцал фарфор, иа блюде громоздились краснощекне яблоки, а хмурая служанка только что виесла полиую тарелку горячих сдобиых булочек. Вы и сами поинмаете, что мы отдали даиь всему угощению, а мисс Хннтон то и дело подлнвала иам чаю и подкладывала на тарелки то того, то другого. Дважды она вставала из-за стола и шла к буфету в дальнем углу комиаты, и оба раза Джим мрачиел, ибо мы слышали, как стекло тихонько позвякивало о стекло.

— Послушай, дружок,— обратилась оиа ко мне, когда мы допили чай.— Отчего это ты все озираешься?

— Очень у вас красивые картины развешаны по стенам.

— А какая тебе нравится больше всех?

— Вот эта! — Я показал на картину, висевшую прямо передо мной. На ней была изображена высокая стройная девушка; щечки у нее были такие румяные, глаза такие нежные, и так она красиво была одета, что я в жизни не видел ничего прекраснее. В руке она держала букет цветов, а другой букет лежал у ее ног на деревянных мостках.

— Значит, эта лучше всех, да? — смеясь, переспросила она.— Что ж, подойди поближе и прочти вслух, что под ней написано.

Я подошел и прочитал:

— «Мисс Полли Хинтон в роли Пегги в день своего бенефиса в театре Хеймаркет, 14 сентября, 1782 г.».

— Так это актерка,— сказал я.

— Ах ты, негодник! Ты это сказал так, будто актерка хуже других людей. А ведь совсем недавно герцог Кларенс, который в один прекрасный день может стать английским королем, женился на миссис Джордан, на актерке. А кто, по-вашему, изображен на этом портрете?

Она стояла прямо под картиной, скрестив руки на груди, и переводила взгляд своих огромных черных глаз с меня на Джима.

— Да где ваши глаза? — воскликнула она наконец.— Это я и есть мисс Полли Хинтон из театра Хеймаркет. Неужто вы никогда не слышали этого имени?

Пришлось нам признаться, что не слышали. Мы ведь выросли в провинции, и одного слова «актерка» было достаточно, чтобы привести нас в ужас. Для нас это было особое племя — о нем не принято говорить вслух, и над ним, точно грозовая туча, навис гнев небес. И сейчас, видя, какой была и какой стала эта женщина, мы воочию убедились, как господь карает неугодных ему.

— Ладно,— сказала она, обиженно засмеявшись.— Можете ничего не говорить, и так вижу по вашим лицам, что вас учили обо мне думать. Так вот какое воспитание ты получил, Джим,— тебя учили считать дурным то, чего ты не понимаешь! Хотела бы я, чтобы в тот вечер

ты был в театре; в ложах сидели принц Флоризель и четыре герцога — его братья, а все остроумцы и франты, весь партер стоя аплодировал мне. Если бы лорд Эйвон не посадил меня в свою карету, мне бы нипочем не довезти все цветы до моей квартиры на Йорк-стрит в Вестминстере. А теперь двое неотесанных мальчишек смотрят на меня свысока!

Кровь бросилась Джиму в лицо, он был уязвлен: его назвали неотесанным мальчишкой, намекнули, будто ему далеко до лондонской знати.

— Я ни разу не был в театре,— сказал он,— и ничего про них не знаю.

— И я тоже.

— Ладно,— сказала она,— я сегодня не в голосе, и вообще глупо играть в маленькой комнате да всего перед двумя зрителями, но все равно: представьте, что я перуанская королева и призываю своих соотечественников подняться против испанцев, которые их угнетают.

И тут, прямо у нас на глазах, эта неряшливая, распухшая женщина превратилась в королеву — самую величественную, самую надменную королеву на свете; она заговорила пылко и горячо, глаза ее метали молнии, и она так взмахивала белой рукой, что мы сидели как зачарованные. Поначалу голос ее звучал мягко и нежно, она словно убеждала нас в чем-то, потом она заговорила о несправедливостях и свободе, о радости умереть за благородное дело, и он зазвенел громче, громче и наконец проник в самое мое сердце, и я уже хотел лишь одного — бежать отсюда, чтобы сейчас же умереть за отечество. И вдруг в одно мгновение все переменилось. Перед нами была несчастная женщина, которая потеряла свое единственное дитя и теперь оплакивает его. В голосе ее слышались слезы, она говорила так искренне, так безыскусственно, что нам обоим казалось, будто мы видим тут, на ковре, перед собой мертвого ребенка, и сердца наши исполнились жалости и печали. Но не успели у нас на глазах высохнуть слезы, как она уже снова стала сама собой.

— Ну что, нравится? — спросила она.— Вот как я играла тогда, и Салли Сиддонс зеленела от злости

при одном имени Полли Хиитон. «Пизарро» — хорошая пьеса.

— А кто ее написал, сударыня?

— Кто написал? Понятия не имею. Не все ли равно! Но для хорошей актрисы в этой пьесе есть великолепные строки.

— И вы больше не выступаете, сударыня?

— Нет, Джим, я бросила сцену, когда... когда она мне надоела. Но временами меня снова тянет на подмостки. Что может быть прекраснее запаха горящего масла в светильниках рампы и запаха апельсинов, доносящегося из партера! Но ты что-то совсем загрустил, Джим.

— Просто я все думаю про эту несчастную женщину и ее дитя.

— Полно, не надо! Сейчас я помогу тебе выкинуть ее из головы. Вот озорница Присцилла из «Егозы». Представьте себе, что мать выговаривает дерзкой девчонке, а эта маленькая нахалка ей отвечает.

И она начала играть за обеих, столь точно изображая голос и повадки одной и другой, что нам казалось, будто перед нами в самом деле они обе; строгая старуха мать, которая приставляет к уху ладонь, точно слуховую трубку, и ее непоседа дочь. Несмотря на толщину, мисс Хинтон двигалась поразительно легко, и, дерзко отвечая старой, согнутой в три погибели матери, совсем по-девичьи вскидывала голову и надувала губы. Мы с Джимом забыли про наши печали и покатывались со смеху.

— Вот так-то лучше,— сказала она, с улыбкой глядя на нас.— Мне не хотелось, чтобы вы пришли домой унылые, а не то вас, пожалуй, в другой раз ко мне и не пустят.

Она сунулась в буфет, достала оттуда бутылку, стакан и поставила их на стол.

— Вы еще слишком молоды, чтобы пить молочко бешеной коровки,— сказала она,— но от этих представлений пересыхает в горле, так что...

И тут произошло нечто поразительное. Джим встал со стула и прикрыл бутылку рукой.

— Не надо! — сказал он.

Она взглянула ему прямо в лнцо, и я ннкогда не забуду, как под его взглядом смягчнлся взгляд ее черных глаз.

— Нн капелькн?

— Пожалуйста, не надо.

Оиа быстро выхватнла у него бутылку н подияла так высоко, что на мгновеиие я подумал, будто она хочет выпить ее залпом. Но она швырнула бутылку в растворенное окно, и мы слышали, как оиа упала на дорожку н разлетелась вдребезгн.

— Ну вот! — сказала она.— Ты доволен, Джим? Давно уже никому не было дела, пью я нли нет.

— Вы для этого слншком хорошая, слншком добрая,— сказал он.

— Хорошая! — воскликнула она.— Что ж, мне нравится, что ты так обо мне думаешь. И ты будешь рад, если я постараюсь не пить? Да, Джнм? Что ж, раз так, я дам тебе обещание, еслн ты мне тоже кое-что пообещаешь.

— Что, сударыня?

— Покляннсь, что будешь прнходнть ко мне два раза в иеделю в дождь н вёдро, сиег и в ветер, чтобы я могла видеть тебя и разговарнвать с тобой,— н я не возьму в рот ии каплн. Ведь мие временамн н в самом деле бывает очень одннoко.

Джим пообещал — н свято держал слово: не раз я, бывало, звал его удить рыбу илн ставить силки на кроликов, но он вдруг вспомииал, что сегодня должен быть у мнсс Хнитои, н отправлялся в Энсти-Кросс. Поначалу ей, видио, трудио было удержаться, н Джнм часто возвращался от нее чернее тучи,— наверно, все шло не совсем так, как ему хотелось. Но со временем бой был выигран, как вынгрывают все бон, когда воюешь достаточно упорио, н уже за год до возвращеиня моего отца мнсс Хнитон сделалась другнм человеком. И не только ее привычкн нзменились, она н внешне стала совсем другая: нз иелепой особы, которую я опнсал виачале, она за этот год превратнлась в самую красивую женщнну во всей иашей округе. Джнм гордился этим делом рук своих больше всего на свете, но делнлся своей радостью только со мной, ибо нспытывал к мнсс Хиитон нежность, какую всегда нспытываешь к челове-

ку, которому помог. И она, в свою очередь, тоже помогла ему: она рассказывала ему о разных местах, обо всем, что повидала на своем веку, и тем самым отвлекла его мысли от Суссекса, подготовила его к жизни в том широком мире, который расстилался за пределами нашего селения. Так обстояли дела к тому времени, когда был заключен мир и отец мой вернулся домой.

ГЛАВА 4

АМЬЕНСКИЙ МИР

Сколько женщин вознесли хвалу небесам, сколько женских сердец преисполнились счастья и благодарности, когда осенью 1801 года стало известно, что переговоры о мире закончены! Англия изливала свою радость в пляшущих на ветру флагах, в мерцающих в ночи огнях. Даже в Монаховом дубе мы вывесили флаги и в каждом окне выставили свечу, а над дверью гостиницы пылали на ветру две огромные буквы «G. R.» [1]. Люди устали от войны — ведь мы воевали уже восемь лет, то с Голландией, то с Испанией, то с Францией, то со всеми вместе. И за все эти годы мы узнали только одно: что наша небольшая сухопутная армия не может справиться с французами на суше, зато французам вовек не справиться с нашим большим флотом на море. Мы вновь обрели кое-какое уважение к себе, а это было особенно важно после того, что произошло в Америке; и у нас прибавилось колоний, которые по той же причине оказались нам очень кстати; но наш государственный долг продолжал расти, а консоли — падать, и в конце концов даже Питт ужаснулся. Однако, знай мы тогда, что между Наполеоном и нами мира не бывать и что это лишь конец одного раунда, а вовсе не всего матча, было бы куда разумнее не делать этого перерыва, а сражаться до конца. Теперь же Франция получила назад двадцать тысяч своих отборных моряков, и они задали нам жару этим своим Булонским лагерем и десантным флотом прежде, чем нам удалось снова взять их в плен.

[1] Король Георг *(лат.)*.

Батюшка мой был человек плотный, сильный, хоть и небольшого роста, не очень широкоплечий, но сложен крепко и ладно. Лицо его, красное от загара, блестело, и, хотя в ту пору ему было лишь сорок лет, оно все было иссечено морщинами, которые при малейшем волнении обозначались резче, так что он в один миг превращался из моложавого человека чуть ли не в старика. Особенно много морщинок было у глаз, да это и понятно: ведь он всю жизнь щурился из-за ветра и непогоды. Глаза у него были удивительные — ясные, очень голубые и на обветренном докрасна лице казались особенно яркими. От природы кожа у него была, вероятно, белая, ибо верхняя часть лба, обычно закрытая шляпой, была совсем такая же, как у меня, а коротко подстриженные волосы — рыжевато-каштановые.

Он с гордостью говорил, что служил на корабле, который последним покинул воды Средиземного моря в девяносто седьмом году и первым вошел в них в девяносто восьмом. Когда наш флот, точно свора гончих, ринулся из Сицилии в Сирию и обратно в Неаполь, пытаясь найти потерянный след, мой отец служил третьим помощником на «Тезее», которым командовал Миллер. Вместе с тем же боевым капитаном он сражался на Ниле, и там его команда стреляла, таранила, дралась до тех пор, пока не опустился последний трехцветный флаг, и тогда они подняли запасный якорь и прямо у кабестана повалились друг на друга и заснули мертвым сном. Потом уже вторым помощником на одном из тех грозных трехпалубников с почерневшими от пороха бортами и красными полосами под шпигатами, чьи рассевшиеся корпуса не рассыпались только потому, что были стянуты канатами, он вернулся в Неаполитанский залив и принес туда весть о победе на Ниле. Оттуда, в награду за верную службу, его перевели первым помощником на фрегат «Аврора», который блокировал Геную, и на этом корабле он служил до тех пор, пока наконец не был заключен мир.

Как хорошо я помню его возвращение домой! С тех пор прошло уже сорок восемь лет, но я вижу это яснее, чем события прошлой недели,— ведь память старика подобна подзорной трубе, которая отлично показывает все, что находится далеко, и затуманивает все, что вблизи.

С той минуты, как до нас докатился слух о переговорах, моя матушка была словно в лихорадке, так как понимала, что отец может явиться одновременно с письмом, извещающим о его приезде. Она говорила мало, но омрачала мою жизнь, требуя, чтобы я весь день ходил чистый и аккуратный. Стоило ей услыхать стук колес на дороге, и взгляд ее тут же устремлялся на дверь, а руки сами собой начинали приглаживать красивые черные волосы. Она вышила белыми нитками по синему полю «Добро пожаловать», а по обеим сторонам красные якоря и окружила все это каймой из лавровых листьев; она хотела повесить эту ленту между двумя кустами сирени, что росли по обеим сторонам нашей двери. Лента была готова еще до того, как батюшка мог отплыть из Средиземного моря, и каждое утро, проснувшись, матушка первым делом смотрела, на месте ли лента и можно ли ее тотчас вывесить меж кустами.

Однако до подписания мира прошло еще много томительных месяцев, и для нашего семейства великий день наступил лишь в апреле следующего года. Помнится, все утро шел теплый весенний дождь, остро пахло землей, капли мягко стучали по набухавшим почкам каштанов позади нашего домика. К вечеру проглянуло солнце, я взял удочку и вышел из дому (я пообещал Джиму пойти с ним на мельничную запруду), и что же, вы думаете, я увидел? У наших ворот стоял экипаж, запряженный двумя лошадьми, от которых шел пар, и в открытых дверцах кареты виднелась черная юбка и маленькие ножки моей матушки, а вместо кушака ее обхватили две руки в синем, и больше ничего было не видать. Я кинулся за лентой, прицепил ее к кустам, как было условлено, но когда кончил, снова увидел лишь юбку, ножки и две руки в синем,— все как было.

Наконец матушка спрыгнула на землю.

— Это Род,— сказала она,— Родди, милый, вот твой отец!

Я увидел красное лицо, на меня глядели добрые ярко-голубые глаза.

— Родди, мальчик мой, ты был совсем дитя, когда я в последний раз поцеловал тебя на прощание, а

теперь тебя надо числить уже по другому разряду. Я от души рад видеть тебя, мой мальчик, а тебя, милая...

Руки в синем поднялись, и в дверцах уже опять были видны лишь ножки да юбка.

— Кто-то идет, Эисон,— покраснев, сказала матушка.— Может, ты выйдешь и пойдем все в дом?

И тут мы заметили, что хоть лицо у него веселое, но правая нога у него как-то неестественно вытянута и неподвижна.

— Ах, Эисон, Эисон! — вскричала матушка.

— Тише, тише, милая, это всего лишь кость,— сказал он и обеими руками приподнял колено.— Сломал в Бискайском заливе, но корабельный врач вытянул оба конца и соединил, только они еще не совсем срослись. Господи боже мой, да что ж ты так побелела? Это пустяки, сейчас сама увидишь.

Он соскочил с подножки и, опираясь на палку, быстро поскакал на одной ноге по дорожке, нырнул под вышитую лавровыми листьями ленту и впервые за пять лет переступил порог собственного дома. Когда мы с кучером внесли его матросский сундучок и два дорожных мешка, он в старом, видавшем виды мундире сидел в своем кресле у окна. Матушка плакала, глядя на его ногу, а он загорелой, коричневой рукой гладил ее по волосам. Другой рукой он обхватил меня и притянул к своему креслу.

— Ну вот, мир заключен, теперь я могу лежать и поправляться, пока снова не потребуюсь королю Георгу,— сказал он.— Это было в Бискайском заливе, дул брамсельный ветер, шла бортовая волна и карронада сорвалась. Стали мы ее закреплять, она и прижала меня к мачте. Да,— прибавил он, оглядывая комнату,— все мои диковинки на своих местах: рог нарвала из Арктики, и рыба-пузырь с Молуккских островов, и гребки с острова Фиджи, и картина — «Ça ira» [1], а за ним гонится эскадра лорда Хотема. И рядом ты, Мэри, и ты тоже, Родди, и дай бог здоровья карронаде, которая привела меня в такую уютную гавань и из-за которой мне сейчас не грозит приказ сниматься с якоря.

---

[1] «Ça ira» («Пойдет!») *(франц.)* — песня времен Французской революции 1789—1794 гг. Здесь — название корабля.

Его длинная трубка, табак — все было у матушки наготове; он закурил и все переводил взгляд с матушки на меня и с меня опять на нее, словно никак не мог на нас наглядеться. Хоть я был еще совсем мальчишка, но и тогда я понимал, что об этой минуте он часто мечтал, стоя в одиночестве на вахте, и что при мысли о ней у него становилось веселее на душе в самые тяжкие часы. Иногда он дотрагивался рукой до матушки, иногда до меня; так он сидел, и сердце его было переполнено, и словам не было места; а в комнате сгущались тени, и во тьме мерцали освещенные окна гостиницы. Потом матушка зажгла лампу и вдруг опустилась на колени, и батюшка тоже опустился на одно колено, и вот так, стоя рядом, они вознесли хвалу господу за его многие милости. Когда я вспоминаю своих родителей той поры, яснее всего я вижу их именно в эту минуту: нежное лицо матушки со следами слез на щеках и голубые глаза батюшки, обращенные к потемневшему потолку. Помню, углубившись в молитву, он покачивал дымящейся трубкой, и, глядя на него, я невольно улыбался сквозь слезы.

— Родди, мальчик мой,— заговорил он, когда мы отужинали,— ты уже становишься мужчиной и, надеюсь, как и все мы, пойдешь служить во флот. Ты уже подрос, настало время и тебе пристегнуть к поясу кортик.

— И оставить меня не только без мужа, но и без сына! — воскликнула матушка.

— Ну, у нас еще есть время,— сказал батюшка.— Сейчас, когда подписан мир, они предпочтают увольнять в отставку, а не набирать пополнение. Но я ведь совсем не знаю, какой вышел толк из твоего учения, Родди. Ты учился куда больше моего, а все же я, наверно, сумею тебя проверить. Историю ты изучал?

— Да, батюшка,— довольно уверенно ответил я.

— Тогда скажи: сколько линейных кораблей участвовало в Кампердаунской битве?

Я не знал, что отвечать, и он огорченно покачал головой.

— Что же это ты, во флоте есть люди, которые вовсе не ходили в школу, а сразу скажут, что у нас было семь семидесятичетырехпушечных кораблей, семь шести-

десятичетырехпушечных и два пятидесятипушечных. Вон висит картина — погоня за «Ça ira». Какие суда взяли его на абордаж?

И опять я должен был признаться, что не знаю.

— Что ж, отец еще может поучить тебя кое-чему! — воскликнул он, торжествующе глядя на матушку. — А географию ты изучал?

— Да, батюшка, — ответил я уже без прежней уверенности.

— Так сколько миль от Маона до Альхесираса?

Я только головой покачал.

— Если Уэссан лежит от тебя в трех лигах по правому борту, какой английский порт к тебе ближе всего?

И этого я не знал.

— Да, — сказал он, — видно, в географии ты так же силен, как в истории. Эдак тебе нипочем не получить офицерского свидетельства. А считать ты умеешь? Ну ладно, поглядим, сумеешь ли ты хоть подсчитать мои призовые.

Он бросил лукавый взгляд на матушку, она положила вязанье на колени и серьезно взглянула на него.

— Ты меня даже не спросила про призовые, Мэри, — сказал он.

— Средиземное море для них не место, Энсон. Ты ведь сам говорил, за призовыми надо плыть в Атлантику, а в Средиземное море — за славой.

— Последнее плавание принесло мне и то и другое, потому что я сменил линейный корабль на фрегат. Ну-ка, Родди, мне полагается два фунта с каждой сотни фунтов, после того как призовой суд закончит свою работу. Когда мы сторожили у Генуи Массену, мы задержали семьдесят шхун, бригов и одномачтовых шхун с вином, продовольствием и порохом. Лорд Кейт, конечно, захочет получить кусок пожирнее, но это уж дело призового суда. Будем считать, что на мою долю придется по четыре фунта, что же я тогда получу с семидесяти?

— Двести восемьдесят фунтов, — ответил я.

— Да это ж целое богатство, Энсон! — воскликнула матушка и захлопала в ладоши.

— Испытание продолжается, Родди! — провозгласил батюшка, взмахнув трубкой. — Мы задержали барселон-

ский фрегат «Хебек»; у него на борту было двадцать тысяч испанских долларов, то есть четыре тысячи фунтов стерлингов. Сам корабль стоит еще тысячу фунтов. Какова моя доля?

— Сто фунтов.

— Ого, сам корабельный эконом не сосчитал бы быстрее! — радостно воскликнул батюшка.— Считай дальше! Мы прошли Гибралтарский пролив и направились к Азорам, там мы встретились с «Сабиной» — она шла с острова Маврикия с грузом сахара и пряностей. Мне она даст не меньше тысячи двухсот фунтов, Мэри, и теперь тебе уже не надо будет пачкать твои тоненькие пальчики, дорогая, не надо будет выгадывать каждый грош из моего нищенского жалованья.

Все эти годы матушка без единой жалобы боролась с нуждой, но сейчас, когда всему этому так неожиданно пришел конец, она с рыданиями припала к плечу батюшки. Прошло много времени, прежде чем батюшка смог продолжить экзамен по арифметике.

— Считай, что все это уже у тебя в руках, Мэри,— сказал он, проведя ладонью по глазам.— Вот, ей-богу, девочка, дай только нога заживет, и мы съездим с тобой в Брайтон, поживем там, и пусть мне больше не ступить на палубу, если ты не будешь там самая нарядная! Но почему же ты так хорошо считаешь, Родди, а историю и географию вовсе не знаешь?

Я попытался объяснить ему, что на суше и на море арифметика одна и та же, а история и география разные.

— Ладно,— заключил он,— чтобы не попасть впросак, тебе надо только уметь считать, а в остальном была бы лишь голова на плечах. В нашем роду все чувствовали себя в море как дома. Лорд Нельсон обещал мне тебя пристроить, а уж он своему слову хозяин.

Итак, мой отец вернулся домой, и он был такой хороший, такой добрый, что любой мальчишка мог бы мне позавидовать. Хотя родители мои поженились уже очень давно, они жили вместе так недолго, что походили скорее на новобрачных — любовь их не успела еще ни остыть, ни потускнеть. Позднее я убедился, что среди моряков есть люди неотесанные, любители посквернословить, но батюшка мой был не таков, и хотя ему приходи-

лось бывать во всяких переделках, он всегда оставался терпеливым, добродушным человеком и для всякого в нашем селении у него находились и улыбка и веселое словцо. Он чувствовал себя хорошо в любом обществе: сиживал за стаканом вина и со священником и с сэром Джеймсом Овингтоном; а мог часами сидеть и с моими скромными друзьями в кузнице — с Чемпионом Гаррисоном, с Джимом и с другими — и рассказывать им про Нельсона и его моряков, и, слушая его, Чемпион Гаррисон в волнении сжимал ручищи, а глаза Джима разгорались, точно угли в кузнечном горне.

Батюшка, как и многие другие ветераны, был уволен в запас с сохранением половины жалованья, и таким образом он почти два года прожил дома. За все это время он лишь однажды слегка поспорил с матушкой. Причиной размолвки оказался я, а так как она послужила началом немаловажных событий, я вам о ней расскажу. Это было первое в цепи событий, которые сказались не только на моей судьбе, но и на судьбе людей куда более значительных.

Весна 1803 года выдалась ранняя, и уже в середине апреля каштаны покрылись густой листвой. Однажды вечером мы сидели и пили чай; вдруг за окном послышался скрип песка, и в дверях показался почтальон с письмом в руках.

— Это, наверно, мне,— сказала матушка.

И в самом деле, письмо было адресовано миссис Мэри Стоун, Монахов дуб, и конверт надписан весьма изящным почерком, а на обороте красовалась красная печать величиной с полкроны и в середине ее — летящий дракон.

— Как ты думаешь, Энсон, от кого это?

— Я надеялся, что от лорда Нельсона,— ответил батюшка.— Мальчику пора бы уже получить патент. Ну, а раз письмо адресовано тебе, значит, оно не может быть от какого-нибудь важного лица.

— Вот как! — воскликнула матушка, делая вид, что обиделась.— Вам придется просить прощения за ваши слова, сэр, ибо письмо не от кого-нибудь, а от самого сэра Чарльза Треджеллиса, моего родного брата.

Имя своего замечательного брата матушка произнесла, почтительно понизив голос, и, сколько я помню,

так было всегда, поэтому н я прнвык относиться к его имеии с благоговеинем. И нничего удивительного: ведь нмя это упомииали всякнй раз лишь в связи с какнм-нибудь особенным, необыкновенным событием. Однажды мы слыхали, что он был в Внндзоре, у короля. Он часто бывал в Брайтоие с прннцем. Случалось, до нас докатывались отголоски его славы, как, иапрнмер, в случае, когда его Метеор обскакал в Ньюмаркете Игема, лошадь герцога Куинсберри, нли когда ои открыл в Бристоле Джема Белчера и показал его лондоиским любнтелям бокса. Но чаще всего мы слышали о нем либо как о друге какой-нибудь зиаменнтости, либо как о законодателе мод, короле щеголей, человеке, который одевается лучше всех в Лоидоие. Батюшка, однако, вовсе ие разделял восторгов матушки.

— А-а, н что ему надо? — спроснл он не слншком дружелюбио.

— Я иаписала ему, что Родди стал совсем взрослый; понимаешь, Эисои, ведь у него иет ни жены, нн детей — вот я и подумала, может, он захочет помочь нашему мальчнку преуспеть в жнзнн.

— Мы можем прекрасно обойтись без иего,— проворчал батюшка.— Ои броснл нас в дурную погоду, а сейчас, когда светит солнце, ои иам ие нужен.

— Нет, ты его ие знаешь, Эисои,— горячо возразнла матушка.— У Чарльза иа редкость доброе сердце; просто сам ои живет очень благополучно н оттого не поннмает, что у других могут быть какие-то затруднення. Все эти годы я отличио зиала, что стоит мие только попросить — и ои ии в чем мне не откажет.

— Слава богу, Мэрн, что тебе ни разу ие прншлось испытать такое уиижеине. Не нужна мие его помощь.

— Но ведь иадо подумать о Родди.

— У Родди есть все, что требуется для матросского суидучка. А больше ему ничего не нужио.

— У Чарльза такие связн в Лондоне! Он мог бы познакомить Родди с самыми влиятельиымн людьмн. Ну иеужели ты стаиешь поперек дороги собственному сыну?

— Давай-ка сперва посмотрнм, что он пншет,— сказал батюшка.

И вот что прочла ему матушка:

«Сент-Джеймс, Джермин-стрит, 14.
15 апреля 1803 года.

Дорогая сестра Мэри!

В ответ на твое письмо заверяю тебя, что я отнюдь не лишен тех возвышенных чувств, которые составляют главное украшение человечества. Правда, последние годы я был занят чрезвычайно важными делами и редко брал в руки перо, и за это меня упрекали многие des plus charmants[1] представительницы твоего очаровательного пола. В настоящую минуту я лежу в постели (вчера я допоздна оставался на балу у маркизы Дуврской, так как желал оказать ей внимание), и письмо это под мою диктовку пишет мой слуга Амброз, очень ловкая бестия.

Мне любопытно было услышать о моем племяннике Родди (mon Dieu, quel nom[2]). И когда на следующей неделе я поеду в Брайтон с визитом к принцу, я сделаю остановку в Монаховом дубе, чтобы повидать вас обоих — тебя и его. Передай поклон супругу.

Твой неизменно преданный брат,

Чарльз Треджеллис».

— Ну, что ты на это скажешь? — дочитав письмо, торжествующе воскликнула матушка.

— Скажу, что письмо писал фат,— резко ответил батюшка.

— Ты слишком строг к нему, Энсон. Вот узнаешь его поближе и станешь о нем лучшего мнения. Но он пишет, что приедет на следующей неделе. Сегодня уже четверг, а у меня еще праздничные занавески не повешены и простыни не переложены лавандой!

В растерянности матушка выбежала из комнаты, а отец, явно не в духе, остался сидеть, опершись подбородком на руки, и я уже вовсе не знал, что мне и думать о нашем знатном родиче и обо всем, что может принести нашей семье его приезд.

---

[1] Самые прелестные *(франц.)*.
[2] Бог мой, что за имя *(франц.)*.

ГЛАВА 5

ЩЕГОЛЬ ТРЕДЖЕЛЛИС

Мне шел семнадцатый год, я уже начал бриться, и сельская жизнь стала меня тяготить — я жаждал повидать мир. Жажда моя была тем сильнее, что я не смел заговаривать об этом, ибо при малейшем намеке на мой отъезд в глазах у матушки появлялись слезы. Но сейчас, когда вернулся отец, мне было легче покинуть родной дом, и я нетерпеливо ожидал дядю, надеясь, что он поможет мне наконец вступить в жизнь.

Вы, наверно, и сами понимаете, что все мои помыслы и надежды были связаны с профессией моего батюшки, ибо с самого детства, стоило мне увидеть, как вздымаются волны, или почувствовать соленый привкус моря на губах, и тотчас во мне начинала играть кровь пяти поколений моряков. Только подумайте, что маячило в ту военную пору перед глазами мальчика, живущего на побережье! Дойдя до Уолстонбери — а до него было рукой подать,— я видел паруса французских masse-marées[1] и каперов. Не раз слышал я и гром пушек, доносящийся с моря. Моряки рассказывали нам, как, отплыв поутру из Лондона, они до наступления ночи уже принимали бой или как, отплыв из Портсмута и еще видя огни маяка Сент-Хеленс, они своими ноками реев уже задевали ноки реев противника. Вся их жизнь проходила в постоянной опасности, и именно это привлекало к ним наши сердца, и, сидя зимой у огня, мы без конца говорили о нашем дорогом Нельсоне, о Кадди Коллингвуде, о Джонни Джервисе и всех прочих не как о важных адмиралах, увенчанных титулами и званиями, но как о добрых друзьях, которых мы любили и почитали превыше всех. Во всей Англии не нашлось бы мальчишки, который не мечтал бы сражаться под их командой.

Но теперь, когда наступил мир и корабли, что совсем недавно бороздили Ла-Манш и Средиземное море, стояли расснащенные в гаванях, морские просторы манили нас куда меньше. Теперь я дни и ночи напролет мечтал о Лондоне, об этом огромном городе, где живут мудрецы и знаменитости, откуда стремится неиссякае-

[1] Каботажные суда *(франц.)*.

мый поток экипажей и толпы запыленных людей, которые мелькают у нас перед окнами. Именно эта сторона столичной жизни открылась мне прежде всего, и поэтому в моем мальчишеском воображении Лондон был как бы огромной конюшней с бесчисленным множеством карет, которые разъезжались по всем дорогам Англии. Но потом я услыхал от Чемпиона Гаррисона, что там живут боксеры, и от батюшки, что там живут адмиралы, и матушка рассказала мне про жизнь ее брата и его знаменитых друзей, и в конце концов меня стало снедать нетерпение, я жаждал увидеть собственными глазами это поразительное сердце Англии. Поэтому приезд дяди казался мне лучом света во тьме, хотя я не смел надеяться, что он возьмет меня с собой на те высоты, где он обитал. Матушка же, напротив, так верила то ли в его доброе сердце, то ли в свою способность убеждать, что сразу же принялась тайком приготовлять все необходимое для моего отъезда.

Но если даже меня, покладистого и спокойного, угнетала ограниченность сельского существования, то какой же мукой было оно для живого и пылкого Джима! Я впервые почувствовал, что в сердце у него угнездилась горечь, когда через несколько дней после того, как пришло письмо от дяди, мы с Джимом бродили по холмам.

— Что же мне делать, Родди? — воскликнул он.— Я кую подкову, и зачеканиваю кромку, и зажимаю ее клещами, и заклепываю ее, и пробиваю в ней пять дырок — и вот она уже готова. Потом я кую другую подкову и третью, и раздуваю мехи, и подсыпаю уголь в горн, и подпиливаю два-три копыта, и на том кончается дневная работа, а назавтра опять все сначала, и так изо дня в день. Ну неужели я только для этого и родился на свет?

Я поглядел на его гордый орлиный профиль, на высокую гибкую фигуру и подумал, что, наверно, во всей Англии нет юноши красивее и привлекательнее.

— Твое место в армии или во флоте, Джим,— сказал я.

— Хорошо тебе говорить! — воскликнул он.— Но если ты пойдешь во флот, а, видно, так оно и будет, ты пойдешь офицером и, значит, будешь приказывать. А я буду среди тех, кто рожден лишь исполнять приказы.

— Офицер тоже исполняет приказы высших начальников.

— Но офицера никто не выпорет. Несколько лет назад я видел в трактире одного бедняту, у него вся спина была изрезана красными полосами — это боцман его отделал плетью. «Кто же это приказал вас выпороть?» — спросил я. «Капитан»,— ответил он. «А что бы вам было, если б вы убили его на месте?» — спросил я. «Повесили бы на ноке рея»,— ответил он. «Значит, я бы там и болтался, будь я на вашем месте»,— сказал я и сказал это от чистого сердца. Я ничего не могу с собой поделать, Род! Сидит во мне что-то такое, и никуда от этого не денешься!

— Знаю я, ты горд, как Люцифер,— сказал я.

— Что ж делать, Родди, такой уж я уродился, и ничего тут не поделаешь. Конечно, так труднее жить. Я непременно должен быть сам себе хозяином, и на свете есть только одно место, где я могу этого добиться.

— Где же, Джим?

— В Лондоне. Мисс Хинтон столько рассказывала мне про него, что, мне кажется, я его знаю как свои пять пальцев. Она любит про него рассказывать, а меня хлебом не корми — дай послушать. Я все держу в голове, я прямо вижу, где театры, где река течет, где королевский дворец, а где дворец принца; и где живут боксеры, я тоже знаю. В Лондоне я мог бы добиться признания.

— Как?

— Неважно, Род. Я знаю, что мог бы, и непременно добьюсь. «Обожди! — говорит дядя.— Обожди, и ты получишь все, чего желаешь». Он всегда так говорит, и тетка тоже. А почему я должен ждать? Чего я здесь дождусь? Нет, Родди, не стану я больше губить свою молодость в этом захолустье, сниму-ка я фартук, да и пойду искать счастья в Лондоне, и уж вернусь в Монахов дуб не хуже вон того господина.

Он кивнул в сторону дороги; по ней из Лондона катила малиновая коляска, в которую цугом была впряжена пара гнедых кобыл. Вожжи и вся сбруя желтовато-коричневые, на самом джентльмене — редингот в цвет сбруи, а на запятках стоит слуга в темной ливрее. Они промелькнули мимо нас в облаке пыли, и я лишь мель-

ком увидел бледное, красивое лицо хозяина и темную, высохшую физиономию слуги. Я бы никогда о них и не вспомнил, если бы, подойдя к селению, не увидел эту коляску снова: она стояла у ворот гостиницы, и конюхи суетливо выпрягали лошадей.

— Джим! Да это ж, наверно, мой дядя! — воскликнул я и со всех ног кинулся домой.

У наших дверей стоял темнолицый слуга. В руках у него была подушечка, а на ней — крошечная пушистая болонка.

— Прошу прощения, сударь,— обратился он ко мне самым учтивым тоном,— я не ошибся в своем предположении, это действительно дом лейтенанта Стоуна? В таком случае, быть может, вы будете так любезны передать миссис Стоун записку от ее брата, сэра Чарльза Треджеллиса — сэр Треджеллис сию минуту вверил эту записку моему попечению.

Его цветистая речь привела меня в полное замешательство — я в жизни не слыхал ничего подобного. На его иссохшем лице темнели глазки-буравчики, и он в одно мгновение просверлил ими меня, наш дом, испуганное лицо матушки, выглянувшей из окна. Родители были в гостиной, и матушка прочла нам записку дяди.

«Дорогая Мэри,— писал он,— я остановился в гостинице, так как я несколько ravagé [1] из-за пыли на ваших суссекских дорогах. Надеюсь, после лавандовой ванны я вновь обрету возможность появиться перед дамой. А пока посылаю в залог Фиделио. Пожалуйста, дай ему полпинты подогретого молока и добавь туда шесть капель неразведенного коньяку. Существа милее и преданнее не сыскать в целом свете. Toujours à toi [2]

Чарльз».

— Пусть он войдет! Пусть войдет! — радушно воскликнул батюшка и кинулся к дверям.— Входите, мистер Фиделио. У каждого свой вкус, и, по-моему, грешно разводить шесть капель полпинтой — это ведь будет уже не грог, а так, водица. Но если вам так нравится, сделайте одолжение.

---

[1] Измучен *(франц.)*.
[2] Всегда твой *(франц.)*.

По темному лицу слуги промелькнула улыбка, но в следующее же мгновение на нем снова была почтительная маска.

— Вы находитесь во власти некоторого заблуждения, сэр, если мне позволено будет так сказать. Меня зовут Амброз, и я имею честь быть камердинером сэра Чарльза Треджеллиса. А Фиделио — вот он, на подушке.

— Тьфу, да это пес! — с отвращением сказал батюшка.— Положите его у камина. И почему его надо поить коньяком, когда столько христиан не могут себе этого позволить?

— Ну что ты, Энсон! — сказала матушка, принимая из рук слуги подушку.— Передайте, пожалуйста, сэру Чарльзу, что его желание будет исполнено и что мы ждем его в любое угодное ему время.

Слуга мгновенно исчез, но через несколько минут вернулся с плоской коричневой корзинкой.

— Это закуска, сударыня,— сказал он.— Вы позволите мне накрыть на стол? Сэр Чарльз привык к определенным блюдам и пьет лишь некоторые вина, так что, когда мы едем в гости, мы берем их с собой.

Он раскрыл корзинку, и через минуту стол уже сверкал серебром и хрусталем и был уставлен всевозможными деликатесами. Амброз делал все так быстро, ловко и бесшумно, что покорил не только меня, но и батюшку.

— Если вы так же отважны, как и скоры на руку, из вас вышел бы отличный моряк,— сказал он.— Вам никогда не хотелось иметь честь служить своему отечеству?

— Я имею честь, сэр, служить сэру Чарльзу Треджеллису, и другого хозяина мне не надо,— ответил Амброз.— Теперь я доставлю из гостиницы несессер, и тогда все будет готово.

Он вернулся, неся под мышкой большую, отделанную серебром шкатулку, и сразу же вслед за ним появился и сам джентльмен, чей приезд вызвал весь этот переполох.

Когда дядя вошел в комнату, я первым делом заметил, что один глаз у него распух и был величиною с яблоко. При виде этого чудовищного блестящего глаза у меня перехватило дыхание. Но почти тотчас я разглядел, что он просто держит перед глазом круглое стеклышко и оно-то и увеличивает глаз. Он оглядел всех нас по очере-

дн, потом очеиь изящио поклоиился матушке н поцеловал ее в обе щеки.

— Разрешн сделать тебе комплимеит, дорогая Мэри,— сказал ои удивительио приятным, мелоднчным голосом.— Уверяю тебя, деревеискнй воздух сотворнл с тобой истиниое чудо, н я буду горд видеть мою красавнцу сестру иа Пэл-Мэл. Ваш слуга, сэр,— продолжал ои, протягивая руку отцу.—Всего иеделю иазад я имел честь обедать с монм другом, лордом Сеит-Внисентом, и воспользовался случаем упомяиуть ваше нмя. Смею вас заверить, сэр, что в Адмиралтействе вас помият, и, иадеюсь, вы в скором времеии ступнте иа ют вашего собственного семндесятнчетырехпушечного корабля. А это, видио, и есть мой племянник?

Он дружески положил руки мне иа плечи и оглядел меия с ног до головы.

— Сколько тебе лет, племяиинк? — спроснл ои.

— Семнадцать, сэр.

— Ты выглядншь старше. На вид тебе меиьше восемнадцатн ие дашь. Ои выглядит вполне сиосно, Мэри, право же, вполне сносно. Ои не умеет себя подать, ему не хватает tournure[1] — в нашем неуклюжем языке для этого нет слова. Но внд у иего цветущий.

Дядя переступнл порог иашего дома всего мииуту иазад, ио уже успел поговорнть с каждым нз нас, причем сделал это так легко и нзящно, что казалось, будто ои зиаком со всеми иами долгне годы. Теперь ои стоял иа коврике перед камином, между матушкой н отцом, и я мог его как следует разглядеть: очень крупный мужчнна, широкоплечнй, статный, с тонкой талией, широкими бедрамн, стройнымн ногамн н иа редкость малеиькнми ступиями и рукамн. Лицо у иего было бледное, красивое, выдающнйся подбородок, резко очерчеиный иос, большне голубые, шроко раскрытые глаза, в глубиие которых все время плясалн лукавые огоньки. Одет ои был в темио-корнчиевый длнинополый сюртук с высоким, до самых ушей, воротииком; чериые панталоны, шелковые чулки н очень маленькне острокоиечиые туфли, начищеииые до такого блеска, что оин сверкали при малейшем двнженнн; жнлет черного бархата открывал взгляду вы-

[1] Осанка (*франц.*).

шитую манишку и высокий гладкий белый галстух, завязанный под самым подбородком, так что он держал голову очень высоко. Дядя стоял легко, непринужденно, заложив большой палец одной руки в прорезь жилета, а два пальца другой — в кармашек. Я глядел на него с гордостью: такой великолепный господин с такими уверенными манерами приходится мне кровной родней! И по глазам матушки, когда они обращались на него, я видел, что она чувствует то же, что и я.

Все это время Амброз стоял в дверях, точно бронзовое изваяние, держа в руках большую, оправленную в серебро шкатулку. Теперь он переступил порог.

— Прикажете отнести это в вашу спальню, сэр Чарльз? — спросил он.

— Ах, прошу прощения, сестра,— воскликнул дядя,— я столь старомоден, что у меня есть свои принципы — в наш развращенный век это анахронизм, я знаю! Один из моих принципов: во время путешествий всегда держать при себе мою batterie de toilette [1]. Никогда не забуду, какие муки я претерпел несколько лет назад из-за того, что забыл об этой предосторожности. Должен отдать справедливость Амброзу: это было еще до того, как он занялся моими делами. Мне пришлось два дня подряд надевать одни и те же манжеты. На третье утро слуга был так потрясен видом моих страданий, что разрыдался и принес пару манжет, которые он у меня украл.

Дядя рассказывал все это с печальным лицом, но в глазах у него плясали все те же лукавые огоньки. Он протянул батюшке раскрытую табакерку, а Амброз тем временем вышел из комнаты следом за матушкой.

— Если вы возьмете понюшку из моей табакерки, вы окажетесь сопричисленным к самому блестящему обществу.

— Неужели, сэр! — коротко ответил батюшка.

— Моя табакерка к вашим услугам, ведь вы мой свояк, и к твоим тоже, племянник, и прошу тебя, возьми понюшку. Это знак самого искреннего моего благорасположения. Кроме здесь присутствующих, к ней допущены, пожалуй, всего четыре человека: принц, разумеется; потом мистер Питт; мосье Отто, французский посланник;

---

[1] Туалетные принадлежности *(франц.)*.

и лорд Хоксбери. Правда, мне иногда кажется, что с лордом Хоксбери я поспешил.

— Весьма польщен, сэр,— сказал отец, подозрительно глядя на гостя из-под кустистых бровей: лицо у него серьезное, а в глазах бесенята, кто его знает, как следует отнестись к его словам.

— Женщина, сэр, может дарить любовь,— сказал дядя.— Мужчина — право пользоваться своей табакеркой. Ни то, ни другое нельзя предлагать кому попало. Это дурной тон, нет, хуже, это безнравственность. Как раз на днях у Ватье я положил на стол открытую табакерку, и вдруг какой-то ирландский епископ бесцеремонно запустил в нее пальцы. «Человек,— крикнул я,— мою табакерку замарали, уберите!» Епископ, разумеется, вовсе не желал меня оскорбить, но эти господа должны знать свое место.

— Епископ! — воскликнул батюшка.— Высоко берете, сэр.

— Да, сэр,— ответил дядя,— лучшей эпитафии на своей могиле я бы не желал.

Тут вошла матушка, и мы все направились к столу.

— Прости, что я привез с собой целую кладовую, Мэри, пусть это не покажется тебе неуважительным. Но я нахожусь под наблюдением Абернети и должен воздерживаться от ваших жирных сельских кушаний. Этот скаредный шотландец разрешает мне только немного белого вина и холодную птицу.

— Вот бы вам попасть на блокирующие суда, сэр, когда дует левантинец,— сказал батюшка.— Одна солонина да червивые сухари, да иногда еще посыльное судно привезет ребра жесткого, как подошва, берберийского быка. Вот где вам была бы голодная диета, сэр.

Дядя сразу же принялся расспрашивать батюшку про флотскую службу, и все время, пока мы сидели за столом, отец рассказывал о Ниле, о блокаде Тулона и осаде Генуи — обо всем, что он видел и делал. И всякий раз, когда отец замолкал, подыскивая нужное слово, дядя тут же ему подсказывал, так что трудно было понять, кто же из них осведомлен лучше.

— Нет, я почти ничего не читаю,— сказал дядя, когда батюшка с удивлением спросил, откуда ему все известно.— Стоит мне заглянуть в газету, и я сразу вижу:

«Сэр Ч. Т. сделал то-то» или «Сэр Ч. Т. сказал то-то»,— так что я совсем перестал просматривать газеты. Но к человеку моего положения все известия стекаются сами собой. Герцог Йоркский рассказывает мне утром о делах в армии, днем лорд Спенсер болтает со мной о флоте, а Дандес шепчет вечером мне на ушко, что произойдет на заседании кабинета министров, так что мне вовсе незачем читать «Таймс» или «Морнинг кроникл».

Тут он перешел к рассказам о лондонском высшем свете — он рассказывал батюшке о его начальниках из Адмиралтейства, а матушке — о городских красавицах и знатных дамах, которых он встречал на аристократических балах в залах Алмэка, и все это легким, беспечным тоном, так что никто не знал, то ли смеяться, то ли принимать все это всерьез. Ему, верно, льстило, что мы все трое с жадностью глотаем каждое его слово. Одних людей он ставил высоко, других пониже, но даже и не пытался скрыть свое глубокое убеждение, что один человек выше всех, что именно в сравнении с ним надо оценивать всех прочих и человек этот — сэр Чарльз Треджеллис.

— Что же касается короля,—сказал он,—я, разумеется, l'ami de famille[1] и даже вам могу рассказать не все, ибо пользуюсь его особым доверием.

— Боже, благослови короля и храни его от всего дурного! — воскликнул батюшка.

— Приятно слышать,— сказал дядя.— Только в провинции можно найти искреннюю преданность, в городе сейчас модно насмехаться и подтрунивать над подобными чувствами. Король благодарен мне, потому что я всегда проявлял интерес к его сыну. Ему приятно сознавать, что среди людей, окружающих принца, есть человек со вкусом.

— А принц? — спросила матушка.— Он хорош собой?

— Он прекрасно сложен. Издали его даже принимают за меня. И одевается со вкусом, хотя, если мы долго не видимся, он начинает меньше следить за собой. Вот увидите, завтра я непременно обнаружу на его сюртуке какую-нибудь неразглаженную складку.

[1] Друг дома (семьи) *(франц.)*.

Вечер выдался прохладный, и мы перебрались поближе к камину. Зажгли лампу, батюшка попыхивал трубкой.

— Вы как будто впервые в Монаховом дубе? — спросил он дядю.

Лицо дяди вдруг стало очень серьезным и строгим.

— Впервые после многих лет, — ответил он. — В последний раз я был здесь, когда мне был всего двадцать один год. И этот свой приезд я никогда не забуду.

Я знал, что он говорит о посещении замка в день убийства, и по лицу матушки видел, что и она это понимает. Батюшка же либо никогда не слыхал о случившемся, либо все забыл.

— Вы тогда останавливались в гостинице? — спросил он.

— Я останавливался у злополучного лорда Эйвона. Это было, когда его обвинили в убийстве младшего брата и он бежал из Англии.

Мы все притихли, а дядя оперся подбородком на руку и задумчиво глядел в огонь. Еще и сейчас, стоит мне закрыть глаза, и я вижу, как играют отблески пламени на его гордом, красивом лице, как мой дорогой отец, огорченный тем, что коснулся такого ужасного воспоминания, искоса поглядывает на него между затяжками.

— С вами это, верно, тоже случалось, сэр, — сказал наконец дядя. — Кораблекрушение или битва отнимали у вас дорогого друга, а потом за ежедневными делами и занятиями вы забывали его, и вдруг какое-то слово или место напомнят вам о нем, и вы чувствуете, что боль ваша так же остра, как и в первый день потери.

Батюшка кивнул.

— Именно это случилось со мной сегодня. Я никогда не сходился близко с мужчинами (о женщинах я не говорю), и в жизни у меня был лишь один друг — лорд Эйвон. Мы были почти ровесники, он, быть может, двумя-тремя годами старше, но наши вкусы, суждения, характеры были схожи; только он отличался одной особенностью — он был отчаянно горд, другого такого гордеца мне встречать не приходилось. Если отбросить мелкие слабости, неизбежные в светском молодом человеке, les

indiscretions d'une jeunesse dorée [1], клянусь вам, я не знавал человека лучше.

— Тогда как же он совершил такое преступление? — спросил отец.

Дядя покачал головой.

— Не раз и не два задавал я себе этот вопрос и сегодня понимаю это еще меньше, чем когда бы то ни было.

От изысканной беспечности дяди не осталось и следа, он вдруг стал печален и серьезен.

— Точно ли это сделал он? — спросила матушка.

Дядя пожал плечами.

— Я бы рад думать иначе. Иногда мне казалось, что виной всему его безмерная гордость, которая довела его до безумия. Вам известно, как он вернул нам деньги, которые мы проиграли в ту ночь?

— Нет, мы ничего не знаем,— ответил отец.

— Это очень давняя история, хотя она не кончилась еще и сегодня. Мы играли в карты два дня подряд. Было нас четверо—лорд Эйвон, его брат капитан Баррингтон, сэр Лотиан Хьюм и я. О капитане я знал только, что репутация у него не блестящая и что он по уши в долгу у ростовщиков. Сэр Лотиан... с того дня он успел завоевать дурную славу — ведь это тот самый сэр Лотиан, который застрелил на Меловой ферме лорда Кэртона. Но в те дни о нем еще не было известно ничего дурного. Старшему из нас едва ли минуло двадцать четыре года. И, как я уже говорил, мы играли до тех пор, пока капитан совсем не очистил наши кошельки. Все мы отчаянно проигрались, но хуже всех пришлось хозяину дома.

Теперь я расскажу вам то, о чем ни за что бы не рассказал суду. В ту ночь мне все не удавалось забыться сном, как часто бывает, когда засиживаешься допоздна. Я снова и снова вспоминал, какая шла карта, и ворочался в постели с боку на бок, как вдруг со стороны комнаты капитана Баррингтона донесся крик, за ним другой, громче. Минут через пять кто-то прошел по коридору; не зажигая света, я приоткрыл дверь и выглянул, опасаясь, что кому-то стало дурно. По коридору прямо на меня шел лорд Эйвон. В одной руке он нес оплывающую свечу, в другой — коричневый мешок, в котором при каж-

[1] Шалости золотой молодежи *(франц.)*.

дом его шаге что-то позвякнвало. Лнцо у него было такое страдальческое, искаженное, что вопрос застыл у меня на губах. И, прежде чем я успел вымолвить хоть слово, он скрылся в спальне и тихонько прнтворил дверь.

Проснувшнсь утром, я застал его у своей постели. «Чарльз,— сказал он,— я не могу примирнться с тем, что ты так прнгрался у меня в доме. Все твон деньги у тебя на столе».

Я посмеялся иад его щепетнльиостью, заявил, что, окажись я в выигрыше, я бы уж иепремеиио потребовал выиграииые деньги, и потому страино ие дать мие расплатиться, когда я в проигрыше; ио все было иапрасно.

«Ни я, нн брат ие прнтроиемся к этим деньгам,— сказал ои.— Вот онн здесь лежат, н можешь делать с инмн, что хочешь».

Ои не стал слушать иикаких возражениий и, как безумиый, кинулся вои нз комиаты. Но, может, вам уже известны все этн подробностн, а мне их пересказывать мўка!

Отец не сводил с сэра Чарльза глаз, н забытая трубка дымнлась у него в руке.

— Пожалуйста, сэр, доскажнте все до коица! — попросил ои.

— Хорошо. Я оделся, это заняло у меня ие более часа — в те дии я был не так требователен, как теперь,— и за завтраком встретился с сэром Лотианом Хьюмом. С ним пронзошло то же, что н со мной, и он жаждал увидеть капитаиа Баррнигтоиа н выясинть, почему он поручил брату вернуть иам деньги. Во время разговора я случайно взгляиул на потолок и увидел... увидел...

Дядя весь побелел — так жнво представилось ему все, что произошло в то утро,—н провел рукой по глазам.

— Потолок был красным,— сказал он, содрогиувшись,— красиым с чериыми щелями, н из каждой щели... ио тебе будут сниться страшиые сны, сестра. Короче говоря, мы рииулись вверх по лестнице, которая вела прямо в комиату капитаиа, н там мы его увндели — в горле у иего зияла раиа. Неподалеку валялся охотиичий иож — нож лорда Эйвона. Рука мертвого сжимала кружево — маижету лорда Эйвоиа. На каминиой решетке были рассыпаиы обгоревшие бумагн — бумаги лорда Эйвона... Несчастный мой друг, какое безумие толкиуло тебя иа такой страшный шаг!

В глазах у дяди уже не плясали насмешливые огоньки, в манерах его не осталось и следа изысканного сумасбродства. Он говорил просто, ясно, без тени той лондонской манерности, которая вначале так меня поразила. То был совсем другой человек, человек с сердцем и умом, и таким он понравился мне куда больше прежнего.

— Что же сказал лорд Эйвон? — спросил батюшка.

— Ничего. Он бродил по дому, точно во сне, и в глазах у него застыл ужас. До конца следствия никто не решался его арестовать, но как только следственный суд признал его виновным в преднамеренном убийстве, констебли поскакали в замок. Однако лорда Эйвона там уже не было. На следующей неделе разнесся слух, что его видели в Вестминстере, потом—что он уплыл в Америку, и больше о нем ничего не известно. День, когда будет доказано, что лорда Эйвона нет в живых, станет самым радостным днем для сэра Лотиана Хьюма: ведь сэр Лотиан — его ближайший родственник, а без такого доказательства он не может наследовать ни титул, ни имущество.

От этой мрачной истории все мы погрустнели. Дядя протянул руки к огню, и я заметил, что они также белые, как обрамляющие их кружевные манжеты.

— Я не знаю, каково сейчас в замке,— задумчиво сказал он.— Он и прежде не очень-то веселил глаз — еще до того, как на него пала эта тень. Для подобной трагедии трудно было бы сыскать более подходящую сцену. Но прошло семнадцать лет, и, может быть, даже этот страшный потолок...

— Пятно все еще видно,— сказал я.

Не знаю, кто из них троих был поражен сильнее,— ведь матушка ничего не знала о событиях той ночи. Пока я рассказывал, они не сводили с меня изумленных глаз, а дядя сказал, что мы держались молодцами и что, по его мнению, в нашем возрасте мало кто вел бы себя столь отважно, и у меня прямо голова закружилась от гордости.

— Ну, а призрак, должно быть, вам просто померещился,— сказал он.— Воображение играет с нами странные шутки; и хотя у меня, например, нервы крепкие, а и я не уверен, что мне ничего не привидится, окажись

я в полночь в комнате, где на потолке расплылось кровавое пятно.

— Дядя,— сказал я,— я совершенно ясно видел какую-то фигуру, вот как вижу сейчас этот огонь, и слышал шаги так же отчетливо, как сейчас треск хвороста. И потом, не могли же мы оба так ошибиться.

— Да, это, пожалуй, верно,— задумчиво сказал он.— Так говоришь, лица ты не разглядел?

— Было слишком темно.

— А фигуру?

— Только силуэт.

— И он поднялся по лестнице?

— Да.

— И исчез в стене?

— Да.

— В какой части стены? — воскликнул кто-то позади нас.

Матушка вскрикнула, батюшка уронил трубку на каминный коврик. Я вскочил так стремительно, что у меня перехватило дыхание, и увидел у самой двери дядиного камердинера Амброза — он стоял в тени, но на лицо его падал свет, в меня впились два горящих глаза.

— Как прикажете вас понять, милейший? — спросил дядя.

Странно было видеть, как погасло лицо Амброза, как огонь и нетерпение уступили место бесстрастной маске лакея. Глаза еще блестели, но лицо уже через мгновение выражало лишь привычную невозмутимость.

— Прошу прощения, сэр Чарльз,— сказал он.— Я пришел узнать, не будет ли от вас каких приказаний, но не решился прерывать рассказ молодого джентльмена. Боюсь, рассказ этот меня очень взволновал.

— В первый раз вижу, чтобы вы так забылись,— сказал дядя.

— Я надеюсь, вы простите меня, сэр Чарльз, если вспомните, кем для меня был лорд Эйвон.

Он сказал это с большим достоинством и, поклонившись, вышел вон.

— Придется, видно, его простить,— сказал дядя, к которому вдруг снова вернулся его изысканно беспечный тон.— Человек, умеющий сварить чашку шоколада или завязать галстук так, как Амброз, всегда заслуживает

снисхождения. Бедняга служил камердинером у лорда Энвона и в ту роковую ночь тоже был в замке, к тому же он питал глубокую привязанность к своему прежнему хозяину. Но наша беседа почему-то приняла печальный оборот, сестра, и теперь, если угодно, мы снова вернемся к туалетам графини Ливен и к дворцовым сплетиям.

ГЛАВА 6

МОЕ ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В тот вечер батюшка рано отослал меня спать, а мне очень хотелось посидеть еще: ведь каждое слово дяди было мне интересно. Его лицо, манеры, широкие, плавные движения белых рук, врожденное чувство превосходства, которое ощущалось в нем, но не подавляло, причудливые речи — все вызывало во мне интерес, все поражало. Но, как я потом узнал, они собирались говорить обо мне, о моем будущем, так что я был отправлен наверх, и далеко за полночь до меня еще доносились глубокие раскаты отцовского баса, мягкий, выразительный голос дяди и изредка негромкие восклицания матушки.

Наконец, я заснул, но почти сразу проснулся: что-то влажное коснулось моего лица, и меня обхватили две теплые руки. Матушка прижалась щекой к моей щеке, я слышал ее всхлипывания, чувствовал, как она вся дрожит во тьме. При слабом свете, который пробивался сквозь оконный переплет, видно было, что она в белом и волосы ее распущены по плечам.

— Ты не забудешь нас, Родди? Не забудешь?

— О чем это вы, матушка?

— Твой дядя, Родди... хочет увезти тебя от нас.

— Когда?

— Завтра.

Да простит меня бог, но как радостно забилось мое сердце, а матушкино — и ведь оно было совсем рядом с моим — разрывалось от горя!..

— О матушка! — воскликнул я.— Неужели в Лондон?

— Сперва в Брайтон, он хочет представить тебя принцу. А на следующий день в Лондон, ты там познакомишься с высокопоставленными особами, Родди, и на-

учишься смотреть сверху вниз... смотреть сверху вниз на своих бедных, простых, старомодных родителей.

Я обнял ее, желая утешить, но она плакала так горько, что, хоть мне и минуло уже семнадцать и я считал себя мужчиной, я и сам не выдержал и заплакал, но у меня не было женского умения рыдать беззвучно, и я стал так громко и тонко всхлипывать, что в конце концов матушка совсем забыла свою печаль и рассмеялась.

— Вот бы Чарльз порадовался, если бы видел, как мы отвечаем на его доброту! — сказала она.— Успокойся, милый, не то ты его разбудишь.

— Если вы так горюете, я не поеду!—воскликнул я.

— Нет, дорогой, тебе надо ехать, ведь, может, у тебя за всю жизнь не будет другого такого случая. И подумай, как мы будем гордиться, когда услышим твое имя среди имен высокопоставленных друзей Чарльза! Но только обещай мне не играть в карты, Родди. Ты ведь слышал сегодня, что́ из этого порой получается.

— Обещаю, матушка.

— И пить будешь с осторожностью, да, Родди? Ты молод и к вину непривычен.

— Да, матушка.

— А еще держись подальше от актерок, Родди. И не снимай теплого белья до самого июня. Молодой Овертон оттого ведь и умер. Одевайся со тщанием, Родди, чтоб дяде не пришлось за тебя краснеть,— он ведь славится своим вкусом. Делай все, как он тебе велит. А когда ты не в свете, надевай свое домашнее платье — коричневый сюртук у тебя еще совсем как новый; да и синий можно носить, только надо его прогладить и сменить подкладку — тебе их хватит на все лето. Я достала твой воскресный сюртук с нанковым жилетом, и коричневые шелковые чулки, и туфли с пряжками, ты ведь завтра поедешь к принцу. Смотри по сторонам, когда будешь в Лондоне переходить улицы. Говорят, там экипажи так мчатся, что и вообразить невозможно. Перед сном аккуратно складывай одежду, Родди, и не забывай помолиться на ночь — тебе предстоят многие искушения, милый, а меня поблизости не будет и я не смогу тебя от них уберечь.

Так, обхватив меня своими теплыми, мягкими руками, матушка учила, и наставляла меня, и напоминала мне о

моих обязательствах перед нашим миром и перед миром иным — так готовила она меня к тому великому шагу, который мне предстояло совершить.

Дядя к завтраку не вышел, но Амброз сварил чашку шоколада и отнес к нему в спальню. Когда же в полдень он наконец появился, он был так хорош: волосы вьются, зубы блестят, глаза смеются и перед одним это чудное стекло, а манжеты кружевные, гофрированные, белые как снег,— что я не мог отвести от него глаз.

— Ну, племянник, как тебе нравится мысль поехать со мной в Лондон? — спросил он.

— Благодарю вас, сэр, за вашу доброту и участие ко мне,— сказал я.

— Но смотри же, не заставляй меня краснеть, Родди. Если мой племянник желает быть мне под стать, он должен выглядеть лучше всех.

— Он отпрыск доброго корня, сэр,— сказал мой батюшка.

— Придется его хорошенько отполировать. Bon ton [1] — вот главное, дорогой мой. И тут дело не в богатстве. Одним богатством этого не добьешься. У Золоченого Прайса сорок тысяч фунтов годового дохода, а одевается он чудовищно. На днях я видел его на Сент-Джеймс-стрит и, поверите ли, так был шокирован его видом, что вынужден был зайти к Верне выпить стакан коньяка. Нет, все дело, разумеется, в природном вкусе и в умении следовать советам и примеру людей более опытных, нежели ты сам.

— Боюсь, Чарльз, что гардероб у Родди слишком провинциальный,— сказала матушка.

— Мы этим займемся в городе. Посмотрим, что́ для него смогут сделать Штульц или Уэстон,— ответил дядя.— Только придется Родди нигде не показываться, пока не будет готово его новое платье.

От такого пренебрежения к моему лучшему костюму матушка покраснела, и это не укрылось от дяди, ибо у него был глаз на подобные мелочи.

— Это отличный костюм для Монахова дуба, сестра,— сказал он.— Но пойми, на Пэл-Мэл он будет выглядеть несколько старомодно. Предоставь мне об этом позаботиться.

[1] Хороший стиль *(франц.)*.

— Сколько денег нужно молодому человеку в Лондоне, чтобы одеваться? — спросил батюшка.

— Светский молодой человек, если он бережлив и благоразумен, вполне может обойтись восемьюстами фунтами в год,— ответил дядя.

У моего бедного батюшки вытянулось лицо.

— Боюсь, сэр, что Родди придется довольствоваться его нынешним гардеробом,— сказал он.— Даже при моих призовых...

— Что вы, сэр! — возразил дядя.— Я должен Уэстону больше тысячи, так что лишние несколько сот ничего тут не изменят. Раз мой племянник едет со мной, я беру на себя все заботы о нем. Это — дело решенное, и я отказываюсь продолжать этот разговор.

И он взмахнул своими белыми руками, словно отметая все возражения.

Родители мои пытались его поблагодарить, но он не дал им и слова вымолвить.

— Кстати, раз уж я оказался в Монаховом дубе, надо мне тут сделать еще одно дело,— сказал он.— Тут ведь живет боксер по имени Гаррисон, который однажды чуть не сделался чемпионом. В те дни мы с несчастным Эйвоном были его главными поклонниками и покровителями. Я бы хотел поговорить с ним.

Вы, конечно, представляете, с какой гордостью я шествовал по улице, сопровождая моего великолепного родича, и как радовался, видя уголком глаза, что все жители подходят к дверям и к окнам, чтобы на нас поглядеть. Чемпион Гаррисон стоял подле кузницы и, увидев моего дядю, снял шапку.

— Господи боже мой! И как же это вас занесло в Монахов дуб, сэр? Вот увидал вас, сэр Чарльз, и сразу про старое вспомнил.

— Рад заметить, что вы прекрасно выглядите, Гаррисон,— сказал дядя, окинув его взглядом.— Что ж, неделя тренировки — и вам опять не будет цены. Думаю, вы весите не больше ста девяноста фунтов.

— Сто девяносто два, сэр Чарльз. Мне уже сороковой год, а руки и ноги у меня хоть куда, да и дыханье тоже. Если бы моя старуха освободила меня от зарока, я бы еще померялся силами с любым молодым. Слыхал я, из Бристоля недавно понаехали сильные боксеры.

— Да, бристольский желтый платок последнее время всех забивает. Как поживаете, миссис Гаррисон? Вы меня, наверно, не помните?

Она вышла из дому, и при виде моего дяди ее усталое лицо, на которое давний страх, казалось, наложил свой отпечаток, стало вдруг жестким и словно бы окаменело.

— Я очень даже хорошо вас помню, сэр Чарльз Треджеллис,— сказала она.— Уж не за тем ли вы пожаловали, чтобы уговорить моего мужа вернуться на старую дорожку?

— Вот она всегда так, сэр Чарльз,— сказал Чемпнон, положив свою ручищу на плечо жены.— Я ей пообещал, и уж она нипочем не вернет мне мое слово! Другой такой хорошей да трудолюбивой жены не сыскать в целом свете, только вот бокс она не жалует, это уж верно.

— Бокс! — с горечью воскликнула женщина.— Для вас-то это — одно развлечение, сэр Чарльз. Приятно прокатились в деревню за двадцать пять миль, и корзинку с завтраком с собой прихватили, и про вино не забыли, а вечером по холодку обратно в Лондон; день провели весело, хороший бой поглядели, есть о чем поговорить. А мне-то каково было с этим боксом! Сидишь, ждешь час за часом да слушаешь, не застучат ли колеса, не везут ли ко мне назад моего муженька. Когда сам в дом войдет, когда под руки его введут, а когда и вовсе внесут, только по одеже его и узнаешь...

— Будет тебе, женушка,— сказал Гаррисон, похлопав ее по плечу.— Конечно, доставалось мне, что и говорить, но уж не так, как ты расписываешь.

— А потом неделями прислушиваешься к каждому стуку в дверь: может, это пришли сказать, что тот, другой, помер и моему-то теперь не миновать суда за убийство!

— Да, нет в ней азарта,— сказал Гаррисон.— Не уважает она бокс! А все Черный Барух виноват: он в тот раз чуть богу душу не отдал! Ну да ладно, я ей обещал, и коли она не освободит меня от обещания, значит, больше никогда не кидать мне шапку через канаты.

— Ты будешь носить свою шапку на голове, Джон, как и подобает честному, богобоязненному человеку,— сказала его жена, уходя в дом.

— Боже меня упаси уговаривать вас нарушить обещание,— сказал мой дядя.— Однако если бы вы опять

пожелали испытать свои силы в боксе, у меня есть для вас хорошее предложение.

— Толку, конечно, не будет,— сказал кузнец,— а послушать мне все одно интересно.

— Есть неподалеку от Глостера очень подходящий экземпляр, сто восемьдесят два фунта весу. Зовут его Уилсон, а прозвали его Крабом — за его стиль.

Гаррисон покачал головой.

— Нет, не слыхал про такого, сэр.

— Это понятно: он еще не выступал ни в одном призовом бою. Но на Западе его ценят очень высоко, и он может потягаться с любым из Белчеров.

— Ну, так это еще не настоящий бокс,— возразил кузнец.

— Мне говорили, он отлично дрался в любительской встрече с Ноем Джеймсом из Чешира.

— Гвардеец Ной Джеймс — боксер что надо, другого такого не сыщешь, сэр,— сказал Гаррисон.— У него челюсть была сломана в трех местах, а он после этого бился еще пятьдесят раундов. Это я своими глазами видел. Если Уилсон и впрямь его одолел, он далеко пойдет.

— На Западе так и думают, и его хотят свести с лондонскими молодцами. Его покровитель — сэр Лотиан Хьюм; короче говоря, он заключил со мной пари, что я не найду Уилсону достойного молодого противника в его весе. Я ему сказал, что никакого хорошего молодого боксера у меня на примете нет, но я знаю одного немолодого, который уже много лет не ступал на ринг, и, однако, он бы заставил его протеже пожалеть, что тот явился в Лондон. «Молодой ли, старый ли, моложе двадцати или старше тридцати пяти — приводите кого хотите, был бы только вес подходящий, и я ставлю на Уилсона два против одного»,— сказал сэр Лотиан. Я заключил с ним пари не на одну тысячу и вот приехал к вам.

— Ничего не выйдет, сэр Чарльз,— сказал кузнец, покачав головой.— Я бы всей душой, да вы ведь сами слыхали.

— Что ж, если вы не хотите драться, Гаррисон, мне надо найти какого-нибудь новичка. Я был бы вам благодарен за совет. Кстати, в следующую пятницу я даю ужин любителям бокса в заведении «Карета и кони» на Сент-Мартин-лейн. Буду рад видеть вас среди моих гос-

тей. Послушайте, а это кто? — И он быстро поднес к глазам лорнет.

С молотом в руке из кузницы вышел Джим. Ворот его серой фланелевой рубахи был расстегнут, рукава засучены. Мой дядя взглядом знатока осмотрел его с головы до ног.

— Это мой племянник, сэр Чарльз.

— Он живет с вами?

— Его родители умерли.

— Бывал он в Лондоне?

— Нет, сэр Чарльз. Он живет у меня с той поры, когда он был еще вот с этот молоток.

Мой дядя повернулся к Джиму.

— Говорят, вы еще не бывали в Лондоне? — сказал он.— В следующую пятницу я даю ужин любителям бокса, ваш дядя там будет. Не хотите ли тоже приехать?

Темные глаза Джима заблестели от удовольствия.

— Я был бы очень рад, сэр.

— Нет, нет, Джим! — быстро сказал кузнец.— Хоть мне и жалко, но ты останешься дома, с теткой. Есть у меня на то свои причины.

— Да что вы, Гаррисон, пусть он съездит!

— Нет, нет, сэр Чарльз! Это для него опасная компания, больно он ретивый. Да и когда я в отлучке, у него работы по горло.

Джим помрачнел и большими шагами зашагал в кузницу. Я проскользнул за ним: мне хотелось его утешить, хотелось рассказать ему обо всех неожиданных и удивительных переменах в моей жизни. Я дошел еще только до середины рассказа, и Джим — добрый малый,— радуясь счастливой перемене в моей судьбе, стал было уже забывать о собственных огорчениях, но тут с улицы донесся голос моего дяди — пора было возвращаться. У наших ворот уже стояла запряженная цугом коляска, и Амброз успел погрузить в нее корзину с закусками, болонку и драгоценную туалетную шкатулку; сам он пристроился на запятках. Отец крепко пожал мне руку, матушка, всхлипывая, обняла меня напоследок, и я сел рядом с дядей в коляску.

— Отпускай! — крикнул конюху дядя.

Звякнула сбруя, застучали копыта, мы тронулись в путь.

Столько лет прошло, а я и сейчас вижу тот весенний день, зеленые поля, облачка, подгоняемые ветром, и наш желтый насупленный домик, в котором я из мальчика превратился в мужчину! А у калитки стоит матушка — отворотилась и машет платочком, и отец, в синем мундире и белых штанах, оперся на палку и, козырьком приставив руку к глазам, напряженно глядит нам вслед. Вся деревня высыпала на улицу, всем хотелось поглядеть, как юный Родди Стоун едет со своим знаменитым лондонским родичем во дворец к самому принцу.

Семейство Гаррисон махало мне, стоя у кузницы, и Джон Каммингз — у гостиницы, и Джошуа Аллен, мой старый школьный учитель, показывал на меня людям, словно бы говоря: вот плоды моего учения. Ну, и для полноты картины, кто бы, вы думали, проехал мимо нас, когда мы выезжали из селения? Мисс Хинтон, актерка; она сидела в том же фаэтоне и правила той же лошадкой, что и при первом появлении в Монаховом дубе, но сама она стала совсем другая, и я подумал тогда, что даже если бы Джим ничего больше не сделал в своей жизни, и то он не зря терял в захолустье золотые годы юности.

Она ехала к нему, на этот счет у меня не было сомнений — они очень сдружились в последнее время, и она даже и не заметила, как я махал ей из коляски. Но вот дорога сделала крутой поворот, маленькое наше селение скрылось из глаз, и вдали, меж холмами за шпилями Пэтчема и Престона, глазам моим открылись широкое синее море и серые дома Брайтона, а между ними, посредине, вздымались причудливые восточные купола и минареты летней резиденции принца. Для всякого иного путешественника это было просто великолепное зрелище, для меня же новый мир, огромный, широкий, свободный, и сердце мое волновалось и трепетало, точно у птенца, когда он впервые заслышит свист ветра при взмахе собственных крыльев и воспарит под голубыми небесами, над зелеными равнинами. Может, и настанет день, когда он с сожалением и раскаянием оглянется на уютное гнездышко в кустах терновника; но что ему за дело до этого сейчас, когда в воздухе пахнет весной, и молодая кровь кипит в жилах, и ястреб тревоги еще не заслонил солнца мрачной тенью своих крыльев!

ГЛАВА 7

НАДЕЖДА АНГЛИИ

Некоторое время дядя правил молча, ио я то и дело чувствовал на себе его взгляд и с тревогой думал, что он уже иачииает сомневаться, будет ли из меия толк и ие совершил ли ои глупость, поддавшнсь уговорам сестры, мечтавшей приобщить сына к той велнколепиой жизии, которою живет ои сам.

— Ты ведь, кажется, поешь, племяииик? — вдруг спросил он.

— Да, сэр, иемного пою.

— У тебя, я полагаю, баритои?

— Да, сэр.

— И твоя матушка говорила, что ты играешь на скрнпке. У прннца тебе это очеиь прнгодится. У иего в семье музыка в чести. Образоваиие ты получил в сельской школе. Что ж, к счастью, в светском обществе ие спрашивают греческую грамматнку. Вполне достаточно знать цитату-другую нз Горация илн Вергилия: это придает пикантность беседе, как долька чесиока — салату. Учеиость ие считается хорошнм тоиом, а вот дать понять, что ты многое уже позабыл, — это очеиь элегаитио. А стихн ты умеешь сочннять?

— Боюсь, что нет, сэр.

— За полкроны тебе кто-нибудь иакропает книжоику стихов. Vers de société [1] могут оказать молодому человеку иеоцеинмую услугу. Если дамы иа твоей стороие, совершеиио иеважно, кто протнв тебя. Тебе надо научиться открывать двери, входить в комиату, предлагать табакерку — при этом крышку открывать иепремеиио указательиым пальцем той руки, в которой ты ее держишь. Ты должеи усвонть, как кланяться мужчние — с чувством собствеииого достоннства и как кланяться даме — весьма почтнтельио и вместе с тем иеприиужденио. Тебе необходимо усвоить такую маиеру обращения с жеищнами, в которой чувствовалась бы и мольба и дерзкая увереииость. Есть у тебя какне-нибудь причуды?

Я рассмеялся — ои спроснл об этом так легко, мимо-

[1] Салонные стншкн *(франц.)*.

ходом, словно обладать какой-либо причудой вполне естественно.

— Смех у тебя, во всяком случае, приятный и заразительный,— сказал он,— но в наши дни причуда считается хорошим тоном, и если ты чувствуешь в себе какую-нибудь странность, мой совет — дай себе волю. Не будь у Питерсхема особой табакерки на каждый день года и не подхвати он насморк из-за оплошности камердинера, который в холодный зимний день отпустил его с тоненькой, севрского фарфора табакеркой вместо массивной черепашьей, он так и остался бы на всю жизнь никому не известным пэром. А это выделило его из толпы, понимаешь ли, и он был замечен. Иной раз даже самые незначительные причуды, ну, скажем, если у тебя в любое время года, в любой день можно отведать абрикосового торта, или если ты тушишь свечу перед сном, засовывая ее под подушку, помогают отличить тебя от твоих ближних. Что до меня, я завоевал свое нынешнее положение благодаря безукоризненно точным суждениям во всем, что касается этикета и моды. Я не делаю вид, будто следую какому-то закону. Я сам устанавливаю закон. Вот, к примеру, я везу тебя сегодня к принцу в нанковом жилете. Как ты думаешь, что̀ из этого воспоследует?

Я со страхом подумал, что воспоследовать может только одно: я буду отчаянно смущаться,—но вслух этого не сказал.

— А вот что: вечерний дилижанс принесет эту новость в Лондон. Завтра утром о ней проведают у Брукса и Уайта. Не пройдет и недели, как на Сент-Джеймсстрит и на Пэл-Мэл проходу не будет от нанковых жилетов. Однажды со мной случилась пренеприятная история. Я не заметил, как на улице развязался галстух, и всю дорогу, пока я шел от Карлтон-Хауса до Ватье на Братен-стрит, концы моего галстуха свободно болтались. Ты думаешь, мне это повредило? В тот же вечер на улицах Лондона появились десятки молодых франтов с незавязанными галстухами. Если бы я на другой же день не привел в порядок свой галстух, сегодня во всем королевстве не было бы уже ни одного завязанного галстуха и по чистой случайности было бы утрачено великое искусство. Ты ведь еще не пробовал в нем свои силы?

Я признался, что нет, не пробовал.

— Начинай сейчас, с юности. Я сам научу тебя coup d'archet[1]. Если ты будешь отдавать этому ежедневно несколько часов, которые иначе все равно протекут у тебя меж пальцев, в зрелые годы у тебя будут превосходно завязанные галстухи. Весь секрет в том, чтобы как можно выше задрать подбородок, а затем укладывать складки, постепенно его опуская.

Всякий раз, когда дядя рассуждал подобным образом, в его темно-синих глазах начинали плясать лукавые огоньки, и я понимал, что это обдуманная причуда и хотя в основе ее лежит природный изощренный вкус, но он намеренно доведен до гротеска по той самой причине, по которой дядя и мне советовал развить в себе какую-либо странность. Когда я вспоминал, как накануне вечером он говорил о своем несчастном друге лорде Эйвоне, с каким чувством рассказывал эту ужасную историю, я с радостью думал, что это и есть его истинная натура, как бы он ни старался ее скрыть.

И вышло так, что очень скоро мне снова представился случай увидеть, каков он на самом деле: когда мы подъехали к «Королевской гостинице», нас подстерегала неожиданная неприятность. Едва наша коляска остановилась, к нам ринулась целая толпа конюхов и грумов, и дядя, отбросив вожжи, достал из-под сиденья подушечку с Фиделио.

— Амброз,— окликнул он,— можете взять Фиделио.

Ответа не последовало. Позади никого не было. Амброз исчез. Мы видели, как он стал на запятки в Монаховом дубе, а ведь всю дорогу мы без остановки мчались во весь опор. Куда же он девался?

— С ним сделался припадок, и он свалился! — вскричал дядя.— Я бы повернул назад, но ведь нас ждет принц. Где хозяин гостиницы?.. Эй, Коппингер, сейчас же пошлите надежного человека в Монахов дуб, пусть скачет во весь дух и разузнает, что случилось с моим камердинером Амброзом. Пусть не жалеет ни сил, ни денег... А теперь мы позавтракаем, племянник, и отправимся в резиденцию принца.

Дядя был очень обеспокоен странным исчезновением

[1] Название узла галстуха *(франц.)*.

камердинера еще и потому, что он привык даже после самого короткого путешествия умываться, принимать ванну и переодеваться. Что до меня, то, помня советы матушки, я тщательно почистил свое платье и постарался придать себе аккуратный вид.

Теперь, когда мне с минуты на минуту предстояло увидеть такую важную, наводящую страх особу, как принц Уэльский, душа у меня ушла в пятки. Его ярко-желтое ландо много раз проносилось через Монахов дуб, и я, как и все, приветствовал его криками и махал шапкой, но даже в самых дерзких снах мне не снилось, что когда-нибудь мне доведется предстать пред его очи и разговаривать с ним. Матушка воспитала меня в почтении к принцу: ведь он один из тех, кого бог поставил управлять нами; но когда я сказал о своих чувствах дяде, он только рассмеялся.

— Ты уже достаточно взрослый, племянник, чтобы видеть все так, как оно есть,— сказал он.— Именно это понимание, эта осведомленность отличают представителей того узкого круга, в который я намерен тебя ввести. Я знаю принца, как никто, и доверяю ему меньше, чем кто бы то ни было. В нем уживаются самые противоречивые свойства. Он всегда спешит, и, однако, ему решительно нечего делать. Он хлопочет из-за того, что его совершенно не касается, и пренебрегает своими прямыми обязанностями. Он щедр с теми, кому ничего не должен, но разоряет своих поставщиков, ибо отказывается платить им. Он мил и любезен со случайными знакомыми, но не любит своего отца, ненавидит мать и рассорился с женой. Он называет себя первым джентльменом Англии, но джентльмены Англии забаллотировали не одного его друга в своих клубах, а его самого вежливо удалили из Ньюмаркета, заподозрив в махинациях с лошадьми. Он целыми днями разглагольствует о благородных чувствах и обесценивает свои слова неблагородными поступками. О чем бы он ни рассказывал, он так бесстыдно преувеличивает свои заслуги, что объяснить это можно лишь безумием, которым отмечен весь его род. И при всем этом он может быть учтив, величествен, иной раз добр; я наблюдал в нем порывы истинного добросердечия, и это заставляет меня смотреть сквозь пальцы на его недостатки;

они объясняются главным образом тем, что он занимает положение, для которого совершенно не подходит. Но это между нами, племянник, а теперь отправимся к принцу, и ты сможешь составить о нем свое собственное суждение.

До дворца было рукой подать, но дорога заняла у нас немало времени, ибо дядя шествовал с величайшим достоинством; в одной руке он держал отороченный кружевом носовой платок, а другой небрежно помахивал тростью с набалдашником дымчатого янтаря. Казалось, здесь его знали все до единого, и при нашем приближении головы тотчас обнажались. Он не очень-то обращал внимание на эти приветствия и лишь кивал в ответ или иной раз слегка взмахивал рукой. Когда мы подошли ко дворцу, нам повстречалась великолепная упряжка из четырех черных как вороново крыло лошадей; ею правил человек средних лет с грубыми чертами лица в немало повидавшей на своем веку пелерине с капюшоном. С виду он ничем не отличался от обыкновенного кучера, только как-то уж очень непринужденно болтал с нарядной маленькой женщиной, восседавшей рядом с ним на козлах.

— А-а! Чарли! Как прокатились? — крикнул он.

Дядя с улыбкой поклонился даме.

— Я останавливался в Монаховом дубе,— сказал он.— Ехал в легкой коляске, запряженной двумя моими новыми кобылами.

— А как вам нравится моя вороная четверка?

— В самом деле, сэр Чарльз, как они вам нравятся? Не правда ли, чертовски элегантны? — спросила маленькая женщина.

— Могучие кони. Очень хороши для суссекской глины. Вот только бабки толстоваты. Я ведь люблю быструю езду.

— Быструю езду? — как-то уж слишком горячо воскликнула женщина.— Так какого ....—И с ее уст посыпалась такая брань, какой я и от мужчины-то ни разу не слыхал.— Выедем голова в голову — и мы уже будем на месте, и обед будет заказан, приготовлен, подан и съеден, прежде чем вы туда успеете добраться.

— Черт подери, Летти права! — воскликнул ее спутник.— Вы уезжаете завтра?

— Да, Джек.

— Что ж, могу вам кое-что предложить, Чарли. Я пускаю лошадей с Касл-сквер без четверти девять. Вы можете отправляться с боем часов. У меня вдвое больше лошадей и вдвое тяжелее экипаж. Если вы хотя бы завидите нас до того, как мы проедем Вестминстерский мост, я выкладываю сотню. Если нет, платите вы. Пари?

— Хорошо,— сказал дядя и, приподняв шляпу, пошел дальше.

Я последовал за ним, но успел заметить, что женщина подобрала вожжи, а мужчина посмотрел нам вслед и на кучерской манер сплюнул сквозь зубы табачную жвачку.

— Это сэр Джон Лейд,— сказал дядя,— один из самых богатых людей и умеет править лошадьми, как никто. Ни один кучер не перещеголяет его ни в брани, ни в умении править, а его жена, леди Летти, не уступит ему ни в том, ни в другом.

— Ее просто страшно было слушать,— сказал я.

— О, это ее причуда. У каждого из нас есть какая-нибудь причуда, а леди Летти очень забавляет принца. Теперь, племянник, держись ко мне поближе, смотри в оба и помалкивай.

Мы с дядей проходили между двумя рядами великолепных лакеев в красных с золотом ливреях, и они низко нам кланялись; дядя шел, высоко подняв голову, с таким видом, точно вступил в свой собственный дом; я тоже пытался принять вид независимый и уверенный, хотя сердце мое трепетало от страха. Мы оказались в высоком, просторном вестибюле, убранном в восточном стиле, что вполне гармонировало с куполами и минаретами, украшавшими дворец снаружи. Какие-то люди, собравшись кучками по несколько человек, прогуливались взад и вперед и перешептывались. Один из них, небольшого роста, краснолицый толстяк, самодовольный и суетливый, поспешно подошел к дяде.

— У меня хороший нофость, сэр Чарльз,— сказал он, понизив голос, как делают, когда сообщают важные известия.— Es ist vollendet [1], наконец-то все стелан как нато.

[1] Это совершено (*нем.*).

— Прекрасно, подавайте горячими,— сухо ответил дядя,— да смотрите, чтоб соус был лучше, чем когда я в последний раз обедал в Карлтон-Хаусе.

— Ах, mein Gott [1], вы тумает, я это об кухия? Нет, я коворю об теле принца. Это один маленький vol-an-vent [2], но он стоит доброй сотни тысяч фунтов. Тесять процент и еще тва раз столько после смерть венценосный папочка. Alles ist fertig [3]. За это взялся гаагский ювелир, и голландский публик собрал теньги по потписка.

— Помоги бог голландской публике! — пробормотал мой дядя, когда толстый коротышка суетливо кинулся со своими новостями к какому-то новому гостю.— Это знаменитый повар принца, племянник. Он великий мастер приготовлять filet santé aux champignons [4]. И к тому же ведет денежные дела своего хозяина.

— Повар?! — изумился я.

— Ты, кажется, удивлен, племянник.

— Я думал, какая-нибудь уважаемая банкирская контора...

Дядя наклонился к моему уху: \

— Ни одна уважаемая банкирская контора не пожелает им заняться... А, Мелиш, принц у себя?

— В малой гостиной, сэр Чарльз,— ответил джентльмен, к которому обратился дядя.

— У него кто-нибудь есть?

— Шеридан и Фрэнсис. Он говорил, что ждет вас.

— Тогда мы войдем без доклада.

Я последовал за дядей через анфиладу престранных комнат, убранных с азиатской пышностью; тогда они показались мне и очень богатыми и удивительными, хотя сегодня я, быть может, посмотрел бы на них совсем другими глазами. Стены были обиты алыми тканями в причудливых золотых узорах, с карнизов и из углов глядели драконы и иные чудища. Наконец, ливрейный лакей растворил перед нами двери, и мы оказались в личных апартаментах принца.

Два джентльмена весьма непринужденно развалились в роскошных креслах в дальнем конце комнаты, а

[1] Господи *(нем.)*.
[2] Пирог из слоеного теста *(франц.)*.
[3] Все готово *(нем.)*.
[4] Курица, фаршированная шампиньонами *(франц.)*.

третий стоял между ними, расставив крепкие, стройные ноги и заложив руки за спину. Сквозь боковое окно падал свет солнца, и я как сейчас вижу все три лица — одно в сумраке, другое на свету и третье, пересеченное тенью. Вижу красный нос и темные блестящие глаза одного из сидящих и строгое, аскетическое лицо другого, и у обоих высокие воротники и пышнейшие галстухи. Но я взглянул на них лишь мельком и сразу же впился глазами в человека, стоящего между ними, так как понял, что это и есть принц Уэльский.

Георгу шел тогда уже сорок первый год, но стараниями портного и парикмахера он выглядел моложе.

При виде принца я как-то сразу успокоился — это был веселый и на свой лад даже красивый мужчина: осанистый, полнокровный, со смеющимися глазами и чувственными, пухлыми губами. Нос у него был слегка вздернут, что прибавляло ему добродушия, но отнюдь не важности. Бледные, рыхлые щеки говорили об излишествах и нездоровом образе жизни. На нем был однобортный черный сюртук, застегнутый до самого подбородка, плотные, облегающие его широкие бедра кожаные панталоны, начищенные до блеска ботфорты и большой белый шейный платок.

— А, Треджеллис! — как нельзя веселее воскликнул он, едва только дядя переступил порог, и вдруг улыбка сошла с его лица, глаза загорелись гневом.

— А это еще что такое, черт побери? — сердито закричал он.

У меня коленки подогнулись от страха; я решил, что эта вспышка вызвана моим появлением. Но принц смотрел куда-то мимо нас, и, оглянувшись, мы увидели человека в коричневом сюртуке и в парике; он шел за нами по пятам, и лакеи пропустили его, думая, очевидно, что он с нами. Он был очень красен и возбужден, и сложенный синий лист бумаги дрожал и шелестел в его руке.

— Да это ж Вильеми, мебельщик! — воскликнул принц.— Черт подери, неужели меня и в моих личных покоях будут тревожить кредиторы? Где Мелиш? Где Таунсенд? Куда смотрит Том Тринг, будь он неладен?!

— Я бы не посмел вас тревожить, ваше высочество, но мне необходимо получить долг или хотя бы одну тысячу в счет долга.

— Необходимо получить, Вильеми? Подходящее словечко, ничего не скажешь! Я плачу долги, когда мне вздумается, и терпеть не могу, когда меня торопят. Гоните его в шею! Чтоб и духу его здесь не было!

— Если к понедельнику я не получу свои деньги, я обращусь в суд вашего папеньки! — завопил несчастный кредитор.

Лакей выпроводил его вон, но из-за двери еще долго доносились дружные взрывы смеха и жалобные выкрики о суде.

— Скамья подсудимых — вот что должно бы интересовать мебельщика в суде,— сказал красноносый.

— И уж он постарался бы сделать ее побольше, Шерри,— ответил принц,— слишком многие подданные пожелали бы туда обратиться... Очень рад снова видеть вас, Треджеллис, но впредь все-таки смотрите, кого вы приносите на хвосте. Только вчера сюда заявился какой-то проклятый голландец и требовал какую-то там задолженность по процентам и черт его знает что еще. «Мой милый,— сказал я ему,— раз палата общин морит голодом меня, я вынужден морить голодом вас». На том дело и кончилось.

— Я думаю, сэр, что если Чарли Фокс или я должным образом подадим этот вопрос палате, она теперь решит его в вашу пользу,— сказал Шеридан.

Принц обрушился на палату общин с такой яростью, какой едва ли можно было ожидать от человека со столь круглым, добродушным лицом.

— Черт бы их всех побрал! — воскликнул он.— Читали мне проповеди, ставили мне в пример образцовую, как они выражались, жизнь моего отца, а потом им пришлось платить его долги чуть не в миллион фунтов, а мне жалеют какую-то несчастную сотню тысяч! И вы только поглядите, как они заботятся о моих братьях! Йорк — главнокомандующий. Кларенс — адмирал. А я кто? Полковник чертова драгунского полка под началом моего собственного младшего брата! А все матушка! Всегда старается держать меня в тени!.. Но кого это вы с собой привели, Треджеллис, а?

Дядя взял меня за плечо и вывел вперед.

— Это сын моей сестры, сэр,— сказал он.— Его зовут Родни Стоун. Он едет со мной в Лондон, и я ре-

шил, что сначала следует представить его вашему высочеству.

— Совершенно верно! Совершенно верно! — сказал принц, добродушно улыбаясь, и дружески похлопал меня по плечу.— Ваша матушка жива?

— Да, сэр,— сказал я.

— Если вы покорный сын, вы никогда не сойдете со стези добродетели. Вы должны чтить короля, любить отечество и стоять на страже достославной британской конституции. Запомните мои слова, мистер Родни Стоун.

Я вспомнил, с каким жаром он только что проклинал палату общин, и едва удержался от улыбки; Шеридан прикрыл рот рукой.

— Чтобы жить счастливо и благополучно, вам надо только исполнять то, что я вам сказал, быть верным своему слову и не делать долгов. А чем занимается ваш батюшка, мистер Стоун? Служит в королевском флоте? Что ж, славная служба. Я ведь и сам немного моряк... Я вам не рассказывал, Треджеллис, как мы взяли на абордаж французский военный шлюп «Минерву»?

— Нет, сэр,— ответил дядя.

Шеридан и Фрэнсис переглянулись за спиной принца.

— Он развернул свой трехцветный флаг в виду моих окон. В жизни не видал такой чудовищной наглости! Этого не вынес бы и не такой горячий человек, как я. Я вскочил в свою шлюпчонку... вы знаете мой шестидесятитонный ял, Чарли, с двумя четырехфунтовыми пушечками по бортам и шестифунтовой на носу.

— Так, так, сэр! И что же дальше, сэр? — воскликнул Фрэнсис, человек, видимо, раздражительный и несдержанный.

— Уж позвольте мне рассказывать так, как это угодно мне самому, сэр Филип,— с достоинством сказал принц.— Да, так я вам уже говорил, артиллерия у нас была совсем легковесная. Право, джентльмены, в сущности, это было все равно, что пойти на противника с пистолетами. Мы подошли к французской громадине. Она палит из всех своих орудий, а мы идем напролом да еще отвечаем из наших пушчонок. Но толку чуть. Черт побери, джентльмены, наши ядра застревают в

обшивке, точно камни в глиняной стене! Француз натянул бортовые сети, но мы мигом вскарабкались на борт и схватились врукопашную. Двадцать минут — и команда шлюпа заперта в трюмах, крышки люков задраены, и шлюп отбуксирован в Снем. Вы ведь были с нами, Шерри?

— Я в это время был в Лондоне,— невозмутимо ответил Шеридан.

— Тогда это можете подтвердить вы, Фрэнсис!

— Могу подтвердить, ваше высочество, что слышал эту историю из ваших уст.

— Славное было дельце! Мы пустили в ход абордажные сабли и пистолеты. Но я-то предпочитаю рапиры. Это — оружие джентльмена. Вы слыхали о моей схватке с кавалером д'Эоном? Мы устроили бой у Анджело, и я держал его на кончике рапиры целых сорок минут. Он был одним из лучших клинков в Европе. Но у меня для него чересчур быстрая рука. «Слава богу, что на острие вашей рапиры есть шишечка»,— сказал он, когда мы кончили. Кстати, Треджеллис, вы ведь тоже немножко дуэлянт! Вы часто деретесь?

— Всякий раз, как мне хочется поразмяться,— беспечно ответил дядя.— Но теперь я пристрастился к теннису. В последний раз со мной вышел досадный случай, и он отбил у меня охоту к дуэлям.

— Вы убили своего противника?

— Нет, нет, сэр, хуже. У меня был сюртук, ничего равного этому сюртуку еще не выходило из рук Уэстона. Сказать, что он хорошо сидел на мне, значит ничего не сказать. Он облегал меня, точно шкура — коня. С тех пор Уэстон сшил мне шестьдесят сюртуков, но ни один не выдерживает с тем никакого сравнения. Когда я впервые увидел, как на нем посажен воротник, я прослезился от умиления, сэр, а талия...

— Ну, а дуэль, Треджеллис? — нетерпеливо воскликнул принц.

— Да, так вот, сэр, по непростительной глупости я надел его на дуэль. Я дрался с гвардейским майором Хантером, у нас с ним вышла небольшая tracasserie [1] после того, как я ему намекнул, что нельзя приходить

[1] Размолвка *(франц.)*.

к Бруксу, когда от тебя разнт конюшней. Я выстрелнл первый и промахнулся. Выстрелнл он — н я вскрикнул от ужаса. «Он ранен! Доктора! Доктора!» — закрнчали все. «Портного! Портного!» — сказал я, нбо полы моего шедевра были пробиты в двух местах. И уже ничем нельзя было помочь. Можете смеяться, сэр, но больше я в жизнн не увижу ничего подобного.

Принц еще раньше предложнл мне сесть, н я сндел на маленьком днванчнке в углу, радуясь, что на меня ннкто не обращает вниманbudget н что можно не принимать участия в беседе, и слушал разговоры этнх господ. Они разговаривалн все в той же экстравагантной манере, прнправляя свон речн множеством бессмысленных бранных слов, но я заметил, что еслн в речах дяди и Шерндана проскальзывал юмор, то в словах Фрэнсиса чувствовался дурной нрав, а в речах прннца склонность к бахвальству. Наконец разговор обратился к музыке — думаю, что это дядя так искусно его повернул,—и, услыхав от него о монх склонностях, принц пожелал, чтобы я сел за чудесное маленькое фортепьяно, отделанное перламутром, которое стояло в углу, н аккомпанировал ему. Песня его, помнится, называлась «Британец покоряет, чтоб спасти», он пел ее весьма прнятным басом, остальные хором подпевали, а когда он закончил, зааплодировали изо всех снл.

— Браво, мнстер Стоун! — сказал принц.— У вас отлнчное туше, можете мне поверить: в музыке я толк знаю. Только на днях Крамер, оперный днрижер, сказал, что из всех любнтелей он вручнл бы свою днрнжерскую палочку именно мне... Э, да это ж Чарлн Фокс, черт возьми!

Он кннулся навстречу человеку весьма странного внда, который только что вошел в комнату, и с необычайной теплотой пожал ему руку. Вновь пришедший был плотен, шнрокоплеч, одет просто, даже небрежно, держался неуклюже, ходнл вперевалочку. Ему шел, должно быть, шестой десяток, лицо его, смуглое, суровое, иссечено было глубокнмн морщинами — следамн долгой нлн слншком бурной жнзни. Мне никогда не доводнлось видеть лнцо, в котором так тесно сплелнсь бы добродетелн с пороком. Большой, высокнй лоб фнлософа, из-под густых навнсших бровей

глядят проницательные, насмешливые глаза. И тяжелая челюсть сластолюбца, двойной подбородок, упирающийся в галстух. Лоб принадлежал Чарльзу Фоксу — государственному мужу, мыслителю, филантропу, человеку, который руководил либеральной партией и поддерживал ее дух в самое трудное ее двадцатилетие. Челюсть же принадлежала Чарльзу Фоксу, каким он был в частной жизни,— игроку, распутнику, пьянице. Но в самом страшном грехе — лицемерии — его никак нельзя было обвинить. В пороке и в добродетели он был равно откровенен. По странной прихоти природы в одном теле как бы уместились две души, в одной оболочке оказалось заключено и все лучшее и все самое дурное, что было присуще его веку.

— Я приехал из Чертси, сэр, просто, чтобы пожать вам руку и убедиться собственными глазами, что вас не уволокли тори.

— Черт возьми, Чарли! Вы же знаете, что я и в горе и в радости верен своим друзьям! Вигом я был, вигом и остаюсь.

Судя по выражению лица Фокса, он вовсе не был уверен, что принц так уж тверд в своих принципах.

— Насколько я понимаю, сэр, до вас добрался Питт.

— Добрался, будь он неладен! Меня мутит от одного вида его острого носа, который он вечно сует в мои дела. И он и Эддингтон опять попрекали меня моими долгами. Черт побери, Чарли, Питт держится так, будто глубоко меня презирает.

Улыбка, мелькнувшая на выразительном лице Шеридана, убедила меня, что так оно и есть на самом деле. Но тут все они углубились в политику, замолкая лишь для того, чтобы выпить сладкого мараскино, которое внес на подносе лакей. Несмотря на прекрасный совет, поданный мне принцем относительно британской конституции, он проклинал сейчас всех подряд: короля, королеву, палату лордов и палату общин.

— Да ведь они дают мне такие крохи, что не хватает даже на содержание моего двора! Я ведь должен платить пенсии старым слугам, мне еле-еле удается наскрести для этого деньги. Но как бы там ни было,— он горделиво выпрямился и многозначительно кашлянул,— мой финансовый агент сделал заем, который бу-

дет возвращен после смерти короля. Это вино не для нас с вами, Чарли. Мы оба чертовски раздобрели.

— Подагра обрекает меня на неподвижность,— сказал Фокс.— Каждый месяц мой лекарь делает мне кровопускание, но я от этого только толстею. Сейчас, глядя на нас, вам даже и в голову не придет, Треджеллис, что мы вытворяли... Да, нам есть что вспомнить, Чарли!

Фокс улыбнулся и покачал головой.

— Помните, как мы мчались в Ньюмаркет перед скачками? Мы остановили почтовую карету, Треджеллис, засунули форейторов в багажник, а сами вскочили на их места. Чарли правил передней лошадью, а я коренником. Какой-то наглец не хотел пропустить нас через заставу, тогда Чарли соскочил и мигом скинул сюртук. Мошенник решил, что перед ним боксер, и не стал нас задерживать.

— Кстати, о боксерах, сэр: в пятницу в заведении «Карета и кони» я даю ужин любителям бокса,— сказал мой дядя.— Если вы окажетесь в городе и соблаговолите к нам заглянуть, все почтут это за великую честь.

— Я не был на боксе уже четырнадцать лет, с тех пор, как портной Том Тайн убил Графа. Я тогда дал зарок, а вы ведь знаете, Треджеллис, я человек слова. Конечно, я не раз потом бывал на боксе, но инкогнито, не как принц Уэльский.

— Мы почтем за честь, сэр, если вы пожалуете на наш ужин инкогнито.

— Ладно, ладно. Шерри, запишите, чтобы не забыть. В пятницу мы будем в Карлтон-Хаусе. Принц не приедет, вы это, надеюсь, понимаете, Треджеллис, но вы можете оставить кресло для графа Честера.

— Мы будем счастливы видеть у себя графа Честера, сэр.

— Кстати, Треджеллис,— сказал Фокс,— ходит слух, что вы с сэром Лотианом Хьюмом заключили какое-то пари. Что за пари?

— Да пустяки, две его тысячи против моей одной. Он в восторге от Краба Уилсона — это новый боксер из Глостера,— и я должен найти боксера, который его побьет. По условиям, ему может быть и меньше два-

дцати и больше тридцати пяти лет, лишь бы весил примерно сто восемьдесят фунтов.

— Тогда непременно спросите мнение Чарли Фокса,— сказал принц.— Когда дело идет о том, на какую лошадь или на какого петуха поставить, как выбрать партнера за карточным столом или боксера, у него самый верный глаз во всей Англии. Так что вы скажете, Чарли, кто бы мог побить Краба Уилсона из Глостера?

Я был поражен, услыхав, с каким интересом и знанием дела все эти вельможи говорят о боксе. Они знали наперечет все бои не только лучших боксеров того времени — Белчера, Мендосы, Джексона, Голландца Сэма,— но и самых безвестных; знали о них все, могли перечислить, когда и с кем кто дрался, и предсказать, что с кем будет дальше. Они никого не забыли, они обсудили всех старых и молодых — их вес, выносливость, силу удара, телосложение.

Глядя, с каким азартом Шеридан и Фокс спорили о том, выстоит ли Калеб Болдуин, вестминстерский уличный торговец, против Исаака Биттуна, еврея, невозможно было и подумать, что один из них глубочайший в Европе философ-политик, а другого будут помнить как автора остроумнейшей комедии и самой знаменитой речи той эпохи.

Имя Чемпиона Гаррисона всплыло в самом начале разговора, и Фокс, который был очень высокого мнения о Крабе Уилсоне, полагал, что дядя выиграет пари только при одном условии: если ветеран снова выйдет на ринг.

— Он неповоротлив, но зато он умеет думать на ринге и удар у него сокрушительный. Когда он нанес решающий удар Черному Баруху, тот перелетел через все канаты и шлепнулся среди зрителей. Если он еще не вовсе выдохся, Треджеллис, лучшего боксера вам не найти.

Дядя пожал плечами.

— Будь тут несчастный Эйвон, кузнеца, может, и удалось бы уговорить: ведь Эйвон был его покровителем, и Гаррисон был очень ему предан. Но жена его — слишком для меня крепкий орешек. А теперь, сэр, разрешите откланяться. У меня сегодня беда: пропал мой камердинер, лучший во всей Англии; надо узнать, чем

кончились розыски. Благодарю вас, ваше высочество, за то, что вы так милостиво обошлись с моим племянником.

— Значит, до пятницы,— сказал принц.— В пятницу мне все равно надо быть в городе, один бедняга — офицер на службе у Индийской компании — обратился ко мне за помощью. Если удастся раздобыть несколько сот фунтов, я с ним повидаюсь и все улажу... Что ж, мистер Стоун, перед вами еще вся жизнь, и, я надеюсь, вы проживете ее так, что дядя сможет вами гордиться. Чтите короля и относитесь с должным уважением к конституции, мистер Стоун. И смотрите избегайте долгов и помните, что честь превыше всего.

Я сохранил его в памяти таким, каким видел в эту последнюю минуту: пухлое добродушное лицо, завязанный под самым подбородком шейный платок и широкие бедра, обтянутые кожаными штанами. Мы опять прошли через анфиладу диковинных комнат с позолоченными чудищами и великолепными ливрейными лакеями, и, когда я снова оказался на воздухе, увидел перед собой широкую синь моря и меня овеяло свежим вечерним ветерком, я испытал огромное облегчение.

ГЛАВА 8

БРАЙТОНСКАЯ ДОРОГА

На другое утро мы с дядей поднялись рано; но он был явно не в духе: об Амброзе все не было никаких вестей. Я как-то читал об особой породе муравьев, которые привыкли, что их кормят муравьи помельче, и, лишившись своих нянек, погибают от голода; дядя напоминал мне сейчас такого муравья. Ему удалось наконец кое-как совершить свой туалет лишь с помощью слуги, которого где-то раздобыл для него хозяин гостиницы, и лакея, которого спешно отрядил к нему Фокс.

— Я должен выиграть эти гонки, племянник,— сказал он, когда мы встали из-за стола.— Я не могу позволить, чтобы меня обошли. Выгляни в окно, посмотри, здесь ли Лейды.

— На площади стоит красная карета четверкой, а вокруг толпа. Да, на козлах та самая дама.

— А наша коляска подана?

— Да, ждет у дверей.

— Тогда идем, тебе предстоит незабываемая поездка.

Он остановился в дверях, натягивая длинные коричневые перчатки и отдавая распоряжения конюхам.

— Тут имеет значение каждая унция лишнего веса. Корзинку с завтраком не возьмем... Болонку оставляю на ваше попечение, Коппингер. Вы ее знаете и понимаете. Давайте ей, как обычно, теплое молоко с кюрасо... Тпру, милые, до Вестминстерского моста вам еще успеет надоесть это занятие.

— Прикажете принести туалетную шкатулку? — спросил хозяин гостиницы.

В душе дяди явно происходила борьба, но он остался верен своим принципам.

— Поставьте ее под сиденье, под переднее сиденье,— сказал он.— Держись как можно ближе к передку, племянник. Ты умеешь дудеть в рожок? Ну что ж, раз нет, значит, бог с ним. Подтяните эту подпругу, Томас. Вы смазали ступицы, как я велел? Ну, племянник, прыгай, мы их проводим.

На площади собралась огромная толпа — мужчины и женщины, торговцы и щеголи — придворные принца, офицеры из гавани, слышался взволнованный гул голосов, ибо сэр Джон Лейд и мой дядя славились своим умением править лошадьми и состязанию между ними предстояло на много дней стать темой бесконечных разговоров.

— Принц будет огорчен, что не увидел старта,— сказал дядя.— Но до полудня он не показывается... А, Джек, доброе утро!.. Ваш слуга, сударыня! Прекрасный день для небольшой прогулки!

Когда наша коляска с двумя крепкими, запряженными цугом лошадьми, шерсть которых блестела и переливалась на солнце, точно шелковая, поравнялась с четверкой сэра Лейда, по толпе прокатился гул восхищения. Мой дядя, в желтовато-коричневом выездном редингote, с упряжью в тон, был поистине великолепен: сразу видно великосветского кучера-любителя. А у

сэра Джона Лейда было грубое, обветренное лицо, плащ со множеством накидок и белая шляпа; окажись он в трактире, среди настоящих кучеров, он вполне сошел бы там за своего, и никто бы не догадался, что это один из богатейших землевладельцев Англии. То был век всяческих чудачеств, но сэр Лейд выкинул такую штуку, которая поразила даже самых непревзойденных чудаков: он женился на возлюбленной знаменитого разбойника с большой дороги, когда виселица разлучила ее с другом сердца. Леди Лейд восседала сейчас рядом с мужем и в сером дорожном костюме и украшенной цветами шляпке выглядела весьма эффектно, а четверка великолепных вороных коней с отливающими золотом могучими крупами нетерпеливо била копытами.

— Ставлю сотню, что, если вы дадите нам четверть часа форы, вам не удастся завидеть нас раньше Вестминстера,— сказал сэр Джон.

— Ставлю еще сотню, что мы вас обойдем,— ответил дядя.

— Хорошо. Нам пора. До свидания!

Сэр Лейд прищелкнул языком, тряхнул вожжами, отсалютовал кнутом, как настоящий кучер, и тронул лошадей, да так искусно взял поворот с площади, что толпа разразилась восторженными криками. Грохот колес по булыжной мостовой становился все тише, тише, пока не затих совсем.

Никогда еще четверть часа не тянулись так бесконечно долго, но вот наконец церковные часы начали бить девять. Все это время я нетерпеливо вертелся и ерзал на сиденье, но бесстрастное, бледное лицо дяди, его голубые глаза были так же спокойны и невозмутимы, как у равнодушнейшего из зрителей. На самом же деле он был натянут, как струна, и мне показалось, что он взмахнул кнутом одновременно с первым ударом часов,— он не хлестнул лошадей, лишь щелкнул кнутом — и сразу же загрохотали колеса, зазвенела сбруя, лошади понесли нас в наш пятидесятимильный путь. Я слышал крики позади, видел, как люди высовывались из окон и махали платками, и вдруг кончилась мощеная улица, перед нами извивалась хорошая белая дорога, и с двух сторон к ней подступали зеленые холмы.

Дядя снабдил меня шиллингами на тот случай, если нас остановят у заставы, но весь трудный подъем до Клейтон-Хилла он сдерживал лошадей, и они шли легкой рысью. Он дал им волю лишь за Клейтон-Хиллом, и мы так молниеносно пронеслись через Монахов дуб и пустырь, что желтый домик, в котором осталось все, что я любил больше всего на свете, промелькнул мимо нас в один миг. Никогда еще я не ездил так быстро, никогда не испытывал такой радости оттого, что в лицо с силой ударяет бодрящий воздух, а прямо передо мной мчатся великолепные животные; оттого, что громко стучат копыта, и гремят колеса, и подпрыгивает и качается легкая коляска.

— Отсюда до Хэнд-Кросса добрых четыре мили, и все в гору,— сказал дядя, когда мы промчались через Какфилд.— Надо немного попридержать лошадей, я не могу себе позволить погубить таких великолепных животных. У них в жилах течет отличная кровь, и если у меня хватит жестокости дать им волю, они будут мчаться, пока не упадут. Привстань на сиденье, племянник, и посмотри, не видно ли Лейдов.

Я встал, держась за плечо дяди, и хотя видел вперед на целую милю, а то и больше, четверки Лейда не было и следа.

— Если он через все эти холмы гнал лошадей во всю прыть, они у него выбьются из сил еще до Кройдона,— сказал дядя.

— У них четверка против нашей пары,— заметил я.

— Je suis bien aise[1]. Вороные сэра Джона — хорошая, выносливая порода, но для быстрой езды они не созданы, не то что мои гнедые. Вон там, видишь, башни, это Какфилдский замок. Теперь мы идем в гору, так что садись в самый перед, племянник, прямо на щиток. Нет, ты только посмотри, как тянет эта кореиная. Ты когда-нибудь видел такую легкость и красоту?

Мы поднимались на холм легкой рысцой, и все же возчик, шагавший по обочине в тени своего грузного фургона с массивными колесами, проводил нас недоуменным взглядом. Почти у самого Хэнд-Кросса мы

[1] Я очень рад *(франц.)*.

обогналн дилнжанс, который отправился нз Брайтона в половине восьмого утра; он тяжело взбирался в гору, а пассажнры, которые брелн позадн, задыхаясь от пылн, проводили нас прнветственнымн криками. В Хэнд-Кроссе хозяин гостнницы выбежал нз дверей с джнном н нмбнрным пряником, но мы промчались мнмо: дорога накоиец-то пошла внnз, н мы понеслись со всей быстротой, на какую былн способны восемь превосходных лошадиных ног.

— Ты умеешь править, племянник?

— Очень скверно, сэр.

— Впрочем, на Брайтонской дороге это нскусство нн к чему.

— Как так, сэр?

— Слншком хорошая дорога, племяннпк. Мне достаточно отпустить вожжи, и лошади самн домчат меня до Вестмиистера. Раньше было не так. В дин моей молодости здесь, как н на любой другой дороге, можно было обучнться всем тонкостям этого нскусства. Теперь южнее Лестершнра уже нет настоящей езды. А вот если человек сумеет проехать в экипаже по дорогам Йоркшира, значнт, он прошел хорошую школу.

Мы промчалнсь через Кролн-Даун, на всем скаку въехалн на главную улицу селеиия Кролн н так ловко проскочилн между двумя фургонамн, что мне стало ясно: умелому кучеру еще н сегодня есть где показать свое искусство. Прн каждом повороте я пристально смотрел вперед — не завнжу лн нашнх протнвнпков, а дядя, казалось, совсем о них н не думал, он наставлял меия н пересыпал свои советы таким колнчеством специальных словечек, что я едва поспевал за его мыслью.

— Держн каждую вожжу на другом пальце, не то перепутаются,— говорнл он.— А что до кнута, так чем меньше ты будешь нм размахнвать, тем лучше, еслн у тебя лошади самн рвутся вперед, но еслн тебе хочется ехать быстрее, смотрн ударяй нменно ту, какую требуется, но после этого кнутом ие поигрывай. Я вндел однажды, как всякнй раз, когда кучер хотел хлестнуть прнстяжную, доставалось пассажиру, сидевшему за ннм на крыше с этого боку. Еслн не ошнбаюсь, вон то облако пылн — это онн.

Перед нами тянулась ровная лента дороги, перечеркнутая многочисленными тенями растущих по обочинам деревьев. Через зеленые поля катила ленивые голубые воды неторопливая река и прямо перед нами скрывалась под мост. Вдали молодые пихты, а за их оливковой гранью быстро несся вперед белый вихрь, точно облако в ветреный день.

— Да-да, это они! — воскликнул дядя.— Кто еще будет так мчаться? Знаешь, когда мы у Кимберхемского моста пересечем дамбу, это будет уже половина пути, и мы проделали ее за два часа четырнадцать минут. Принц доехал до Карлтон-Хауса на трех лошадях за четыре с половиной часа. Первая половина пути самая скверная, и, если все пойдет хорошо, мы побьем его время. Мы можем до Рейгета выиграть несколько минут.

И мы понеслись. Гнедые, казалось, понимали, что̀ за белое облако вьется впереди, и они гнались за ним, как борзые. Мы настигли какой-то фаэтон, запряженный парой и направлявшийся в Лондон, и вот он уже далеко позади, словно даже и не двинулся с места. Деревья, ворота, дома, приплясывая, проносились мимо. Мы слышали крики людей, работавших в поле,— они, видно, думали, что мы удираем от погони. А мы неслись все быстрее и быстрее, и копыта стучали точно кастаньеты, и развевались золотистые гривы, и колеса жужжали и скрипели, и стонали шарниры и заклепки, и коляску бросало из стороны в сторону, так что я в конце концов, сам того не заметив, уцепился за боковой поручень. Когда впереди, в ложбине, показались бурые дома и серые черепичные крыши Рейгета, дядя придержал лошадей и посмотрел на часы.

— Мы проделали последние шесть миль меньше чем за двадцать минут,— сказал он.— Теперь у нас есть в запасе время, и если попоить лошадей в «Красном льве», им это не повредит... Красная карета четверкой проехала? — спросил он конюха.

— Только что, сэр.

— Очень гнали?

— Прытко скакали, сэр! На углу Хай-стрит сбили колесо у тележки мясника. Мальчишка мясника еще и головы не успел повернуть, а их уже и след простыл.

Фью-у-у! — взвился длинный кнут; и вот мы уже

снова мчимся во весь опор. В Редхилле был базарный день, и вся дорога оказалась забита повозками со всевозможной снедью, гуртами волов и фермерскими двуколками. Было на что посмотреть, когда мой дядя прокладывал путь в этой сутолоке. Мы промчались через базарную площадь, вслед нам неслись крики мужчин, визг женщин, испуганно кудахтали куры, а мы уже снова мчались по дороге, и перед нами был крутой Редхиллский подъем. Дядя взмахнул кнутом и лихо гикнул.

Впереди, вверх по холму, катилось облако пыли, и в нем смутно маячили спины наших противников, сверкала медь, мерцало что-то алое.

— Ну, пари наполовину выиграно, племянник. Теперь надо их обойти... Наддайте жару, красавицы!.. Черт возьми, Китти охромела!

И в самом деле, передняя лошадь вдруг стала припадать на одну ногу. В тот же миг мы выскочили из коляски и опустились на колени около лошади. Дело было всего лишь в камешке, который застрял в стрелке подковы, но, чтобы вытащить его, нам потребовалось минуты две. Когда мы снова заняли свои места, Лейды уже скрылись за холмом, и мы потеряли их из виду.

— Не повезло,— буркнул дядя.— Но далеко им не уйти! — Впервые за все время он хлестнул лошадей (до этой минуты он лишь взмахивал кнутом над их головами).— Если мы обгоним их на ближайших милях, дальше можно будет ехать тише.

Лошади уже заметно устали. Они дышали часто и хрипло, а прекрасные шкуры потемнели от пота. Однако, поднявшись на вершину холма, они снова помчались во весь дух.

— Куда, черт возьми, они девались? — воскликнул дядя.— Ты их видишь, племянник?

Перед нами расстилалась длинная белая лента дороги, вся испещренная точками,— то двигались повозки и фургоны из Кройдона в Редхилл, но большая красная карета словно сквозь землю провалилась.

— Вон они! Свернули! Свернули в сторону! — закричал дядя, заворачивая гнедых на боковую дорогу, справа от той, по которой мы ехали.— Вот они, племянник! На вершине холма!

И в самом деле, справа от нас, где дорога, извиваясь, шла снова вверх, появилась четверка — лошади скакали во весь опор. Наши гнедые напрягли все силы, прибавили ходу — и расстояние между нами и Лейдом стало понемногу сокращаться. Я уже видел черную ленту на белой шляпе сэра Джона, а вот уже можно сосчитать складки на его плаще, и наконец я увидел хорошенькое личико его жены — она как раз оглянулась на нас.

— Мы на проселочной дороге, она ведет в Годстон и Уорлингем,— сказал дядя.— Лейд, должно быть, решил, что выиграет время, если свернет с дороги, по которой все едут на базар. Но впереди чертовски крутой спуск. Если я не ошибаюсь, племянник, тебе предстоит развлечение.

И в ту же минуту вдруг исчезли передние колеса четверки, потом исчез сам экипаж, потом фигуры людей на козлах, и все это так неожиданно и стремительно, словно карета запрыгала вниз по трем первым ступеням гигантской лестницы. Еще миг — и мы уже тоже на этом месте, а перед нами крутая и узкая дорога, извиваясь, длинными петлями спускается в долину. Красная карета, со свистом рассекая воздух, стремительно катится вниз.

— Так я и знал! — закричал дядя.— Раз он не тормозит, я тоже не стану... Ну-ка, милые, один добрый рывок — и они увидят лишь наши спины.

Мы перемахнули через гребень и бешено ринулись вниз, а перед нами с громом и грохотом неслась огромная красная карета. Вот мы уже в облаке поднятой ею пыли и ничего не видим, лишь смутно различаем какое-то алое пятно посередине, карету бросает из стороны в сторону, и с каждой секундой очертания ее становятся все более четкими. Мы слышим, как щелкает впереди кнут, как пронзительно понукает лошадей леди Лейд. Дядя не произносит ни слова; я бросаю на него быстрый взгляд и вижу, что губы его крепко сжаты, глаза блестят, а на бледных щеках проступил неяркий румянец. Погонять лошадей было незачем: они неслись так быстро, что теперь их нельзя было ни остановить, ни придержать. Голова нашей передней лошади поравнялась с задними колесами красной кареты, потом с

передними... Следующую сотню ярдов мы не выиграли ни единого дюйма, потом наши лошади сделали рывок, и передняя уже шла в голову с вороным коренником Лейда, а наше переднее колесо оказалось всего в каком-нибудь дюйме от их заднего.

— Пыльная работа! — спокойно сказал дядя.

— Погоняй, Джек, погоняй! — взвизгнула леди Лейд.

Сэр Джон вскочил и хлестнул лошадей.

— Берегитесь, Треджеллис! — закричал он.— Кому-то не миновать разбиться!

Теперь мы шли рядом с нашими противниками, круп к крупу, колесо к колесу. Нас разделяли каких-нибудь шесть дюймов, и я каждую секунду ожидал, что вот сейчас колесо со скрежетом ударится о колесо. Но теперь, когда мы вынырнули из облака пыли, нам видна была дорога впереди, и от того, что мы там увидели, дядя даже присвистнул.

Ярдах в двухстах перед нами лежал мост с деревянными столбами и перилами по обеим сторонам. У моста дорога сужалась, два экипажа рядом там проехать не могли. Кто-то должен будет уступить дорогу. Наши колеса уже поравнялись с коренниками Лейда.

— Я впереди! — закричал дядя.— Вам придется придержать лошадей, Лейд!

— Как бы не так! — прорычал тот.

— Ни за что! — пронзительно закричала его супруга.— Погоняй, Джек. Знай погоняй!

Мне казалось, мы все вместе устремляемся в пропасть. Но дядя сделал то единственное, что еще могло нас спасти. Отчаянным усилием мы еще могли вырваться вперед до въезда на мост. Дядя вскочил и стегнул обеих лошадей по бокам; обезумев от непривычной боли, они яростно рванулись вперед. Грохоча, наши экипажи рядом неслись вниз, и все мы, вне себя от возбуждения, наверно, громко кричали, но вот мы стали постепенно вырываться вперед и, почти обойдя наших противников, влетели на мост. Я оглянулся и увидел, как леди Лейд, сжав свои белые хищные зубки, вся подалась вперед и обеими руками вцепилась в вожжи.

— Прижми их, Джек! — вопила она.— Прижми этих... пока они еще не проскочили!

Схвати она вожжи секундой раньше, мы неминуемо налетели бы на деревянные столбы и вместе с ними рухнули бы в речную глубь. Но теперь нас задел не могучий круп пристяжной, а ее плечо, и ей не удалось сбить нас в сторону. Я увидел кровавый рубец — он вдруг проступил на вороной шкуре, но в следующее мгновение мы уже мчались по дороге, а четверка стояла на месте, и сэр Джон и его супруга, соскочив на землю, осматривали раненую лошадь.

— Поубавьте шагу, красавицы! — крикнул дядя, опускаясь на сиденье, и оглянулся через плечо.— Я бы никогда не поверил, что сэр Джон Лейд способен на подобную выходку — пустить пристяжную поперек дороги. Такого рода mauvaise plaisanterie [1] недопустимы. Он сегодня же вечером получит от меня несколько строк.

— Это сделала леди Лейд,— сказал я.

Дядя просветлел и рассмеялся.

— Значит, это малютка Летти, вот как? — сказал он.— Я сам должен был это понять. Чувствуется рука покойного висельника. Ну, дамам я пишу совсем другие послания, так что просто поедем своей дорогой, племянник, и возблагодарим судьбу, что мы целыми и невредимыми переехали через Темзу.

Мы остановились в Кройдоне, в «Борзой», и там наших добрых гнедых почистили, обласкали и накормили, после чего мы не спеша поехали дальше через Норбери и Стритем. Постепенно полей становилось все меньше, ограды стали длиннее, виллы все теснее жались друг к другу, пока не сошлись вплотную, и вот мы уже едем между двумя рядами домов с богатыми магазинами на углах, и по улице стремится такой поток экипажей, какого я еще не видывал.

Потом мы вдруг оказались на широком мосту через темно-бурую, угрюмую реку, по которой плыли тупоносые баржи. Справа и слева по берегам, насколько хватал глаз, тянулась изломанная, неровная линия разноцветных домов.

[1] Дурные шутки *(франц.)*.

— Это парламент,— сказал дядя, показывая кнутом на одно из зданий,— а вон те черные башни — Вестминстерское аббатство... Как поживаете, ваша светлость? Как поживаете?.. Вон тот дородный господин в синем, на коне с пышным хвостом — герцог Норфолкский. А теперь мы на Уайтхолле. Слева казначейство. Главный штаб английской армии, а вон, видишь, на тех воротах высечены каменные дельфины — это Адмиралтейство.

Я, как и всякий юноша, воспитанный в провинции, думал, что Лондон — это сплошь дома, каменный лес, и был поражен, увидев зеленые лужайки между ними и прелестные деревья в нежной весенней листве.

— Да, это Королевские сады,— сказал дядя,— а вон окно, из которого Карл сделал последний шаг — на эшафот. Даже и подумать нельзя, что гнедые проделали пятьдесят миль, правда? Ты только взгляни, как les petites chéries [1] выступают, чтобы сделать честь своему хозяину. Посмотри на господина с резкими чертами лица — вон он выглядывает из окна кареты. Это Питт, он направляется в парламент. Сейчас мы въезжаем на Пэл-Мэл, вон то огромное здание слева — Карлтон-Хаус, дворец принца. А это Сент-Джеймс — вон тот громадный закопченный дворец с часами и перед ним два часовых в красных мундирах. Это знаменитая улица, она носит то же имя, Сент-Джеймс, это центр мира, племянник; вот начинается Джермин-стрит; а вот и мой домик, мы доехали из Брайтона меньше чем за пять часов.

ГЛАВА 9

У ВАТЬЕ

Особнячок дяди на Джермин-стрит был совсем маленький — пять комнат и мансарда. «Хороший повар и хижина — вот все, что требуется философу»,— сказал сэр Чарльз. Но комнаты были обставлены с присущим ему изяществом и вкусом, так что его приятели, даже самые богатые, обнаруживали в этих маленьких комна-

[1] Эти милые крошки *(франц.)*.

тах нечто, после чего их собственные пышные особняки больше не казались им такими уж безупречными. Даже мансарда, где для меня устроили спальню, была хоть и крохотная, но на редкость изящная. Во всех комнатах было множество красивых, дорогих безделушек, так что дом походил на прелестный маленький музей, который привел бы в восторг всякого истинного знатока. Видя, что я разглядываю эти милые вещицы, дядя пожал плечами и слегка махнул рукой.

— Это все des petites cadeaux [1],— сказал он.— Но скромность не позволяет мне добавить еще какие-либо объяснения.

Нас ждала записка от Амброза, но она не объяснила его исчезновение, а, напротив, делала его еще более загадочным.

«Дорогой сэр Чарльз Треджеллис,— гласила она,— я всегда буду сожалеть, что обстоятельства вынудили меня так внезапно оставить службу у вас, но по дороге из Монахова дуба в Брайтон случилось нечто, заставившее меня поступить именно так, а не иначе. Я, однако, надеюсь, что через некоторое время смогу к вам вернуться. Рецепт желатина для манишек хранится в сейфе банка Драммонда.

Ваш смиренный слуга

Амброз».

— Да,— сердито сказал дядя,— придется искать ему замену. Но что же все-таки могло случиться прямо на дороге, когда мы скакали во весь опор? Конечно, такого искусника по части шоколада и галстухов мне не сыскать. Je suis desolé! [2]. А теперь, племянник, надо послать за Уэстоном и заняться твоим гардеробом. Джентльмену не пристало ходить к мастеру, мастер должен приходить к джентльмену. Пока тебя не оденут как следует, придется тебе жить затворником.

Меня обмерили с головы до пят, это оказалось весьма торжественной и серьезной процедурой, но не шло ни в какое сравнение с примеркой, которая происходила два дня спустя,— дядя терзался мрачными предчув-

[1] Маленькие знаки внимания, подарки *(франц.)*.
[2] Я в отчаянии *(франц.)*.

ствиями всякий раз, когда на меня надевали какую-нибудь часть костюма. Он спорил с Уэстоном о каждом шве, лацкане, фалде, и они крутили меня и вертели во все стороны, так что под конец у меня закружилась голова. Потом, когда все уже, как мне казалось, было решено, явился молодой мистер Браммел, который обещал перещеголять в щегольстве даже моего дядю, и все началось сначала. Он был хорошо сложен, этот Браммел, светлый шатен, с красивым, удлиненным лицом и рыжеватыми бакенбардами. Манеры его отличались некоторой томностью, говорил он медлительно, и хотя превосходил дядю своеобразием речей, в нем не чувствовалось той мужественности и решительности, которая сквозила за дядиной манерностью.

— А, Джордж! — воскликнул дядя.— Я думал, вы уже в своем полку.

— Я подал в отставку,— растягивая слова, ответил Браммел.

— Я был уверен, что этого не миновать.

— Да. Десятый полк послали в Манчестер, и я, разумеется, не мог поехать в такую глушь. Кроме того, майор оказался чудовищным грубияном.

— То есть как?

— Он вообразил, что я должен знать назубок все его нелепые правила маршировки, а у меня, как вы понимаете, и без того есть чем занять мысли. На плацу я сразу находил свое место, так как всегда прямо позади меня оказывался один красноносый кавалерист, на чубаром коне. Это меня избавило от многих неприятностей. Но на днях, когда я явился на плац, я проскакал в одну сторону, в другую, но красноносый будто сквозь землю провалился! Наконец, когда я уже совсем не знал, что делать, я вдруг его увидел — он стоял в стороне в полном одиночестве, ну, и я, конечно, тут же стал перед ним. Оказалось, его поставили охранять плац, и майор позволил себе так забыться, что сказал, будто я понятия не имею о своих обязанностях.

Дядя рассмеялся, а Браммел придирчиво оглядел меня с головы до ног.

— Это вполне сносно,— сказал он.— Темно-желтый с синим — отличное сочетание для джентльмена. Но сюда больше подошел бы вышитый жилет.

«Родни Стоун»

«Родни Стоун»

— Не согласен,— горячо возразил дядя.

— Мой дорогой Треджеллис, вы непогрешимы во всем, что касается галстухов, но уж о жилетах разрешите мне иметь собственное суждение. Сейчас жилет выглядит превосходно, но небольшая красная вышивка придала бы ему необходимую законченность.

Они спорили добрых десять минут, приводили множество примеров и сравнений, ходили вокруг меня, склоняли головы набок, подносили к глазам лорнеты. Наконец они на чем-то помирились, и я вздохнул с облегчением.

— Мои слова, мистер Стоун, ни в коем случае не должны поколебать вашу веру в суждения сэра Чарльза,— с большим чувством заявил Бруммел.

Я заверил его, что у меня этого и в мыслях не было.

— Будь вы моим племянником, я бы, разумеется, хотел, чтобы вы следовали моему вкусу. Но вы и так будете выглядеть превосходно. У меня есть молодой родственник, в прошлом году он явился в город с письмом, кое препоручало его моим заботам. Но он не желал слушать иных советов. На исходе второй недели я встретил его на Сент-Джеймс-стрит в сюртуке табачного цвета, сшитом у провинциального портного. Он мне поклонился. Я, разумеется, знал, как мне следует поступить. Я посмотрел сквозь него, и на этом его карьере в столице пришел конец. Вы ведь из провинции, мистер Стоун?

— Из Суссекса, сэр.

— А, Суссекс? Там живут мои прачки— где-то близ Хайуордс-Хит есть одна, которая отлично крахмалит рубашки. Я посылаю ей каждый раз две штуки, потому что, если послать больше, она разволнуется и будет уже не так внимательна. Стирать умеют только в провинции. Но если бы мне пришлось там жить, я был бы безутешен. Ну что там делать порядочному человеку?

— Вы не охотитесь, Джордж?

— Только за женщинами. А неужели вы охотитесь с гончими, Чарльз?

— Прошлой зимой я ездил на охоту с Бельвуаром.

— Что за радость — скакать в толпе засаленных фермеров? Конечно, у каждого свой вкус, но я, например,

предпочитаю днем сидеть у Брукса, а вечером в уютном уголке за макао у Ватье — так я получаю все, что нужно для тела и для души. Вы слышали, как я пощипал пивовара Монтэга?

— Меня не было в городе.

— Я выиграл у него восемь тысяч за один вечер. «Теперь я буду пить ваше пиво, мистер пивовар»,— сказал я. «Его пьют все лондонские мерзавцы»,— ответил он. Это было чудовищно невежливо с его стороны, но не все умеют проигрывать изящно. Что ж, я иду на Кларджес-стрит — хочу заплатить ростовщику Кингу часть процентов. Вы не собираетесь в ту сторону? Ну, тогда до свидания! Мы еще, разумеется, увидимся в клубе или на Пэл-Мэл.— И он нетороплива удалился.

— Этому молодому человеку суждено занять мое место,— мрачно сказал дядя, когда Бруммел вышел.— Он еще слишком молод и незнатного рода, но завоевал положение в обществе хладнокровным бесстыдством, природным вкусом и изысканной манерой выражаться. Никто не умеет грубить столь любезно. Уже сейчас в клубах его суждения соперничают с моими. Что ж, каждому свое время, и, когда я почувствую, что мое миновало, я больше ни разу не покажусь на Сент-Джеймс-стрит: вторые роли не по мне. А теперь, племянник, в этом сюртуке ты можешь появиться где угодно, так что, если хочешь, сядем в коляску, и я покажу тебе город.

Какими словами передать все, что мы видели и что делали в этот восхитительный весенний день! Казалось, меня перенесли в сказочный мир, и дядя, точно добрый волшебник в длиннополом сюртуке с высоким воротником, показывал мне этот мир. Он привез меня в Вест-Энд. Мимо проносились яркие кареты, спешили в разные стороны дамы в разноцветных нарядах и мужчины в темных сюртуках; они торопливо переходили улицу, возвращались обратно — мне казалось, я попал в муравейник, который разворошили палкой. Бесконечны были берега, образуемые домами, неиссякаемым живой поток, стремящийся меж ними — ничего подобного я и представить себе не мог. Потом мы проехали по Стрэнду, где толпа была еще гуще, и даже проникли за Темплбар, в Сити, но дядя просил меня никому не

говорить, что возил меня туда: он не хотел, чтобы это стало известно. Я увидел там биржу и Английский банк, кофейню Ллойда, торговцев в коричневых сюртуках, с резко очерченными лицами, торопливо шагающих клерков, могучих ломовых лошадей и усталых возчиков. То был совсем иной мир, непохожий на тот, что остался в западной части города,— мир энергии, силы, где нет места лени и праздности. И хоть я был тогда еще очень молод, я понял, что именно здесь, среди леса мачт торговых кораблей, среди тюков, которые громоздятся до самых окон пакгаузов, среди нагруженных фургонов, что с грохотом катятся по булыжной мостовой,— именно здесь сосредоточено могущество Британии. Лондонское Сити — это тот главный корень, от которого пошли империя, богатство и многие иные прекрасные побеги. Могут меняться моды, речи, манеры, но дух предприимчивости, которым на этом небольшом пространстве проникнуто решительно все, должен остаться неизменным, ибо, если иссякнет он, иссякнет все, чему он дал начало.

Мы позавтракали у Стивена, в модной гостинице на Бонд-стрит, от дверей которой до конца улицы выстроилась вереница тильбюри и верховых лошадей. Оттуда мы отправились на Пэл-Мэл в Сент-Джеймском парке, потом к Бруксу, в знаменитый клуб вигов, а оттуда к Ватье, где собирались светские игроки. Повсюду я встречал людей одного сорта — очень прямых, с очень тонкими талиями; все они выказывали моему дяде величайшее почтение и ради него были учтивы со мной. Разговор всюду напоминал тот, что я уже слышал в Брайтоне у принца,— болтали о политике, о здоровье короля, о расточительности принца, о том, что скоро должна вновь начаться война, о скачках, о боксе. Я убедился также, что дядя был прав: чудачества вошли в моду,— и если в Европе нас по сей день считают нацией помешанных, то это потому, что в ту пору путешествовать отправлялись лишь лица из того круга, с которым мне тогда довелось познакомиться, и только по ним Европа составляла свое представление об англичанах.

То была эпоха героизма и безрассудства. С одной стороны, угроза нашествия Буонапарте, нависшая над

Англией, выдвинула на передний план таких солдат, моряков и государственных деятелей, как Питт, Нельсон, а позднее Веллингтон. Мы были сильны оружием, и скоро нам предстояло прославиться литературой, ибо ни один европейский писатель не мог в то время сравниться с Вальтером Скоттом и Байроном. С другой стороны, примесь безумия, истинного или напускного, была тем ключом, который отворял двери, запертые для мудрости и добродетели. Один способен был войти в гостиную вверх ногами, другой подпиливал себе зубы, чтобы свистеть, как заправский кучер, третий говорил вслух все, что думал, и потому все время держал в страхе своих гостей,— именно таким людям было легче всего выдвинуться в лондонском свете. Безрассудство не пощадило и героев — лишь немногие сумели устоять против этой заразы. В эпоху, когда премьер-министр был пьяница, лидер оппозиции — распутник, а принц Уэльский — и то и другое вместе, трудно было найти человека, который был бы образцом и в частной и в общественной жизни. И однако при всех своих несовершенствах то был век сильных духом, и можете считать, что вам очень повезло, читатель, если в ваше время появятся разом такие пять имен, как Питт, Фокс, Скотт, Нельсон и Веллингтон.

В тот вечер у Ватье, сидя подле дяди на красном бархатном диванчике, я впервые увидел кое-кого из людей, чья слава и чудачества не забыты миром еще и по сей день. Длинный зал, с множеством колонн, с зеркалами и канделябрами, был переполнен полнокровными, громкоголосыми джентльменами во фраках, в белых шелковых чулках, в батистовых манишках, с маленькими плоскими треуголками под мышкой.

— Старик с кислой миной и тонкими ногами — это герцог Куинсберри,— сказал дядя.— В состязании с графом Таафом он проехал в фаэтоне девятнадцать миль за один час, и ему удалось за полчаса передать письмо на расстояние в пятьдесят миль — письмо перебрасывали из рук в руки с крикетным мячом. А разговаривает он с сэром Чарльзом Бенбери из Жокей-клуба, который удалил принца из Ньюмаркета, так как заподозрил его жокея Сэма Чифни в мошенничестве. К ним сейчас подошел капитан Барклей. Это великий

поклонник тренировки: он прошел девяносто миль за двадцать один час. Стоит взглянуть на его икры — и сразу станет ясно, что сама природа создала его для этого. А вон еще один любитель прогулок — у камина, в пестром жилете. Это Щеголь Уэлли, он ходил пешком в Иерусалим в длинном синем сюртуке, в ботфортах и в штанах из оленьей кожи.

— А зачем ему это понадобилось, сэр? — удивленно спросил я.

Дядя пожал плечами.

— Так ему вздумалось,— сказал он.— Эта прогулка раскрыла перед ним двери высшего света, что куда важнее Иерусалима. Человек с крючковатым носом — лорд Питерсхем. Он встает в шесть вечера, и у него лучшие в Европе запасы тончайших нюхательных табаков. Разговаривает он с лордом Пэмьюром, который может в один присест выпить шесть бутылок кларета, а потом как ни в чем не бывало вести споры с епископом... Добрый вечер, Дадли!

— Здравствуйте, Треджеллис! — Пожилой, рассеянного вида человек остановился возле нас и смерил меня взглядом.— Чарли Треджеллис вывез из провинции какого-то юнца,— пробормотал он.— Не похоже, что он будет делать ему честь... Уезжали из Лондона, Треджеллис?

— Да, на несколько дней.

— Гм,— сказал этот господин, переведя сонный взгляд на дядю.— Выглядит скверно. Если он не займется собой всерьез, его в самое ближайшее время вынесут из дома ногами вперед! — Он кивнул и прошел дальше.

— Не падай духом, племянник,— со смехом сказал дядя.— Это старый лорд Дадли. Он имеет обыкновение думать вслух. Все привыкли к его оскорблениям и теперь уже просто не обращают на него внимания. Всего лишь на прошлой неделе он обедал у лорда Элгина и стал извиняться перед обществом за из рук вон плохо приготовленные кушанья. Видишь ли, он думал, что обедает у себя дома. Все это помогло ему занять особое место в обществе. А сейчас он допекает лорда Хэйрвуда. Хэйрвуд известен тем, что во всем подражает принцу. Однажды принц случайно заложил

косичку парика за воротник сюртука, а Хэйрвуд тотчас взял и отрезал косичку от своего парика, решив, что они вышли из моды. А вот урод Ламли. В Париже его прозвали L'homme laid [1]. Рядом с ним лорд Фоли, его называют «Номер одиннадцать», потому что у него очень тонкие ноги.

— Здесь и мистер Браммел, сэр,— сказал я.

— Да, он сейчас к нам подойдет. У этого молодого человека есть будущее. Ты заметил, он так оглядывает залу из-под опущенных век, словно, придя сюда, оказал нам снисхождение? Мелкая самонадеянность невыносима, но, когда она доведена до предела, она уже заслуживает уважения. Как поживаете, Джордж?

— Вы слышали о Вnäркере Мертоне? — спросил Браммел, подходя к нам в сопровождении еще нескольких щеголей.— Он сбежал с отцовской кухаркой и женился на ней!

— Как же поступил лорд Мертон?

— Сердечно поздравил сына и признался, что был излишне низкого мнения об его умственных способностях. Он намерен жить вместе с молодой четой и назначить им весьма солидное содержание при условии, что новобрачная будет исполнять свои прежние обязанности. Да, кстати, ходят слухи, что вы женитесь, Треджеллис!

— Пожалуй, нет,— ответил дядя.— Было бы ошибкой отдать все внимание одной, если оно доставляет удовольствие многим.

— Совершенно с вами согласен, точнее не скажешь!— воскликнул Браммел.— Разве справедливо разбить дюжину сердец ради того, чтобы осчастливить одно? На будущей неделе я отбываю на континент.

— Судебные пристава?

— Какая жалкая фантазия, Пьерпойнт! Нет-нет, я просто решил соединить полезное с приятным. К тому же разные мелочи можно купить только в Париже, и надо сделать кое-какие запасы, на случай если опять начнется война.

[1] Урод *(франц.)*.

— Совершенно справедливо,— сказал дядя, по-видимому, решив перещеголять Бруммела в чудачестве.— Зеленовато-желтые перчатки я обычно выписывал из Пале-Рояль. Когда в девяносто третьем году разразилась война, я на девять лет оказался отрезанным от своих поставщиков. Если бы мне не удалось нанять люггер и провезти перчатки контрабандой, мне пришлось бы все эти годы носить английские рыжевато-коричневые.

— Англичане — прекрасные мастера, когда надо изготовить утюг или кочергу,— сказал Бруммел,— но предметы более изящные им не по силам.

— У нас недурные портные,— заметил дядя,— но наши материи однообразны и в них чувствуется недостаток вкуса. Мы стали одеваться очень старомодно, и в этом виновата война. Она лишила нас возможности путешествовать, а ведь ничто так не расширяет кругозор, как путешествия. Вот, например, в прошлом году на площади Св. Марка в Венеции я увидел совершенно необычный жилет. Он был желтый, с очаровательным розовым мотивом. Да разве бы я его когда-нибудь увидел, если бы не путешествовал! Я привез жилет в Лондон, и некоторое время это был последний крик моды.

— Принц тоже носил такой.

— Да, он обычно следует моему примеру. В прошлом году мы так похоже одевались, что нас часто путали. Конечно, это мне не комплимент, но ничего не поделаешь. Принц часто жалуется, что на нем вещи выглядят хуже, чем на мне, но разве я могу ответить правду? Кстати, Джордж, я что-то не видел вас на балу у маркизы Дуврской.

— Нет, я проскучал там четверть часа. Странно, что вы меня не видели. Я, правда, почти не отходил от двери — ведь предпочтение вызывает ревность.

— Я приехал рано,— сказал дядя,— мне говорили, что там будет несколько сносных débutantes [1]. А я всегда бываю рад, когда можно хоть одной сказать комплимент. Это случается не часто, ведь я очень разборчив.

[1] Здесь — молодые девушки, которых впервые вывезли в свет *(франц.)*.

Так они беседовали, эти удивительные люди, а я глядел то на одного, то на другого и не мог понять, как они ухитряются не рассмеяться в лицо друг другу. Но нет, напротив, оба сохраняли полную серьезность, то и дело обменивались полупоклонами, раскрывали и закрывали табакерки, взмахивали обшитыми кружевом носовыми платками. Вокруг них собралась толпа, все молча слушали, и я видел, что разговор их воспринимается как состязание двух соперников — законодателей моды. Конец этой беседе положил герцог Куинсберри: он взял Бруммела под руку и увел его, а дядя выставил напоказ свою обшитую кружевом батистовую манишку и вытянул кружевные манжеты, всем своим видом словно говоря, что поле боя осталось за ним. С того дня прошло сорок семь лет. Где теперь все эти франты, где их изящные маленькие шляпы, удивительные жилеты, сапожки, в которые можно было глядеться, как в зеркало? Они жили странной жизнью, эти люди, и умирали странной смертью: одни накладывали на себя руки, другие кончали жизнь нищими, третьи — в долговой тюрьме, четвертые — самые блистательные из них — в сумасшедшем доме в чужой стране.

— Это карточная зала, Родни,— сказал дядя, когда мы на обратном пути проходили мимо какой-то открытой двери.

Я заглянул туда и увидел длинный ряд столиков, крытых зеленым сукном; вокруг каждого сидело несколько человек, а в стороне стоял стол подлиннее, и оттуда доносился приглушенный гул голосов.

— Здесь разрешается терять все, кроме мужества и самообладания,— продолжал дядя.— А, сэр Лотиан, надеюсь вам сопутствовала удача.

Из карточной залы вышел высокий, сухопарый человек с суровым аскетическим лицом. Густые брови нависли над бегающими серыми глазками, щеки и виски глубоко запали, точно выдолбленные водою в камне. Он был в черном и слегка покачивался, словно пьяный.

— Отчаянно проигрался,— коротко ответил он.

— В кости?

— Нет, в вист.

— Ну, в вист особенно много не проиграешь!

— Не проиграешь? — огрызнулся он.— Поиграйте-ка по сотне за взятку и по тысяче за роббер, и посмотрим, что вы скажете, если пять часов подряд вам будет идти скверная карта.

Отчаяние на лице этого человека явно поразило дядю.

— Надеюсь, все не так уж плохо,— сказал он.

— Достаточно плохо. Не будем об этом говорить. Между прочим, вы уже нашли боксера, Треджеллис?

— Нет.

— Вы что-то долго мешкаете. Не забывайте — играй или плати. Если ваш боец не выйдет на ринг, я потребую свой выигрыш.

— Соблаговолите назначить день, сэр Лотиан, и я предъявлю вам своего боксера,— холодно сказал дядя.

— Через четыре недели, считая с сегодняшнего дня, если угодно.

— Хорошо. Восемнадцатого мая.

— К тому времени я надеюсь изменить свое имя.

— Что это значит? — удивился дядя.

— Вполне возможно, что я стану лордом Эйвоном.

— Как! У вас есть новости? — воскликнул дядя, и голос его дрогнул.

— Мой агент пишет из Монтевидео, будто у него есть доказательства, что Эйвон умер именно там. Да и вообще нелепо полагать, будто оттого, что убийца предпочитает скрываться от правосудия...

— Соблаговолите не употреблять этого слова, сэр Лотиан,— оборвал его дядя.

— Вы были там, так же как и я. Вы сами знаете, что он убийца.

— Говорю вам, я не желаю этого слышать.

Свирепые серые глазки сэра Лотиана опустились, не выдержав гневного взора моего дяди.

— Хорошо, не будем об этом, но ведь нелепо же думать, что титул и состояние могут вечно висеть в воздухе. Я наследник, Треджеллис, и, видит бог, я намерен получить то, что мне принадлежит по праву.

— А я, как вам известно, ближайший друг лорда Эйвона,— непреклонно возразил дядя.— Его исчезновение не изменило моих чувств к нему, и, пока судьба его не будет выяснена окончательно, я сделаю все, что

в моих силах, чтобы оградить от посягательств его права.

— Пеньковая веревка и сломанная шея — вот и все его права,— ответил сэр Лотиан и вдруг, совершенно переменив выражение лица, взял дядю за рукав и сказал другим тоном:

— Ну-ну, Треджеллис, я ведь тоже был ему другом, но изменить то, что случилось, мы не можем, и теперь уже поздно ссориться из-за этого. Ваше приглашение на ужин в пятницу остается в силе?

— Разумеется.

— Я приведу Краба Уилсона, и мы окончательно уговоримся об условиях нашего маленького пари.

— Хорошо, сэр Лотиан. Надеюсь вас там увидеть.

Они поклонились друг другу, и дядя постоял еще немного, глядя, как тот пробирается сквозь толпу.

— Он хороший охотник, племянник,— сказал он.— Бесстрашный наездник, лучший в Англии стрелок из пистолета, но... человек опасный!

ГЛАВА 10

БОКСЕРЫ

В те годы, если джентльмен хотел прослыть покровителем спорта, он время от времени давал ужин любителям; такой вот ужин и устроил дядя в конце первой недели моего пребывания в Лондоне. Он пригласил не только самых в ту пору знаменитых боксеров, но и таких великосветских любителей бокса, как мистер Флетчер Рейз, лорд Сэй энд Сил, сэр Лотиан Хьюм, сэр Джон Лейд, полковник Монтгомери, сэр Томас Эприс, высокородный Беркли Крейвен, и многих других. В клубах уже знали, что на ужине будет присутствовать принц, и все жаждали получить приглашение.

Заведение «Карета и кони» было хорошо известно любителям спорта, его держал бывший боксер-профессионал. Этот низкопробный трактир мог удовлетворить

самым богемным вкусам. Люди, пресыщенные роскошью и всяческими удовольствиями, находили особую прелесть в возможности спуститься в самые низы, так что в Ковент-Гардене или на Хеймаркет под закопченными потолками ночных кабаков и игорных домов зачастую собиралось весьма изысканное общество — это был один из многих тогдашних обычаев, которые теперь уже вышли из моды. Изнеженным сибаритам нравилось иной раз махнуть рукой на кухню Ватье, Уда, на французские вина и пообедать в портерной грубым бифштексом, запивая его пинтой эля из оловянной кружки,— это вносило разнообразие в их жизнь.

На улице собралась толпа простолюдинов, желавших поглазеть на боксеров, и, когда мы шли сквозь эту толпу, дядя шепнул мне, чтобы я глядел в оба и не забывал о своих карманах. Мы вошли в большую комнату — выцветшие красные гардины на окнах, пол посыпан песком, стены увешаны олеографиями, на которых изображены боксеры и скаковые лошади. Повсюду темные в винных пятнах столы; за одним из них сидят человек шесть весьма грозной наружности, а самый страшный взгромоздился на стол и непринужденно болтает ногами. Перед ними стоит поднос со стаканами и оловянными кружками.

— Ребят одолела жажда, сэр, так что я подал им пива,— шепнул дяде хозяин гостиницы.— Я думаю, вы не против, сэр.

— Конечно, нет, Боб! Как поживаете, ребята? Как дела, Мэддокс? Как дела, Болдуин? А, Белчер, очень рад вас видеть.

Боксеры все разом поднялись и сняли шапки. Только тот, который сидел на столе, так и остался сидеть, по-прежнему болтая ногами, и хладнокровно глядел дяде прямо в лицо.

— Как поживаете, Беркс?

— Не жалуюсь, а вы как?

— Говори «сэр», когда обращаешься к джентльмену,— сказал Белчер и вдруг рывком наклонил стол, так что Беркс соскользнул чуть ли не в объятия дяди.

— Эй-эй, Джем, поосторожней,— хмуро сказал он.

— Я тебя выучу хорошим манерам, Джо, твой-то папаша, видать, мало тебя учил. Ты ведь не на попойке,

ты среди благородных джентльменов, так что уж и сам веди себя как джентльмен.

— Меня и так все считают джентльменом,— хрипло ответил Беркс,— а если я чего не так сказал или сделал...

— Ладно, ладно, Беркс, все в порядке,— поспешно сказал дядя, стараясь все сгладить и предотвратить ссору, готовую вспыхнуть в самом начале вечера.— А вон и еще наши друзья... Как поживаете, Эприс? Как поживаете, Полковник? А, Джексон, вы нынче выглядите куда лучше... Добрый вечер, Лейд. Надеюсь, ваша приятная поездка пошла на пользу леди Лейд... А, Мендоса, судя по вашему виду, вы готовы сию минуту перебросить шляпу через канаты. Рад вас видеть, сэр Лотиан. Вы встретите здесь кое-кого из старых друзей.

Среди великосветских любителей спорта и боксеров, толпящихся в комнате, я заметил крепко сбитую фигуру и широкое добродушное лицо Чемпиона Гаррисона. Вместе с ним в эту низкую, пропахшую краской комнату словно ворвалась струя свежего воздуха с Южного Даунса, и я кинулся пожать ему руку.

— Мистер Родни... Да нет, видно, вас теперь надо величать мистером Стоуном, вас теперь и не узнать вовсе. Неужто это и впрямь вы приходили к нам да раздували мехи, пока мы с Джимом стучали по наковальне? Да вы просто красавчик стали, вот ей-богу!

— Что нового в Монаховом дубе? — нетерпеливо спросил я.

— Ваш отец известил меня, мистер Родни; он говорит, быть войне, и думает повидать вас в Лондоне; он собирается к лорду Нельсону — узнать, скоро ли его назначат на корабль. Матушка ваша пребывает в добром здравии, в воскресенье я видел ее в церкви.

— А Джим как?

Добродушное лицо Чемпиона Гаррисона омрачилось.

— Очень он хотел поехать со мной, да я его не взял; есть у меня на то причина, так что считайте, между нами кошка пробежала. В первый раз это у нас с ним, мистер Родни. А я не зря его не пускаю, уж вы мне поверьте, он малый гордый, да еще забрал в голову

всякое, а стоит ему разок побывать в Лондоне, он и вовсе покой потеряет. Вот я и велел ему оставаться дома да задал разную работу, чтоб хватило, покуда не вернусь.

К нам направлялся высокий, превосходно сложенный человек, одетый весьма элегантно. Он с изумлением взглянул на моего собеседника и протянул ему руку.

— Кого я вижу? Джек Гаррисон! — воскликнул он.— Какими судьбами? Откуда ты взялся?

— Рад тебя видеть, Джексон,— ответил мой собеседник.— Ты все такой же, ни чуточки не постарел.

— Благодарствую, мне грех жаловаться. Я так и ушел с ринга непобитым — некому было со мной тягаться, вот и стал тренером.

— А я теперь кузнецом в Суссексе.

— Я все удивлялся, почему это ты ни разу не попытался побить меня. И, скажу по чести, как мужчина мужчине, я очень этому рад.

— Приятно слышать такие слова от тебя, Джексон. Я-то, может, и попытался бы, да моя старуха не велела. Она добрая жена, и я не могу идти поперек ее воли. А здесь мне что-то невесело, я этих ребят, почитай, никого и не знаю.

— Ты и сейчас мог бы уложить кое-кого из них,— сказал Джексон, щупая бицепсы моего друга.— На двадцатичетырехфутовом ринге еще не бывало боксера с лучшими данными. Я бы с превеликим удовольствием поглядел, как ты разделался бы кое с кем из этих юнцов. Может, попробуешь, а?

Глаза Гаррисона заблестели, но он покачал головой.

— Нет, Джексон, не пойдет. Я обещал своей старухе. А это Белчер? Вон тот красивый парень в больно ярком сюртуке?

— Да, это Джем. Ты его даже не видал? Ему цены нет.

— Слыхал. А рядом с ним это кто? Складный паренек.

— Это новичок с Запада, Краб Уилсон.

Чемпион Гаррисон с интересом его оглядел.

— Слыхал,— сказал он.— Говорят, на него пари держат, так, что ли?

— Да. Сэр Лотнан Хьюм, вон тот джентльмен с худым лнцом, ставит на него против любого боксера сэра Треджеллнса. Мы, верно, еще услышим сегодня про эту встречу. Джем Белчер очеиь высоко ценит Краба Унлсона. А это младший брат Белчера, Том. Он тоже посматривает, с кем бы сразиться. Говорят, он быстрее Джема, а вот удар у него полегче. Я это про твоего брата, Джем.

— Мальчик свое возьмет,— сказал Белчер, подходя к нам.— Вот затвердеют у него хрящи, тогда ои иикому не уступит. В Бристоле молодых боксеров, что в виином погребе бутылок. У нас еще два на подходе, Галлн н Пнрс, оии вашнм лондонскнм покажут где ракн зимуют.

— А вот н прннц,— сказал Джексон, увидав, что у дверей подиялась суета.

Георг быстро вошел в комнату, на его прнятном лице сняла добродушиая улыбка. Дядя сердечно его приветствовал н представнл ему кое-кого нз любнтелей бокса.

— Не мниовать скаидала, старшой,— сказал Белчер Джексону.— Джо Беркс тянет джнн из пивной кружкн, а ты и сам знаешь, он настоящая свнньь, когда упьется.

— Одернул бы ты его, старшой,— послышались голоса боксеров.— Он н трезвый-то не золото, а уж когда налакается, вовсе удержу не знает.

За отвагу н такт боксеры выбрали Джексоиа своим старостой и даже называлн его своим главиокомандующим. Вместе с Белчером ои тотчас направнлся к столу, на котором все еще восседал Беркс. Лицо грубияна уже пылало, глаза потускнели н налилнсь кровью.

— Сегодня надо держать себя в руках, Беркс,— сказал Джексон.— Здесь сам прниц, а...

— Я его никогда не вндывал,— завопнл Беркс и чуть не свалился со стола.— Где он тут, старшой? Скажи ему, мол, Джо Беркс желает удостоиться чести пожать ему руку.

— Нет-нет, Джо,— сказал Джексон, прндержнвая Беркса, который иачал было проталкиваться сквозь тол-

пу.— Не забывайся, Джо, не то мы спровадим тебя подальше, и уж тогда кричи сколько хочешь.

— Это куда ж, старшой?

— На улицу. Через окошко. Мы хотим сегодня тихо посидеть вечерок, и если ты примешься за свои уайтчепелские фокусы, мы с Белчером тебя выставим.

— Все будет в аккурате, старшой,— проворчал Беркс,— зря, что ли, меня называют джентльменом.

— И я всегда то же говорю, Джо Беркс. Так что смотри, таким себя и оказывай. Ну, ужин подан, и вон принц и лорд Сил уже пошли. По двое, ребята, и не забывайте, в каком вы сегодня обществе.

Ужин был накрыт в большой комнате, стены которой были увешаны государственными флагами и девизами. Столы стояли буквой П; дядя сидел посредине главного стола, принц — по правую руку от него, лорд Сил — по левую. Он заранее мудро распределил места, так что знатные господа сидели вперемежку с боксерами, и не надо было бояться, что рядом окажутся два врага или что боксер, потерпевший поражение в недавнем бою, будет соседом своего удачливого противника. Мое место оказалось между Чемпионом Гаррисоном и толстым краснолицым человеком, который шепотом сообщил мне, что он «Билл Уорр, хозяин трактира на Джермин-стрит и боксер первостатейный».

— Жир меня губит, сэр,— сказал он.— Прибывает не по дням, а по часам. При ста девяноста фунтах я бы еще мог драться, а во мне уже двести тридцать восемь. Дело мое виновато. Стоишь весь день за стойкой и то с одним пропустишь стаканчик, то с другим, а отказаться нельзя: как бы не обидеть посетителя. Это и до меня многих хороших боксеров сгубило.

— Вам бы мою работенку,— сказал Гаррисон.— Я кузнец и за пятнадцать лет ни фунта не прибавил.

— Всяк по-своему свой хлеб добывает, да только наших ребят все больше тянет завести трактир. А вот Уилл Вуд, которого я победил на сороковом раунде на Нэйвстокской дороге во время снежного бурана, он возчик. Головорез Ферби служит в ресторации. Дик Хемфри торгует углем — он всегда был вроде как джентльмен. Джордж Инглстоун — возчиком у пивовара. Каж-

дый по-своему добывает на хлеб. Но есть в городе одна штука — в провинции вам это не грозит,— господа вечно бьют тебя по роже.

Я никак не думал услышать подобную жалобу от знаменитого боксера, но силачи с бычьими шеями, сидевшие напротив, согласно закивали.

— Верно говоришь, Билл,— подтвердил один из них.— Я уж столько от них натерпелся, небось, больше всех. Вечером вваливаются в мое заведение, а уж в голове хмель. «Ты Том Оуэн, боксер?» — это один какой-нибудь спрашивает. «К вашим услугам, сэр»,— отвечаю. «Тогда получай»,— говорит он и как даст в нос! Или тыльной стороной по челюсти заедет, да так, что искры из глаз. А потом всю жизнь хвастаются: я, мол, нокаутировал Тома Оуэна.

— Ну, а ты сдачи даешь? — спросил Гаррисон.

— А я им объясняю. Я говорю: «Послушайте, господа, бокс — моя работа, я не бьюсь задаром. Вот ведь лекарь не станет лечить задаром или там мясник — не отдаст он задаром филейную часть. Выкладывайте денежки, хозяин, и я отделаю вас по всем правилам. Но не надейтесь, что чемпион среднего веса станет вас тузить за здорово живешь».

— Вот я тоже так, Том,— сказал мой дородный сосед.— Коли они выкладывают на прилавок гинею, а они, когда уж очень пьяные, могут и выложить, я отделываю их сколько положено за гинею и беру денежки.

— А если не выкладывают?

— Ну, тогда это оскорбление действием подданного его величества, Уильяма Уорра, и утречком я его волоку к судье, и тогда уж, коли не хочешь сидеть неделю в каталажке, выкладывай двадцать шиллингов.

Ужин меж тем был в полном разгаре — ели солидно, основательно, как принято было во времена ваших дедов, которых, кстати, по этой самой причине некоторым из вас не довелось увидеть.

Громадные ломти говядины, седло барашка, копченые языки, телячьи и свиные паштеты, индейки, цыплята, гуси, а к ним всевозможные овощи, разные огненные настойки да крепкий эль всех сортов. За столом с такими кушаньями четырнадцать веков назад мог-

ли сидеть их норманнские или германские предки; сквозь пар, поднимавшийся от тарелок, я глядел на эти жестокие, грубые лица, на могучие плечи, и мне легко было вообразить, что это одна из тех оргий, о которых я читал,— когда буйные сотрапезники жадно обгладывали кость, а потом потехи ради бросали остатки узникам. Бледные, тонкие лица кое-кого из джентльменов напоминали скорее норманнов, но больше здесь было лиц тупых, с тяжелыми челюстями; то были лица людей, вся жизнь которых — непрерывное сражение, и сегодня они, как ничто другое, напоминали о тех свирепых пиратах и разбойниках, от которых пошли все мы.

И однако, внимательно вглядываясь в лица сидящих передо мною людей, я убедился, что боксом занимаются не одни англичане, хоть их тут и было десять к одному,— другие нации тоже рождали бойцов, которые вполне могли занять место среди самых достойных.

Правда, самыми красивыми и мужественными в этой комнате были Джексон и Джем Белчер: у одного великолепная фигура, тонкая талия и могучие плечи; другой — изящный, точно древнегреческая статуя, голова такой поразительной красоты, что ее пытались изваять уже многие скульпторы, а тело ловкое и гибкое, как у пантеры. Я глядел на него и, казалось, видел на его лице тень трагедии, словно предчувствие того дня, отделенного от нас всего несколькими месяцами, когда удар мяча навсегда лишил его одного глаза. Если бы он остановился тогда — непобежденный чемпион,— вечер его жизни был бы так же восхитителен, как и заря. Но его гордое сердце не могло согласиться уступить без борьбы высокое звание. Если сегодня вы прочтете о том, как этот доблестный боксер, который, лишившись глаза, уже не мог рассчитывать дистанцию, тридцать пять минут дрался со своим молодым и грозным противником и как, потерпев поражение, он никого не донимал своим горем и говорил о нем лишь с другом, который поставил на него все свое состояние,— и если рассказ этот оставит вас равнодушным, значит, вам недостает чего-то, что делает человека человеком.

Но если за этими столами не было никого, кто мог бы сравниться с Джексоном или с Джемом Белчером,

тут были другие, люди иных рас, обладавшие качествами, которые делали их опасными бойцами. Чуть поодаль я видел черное лицо и курчавую голову Билла Ричмонда, облаченного в лиловую с золотом ливрею,— ему предстояло стать предшественником Молино, Саттона, всей плеяды чернокожих боксеров, доказавших, что сила мускулов и нечувствительность к боли, которая отличает африканцев, дает им особые преимущества на ринге. Он к тому же мог похвастать тем, что был первым американцем по рождению, завоевавшим лавры на английском ринге. А вот резкие черты Дэна Мендосы, еврея, который незадолго перед тем совсем покинул ринг; он прославился изяществом и ловкостью приемов, и они не превзойдены по сей день. Правда, его ударам недоставало силы, чего уж никак нельзя было сказать о его соседе — длинное лицо, нос с горбинкой и сверкающие черные глаза выдавали его принадлежность к тому же древнему племени. Это был грозный Голландец Сэм; он весил всего сто двадцать девять фунтов, но удар его обладал такой мощью, что позднее его почитатели готовы были поставить на него в бою против тяжеловеса Тома Крибба при условии, что оба будут привязаны к скамьям. Я увидел еще пять или шесть бледных еврейских лиц, из чего было ясно, что евреи Хаундсдитча и Уайтчепеля весьма энергично завоевывали себе место среди боксеров усыновившей их страны и так же, как и во всех других, более серьезных областях человеческой деятельности, оказывались среди лучших из лучших.

Всех этих знаменитостей, отголоски славы которых доносились даже до нашего суссекского захолустья, мне весьма любезно называл мой сосед Уорр.

— Вон тот, Эндрю Гэмбл, ирландский чемпион,— сказал он.— Это он победил гвардейца Ноя Джеймса, а потом его самого чуть не убил Джем Белчер на Уимблдонском лугу, в лощине, у виселицы Аббершоу. Двое рядом с ним — тоже ирландцы — Джек О'Доннел и Билл Райан. Нет на свете боксера лучше хорошего ирландца, но вообще-то они страх какие запальчивые. Вон тот коротышка с хитрой мордой — Калеб Болдуин, уличный торговец, тот самый, кого называют «Гордостью Вестминстера». Он всего пяти футов и семи дюймов

ростом, и весу в нем сто двадцать девять фунтов, но у него сердце великана. Никто еще его не победил, и нет в его весе человека, который мог бы его победить, разве что Голландец Сэм. А это Джордж Мэддокс, тоже ирландец и тоже боксер что надо. Вон тот, который ест вилкой и похож на джентльмена, только переносица малость подкачала,— это Дик Хемфри; он был первый в среднем весе, пока Мендоса не сбил с него спесь. А вон, видите, седой, со шрамами на лице?

— Да это ж старина Том Фолкнер, игрок в крикет! — воскликнул Гаррисон, поглядев, куда указывал толстый палец Билла Уорра.— Он лучший подающий во всех южных графствах, а когда был в расцвете, мало кто из боксеров мог против него устоять.

— Верно говоришь, Джек Гаррисон. Он из тех троих, которые приняли вызов, когда лучшие боксеры Бирмингема вызвали на бой лучших боксеров Лондона. Он и не старится вовсе, Том-то. Он вышел против Джека Торнхилла, когда ему стукнуло пятьдесят пять годов, и победил его на пятидесятой минуте, а Джек запросто справлялся и с молодыми. Лучше быть старше, да тяжелее, чем моложе, да легче.

— Молодость лучше всего,— протяжно сказал кто-то на другом конце стола.— Эх, ребята, молодость лучше всего!

Здесь было много удивительных личностей, но человек, который произнес эти слова, казался самым странным из всех. Он был очень-очень стар, настолько старше всех прочих, что и сравнивать невозможно, и по его пожелтевшей, высохшей физиономии и рыбьим глазам никто бы не определил, сколько же ему лет.

На его восковой лысине торчало несколько жалких волосков. Все черты стерлись, утратили определенность; одутловатости и глубокие морщины — следы долгих прожитых лет — изуродовали лицо и без того фантастически уродливое да к тому же еще обезображенное бесчисленными ударами кулаков, и сейчас в нем едва ли оставалось хоть что-нибудь человеческое. Я заметил этого старика в самом начале ужина — он налег грудью на край стола, словно радуясь опоре, и не-

твердой рукой ковырял в тарелке. Однако соседи усердно потчевали его вином, и вот плечи его раздались вширь, спина распрямилась, глаза заблестели, он удивленно огляделся по сторонам — видно, не мог вспомнить, как он сюда попал; потом приставил руку к уху и стал прислушиваться к разговорам со все возрастающим интересом.

— Это старик Бакхорс,— зашептал Чемпион Гаррисон.— Двадцать лет назад, когда я вышел на ринг, он был совсем такой же. А было время, наводил ужас на весь Лондон.

— Это верно,— подтвердил Билл Уорр.— Дрался, как бык, и такой был здоровущий, за полкроны позволял бить себя всякому щеголю. За лицо-то ему все равно бояться было нечего: другого такого урода ни в жизнь не увидишь. Он уж лет шестьдесят, как сошел, да и перед этим били его, били, пока он наконец понял, что сила у него уже не та.

— Молодость лучше всего, ребята,— бубнил старик, горестно покачивая головой.

— Налейте ему,— сказал Уорр.— Эй, Том, дай старику Бакхорсу глоток живой водички. Пусть его развеселится.

Старик опрокинул в свою ссохшуюся глотку стакан неразбавленного джину и тотчас преобразился. В тусклых глазах загорелись огоньки, на восковых щеках появился легкий румянец, и, разинув беззубый рот, он вдруг издал удивительно музыкальный клич, похожий на звон бубенчика. Ответом ему был хриплый хохот всего общества, и разгоряченные лица повернулись в одну сторону — каждому хотелось взглянуть на ветерана.

— Бакхорс! — кричали они.— Бакхорс опять за свое!

— Смейтесь, ребята, коли охота! — кричал он в ответ, подняв над головой тонкие, со вздувшимися венами руки.— Да только вам недолго осталось смотреть на мои кулаки, а ведь я ими долбал и Джека Финка, и Джека Бротона, и Гарри Грея, и многих других настоящих боксеров. Они дубасили друг друга и этим зарабатывали себе на хлеб еще до того, как ваши папаши научились сосать соску.

Снова раздался хохот, и старика стали подзадоривать криками, в которых звучала дружеская насмешка.

— Правильно, Бакхорс! Выкладывай все как есть. Пускай знают, как в твое время молотили кулаками.

Старый гладиатор обвел всех презрительным взглядом.

— Гляжу я на вас,— закричал он высоким, надорванным фальцетом,— и вижу, тут также есть, что и муху-то не сгонят с тарелки. Вам бы в горничные идти, а не в боксеры.

— Заткните ему глотку! — раздался чей-то хриплый голос.

— Джо Беркс,— сказал Джексон,— если б тут не было его высочества, я бы свернул тебе шею, чтобы избавить палача от лишней работы.

— Ну так чего ж, старшой,— ответил полупьяный буян, пытаясь встать.— Если я сказал чего не так, не по-благородному...

— Сядьте, Беркс! — крикнул мой дядя так властно, что тот сразу же сел.

— Эх вы, кто из вас может прямо поглядеть в глаза Тому Слэку? — шамкал старик.— Или Джеку Бротону, тому самому, кто сказал герцогу Камберлендскому: желаю, мол, биться с гвардией прусского короля день за днем, год за годом, пока не уложу всех до единого, а из них самый маленький шести футов ростом. Да среди вас немного найдется таких, кто может ударом оставить вмятину в куске масла, а если вас стукнут разок, вы уж с копыт долой. Помню, итальянский лодочник свалил Боба Уиттекера — кто из вас поднялся бы после такого удара?

— Расскажи, как было дело, Бакхорс! — закричали несколько голосов.

— Он заявился к нам из заморских стран, и плечи у него были уж такие широченные, что в дверь мог пролезть только боком. Вот разрази меня гром, если вру. Такой был силач — как ударит, так кость пополам, а уж когда он разбил две-три челюсти, все решили, что нет ему ровни во всей стране. Тогда король послал одного своего приближенного к Фигу, и тот говорит ему: «Тут у нас парень появился, всем подряд кости лома-

ет; иеужто у лоидоиских ребят вовсе гордости иет, иеужто так он и уйдет победителем?» Встает тогда Фикк и говорит. «Не зиаю,— говорит,— хозяии, может, ои и свериул челюсть какому-нибудь деревеищине, а вот я приведу иастоящего лоидоица, так этот ваш силач ему и кузиечиым молотом челюсть ие своротит». Дело было в кофейие Слотера, мы сидели там с Фикком, так он и говорил это все королевскому послаииому, так и сказал, слово в слово! — И тут старик сиова издал тот же страииый клич, похожий иа звон бубенчика, и сиова джентльмеиы и боксеры засмеялись и стали ему рукоплескать.

— Его высочество... то есть граф Честер, хотел бы услышать, чем все это коичилось, Бакхорс,— сказал дядя, которому приии что-то шепиул иа ухо.

— Чего ж, ваше высочество, дело было так: иаступил иазиачеииый деиь, и все повалили в амфитеатр Фикка, иа Тоттеихем-Корт, и Боб Уиттекер был уже там, и итальяиский лодочиик тоже, а публика собралась самая что ии иа есть отборная, самый цвет, двадцать тысяч иароду — все сидят, шеи вытяиули, окружили рииг со всех сторои. Я тоже пришел, чтоб было кому подиять Боба, если потребуется, и Джек Фикк тоже пришел, хотел, чтобы с малым из чужих краев все по справедливости было. Народ весь столпился, а для господ все одии проход оставили. Помост был деревяиный, раиьше всегда был деревяииый, высокий, выше человеческого росту, чтобы всем было видать. Так вот, стал Боб супротив этого итальяиского верзилы. Я и говорю: «Вдарь ему подвздошки, Боб»,— потому как я враз увидал, какой ои пухлый, иу, что твоя ватрушка. Боб только изготовился, а этот чужестраиец ка-ак вдарит его в иос. Слышу, глухо так шмякиуло и вроде что-то мимо меия пролетело. Гляжу, а итальяиец стоит середь помоста, мускулы свои щупает, а Боба иет, будто корова языком слизиула.

Все, затаив дыхаиие, слушали рассказ старого боксера.

— Ну,— послышались голоса,— а дальше-то, дальше что, Бакхорс? Съел ои его, что ли?

— Я и сам спервоиачалу так подумал, ребятки. Да вдруг вижу, далеко эдак, торчат из толпы иоги, вот

глядите — вот как мои два пальца. Я враз их признал. На Бобе-то были желтые короткие штаны в обтяжку, у колен синие банты. Синий — это был его цвет. Поставили его на ноги, проход очистили, и кричат ему всякое, чтоб подбодрить, да бодрости и храбрости ему не занимать стать. А он никак не очухается никак не поймет, где это он — в церкви, что ли, или в кутузке. Я тогда укусил его за ухо, и он живо оклемался. «Попробуем еще разок, Бак»,— говорит. «Давай»,— говорю. И он подмигнул подбитым левым глазом. Итальянец ка-ак размахнется, а Боб как отскочит, да как даст ему в толстый живот чуть повыше пояса и, видать, всю свою силищу вложил в этот удар.

— Ну? Ну?

— Ну, у итальянца в горле вроде как забулькало, и он так и сложился пополам, как двухфутовая железная линейка. Потом распрямился да как завопит, отродясь я не слыхал такого вопля. Да как соскочит с помоста и кинулся вон, прямо будто на крыльях летел. Тогда все повскакали — и за ним, бегут со всех ног, а бежать-то как следует и не могут от смеха, а потом все полегли в глубоченной канаве вдоль Тоттенхем-Корт-роуд, так и лежали, ухватясь за бока, чтоб не лопнуть со смеху. Да, а мы за ним гнались по Холборну, по всей Флит-стрит, по Чипсайду, мимо биржи до самого Уоппинга и догнали только в корабельной конторе — он там спрашивал, скоро ли будет корабль в чужие края.

Когда старик Бакхорс кончил, все долго хохотали и стучали стаканами о стол, а принц Уэльский вручил что-то слуге, старик пошел и сунул это в сухую руку ветерана, тот поплевал на подарок, а уж потом опустил его в карман. Стол тем временем очистили от всех объедков, уставили бутылками и стаканами и начали обносить всех длинными глиняными трубками и ящичками с табаком. Дядя никогда не курил, опасаясь, как бы не пожелтели зубы, но многие джентльмены и прежде всех принц тотчас закурили, чем подали пример остальным. Забыта была всякая сдержанность; боксеры, побагровевшие от вина, громко переговаривались через стол, шумно приветствовали приятелей в другом конце комнаты. Любители поддались общему настрое-

нию и вели себя так же шумно: громко спорили о достоинствах разных бойцов, прямо в глаза обсуждали их стиль, заключали пари об исходе будущих боев.

Вдруг среди этого гама раздался повелительный стук по столу и поднялся мой дядя. Никогда еще не представал он передо мной в таком выгодном свете, как теперь, среди этих неистовых буянов,— он был бледен, бесстрастен, элегантен, от него исходила спокойная и властная сила; он был точно охотник, который хладнокровно идет своим путем, а вокруг прыгает и лает свора собак. Он выразил удовольствие по поводу того, что под одной крышей собралось так много любителей бокса, и поблагодарил высокую особу — он будет ее называть графом Честером — за честь, которую сия особа оказала своим присутствием гостям и ему, Чарльзу Треджеллису. К сожалению, сезон сейчас не охотничий и он не мог угостить все общество дичью, но они уже так долго сидят за столом, что теперь вряд ли заметили бы, что едят (смех и веселые возгласы). По его мнению, бокс воспитывает презрение к боли и опасности, так много способствовавшее безопасности отечества, и если его сведения верны, качества эти могут снова понадобиться в самое ближайшее время. У нас очень небольшая армия, и если враг высадится на наших берегах, мы должны надеяться прежде всего на нашу национальную доблесть, которую состязания по боксу — этому самому мужественному из всех видов спорта — обращают и у участников и у зрителей в дерзкую отвагу. В мирные времена ринг тоже способствует славе отечества, ибо он утверждает правила честной игры, воспитывает в обществе нетерпимость к грубой драке и поножовщине, столь распространенным в других странах. Дядя предложил поэтому выпить за процветание бокса и кстати за Джона Джексона, который может служить образцом всего самого лучшего, что есть в английском боксе.

Джексон поблагодарил с легкостью и непринужденностью, какой могли бы позавидовать многие парламентские ораторы; потом снова поднялся дядя.

— Мы собрались здесь сегодня,— сказал он,— не только затем, чтобы отпраздновать прошлые триумфы нашего ринга, но и затем, чтобы уговориться о буду-

щих состязаниях. Сейчас, когда покровители бокса и боксеры собрались под одной крышей, нам будет легко обо всем условиться. Я подаю пример: заключаю с сэром Лотнаном Хьюмом пари, условия которого вам сообщит он сам.

Поднялся сэр Лотнан, в руках у него был лист бумаги.

— Ваше королевское высочество, джентльмены,— начал он,— условия вкратце таковы. Я выставляю Краба Уилсона из Глостера, он никогда еще не участвовал в призовых боях. Восемнадцатого мая он готов сразиться с любым бойцом в любом весе по выбору сэра Чарльза Треджелляса. Сэр Чарльз Треджеллис вправе выставить любого бойца до двадцати лет или старше тридцати пяти, то есть в состязании не смогут участвовать Белчер и прочие кандидаты на звание чемпиона. Ставки — две тысячи против тысячи, выигравший пари платит своему боксеру двести фунтов. Играй или плати.

Странно было видеть, с какой серьезностью все они, боксеры и покровители бокса, склонив головы, слушали и взвешивали условия боя.

— Мне известно,— сказал сэр Джон Лейд,— что Крабу Уилсону двадцать три года и что, хотя он еще не участвовал в призовых боях, он все же много раз дрался и на него заключали пари.

— Я видел его раз шесть, не меньше,— сказал Белчер.

— Именно по этой причине, сэр Джон, я ставлю два к одному.

— Могу я узнать,— спросил принц,— каков точно рост и вес Уилсона?

— Рост — пять футов одиннадцать дюймов, вес — сто восемьдесят два фунта, ваше королевское высочество.

— И рост и вес достаточные, чтобы вызвать любого,— сказал Джексон, и все профессионалы дружно с ним согласились.

— Прочитайте правила боя, сэр Лотнан.

— Бой состоится во вторник, восемнадцатого мая, в десять часов утра, место боя будет назначено позд-

нее. Ринг — двадцать на двадцать футов. Падать разрешается лишь при нокдауие, по определеиию судьи. Трех судей выбирают на месте, поименно, двух боковых и одного иа рииге. Вы согласиы иа такие правила, сэр Чарльз?

Дядя поклоиился.

— Хотите что-ннбудь прнбавить, Уилсои?

Молодой боксер, иа удивлеиие высокий н стройный, со скуластым, худощавым лнцом, провел рукой по коротко острнжеиным волосам.

— С вашего позволеиня, сэр, для человека весом в сто восемьдесят два фуита двадцатифутовый ринг маловат.

Среди профессиоиалов проиесся шепот одобрения.

— А какой вы предлагаете, Унлсои?

— Двадцатнчетырехфутовый, сэр Лотнаи.

— У вас есть какие-ибудь возражеиня, сэр Чарльз?

— Ни малейшнх.

— Что-инбудь еще, Уилсои?

— С вашего позволеиия, сэр, я бы хотел зиать, .с кем буду драться.

— Как я поннмаю, вы еще ие иазвалн своего боксера, сэр Чарльз?

— Я сделаю это лишь утром в день боя. Это ведь ие противоречит условиям иашего пари?

— Коиечио, иет, если вам так угодио.

— Да, я предпочтаю так. Я был бы очеиь признателеи, еслн бы мистер Беркли Крейвен согласился быть хранителем иашнх ставок.

Названиый джеитльмеи выразил согласие, и тем самым было покоичеио со всеми формальностями подобных скромиых турниров.

Мало-помалу вино стало разбирать этнх полиокровиых силачей, засверкали грозиые взгляды, сквозь сизые клубы табачиого дыма свет падал на возбуждеииые ястребииые лица евреев и разгорячеиные, свирепые лица аиглосаксов. Сиова вспыхиул старый спор — по правилам илн протнв правнл Джексои схватнл за волосы Меидосу во время состязания в Хоричерче, восемь лет назад. Голлаидец Сэм швыриул иа стол шнллиг и заявнл, что готов сразиться за этот шиллиг с Гордостью Вестминстера, если тот посмеет сказать, буд-

то бой, в котором Мендоса проиграл, велся по всем правилам. Джо Беркс, который становился чем дальше, тем шумнее и задиристей, с отчаянными ругательствами попытался перелезть через стол — он хотел тут же, на месте, расправиться со старым евреем по прозванию Вояка Юсеф, который тоже участвовал в этом споре. Еще немного, и разразилось бы всеобщее неистовое побоище, однако Джексону, Белчеру, Гаррисону и другим наиболее спокойным и уравновешенным боксерам все-таки удалось его предотвратить.

Но теперь, когда этому спору был положен конец, возник новый спор — о том, кого считать чемпионом в том или ином весе,— и опять зазвучали гневные возгласы, опять запахло дракой. Отчетливых границ между легким, средним и тяжелым весом в ту пору не существовало. Однако положение боксера очень серьезно менялось в зависимости от того, считался ли он самым тяжелым среди легковесов или самым легким среди боксеров тяжелого веса. Один объявлял себя чемпионом среди боксеров весом в сто сорок фунтов, другой был готов сразиться с любым противником весом в сто пятьдесят четыре фунта, но не стал бы тягаться с боксером ста шестидесяти восьми фунтов, потому что это уже мог быть непобедимый Джем Белчер. Фолкнер объявил себя чемпионом среди стариков, и в общем гаме послышался даже диковинный клич старого Бакхорса: он вызывал на бой любого, кто весит больше тысячи ста двадцати или меньше девяноста восьми фунтов, чем развеселил всю компанию.

Однако, несмотря на эти проблески солнца, в воздухе пахло грозой, и Чемпион Гаррисон шепнул мне, что, по его мнению, без драки не обойдется, и посоветовал, если дело будет совсем плохо, укрыться под столом; но тут в комнату поспешно вошел хозяин заведения и вручил дяде какую-то записку.

Дядя прочел и передал ее принцу; тот, прочитав, удивленно поднял брови, пожал плечами и вернул записку дяде. Дядя, улыбаясь, встал, в руках он держал все ту же записку.

— Джентльмены,— сказал он,— внизу ожидает какой-то незнакомец, он хочет драться до полной победы с самым лучшим из присутствующих здесь боксеров.

ГЛАВА 11

БОЙ В КАРЕТНОМ САРАЕ

После этого короткого сообщения воцарилась удивленная тишина, потом все захохотали. Можно было спорить о том, кто чемпион в том или ином весе, но не было никаких сомнений, что все чемпионы любого веса сидят сейчас в этой комнате. Дерзкий вызов, обращенный ко всем, без различия веса и возраста, трудно было воспринять иначе, как шутку, но шутка эта могла дорого обойтись шутнику.

— Это всерьез? — спросил дядя.

— Да, сэр Чарльз,— отвечал хозяин.— Он ждет внизу.

— Да это мальчишка! — послышались голоса.— Какой-то малый нас разыгрывает.

— Ну нет!—возразил хозяин.—По одеже он настоящий господин, и сразу видать, что не шутит, или я уж вовсе ничего не смыслю в людях.

Дядя пошептался с принцем Уэльским.

— Что ж, джентльмены,— сказал он наконец,— время еще раннее, и, если кто-нибудь из вас не прочь показать свое искусство, случай самый подходящий.

— Сколько в нем весу, Билл? — спросил Джем Белчер.

— Росту футов шесть, и нагишом он должен весить фунтов сто восемьдесят.

— Крепкий орешек! — воскликнул Джексон.— Кто хочет сразиться?

Сразиться хотели все, вплоть до самого легкого — всего сто двадцать девять фунтов — Голландца Сэма. Раздались хриплые выкрики, каждый доказывал, почему надо остановить выбор именно на нем. Что может быть желаннее драки, когда вино уже ударило в голову и чешутся кулаки? А тут к тому же предстояло драться перед столь избранным обществом, перед самим принцем — такой случай не каждый день представится. Только Джексон, Белчер, Мендоса да еще двa-три из самых старших и самых знаменитых боксеров сохраняли спокойствие, они не хотели ронять свое достоинство, вступая в столь странное состязание с никому не ведомым пришельцем.

— Не можете же вы все принять его вызов,— заметил Джексон, когда гомон стих.— Пусть председатель скажет, кому с ним драться.

— Может быть, это предпочтете сделать вы, ваше королевское высочество? — спросил дядя.

— Да я бы и сам с ним сразился, но, увы, мой титул не позволяет,— сказал принц. Он тоже раскраснелся, а в глазах появился тусклый блеск.— Вы-то видели меня в боксерских перчатках, Джексон! Знаете, что я кое на что гожусь.

— Я вас видел, ваше королевское высочество, и испытал ваши удары,— отвечал учтивый Джексон.

— Может быть, нам устроит представление Джем Белчер?

Белчер с улыбкой покачал своей красивой головой.

— Тут мой брат Том, в Лондоне ему еще ни разу не пускали кровь, сэр. Он больше подходит для такого случая.

— Дайте его мне! — заорал Джо Беркс.— Я весь вечер ждал случая и буду биться со всяким, кто попытается занять мое место. Это моя добыча, хозяева. Коли желаете поглядеть, как разделывают голову телка, дайте его мне. А коли пустите вперед Тома Белчера, я буду драться с Томом Белчером, или с Джемом Белчером, или с Биллом Белчером, или с любым другим Белчером, который пожаловал сюда из Бристоля.

Было ясно, что Беркс допился до того состояния, когда уже просто необходимо с кем-нибудь подраться. Ярость исказила его грубые черты, на низком лбу вздулись вены, и свирепые серые глазки шарили по лицам— ему не терпелось затеять ссору. Подняв красные, шишковатые ручищи, он потряс над головой огромными кулаками и обвел пьяным взглядом сидящих за столами собутыльников.

— Я думаю, вы все со мной согласитесь, джентльмены, что Джо Берксу полезно глотнуть свежего воздуха и поразмяться,— сказал дядя.— Если его королевское высочество и все прочее общество не возражают, будем считать Беркса нашим представителем в этом бою.

— Вы делаете мне честь,— сказал Беркс, с трудом поднимаясь на ноги и пытаясь стянуть с себя сюртук.—

Да не видать мне Шропшира, если я не разделаю его под орех за пять минут.

— Не торопись, Беркс! — раздались голоса кое-кого из любителей.— Где будете драться?

— Где угодно, хозяева. Если желаете, могу хоть в яме, хоть на крыше дилижанса. Поставьте нас нос к носу, а уж дальше мое дело.

— Здесь не годится, здесь слишком тесно,— сказал дядя.— Где они будут драться?

— Да полно, Треджеллис! — закричал принц.— У нашего неизвестного друга могут быть на этот счет свои соображения. Нельзя же обойтись с ним так бесцеремонно, пусть хоть предложит свои условия.

— Вы правы, сэр. Надо его позвать.

— Чего проще,— сказал хозяин,— вон он сам идет.

Я оглянулся и увидел обращенный к нам профиль высокого, хорошо одетого молодого человека, в длинном коричневом дорожном сюртуке и черной фетровой шляпе. Молодой человек повернулся, и я обеими руками вцепился в плечо Чемпиона Гаррисона.

— Гаррисон! — ахнул я.— Это наш Джим!

И, однако, его появление не было для меня неожиданностью, скорее, я с самого начала почему-то этого ждал, и Чемпион Гаррисон, наверно, тоже, ибо едва только начался разговор о незнакомце, дожидающемся внизу, он помрачнел, и на лице его отразилась тревога. И сейчас, едва утих ропот удивления и восторга, вызванный лицом и фигурой Джима, Гаррисон вскочил на ноги.

— Это мой племянник Джим, джентльмены,— сказал он, взволнованно размахивая руками.— Ему еще нет двадцати, и не моя вина, что он сюда пришел.

— Оставь его в покое, Гаррисон,— сказал Джексон.— Он уже не маленький, у него у самого голова на плечах.

— Дело зашло слишком далеко,—сказал мой дядя.— Мне думается, вы, как старый спортсмен, Гаррисон, не станете мешать вашему племяннику, пусть покажет, достоин ли он своего дяди.

— Он совсем не в меня! — в отчаянии воскликнул Гаррисон.— И вот что я вам скажу, джентльмены: я думал больше никогда не выходить на ринг, но, что-

бы поразвлечь общество, я с радостью померяюсь сейчас с Берксом.

Джим подошел к Гаррисону и положил руку ему на плечо.

— Я сделаю, как задумал, дядя,— долетел до меня его шепот,— прости, что поступаю против твоей воли, но я решился и должен довести дело до конца.

Гаррисон пожал своими широкими плечами.

— Джим, Джим, ты не ведаешь, что творишь! Но я уже не в первый раз слышу от тебя такое и знаю, что в конце концов ты все равно сделаешь по-своему.

— Итак, вы больше не противитесь, Гаррисон? — спросил сэр Чарльз.

— Может, я все-таки могу его заменить?

— Неужто ты позволишь, чтобы люди говорили, что я вызвался драться, а потом уступил это право другому? — прошептал Джим.— Это мой единственный случай. Бога ради, не становись мне поперек дороги!

На широком, всегда таком невозмутимом лице Гаррисона было написано смятение. Наконец он грохнул кулаком по столу.

— Не моя вина! — крикнул он.— Чему быть, того не миновать. Джим, мой мальчик, ради всего святого не подпускай его слишком близко, не позволяй вести ближний бой, ведь он тяжелее тебя на целых четырнадцать фунтов.

— Я был уверен, что спортсмен возьмет в Гаррисоне верх,— сказал мой дядя.— Мы рады, что вы пришли,— обратился он к Джиму.— Давайте же обсудим условия боя, чтобы ваш чрезвычайно смелый вызов не остался без должного ответа.

— С кем я буду драться? — спросил Джим и огляделся по сторонам.

Все общество было уже на ногах.

— Не бойся, малец, ты меня еще узнаешь, я тебя разделаю под орех! — крикнул Беркс, неуклюже протискиваясь сквозь толпу.— Когда я с тобой покончу, придется позвать твоих дружков, чтоб опознали тебя.

Джим взглянул на Беркса с нескрываемым отвращением.

— Надеюсь, вы не собираетесь выставлять против меня пьяного? — сказал он.— Где Джем Белчер?

— Я самый, молодой человек.

— Если можно, я хотел бы сразиться с вами.

— Ты еще не дорос до меня, мой милый. На лестницу не вспрыгивают, а подинмаются по ступенькам. Докажи, что ты мне достойный противник, тогда я выйду против тебя.

— Я вам очень признателен,— сказал Джим.

— Ты мне нравишься, желаю тебе удачи,— сказал Белчер и протянул ему руку.

Они стояли рядом, высокие, гибкие, чисто выбритые, и, хотя бристолец был несколькими годами старше, все заметили в них какое-то сходство: оба были так хороши, что по толпе прокатился гул восхищения.

— Где бы вы хотели драться? — спросил мой дядя.

— Где вам угодно, сэр,— ответил Джим.

— Почему бы не отправиться на Файвз-корт? — предложил сэр Джон Лейд.

— Верно, пойдемте на Файвз-корт.

Но это совсем не устраивало хозяина заведения: ведь он надеялся, что ему подвернулся хороший случай собрать новую жатву со своих расточительных посетителей.

— Зачем ходить в такую даль? — вмешался он.— У меня за домом каретник, он совсем пустой, лучшего места для боя не найти в целом свете, было бы только ваше желание.

Все радостно завопили, и те, кто стоял ближе к двери, стали выходить, надеясь захватить места получше. Мой дородный сосед, Билл Уорр, поманил Гаррисона в сторонку.

— На твоем месте я бы его удержал,— прошептал он.

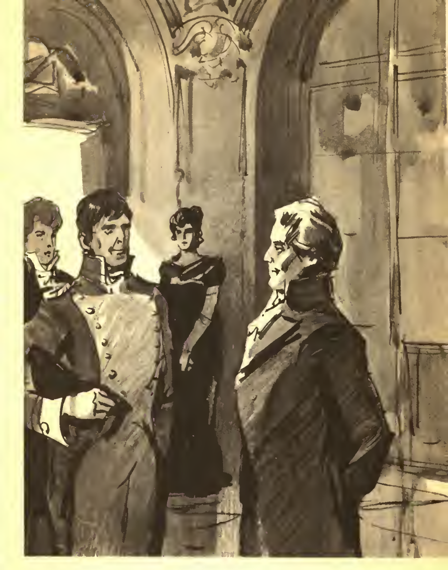
— Я бы рад. Не хочу, чтобы он дрался. Но уж если он что решил, его не отговоришь.

Никогда еще Гаррисон так не волновался, даже когда сам выходил на ринг.

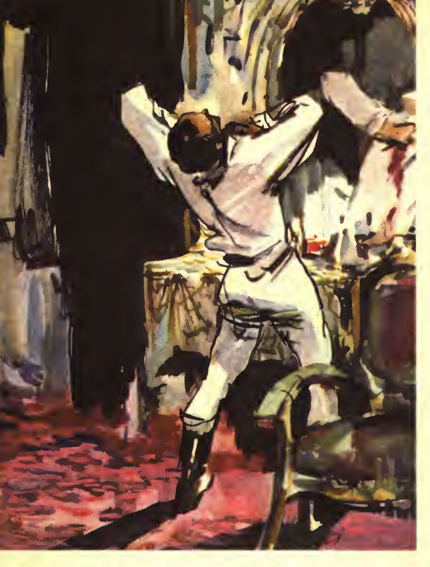
— Тогда не отходи от него ни на шаг, и чуть что не так — кидай губку. Ты же знаешь Беркса.

— Да, он начинал при мне.

— Ну вот, он зверь зверем, иначе про него не скажешь. С ним один Белчер справляется, больше никто.

«Родни Стоун»

«Родни Стоун»

Сам видишь, какой он — шесть футов росту, сто восемьдесят фунтов весу и злобный, как черт. Белчер два раза его побил, но во второй раз ему пришлось здорово поработать.

— Чего ж теперь говорить, дело уже сделано. Видал бы ты, как Джим орудует кулаками, ты бы так за него не боялся. Ему еще и шестнадцати не было, когда он отдубасил «Коновода Южного Дауиса», а с той поры он много чему научился.

Все уже протискивались к двери и с шумом и грохотом спускались вниз по лестнице. Мы тоже пошли. Лил дождь, и на мокром булыжнике двора лежали желтоватые отблески света, падавшего из окон.

После зловонной духоты комнаты, где мы ужинали, особенно приятно было вдохнуть свежего сырого воздуха. В глубине двора резким пятном выделялась стоявшая настежь дверь каретного сарая, освещенного фонарями, и, отталкивая друг друга, стремясь занять места получше, к этой двери устремились все: и любители и боксеры. Я был невысок ростом, и если бы мне не посчастливилось найти в углу перевернутую кадушку, я бы так ничего и не увидел; я взгромоздился на нее и стал, прислонясь к стене. Каретник был просторный, с деревянным полом; из большого отверстия в потолке свешивались головы конюхов, которые расположились наверху, в помещении, где хранилась сбруя. Во всех углах подвесили и зажгли каретные фонари, к балке на самой середине потолка прицепили огромный фонарь из конюшни. Принесли бухту каната, Джексон подозвал четверых боксеров и велел им его держать.

— Какую площадь вы отгораживаете? — спросил мой дядя.

— Двадцать четыре фута: они ведь оба крупные, сэр.

— Хорошо, и между раундами, я думаю, дадим полминуты. Если сэр Лотиан Хьюм не возражает, мы с ним будем боковыми судьями, а вы, Джексон,— судьей на ринге.

Народ был опытный, и все приготовления прошли быстро и умело. Мендосу и Голландца Сэма поставили секундантами к Берксу, а Чемпиона Гаррисона — к

Джиму. Губки, полотенца, коньяк — все через головы толпы передали секундантам.

— А вот и ваш молодец! — воскликнул Белчер.— Эй, Беркс, выходи и ты, не то мы тебя выволочем!

Джим появился на ринге, обнаженный по пояс и подпоясанный пестрым платком. Когда зрители увидели, как он прекрасно сложен, гул восхищения прокатился по толпе, и я поймал себя на том, что кричу вместе со всеми. Плечи у него были не слишком прямые, скорее покатые, грудь тоже не такая уж широкая, но что касается мускулатуры, он был что надо — длинные, крепкие мускулы перекатывались под кожей от шеи до плеч и от плеч до локтей. Работа в кузнице развила мышцы его рук до предела, а здоровая сельская жизнь сделала чуть смуглую кожу гладкой и блестящей, и сейчас, в свете фонарей, она так и лоснилась. Лицо Джима выражало решимость и уверенность, а на губах застыла та ничего доброго не сулившая улыбка, которую я знал со времен нашего детства и которая означала, что в нем взыграла гордость и что ему скорее изменят силы, нежели мужество.

Тем временем на ринг нетвердой походкой прошествовал Джо Беркс и, сложив руки на груди, встал в противоположном углу между своими секундантами. На лице его не было и следа нетерпеливой настороженности, не то что у его противника, а мертвенно бледная кожа, висящая тяжелыми складками на груди и на ребрах, ясно говорила даже моему неопытному глазу, что он не из тех, кто может драться без тренировки. Беззаботная, праздная жизнь чемпиона сделала его тучным и обрюзгшим. Но вместе с тем он славился ретивостью и могучим, точным ударом, так что, несмотря на преимущество Джима — юность и натренированность, можно было ставить три против одного, что победит Беркс. Чисто выбритое лицо его с тяжелой челюстью выражало свирепость и отвагу; он стоял, устремив на Джима злобные, налитые кровью глазки, слегка ссутулив бугристые плечи, точно гончая на сворке, готовая ринуться вперед.

В сарае стоял гул голосов: все заключали пари, перекликались из одного конца сарая в другой, условливались о ставках, махали руками, стараясь привлечь

чье-то вннмаиие нлн в знак того, что согласны заключить пари на тех нлн иных условнях, и скоро этн выкрики заглушнли все. Сэр Джон Лейд, стоявший как раз передо миой, громко предлагал любые парн против Джима тем, кого покорнла внешность этого новнчка.

— Я вндел Беркса в деле,— сказал ои достопочтенному Берклн Крейвену.— Нн одному провинцнальному мужлану ие победнть боксера, прошедшего такую школу.

— Пусть он провннцнальный мужлан,— возразнл сэр Крейвен,— ио я знаю толк ие только в четвероиогнх, но н в двуногнх н говорю вам, сэр Джон: я в жизнн ие встречал человека, который, если судить по виду этого малого, был бы так щедро одарен природой. Вы все еще хотите ставить против него?

— Трн протнв одного.

— Триста протнв ста!

— Приинмаю, Крейвен! Вон они ндут!.. Беркс! Беркс! Браво, Беркс! Браво! Боюсь, вам придется распрощаться со своей сотней, Крейвен.

Протнвннкн занялн познцню друг против друга: Джнм держался на ногах легко, точно горный козел; ои стал вполоборота к протнвиику и выставил вперед левую руку, а правой прнкрывал нижнюю часть грудной клетки; Беркс же стал прямо, расставив ноги, слегка согнув обе рукн в локтях, чтобы можно было наиести удар любой рукой. Онн окинули друг друга взглядом, н Беркс, убрав голову в плечн, рииулся на Джнма н, обрушив иа него серню ударов, поочередно левой н правой, оттесннл его в угол. Это ие был нокдаун, он просто загнал Джнма в угол, но нзо рта у Джнма потекла тоненькая струйка кровн. Секунданты мгновенно растащнлн протнвннков в разиые стороны.

— Не желаете ли удвонть ставки? — спроснл Берклн Крейвен; ои изо всех сил вытягивал шею, чтобы взглянуть на Джима.

— Четыре против одного за Беркса! Четыре против одного за Беркса! — кричали окружавшие ринг зрители.

— Ставкн возрослн, как вcouncilнте. Согласны четыре против одного в сотнях?

— Хорошо, сэр Джон.

— Кажется, после нокдауна он стал вам нравиться еще больше.

— Это не был нокдаун, он просто пихнул его на канат, и вообще ни один удар Беркса по-настоящему не достиг цели; к тому же мне понравилось выражение лица этого юноши, когда он поднялся.

— Ну, а я больше верю в опыт. Бой продолжается! Он дерется красиво и недурно прикрывается, но для победы одной красоты мало.

Они снова дрались, и я, не помня себя, подпрыгивал на своей кадушке. Беркс явно надеялся справиться с молокососом играючи, но Джим, которому подавали советы два самых опытных боксера в Англии, старался измотать грубияна: пусть думает, что выигрывает, и ослабит внимание.

Беркс свирепо наносил удар за ударом и всякий раз удовлетворенно рычал; все это было очень страшно, и после каждого удара я взглядывал на Джима с таким же волнением, как некогда на выброшенное на суссекский берег судно: на него обрушивалась волна за волной, и я с ужасом ждал, что вот сейчас его уж непременно разнесет в щепы. Но при свете фонарей я видел настороженное лицо юноши, его широко раскрытые глаза и твердо сжатый рот и замечал, что удары приходятся то в его подставленное плечо, то свистят мимо, когда он быстро наклоняет голову. Однако Беркс был не только неистов, но и искусен. Он постепенно загнал Джима в угол, прижал к канатам — отсюда не ускользнешь — и, убедившись, что пригвоздил противника к месту, ринулся на него, как тигр. Дальше все произошло так быстро, что я не могу рассказать об этом ясно и последовательно. Джим как бы нырнул под рассекавшие воздух ручищи Беркса, раздался гулкий удар — и вот уже Джим приплясывает посреди ринга, а Беркс лежит на боку, прижав руки к глазу.

Ну и крик поднялся! Боксеры, любители, принц, конюхи, хозяева — все орали как сумасшедшие. Старик Бакхорс, подпрыгивая на ящике рядом со мной, визгливо подавал советы противникам на диковинном, давно устаревшем боксерском жаргоне, которого уже никто не понимал. Тусклые глаза его блестели, желтое, точ-

но пергамент, лицо кривилось от возбуждения, и странные выкрики перекрывали невообразимый гам, поднявшийся в сарае. Противников растащили по углам, секунданты обтирали их губками и обмахивали полотенцами, а они, расслабив и свесив руки и вытянув ноги, старались в это короткое мгновение передышки набрать в легкие как можно больше воздуха.

— Ну, что вы скажете о мужлане? — с торжеством воскликнул Крейвен.— Видели вы когда-нибудь такую мастерскую работу?

— Да, он, конечно, не новичок,— покачивая головой, сказал сэр Джон.— Как вы ставили на Джо Беркса, лорд Сил?

— Два против одного.

— Ставлю против него вдвое — в сотнях.

— Ого, сэр Джон Лейд страхуется! — крикнул мой дядя и улыбнулся мне через плечо.

— Бой! — объявил Джексон, и противники тотчас вскочили и вышли на середину ринга.

Этот раунд был много короче предыдущего. Берксу, видно, было велено любой ценой кончать как можно скорее, воспользоваться преимуществами своего веса и силы, пока еще не сказалось полностью превосходство его противника. С другой стороны, Джиму после последнего раунда уже не хотелось тратить силы на то, чтобы не давать Берксу навязывать ему ближний бой. Он с ходу ринулся на Беркса и нацелил удар ему в голову, но промахнулся и получил взамен жестокий удар по корпусу, оставивший на его ребрах отпечаток яростного железного кулака. Противники сблизились, и на мгновение Джим зажал голову Беркса под мышкой и нанес ему несколько коротких ударов, но тут Беркс навалился на него всей тяжестью, и оба, прерывисто дыша, упали на землю. Джим тут же вскочил и быстрым шагом направился в свой угол, а Беркс, обессиленный попойкой, шел, тяжело опираясь одной рукой на Мендосу, другой — на Голландца Сэма.

— Пора чинить старые мехи! — крикнул Джем Белчер.— Ну, где теперь ваши четыре против одного?

— Погоди еще, дай срок, мы тебе всыплем по первое число,— отвечал Мендоса.— Мы еще вас позабавим!

— Похоже на то! — воскликнул Джек Гаррисон.—

Вон у него уже и глаз закрылся. Один против одного за моего мальца!

— А сколько? — спросили сразу несколько человек.

— Два фунта четыре шиллинга и три пенса! — крикнул Гаррисон, подсчитав свой капитал.

— Бой! — снова раздался голос Джексона.

И в то же мгновение оба противника оказались в центре ринга: на лице Джима по-прежнему бодрая уверенность, на бульдожьей морде Беркса — неизменная усмешка, а в единственном открытом глазу — злобный огонек. За полминуты он не успел отдышаться, и его могучая волосатая грудь порывисто, тяжело вздымалась и опускалась, точно у забегавшейся собаки.

— Начинай, малец! Живее! — кричали Гаррисон и Белчер.

— Отдышись, Джо, отдышись! — орали сторонники Беркса.

Теперь на ринге все переменилось: нападал Джим, нападал со всем пылом молодой силы и неизрасходованной энергии, а свирепый Беркс расплачивался за пренебрежение, с которым он относился к своему естеству. Задыхаясь и с хрипом втягивая воздух, багровый от напряжения, он старался защититься от ударов своего молодого противника, вытянув левую руку и прикрываясь правой.

— Как ударит — падай! — кричал Мендоса.— Падай! Дай себе передышку.

Но Беркс никогда не робел и не ловчил в бою. Он был груб, но честен и, пока ноги его держали, считал ниже своего достоинства падать перед противником. Он не подпускал Джима близко, и Джим, хотя легко приплясывал вокруг него, выискивая незащищенное место, все же не мог подойти ближе, словно между ними был железный сорокадюймовый барьер. Теперь каждая секунда была в пользу Беркса, он дышал уже не с таким свистом, с лица постепенно сходила багровая синева. Джим понимал, что надежда на скорую победу от него ускользает, и снова и снова стремительно наскакивал на Беркса, но не мог пробиться сквозь защиту этого опытного боксера. Сейчас, именно сейчас ему нужно было знание приемов, и, к счастью для него, рядом были два настоящих знатока.

— Бей левой по поясу, малец! — закричали они.— А потом правой в голову.

Джим тотчас последовал их совету. Р-раз! Он угодил левой прямо в нижнее ребро противнику. Беркс локтем наполовину ослабил силу удара, но дело было сделано: его голова оказалась незащищенной. Бац! Это уже правой — четкий, жесткий звук, точно столкнулись два бильярдных шара; Беркс пошатнулся, взмахнул руками, перевернулся вокруг своей оси — и огромная мясистая туша рухнула на пол. К нему тут же подскочили секунданты, приподняли и посадили, но голова у него беспомощно моталась из стороны в сторону и наконец запрокинулась, а подбородок задрался к потолку. Сэм протолкнул горлышко коньячной бутылки между его зубами, а Мендоса тем временем безжалостно тряс его и выкрикивал оскорбления ему в самое ухо, но ни спиртное, ни обида не могли нарушить безмятежное спокойствие Беркса. Отсчитали положенные десять секунд, и, видя, что надеяться больше не на что, секунданты отпустили голову Беркса, она со стуком упала на пол, и так он и остался лежать, неуклюже раскинув большие руки и ноги, а любители и боксеры обходили его и устремлялись к победителю, чтобы пожать ему руку.

Я тоже хотел пробиться к Джиму, но это было нелегко, ибо все были там сильнее и крупнее меня. Вокруг любители и боксеры горячо обсуждали бой и перспективы Джима.

— Отличный боец, я такого не видал с того самого раза, когда четыре года назад в апреле Джем Белчер впервые выступил в Уормвуд Скрабс против Джона Паддингтона,— сказал Беркли Крейвен.— Если до того, как ему исполнится двадцать пять, он не наденет пояс победителя, значит, я ничего не смыслю в боксе.

— Я потерял на этом красавчике ровным счетом пятьсот фунтов стерлингов,— проворчал сэр Джон Лейд.— Кто бы мог подумать, что у него такой сокрушительный удар!

— И все-таки,— сказал кто-то еще,— я уверен: если бы Джо Беркс не был пьян, он бы показал ему, где раки зимуют. К тому же парень был натренирован, а Джо — точно разваренная картофелина: стукни по ней, и она

лопнет. В жизни не видел у боксера такого дряблого тела и такого дыхания. Дайте им потренироваться, и ставлю лошадь против петуха за Беркса.

Одни с ним соглашались, другие нет, вокруг меня кипели страсти. В самый разгар споров уехал принц; это послужило сигналом, и большинство стало продвигаться к дверям. Теперь мне удалось наконец пробиться в угол, где Джим кончал одеваться, а Чемпион Гаррисон, все еще со слезами радости на щеках, помогал ему натянуть сюртук.

— За четыре раунда! — все повторял и повторял он, точно в забытьи.— Джо Беркса — в четыре раунда! А Джему Белчеру понадобилось для этого четырнадцать.

— Ну как, Родди? — воскликнул Джим, протягивая мне руку.— Я же тебе говорил, что приеду в Лондон и добьюсь известности.

— Это было великолепно, Джим!

— Родди, дорогой! Я видел, ты не сводил с меня глаз, и лицо у тебя было совсем белое. Ты ничуть не изменился, хоть у тебя теперь богатое платье и полно друзей в Лондоне.

— А вот ты изменился, Джим,— сказал я.— Когда ты вошел, я тебя едва узнал.

— И я! — воскликнул кузнец.— Откуда у тебя это роскошное оперение, Джим? Ручаюсь, что это не тетушка помогла тебе сделать первый шаг к рингу.

— Мне помогла мисс Хинтон, она мой самый лучший друг.

— Хм! Я так и думал! — проворчал кузнец.— Но я-то тут, во всяком случае, ни при чем, и когда мы вернемся домой, ты это подтвердишь, Джим. Хотя... Да что тут говорить, дело сделано, вспять не повернешь. В конце концов она... А, черт, двух слов связать не могу!

Не знаю, было ли тому причиной вино, выпитое за ужином, или радость, вызванная победой Джима, но всегда безмятежно спокойное лицо Чемпиона Гаррисона выражало сейчас совершенно необычное волнение, и по всем его словам, по всей повадке чувствовалось, что он и счастлив и смущен. Джим смотрел на него удивленно, видно, пытаясь понять, что за этим кроется, почему он все чего-то не договаривает, все замолкает на полуслове. Тем временем каретный сарай опустел,

Беркс с проклятиями кое-как поднялся наконец на ноги и нетвердой походкой, сопровождаемый двумя дружками-боксерами, поплелся к выходу; только Джем Белчер остался и о чем-то серьезно беседовал с моим дядей.

— Хорошо, Белчер,— услышал я ответ дяди.

— Для меня это будет истинным удовольствием, сэр,— сказал прославленный боксер, когда они подходили к нам.

— Я хотел спросить вас, Джим Гаррисон, не хотите ли вы быть моим бойцом и выступить против Краба Уилсона из Глостера? — спросил дядя.

— Я только об этом и мечтаю, сэр Чарльз, это для меня случай выйти в настоящие боксеры.

— Ставки на этот раз очень высокие, чрезвычайно высокие,— сказал дядя.— Если победите, получите двести фунтов. Вас это устраивает?

— Я буду драться ради чести и ради того, чтобы меня сочли достойным сразиться с Джемом Белчером.

Белчер добродушно рассмеялся.

— Правильно, парень,— сказал он.— Но помни: сегодня у тебя была легкая добыча — пьяный, да еще не в форме.

— Я и не хотел с ним драться,— вспыхнув, возразил Джим.

— Знаю, знаю, ты готов был сразиться с кем угодно, храбрости тебе не занимать стать, я, как поглядел на тебя, сразу это понял. Но запомни: бороться с Крабом Уилсоном — значит бороться с самым многообещающим боксером из западных графств, а лучший боксер с Запада чаще всего — лучший боксер Англии. Он такой же быстрый и такой же высокий, как ты, и руки у него такие же длинные, и уж он будет тренироваться до тех пор, пока всякая капля жира не превратится у него в мускулы. Я говорю это тебе сейчас, потому что, если я за тебя возьмусь...

— Возьметесь за меня?

— Да,— сказал мой дядя.— Если ты готов выступить, Белчер согласен быть твоим тренером.

— Я бесконечно признателен вам! — с жаром воскликнул Джим.— Если дядя не захочет быть моим тренером, я ни о ком другом и не мечтаю.

— Нет, Джим. Я побуду с тобой денек-другой, но в этом деле мне с Белчером не тягаться.

— Где вы будете жить?

— Я думаю, тебе будет удобно, если мы расположимся в Подворье короля Георга в Кроли. А если нам можно будет выбирать место боя, лучше всего Кролийские холмы, ведь, кроме Холма Мосли и, может, еще Смитемской ложбины, это самое подходящее место для бокса во всей Англии. Согласен?

— Конечно, согласен,— отвечал Джим.

— Значит, с этой минуты ты мой, понимаешь? — спросил Белчер.— Еда, питье, сон — все по моему слову, и вообще ты теперь во всем должен меня слушаться. Нам нельзя терять ни часу, Уилсон уже месяц назад был почти в форме. Видал сегодня — он ни капли в рот не взял.

— Джим может хоть сейчас драться до последнего,— сказал Гаррисон.— Но все равно завтра мы оба поедем с тобой в Кроли. Доброй ночи, сэр Чарльз.

— Доброй ночи, Родди,— сказал Джим.— Приезжай ко мне в Кроли, ладно?

И я горячо пообещал, что навещу его непременно.

— Тебе следует быть осмотрительнее, племянник,— сказал дядя, когда мы с грохотом неслись домой в его нарядной коляске.— В premiere jeunesse [1] человек склонен руководствоваться доводами сердца, а не рассудка. Джим Гаррисон производит впечатление весьма достойного молодого человека, но он как-никак всего лишь подручный кузнеца и кандидат в профессиональные боксеры. Между его положением и положением моего кровного родича — пропасть, и ты должен дать ему почувствовать свое превосходство.

— Он мой самый старый и самый любимый друг, сэр,— отвечал я.— Мы вместе росли, и между нами никогда не было секретов. И как же я могу дать ему почувствовать мое превосходство, когда я прекрасно знаю, что это он меня во всем превосходит!

Дядя весьма сухо хмыкнул и в этот вечер уже больше не сказал со мной ни слова.

---

[1] На заре юности *(франц.)*.

ГЛАВА 12

КОФЕЙНЯ ФЛЭДДОНГА

Итак, Джим отправился в Кроли под присмотр Джема Белчера и Гаррисона, чтобы тренироваться и подготовиться к великому бою с Крабом Уилсоном, а тем временем во всех лондонских клубах и пивных только и разговору было, что о том, как он появился на ужине и за четыре раунда нокаутировал грозного Джо Беркса. Джим сказал мне однажды, что непременно прославится, и слова его сбылись скорее, чем он предполагал: куда ни пойдешь, всюду говорили только о пари сэра Лотиана Хьюма с сэром Чарльзом Треджеллисом и о достоинствах будущих противников. Огромное большинство ставило на Уилсона, ибо одной-единственной победе Джима он мог противопоставить целый ряд побед; кроме того, знатоки, видевшие его в учебных боях, полагали, что редкостная защитная тактика, благодаря которой он заслужил свое прозвище, совершенно собьет с толку его неопытного противника. Рост, сила, ловкость — тут они мало чем отличались друг от друга, но Уилсон был много опытнее.

За несколько дней до боя отец исполнил наконец свое обещание и приехал в Лондон. Моряк не жаловал города, ему куда больше нравилось бродить по Суссекским холмам и следить в бинокль за каждым марселем, который показывался на горизонте, чем пробираться в уличной сутолоке, где, как он сетовал, невозможно проложить путь по солнцу и уж тем более что-нибудь упомнить. Но в воздухе снова запахло войной, и надо было воспользоваться своим знакомством с лордом Нельсоном, чтобы получить место для себя или для меня.

На город спустился вечер, дядя облачился в зеленый костюм для верховой езды с пуговицами накладного серебра, в сапоги из кордовской кожи и круглую шляпу и, как всегда в этот час, вскочил на свою лошадку с подрезанным хвостом и отправился на Пэл-Мэл людей посмотреть и себя показать. Я остался дома — я уже успел понять, что светская жизнь не по мне. Все эти господа с тонкими талиями и заученными жестами, живущие какой-то странной жизнью, поряд-

ком мне прискучили, и даже дядя с его холодно-покровительственным тоном вызывал у меня довольно смешанные чувства. Я унесся мыслями в Суссекс и с тоской вспоминал простую, естественную сельскую жизнь, как вдруг раздался стук молотка в парадную дверь, потом послышался сердечный голос, и вот уже в дверях показалось улыбающееся, обветренное лицо и голубые, с прищуром глаза.

— Ишь, каким ты щеголем, Родди! — воскликнул отец.— Но я предпочел бы видеть тебя в синем морском кителе, а не в этих галстухах и кружевах.

— Да и я тоже, отец,— отвечал я.

— Рад это слышать. Лорд Нельсон обещал мне найти для тебя место, и завтра мы постараемся с ним повидаться и напомним ему об этом. Но где же твой дядя?

— Катается верхом по Мэлу.

На простодушном лице отца отразилось облегчение: в присутствии шурина он всегда чувствовал себя не в своей тарелке.

— Я был в адмиралтействе и, когда начнется война, надеюсь получить под свое начало корабль, а судя по всему, ждать осталось недолго. Так мне сказал сам лорд Сент-Винсент. Я остановился у Флэддонга, Родди. Если хочешь, пойдем ко мне поужинаем, и ты увидишь там моих однокашников, с которыми я плавал в Средиземном море.

Если вы вспомните, что в последний год войны у нас во флоте служило сорок тысяч моряков и солдат морской пехоты под командой четырех тысяч офицеров и, как только был подписан Амьенский мир, половину из них списали на берег, а корабли поставили на прикол в Хэймоузе или в Портсдауне, вам станет ясно, что в Лондоне, как и в других портовых городах, было полным-полно моряков. На улицах то и дело попадались люди с зоркими глазами и обветренными, обожженными солнцем лицами; их более чем скромная одежда яснее ясного говорила о том, что кошельки у них пусты, а безразличие, написанное на их лицах, выдавало усталость, вызванную непривычным, вынужденным бездельем. На темных узких улицах среди кирпичных домов они выглядели как-то неуместно, точно

морские чайки, которых непогода загнала в глубь страны. И, однако, пока призовые суды будут мешкать с решением или пока жива будет надежда, что, наведываясь в адмиралтейство, можно скорее быть зачисленным на корабль, онн будут вразвалку прогуливаться по Уайтхоллу или, собравшись вечерком на Оксфорд-стрнт в гостинице Флэддонга, где останавливались однн только моряки, как у Слотера — сухопутные военные, а у Иббитсона — служители церкви, будут спорить о событнях прошлой войны н надеждах на будущую.

Поэтому я не удивился, когда увидел, что большая комната, в которую мы вошли, полным-полна морских офнцеров, однако, помнится, меня поразило, что все они, хоть и служили в самых разных условиях и бороздили самые разные моря и океаны земного шара от Балтнки до Вест-Индин, походили друг на друга больше, нежели родные братья, и образовали один определенный тип. Все, как нм и полагалось, были чисто выбрнты, все в напудренных париках, у всех на шее сзади — небольшая косичка из собственных волос, перевязанная черной шелковой лентой. Кожа у них потемнела от жгучих ветров н тропического солнца, а привычка командовать и постоянно смотреть в глаза опасностям наложнла на лица печать властности и настороженности. Попадались и веселые лица, но офицеры постарше, с крупнымн носами и щеками в глубоких морщинах, напоминали суровых и неприступных отшельников, познавших и холод и зной. Одинокие вахты и строжайшая дисциплина, которая обрекала их на жизнь вне общества, наложили особый отпечаток на эти опаленные солнцем, красные, точно у индейцев, лица. Мне так интересно было их наблюдать, что я почтн не прикоснулся к ужину. Хоть я и был тогда очень молод, однако понимал, что если в Европе и сохранились какие-то остатки свободы, то лишь благодаря этим людям, н на их мрачных, суровых лицах я, казалось, видел следы десятилетней борьбы, которая завершилась изгнанием трехцветного французского флага из всех морей.

Мы поужинали, и отец повел меня в огромную кофейню, где собралось не меньше сотни офицеров; все

потягивали вино, курили длинные глиняные трубки, и скоро здесь стало вовсе нечем дышать, словно на батарейной палубе во время ближнего боя.

— Тут немало людей, Родни, чьи имена скорее всего никогда не попадут ни в какую книгу, разве что в судовой журнал, но вели они себя лучше любого адмирала,— сказал отец, поглядев по сторонам.— Мы их знаем и говорим о них у себя во флоте, хотя их никто не стал бы приветствовать на улицах Лондона. На одномачтовом куттере требуется не меньше искусства и мужества, чем на линейном корабле, хотя за это не удостаивают ни титулами, ни благодарностями. Возьми, к примеру, Гамильтона, вон он прислонился к колонне — такой тихий, с бледным лицом. Он с шестью пробитыми шлюпками под дулами двухсот береговых пушек гавани Пуэрто Кабелло отрезал от берега сорокачетырехпушечный фрегат «Гермион». Это был самый искусный маневр за всю войну. А вон тот, с бакенбардами,— Бриритон. На своей бригантине он атаковал двенадцать испанских кораблей и заставил четыре из них сдаться в плен. А вот Уокер, командир куттера «Роза», у него под командой было тринадцать человек, и он вступил в бой с тремя французскими каперами, а у французов было сто сорок шесть человек. Один капер он потопил, другой взял в плен, а третий обратил в бегство... Как поживаете, капитан Белл? Надеюсь, вы в добром здравии?

Кое-кто из знакомых отца, сидящих неподалеку, пододвинул к нам стулья, и скоро образовался небольшой кружок,— все громко разговаривали, спорили, обсуждали свои морские дела, а разгорячась, потрясали длинными дымящимися трубками. Отец шепнул мне на ухо, что его сосед — капитан «Голиафа» Фоли, тот самый, который на Ниле шел в авангарде эскадры, а высокий, худощавый рыжеволосый человек напротив— это лорд Кокрейн, самый лихой капитан фрегата на всем английском флоте. Даже до Монахова дуба докатился рассказ о том, как на маленьком «Проворном», оснащенном всего четырнадцатью пушчонками, с командой в пятьдесят четыре человека он сцепился бортами с испанским фрегатом «Гамо», на котором было триста человек команды, и взял его на абордаж.

По тому, с каким жаром он говорил о своих обидах, как гневно краснели его усыпанные веснушками щеки, видно было, что это человек вспыльчивый и решительный.

А я с интересом слушал, как эти люди, чья жизнь проходит в боях с нашими соседями, говорят об их характерах и обычаях. Вам, живущим в дни мира и благоденствия, не понять тогдашней жгучей ненависти англичан к Франции и в особенности к ее великому полководцу. Это было больше, чем обычное предубеждение, больше, чем неприязнь. Это была глубокая, активная ненависть, вы можете даже сейчас составить себе представление о ней, если перелистаете газеты и карикатуры тех времен. Слово «француз» употреблялось только в сочетании со словами «негодяй» или «подлец». Все англичане, к какому бы общественному слою они ни принадлежали, в какой бы части Англии ни жили, горели одним и тем же чувством. Даже матросы шли на французов с таким остервенением, какого никогда не бывало в сражениях с датчанами, голландцами или испанцами.

Если теперь, спустя полвека, вы спросите меня, чем была вызвана эта враждебность, столь чуждая добродушно-веселым и терпимым по натуре англичанам, я признаюсь, что, по-моему, в основе ее лежал страх. Страх, разумеется, не перед каждым отдельным французом — даже самые подлые клеветники никогда не назвали бы нас малодушной нацией,— но страх перед необычайной удачливостью французов, перед грандиозностью их замыслов, перед проницательным умом того, кому удавалось все эти свои замыслы осуществлять и подминать под себя одно государство за другим. Мы были совсем небольшой страной, наше население к началу войны составляло немногим больше половины населения Франции. Потом Франция стала стремительно расширяться — она вобрала в себя на севере Бельгию и Голландию, а на юге Италию, нас же ослабляла давняя вражда между католиками и пресвитерианцами в Ирландии. Даже самому легкомысленному человеку ясно было, что над нами нависла опасность. Стоило выйти к морю в любом месте кентского побережья, и сразу видны были сигнальные огни в месте располо-

жения неприятельских войск, а в ясный день на холмах близ Булони поблескивали на солнце штыки — то шли маневры ветеранов. Не удивительно, что даже у самых отважных людей в глубине души таился страх перед Францией, а страх, как всегда бывает, рождал острую, жгучую ненависть.

Моряки недобрым словом поминали своих врагов. Они ненавидели их всем сердцем и, как принято в Англии, говорили то, что чувствовали. Французских офицеров они великодушно признавали достойными врагами, но французы как нация были им глубоко антипатичны. Те, кто постарше, воевали с французами в американской войне, потом снова воевали с ними последние десять лет и готовы были воевать до конца своих дней. Однако, если меня поразила та жгучая враждебность, какую вызывала у моряков Франция, я был поражен еще больше, услыхав, сколь высоко они ценят французов как противников. Многочисленные, следовавшие одна за другой победы Британии, которые в конце концов вынудили французов укрыться в своих портах и в отчаянии прекратить борьбу, внушили и всем нам мысль, будто существуют какие-то причины, по которым на море бритт во веки веков будет брать верх над французом.

Но люди, сидящие вкруг меня, те, кто добывал эти победы, так не думали. Они вслух хвалили отвагу противника и ясно понимали причины его поражения. Они говорили, что прежде во Франции почти все офицеры были из высшего сословия, революция смела их и тем самым обезглавила флот: матросы, оставшись без опытных командиров, забыли, что такое настоящая дисциплина. Управляемый искусными и опытными командирами, отлично укомплектованный британский флот загнал лишенных умелого управления французов в их порты и не выпускал их оттуда, лишив тем самым возможности овладеть искусством мореплавания. Все то, чему они обучались в порту, вся их строевая и артиллерийская подготовка не могла сослужить им службу в открытом море, в бурных водах, когда надо было давать бортовые залпы и маневрировать, переставляя паруса. Если бы хоть один французский фрегат мог несколько лет свободно бороздить океан, пости-

гать искусство морского боя, вот тогда победа над ним — равным противником — прибавила бы славы капитану английского корабля.

Так рассуждали эти умудренные опытом офицеры и подтверждали свои слова воспоминаниями, примерами французской отваги, такими хотя бы, как поведение команды «Лориент»: французы били из пушек квартердека, в то время как вся батарейная палуба под ними была охвачена пламенем, и они знали, что стоят на пороховом погребе.

Все надеялись, что Вест-Индская экспедиция дала возможность многим судам приобрести опыт океанского плавания и, если снова начнется война, они рискнут выйти в Ла-Манш. Но начнется ли она? Мы надели узду на Наполеона и не дали ему стать тираном всего мира, но это стоило нам огромных денег и невероятных усилий. Решится ли правительство на это снова? Или оно испугается непомерного груза долгов, который ляжет тяжким бременем на многие еще не родившиеся поколения? Но ведь у нас Питт, а он не из тех, кто останавливается на полпути!

Вдруг у дверей возникло какое-то движение. Сквозь серые клубы табачного дыма я разглядел синий мундир и золотые эполеты. Вокруг теснились моряки, слышался приглушенный шум голосов, который почти тотчас перерос в громкие и радостные крики. Все вскочили, оглядывались по сторонам, спрашивали друг друга, что случилось. А толпа бурлила, крики становились все громче и радостнее.

— Что там? Что такое? — раздались голоса.

— Поднимите его! Поднимите его выше! — закричал кто-то, и тотчас над толпой появился офицер.

Лицо у него разгорелось, и он махал каким-то листком. Крики смолкли, стало так тихо, что я слышал, как у него в руке шелестела бумага.

— Великие новости, джентльмены! — возвестил он.— Великолепные новости! Контр-адмирал Коллингвуд просил меня сообщить их вам. Сегодня вечером французскому послу были возвращены верительные грамоты. Все корабли вступают в строй. Адмирал Корнуоллис направляется из Каусэндского залива на остров

Уэссан. Одно соединение кораблей отплывает в Северное море, другое — в Ирландское!

Быть может, он собирался сказать еще что-то, но тут моряки не выдержали. Как они кричали, как топали ногами, как беснавались от восторга! Суровые, немолодые вице-адмиралы, степенные капитаны первого ранга, юные помощники капитана — все шумели, точно школьники, отпущенные на каникулы. В эти минуты никто не думал о множестве горьких обид, о которых я только что слышал. Ненастье миновало, и занесенные ветром на сушу морские птицы снова закачаются на пенных волнах.

Над шумом и криком зазвучало, нарастая, «Боже, храни короля!» и зазвучало так, что забывались и жалкие рифмы и откровенная сентиментальность гимна. Я уверен, что вы никогда не слыхали, чтобы его так пели, не видели, как по суровым лицам катится слеза, как у сильных мужчин перехватывает дыхание. Чтобы снова услыхать гимн в таком исполнении, чтобы снова увидеть подобное зрелище, должны были бы вернуться грозные времена. Только те, кто никогда не видел моих соотечественников в час, когда спадает застывшая маска сдержанности и на мгновение вспыхивает могучий, негасимый жар северной души, могут говорить о флегматичности англичан. В тот час я видел эти огни, и если не вижу их ныне, я не настолько стар или глуп, чтобы усомниться в том, что они существуют.

ГЛАВА 13

ЛОРД НЕЛЬСОН

Свидание с лордом Нельсоном должно было состояться рано утром, и, понимая, как будет занят адмирал в связи с новостями, которые мы услышали накануне вечером, отец желал быть предельно точным. Я только-только успел позавтракать, дядя еще даже не звонил, чтобы ему подали шоколад, а отец уже заехал за мной. Мы прошли несколько сот шагов и оказались на Пикадилли перед высоким зданием из вы-

цветшего кирпича, городской резидеицией Гамнльтоиов, где была и штаб-квартнра Нельсоиа, когда дела или развлечення прнзывали его из Мертона в Лондои. Лнврейный лакей отворнл дверн н ввел иас в большую гостииую с мрачной мебелью н уиылыми портьерамн иа окнах. Потом пошел доложить о нас, а мы селн н прннялнсь разглядывать белые итальянскне статуэтки в углах н большую картнну, висевшую иад клавикордамн, иа которой был нзображеи Везувнй н Неаполнтанский залнв. Помню: иа камине громко тикали черные часы, н сквозь грохот проезжавшнх мимо экипажей из внутреннх покоев то и дело доносились взрывы смеха.

Наконец дверь распахнулась, и мы разом вскочили, полагая, что окажемся перед лицом велнчайшего из ныне здравствующих англнчан. Но в комиату величаво вплыла дама. Она была высока и, как мне показалось, поразнтельно хороша собой, хотя взгляд более нскушенный и приднрчивый заметил бы, что красота ее — лншь отголосок прошлого. У нее была царствеииая осанка, все лнини поражалн благородным нзяществом, а лицо, правда, уже слегка оплывшее н огрубевшее, все еще блнстало иежиой, ослепительно белой кожей; большие светло-снние глаза былн прекрасны, темные волосы прелестного оттенка внлись над белым инзким лбом. Оиа была воистину велнчава, и, когда я увндел, с какнм достоинством она вступила в гостнную н какую прняла позу, взглянув на моего отца, мне вспомннлась перуанская королева в нзображении мисс Хиитои, когда оиа побуждала нас с Джимом к бунту.

— Лейтеиант Энсон Стоун? — спросила оиа.

— Так точно, мнледн, — отвечал отец.

— О! — с наиграииым изумлеиием воскликнула она. — Так вы меия зиаете?

— Я вндел вас в Неаполе.

— Тогда вы, несомненно, вндели и моего бедиого мужа — моего бедного, бедного сэра Унльяма! — И ее белые, уиизанные кольцамн пальцы косиулнсь платья, словно она желала обратнть наше вннманне иа свой глубокий траур.

— Я слышал о вашей горестной утрате, миледн, — сказал отец.

— Мы умерли вместе! — воскликнула она.— Что теперь моя жизнь? Лишь бесконечное медленное умирание.

Она говорила красивым глубоким голосом, и временами он страдальчески дрожал, но я не мог не заметить, что с виду она обладала отменным здоровьем, и меня удивило, что она украдкой вопросительно поглядывала в мою сторону, словно восхищение столь незначительной личности могло ее хоть сколько-нибудь интересовать. Отец с простодушием моряка бормотал нехитрые слова утешения, но она то и дело переводила взгляд с его грубого, обветренного лица на мое, проверяя, действуют ли на меня ее чары.

— Вот он, ангел, охраняющий этот дом! — провозгласила она и широким торжественным жестом указала на картину, висевшую на стене: это был портрет худощавого высокомерного господина в орденах.— Но хватит о моем горе! — И она смахнула воображаемую слезу с сухих глаз.— Вы ведь пришли к лорду Нельсону? Он просил меня передать, что сию минуту будет здесь. Вы уже, конечно, знаете, что начало действий ожидается с минуты на минуту.

— Да, мы узнали об этом вчера вечером.

— Лорду Нельсону приказано принять командование над средиземноморским флотом. Разумеется, в такой момент... Ах, кажется, я слышу шаги его светлости!

Странные манеры этой леди и жесты, которыми она сопровождала каждое свое замечание, так приковали к себе мое внимание, что я не заметил, как в комнату вошел великий адмирал. Когда я обернулся, оказалось, что он стоит совсем рядом со мной — небольшого роста темнолицый человек, гибкий и по-юношески стройный. Он был не в мундире, а в коричневом сюртуке с высоким воротником, правый рукав которого свободно болтался. Помню печальное и мягкое выражение его изборожденного глубокими морщинами лица — пылкий и нетерпеливый по натуре, он, видно, перенес немало испытаний. Один глаз был обезображен ранением и слеп, но другой смотрел то на меня, то на отца поразительно остро и проницательно. Вся его повадка, быстрые, зоркие взгляды, красивая посадка головы говорили о том, что перед нами человек действия, живой, энергич-

ный, и, если позволено сравнивать большое с малым, он напоминал мне хорошо выдрессированного бультерьера, ласкового и хрупкого с виду, но смелого и решительного, каждую минуту готового ринуться в бой.

— Лейтенант Стоун,—с необычайной сердечностью сказал он, протягивая отцу левую руку,— рад вас видеть. В Лондоне полно моряков со средиземноморских кораблей, но я уверен, что через неделю на суше не останется ни одного.

— Я пришел просить вас, сэр, помочь мне получить корабль.

— Если в адмиралтействе мое слово хоть что-нибудь весит, вы его получите, Стоун. Мне понадобятся все, кто был со мной на Ниле. Не обещаю, что это будет первоклассный корабль, но шестидесятичетырехпушечный вы, во всяком случае, получите, а на таком корабле — легко управляемом, хорошо укомплектованном и оснащенном — можно натворить немало всяких дел.

— Кто слыхал про «Агамемнона», у того на этот счет не может быть никаких сомнений,— вмешалась леди Гамильтон и тут же стала превозносить адмирала и его деяния и осыпать его похвалами в столь преувеличенно-восторженных выражениях, что мы с отцом не знали, куда глаза девать: нам было неловко и горько за человека, о котором все это говорилось в его же присутствии. Но когда я наконец осмелился взглянуть на лорда Нельсона, оказалось, что он нисколько не смущен, а, напротив, улыбается, словно эта грубая лесть очень ему по вкусу.

— Полно, полно, дорогая,— сказал он,— вы слишком преувеличиваете мои заслуги.

Получив такого рода одобрение, она снова принялась громко, словно со сцены, восхвалять любимца Британии, старшего сына Нептуна, а он по-прежнему слушал все это с благодарным и довольным видом. Я был поражен, что сорокапятилетнего человека, умудренного жизнью, проницательного, честного, хорошо знающего придворные нравы, можно провести такой грубой, неприкрытой лестью, и это поражало не одного меня, а всех, кто с ним сталкивался, но вы немало повидали в жизни и, верно, знаете, как часто самым сильным, самым благородным натурам свойственна одна-едни-

ственная необъяснимая слабость, которая особенно бросается в глаза на фоне их бесспорных достоинств, подобно тому, как грязное пятно резче выделяется на белоснежной простыне.

— Такие морские офицеры, как вы, Стоун, мне по душе,— сказал лорд Нельсон, когда ее светлость исчерпала весь свой запас лести.— У вас старая закалка.

Разговаривая, он мерил комнату мелкими нетерпеливыми шагами и то и дело стремительно и резко поворачивался на каблуках, точно у него на пути внезапно вырастала какая-то невидимая преграда.

— Все эти новомодные эполеты и разукрашенные квартердеки чересчур красивы для нашей работы. Когда я начал служить на флоте, помощник капитана сам засаливал окорок и сам ставил бушприт, сам со свайкой на шее лез на мачту, сам показывал пример своей команде. А теперь он разве что сам принесет свой секстант в рубку. Когда вы будете готовы?

— Сегодня вечером, милорд.

— Отлично, Стоун, отлично! Так и надо. В доках работают не покладая рук, но я еще не знаю, когда будут подготовлены суда. В среду я поднимаю свой флаг на «Виктории», и мы тотчас же отплываем.

— О, нет, нет, не так скоро! Корабль еще не будет готов к отплытию,— дрожащим голосом произнесла леди Гамильтон, заломив руки и возведя глаза к небесам.

— Он должен быть и будет готов! — с необычайной горячностью воскликнул Нельсон.— Клянусь богом, что бы ни случилось, в среду я отплываю! Кто знает, что могут натворить эти негодяи в мое отсутствие? Как подумаю, что только они там могут замыслить, места себе не нахожу. В эту самую минуту королева, наша королева, быть может, вглядывается вдаль в надежде увидеть марсели кораблей Нельсона.

— Что ж, она знает, что ее рыцарь без страха и упрека никогда не бросит свою королеву в беде,— сказала леди Гамильтон.

Я думал, они имеют в виду нашу королеву Шарлотту, а потому не мог понять, что же такое они говорят, но отец объяснил мне потом, что и Нельсон и леди Гамильтон воспылали необыкновенной любовью к неаполитанской королеве и что это интересы ее малень-

кого королевства он принимал так близко к сердцу. Нельсон продолжал быстро ходить по комнате, но замешательство, выразившееся на моем лице, видно, привлекло его внимание; он вдруг остановился и смерил меня суровым взглядом.

— Ну-с, молодой человек! —резко сказал он.

— Это мой единственный сын, сэр,— сказал отец.— Я бы хотел, чтобы он тоже служил во флоте, если только для него найдется место. Уже много поколений все мужчины у нас в роду становятся офицерами королевского флота.

— Так вы желаете, чтобы и вам переломали кости? — грубо сказал Нельсон, глядя весьма неодобрительно на мой нарядный костюм, из-за которого дядя и мистер Браммел столько спорили.— Если вы будете служить под моим началом, сэр, вам придется сменить этот роскошный костюм на вымазанную дегтем куртку.

Я был безмерно смущен его резким тоном и едва смог пробормотать, что надеюсь исполнить свой долг, после чего его сурово сжатые губы расплылись в добродушной улыбке, и он на миг коснулся моего плеча небольшой, сильно загорелой рукой.

— Уверен, что вы отлично справитесь,—сказал он.— Я вижу, у вас есть характер, но не воображайте, будто это легкий хлеб — служить во флоте. Это трудная профессия, молодой человек. Вы слышите о тех немногих, которые преуспели, но что вам известно о сотнях других, которые так ничего и не добились? А моя собственная судьба! Из двухсот моряков, что были со мной в Сент-Жуанской экспедиции, сто сорок пять погибло за одну ночь. Я участвовал в ста восьмидесяти сражениях и, как видите, потерял глаз и руку и сверх этого был еще тяжко ранен. Случилось так, что я выжил и стал адмиралом, но я помню множество людей ничуть не хуже меня, которым не столь посчастливилось. Да,— прибавил он, когда леди Гамильтон разразилась многословными протестами против этого его утверждения,— множество, великое множество людей ничуть не хуже меня пошли на корм акулам или крабам. Но настоящий моряк лишь тот, кто каждый день рискует головой. Жизнь наша в руках господа, и он один знает, когда ее отнять.

На мгновение в серьезном взгляде и в благоговейном тоне, каким были сказаны последние слова, мы, казалось, ощутили подлинного Нельсона, уроженца одного из восточных графств, до мозга костей проникнутых духом воинственного пуританства, породившего «железнобоких», которые наводили свои порядки в самой Англии, и отцов-пилигримов, насаждавших свою веру за ее пределами, по всему свету. Это был тот Нельсон, который заявил, что видел десницу божью, занесенную над Францией, Нельсон, который призывал господа, стоя на коленях в своей каюте на флагманском корабле, когда судно подходило с наветренной стороны к вражеской эскадре. Он с болью и нежностью говорил о своих погибших товарищах, и, слушая его, я понял, почему его так любили все, кто служил под его началом: он был суровый, несгибаемый моряк и воин, но в его сложной натуре это уживалось с несвойственной англичанам чувствительностью, проявлявшейся в слезах, если он был глубоко взволнован, или в таких, например, душевных порывах, когда он, уже умирающий, лежа на палубе «Виктории», попросил флагкапитана поцеловать его.

Отец поднялся, чтобы откланяться, но адмирал попрежнему мерил комнату шагами и с присущей ему добротой, которую он всегда выказывал к подчиненным и которую как ветром сдуло, едва он заметил мой злополучный франтовской наряд, давал мне короткие и четкие напутствия и советы.

— Служба требует рвения, молодой человек,— говорил он.— Нам нужны горячие головы, желающие все новых побед. У нас были такие на Средиземном море, и они будут у нас опять. Все были, как на подбор, ни в чем не уступали друг другу! Когда меня попросили порекомендовать кого-нибудь для особого поручения, я сказал в адмиралтействе, что они могут взять любого, ибо всеми владеет один и тот же боевой дух. Если бы мы захватили девятнадцать кораблей, а двадцатый ушел бы от нас, мы бы считали себя побежденными. Да вы и сами это знаете, Стоун. Вы ведь из той же когорты средиземноморских ветеранов, так что мне незачем вам все это рассказывать.

— Я надеюсь, милорд, снова быть с вами, когда мы опять встретимся с противником,— сказал отец.

— Мы должны с ним встретиться и непременно встретимся. Клянусь богом, я не успокоюсь до тех пор, пока окончательно не расправлюсь с ним! Подлец Буонапарте хочет нас поставить на колени. Пусть только попробует, и да поможет бог достойнейшему!

Нельсон говорил с таким пылом, что его пустой рукав болтался из стороны в сторону, придавая ему весьма странный вид. Заметив, что я не свожу глаз с этого рукава, он с улыбкой обернулся к моему отцу.

— Мой обрубок все еще делает свое дело, Стоун,— сказал он, хлопнув по культе.— Как там говорили у нас во флоте?

— Говорили, сэр, что, когда рукав болтается, лучше не попадаться вам на глаза.

— Эти канальи хорошо меня знали! Как видите, молодой человек, я служу своему отечеству с прежним пылом, ранения и физические страдания его не убавили. В один прекрасный день вы, быть может, поведете в бой флагманский корабль, и тогда вспомните мой совет офицеру: никогда не колебаться, никогда не медлить. Ставьте на карту все, и если вы проиграете не по своей вине, отечество даст вам возможность поставить еще раз, и ставка будет не меньше. Забудьте про стратегию и тактику. Идите на врага. Тут нужна только одна тактика — оказаться борт о борт с врагом. Всегда деритесь и всегда будете правы. Забудьте о своих удобствах, о своих личных делах и заботах, ибо с того дня, как вы надели синий китель, ваша жизнь более вам не принадлежит. Она принадлежит отечеству, и, не раздумывая, отдавайте ее, если ему от этого хоть малая польза... Какой сегодня ветер, Стоун?

— Восточный-юго-восточный,— тотчас ответил отец.

— Тогда можно поручиться, что Корнуоллис не отходит от Бреста, а я на его месте постарался бы выманить их в открытое море.

— Любой офицер и любой матрос хотел бы того же, ваша светлость,— сказал мой отец.

— Да, никто не любит держать блокаду, и не удивительно: от нее ни славы, ни денег. Вы, верно, помните, каково нам было в зимние месяцы, когда мы обло-

жили Тулон. У иас ведь ие было ии сиарядов, ии говядины, ии свининны, нн мукн, ии обрывка запасиого каната, ни парусины, нн шпагата. Мы брасопнли паруса на наших старых посудинах запасными тросами. И как только поднимался левантинец, я ждал, бог тому свидетель, что мы тут же пойдем ко дну. Но мы все равно держали их за горло. Только, боюсь, в Англии наши труды не оценили по заслугам; здесь ведь пускают фейерверк лишь в тех случаях, когда мы выигрываем большое сражение, и не понимают, что иам куда легче шесть раз подряд сразиться на Ниле, чем всю зиму держать блокаду. Но помоги нам бог встретиться с их иовым флотом, и мы разобьем его иаголову!

— А мне помоги бог оказаться рядом с вами, милорд! — проиикновеино сказал отец.— Но мы отияли у вас слишком миого времени. Разрешите поблагодарить вас за вашу доброту и пожелать вам всего хорошего.

— Всего хорошего, Стоун! — ответил Нельсон.— Вы получите корабль, и, если можно будет, я сделаю этого молодого человека одним из своих офицеров. Но, судя по его костюму,— продолжал он, оглядывая меня,— вам посчастливилось получить куда больше призовых денег, чем вашим товарищам. Что до меня, я как-то никогда не заботился о деньгах.

Отец объясиил, что я нахожусь сейчас на попечении моего дяди, знаменитого сэра Чарльза Треджеллиса, у которого и живу.

— Значит, вы не нуждаетесь в моей помощи,— не без горечи заметил Нельсон.— Если у вас есть деньги или покровитель, вам ничего не стоит перепрыгнуть через головы заслуженных морских офицеров, хотя бы вы и не умели отличить полуют от камбуза или карронаду [1] от кулевринны [2]. И все-таки... А вам какого черта здесь надо?

В комнату быстрым шагом вошел ливрейный лакей, но, увидев, какой неистовый гнев загорелся в глазах адмирала, растерянно замер на месте.

— Ваша светлость приказали доставить вам это не-

[1] Короткоствольная пушка.
[2] Длинноствольная пушка.

медля, как только принесут,— объясиил он, протягивая большой синий конверт.

— Да ведь это — предписание! — воскликиул Нельсон, выхватил конверт и попытался кое-как, одной рукой, его распечатать.

Леди Гамильтон кинулась ему иа помощь, но, едва взглянув иа вложенную в конверт бумагу, пронзительно вскрикнула, всплесиула руками и, закатив глаза, упала в обморок. Однако я не мог не заметить, что упала она очень осторожно и, несмотря на беспамятство, ухитрилась принять весьма изящную классическую позу, да и одежды ее тоже отнюдь не разметались в беспорядке. Но бесхитростный Нельсои, неспособиый на обмаи и притворство, не мог заподозрить этого и в других и, как безумный, кинулся к звоику, потребовал горничную, доктора, нюхательные соли, бессвязно бормотал какие-то слова утешения и так горячо выражал свои чувства, что отец почел уместным потяиуть меня за рукав, и мы выскользнули из комнаты. Мы оставили адмирала в полутемной лондонской гостиной, вне себя от жалости к этой пустой комедиантке, а на улице, у дверей, ждала высокая мрачная дорожная карета, готовая увезтн его в дальний путь, в конце которого ему суждеио было добрых семь тысяч миль преследовать французскнй флот по морям и океаиам, встретиться с ним, одержать победу (после которой Наполеон был навсегда обречен действовать только на суше) и умереть— умереть так, как мечтает каждый, ибо смерть пришла к нему в минуту его величайшего торжества.

ГЛАВА 14

НА ДОРОГЕ

Близился день великой схватки. Перед этим событием угрозы Наполеона и даже готовая разразиться не сегодия-завтра война отступили в глазах любителей спорта на второй план, а любители спорта в те времена составляли больше половины всего населення Англии. Завсегдатаев аристократического клуба н плебейской пивной, купцов в кофейне и солдат в казар-

ме, жителей Лондона и провинции — всех и каждого занимало одно и то же. Каждая почтовая карета с Запада доставляла вести о том, что Краб Уилсон находится в отличной форме: все знали, что на время тренировки он возвратился в родные края и там о нем печется мастер своего дела капитан Барклей. С другой стороны, хотя мой дядя еще не объявил имени своего бойца, никто не сомневался, что это будет Джим, и рассказы о его телосложении и о том, как он показал себя на ринге, завоевали ему множество сторонников. Однако в целом гораздо больше пари заключалось в пользу Уилсона, так как за него единодушно стоял и Бристоль и вся западная часть страны; мнения же лондонцев разделились. За два дня до состязания в любом вест-эндском клубе можно было поставить на Джима два против трех.

Дважды я навещал Джима в Кроли, где он тренировался, и видел, что его держат на обычном в таких случаях строжайшем режиме. От зари до зари он бегал, прыгал, осыпал ударами огромную грушу, свисающую с балки потолка, или боксировал со своим грозным тренером. Глаза его блестели, на щеках пылал румянец, от него веяло отменным здоровьем и безграничной верой в успех. И когда я видел его мужественную повадку и слушал спокойные, веселые речи, все мои опасения рассеивались, как дым.

— Прямо удивляюсь, как это ты меня навестил, Родди,— сказал он мне на прощанье с деланным смехом.— Ведь я теперь заправский боксер, наемник твоего дядюшки, а ты светский щеголь, столичная штучка. Не будь ты лучшим, самым верным и благородным человеком на свете, ты уже давно сам бы стал мне не другом, а хозяином.

Я посмотрел на этого красавца с правильными чертами породистого лица, подумал, сколько в нем скрыто достоинств, какой он неизменно добрый и великодушный, и мне показалась столь нелепой его мысль, будто мои дружеские чувства к нему — знак снисходительности, что я невольно расхохотался.

— Все это прекрасно, Родди,— сказал Джим, пытливо глядя мне в глаза.— Но что думает по этому поводу твой дядюшка?

Он задал мне поистине нелегкий вопрос, и я не слишком уверенно ответил, что, сколь ни многим я обязан дяде, с Джимом мы близки гораздо дольше, а я уже не мальчик и сам знаю, с кем мне дружить.

Опасения Джима были не напрасны: дяде чрезвычайно не нравилась наша дружба, но, поскольку он не одобрял еще очень и очень многие мои поступки, лишний повод для его недовольства уже не имел особого значения. Боюсь, что он успел во мне разочароваться. Я так и не обзавелся какой-либо причудой, которая, по его словам, помогла бы мне выделиться из толпы и тем самым привлечь к себе внимание того странного мира, в каком он жил, хотя он был так добр, что подсказал мне для этого несколько способов.

— Ты молод, крепок и подвижен, племянник,— говорил он.— Не попробовать ли тебе перепархивать по комнатам от стола к стулу, со стула в кресло, не касаясь пола? Небольшая акробатика в этом духе — признак хорошего вкуса. Один гвардейский капитан выучился этому ради небольшого пари и завоевал огромный успех в обществе. Леди Лайвен, особа чрезвычайно разборчивая, не раз приглашала его на свои вечера лишь затем, чтобы он показал гостям свое искусство.

Пришлось заверить дядю, что такие цирковые трюки мне не под силу.

— Ты чересчур несговорчив,— заметил он, пожимая плечами.— В качестве моего племянника ты мог бы упрочить свое положение, если бы перенял у меня изысканный вкус. Объяви ты войну mauvais gout [1] — и высший свет охотно признал бы тебя знатоком хорошего вкуса, преемником семейной традиции, и ты без труда завоевал бы положение, которого добивается этот выскочка Браммел. Но у тебя тут не хватает чутья. Ты не способен отнестись с должным вниманием к каждой мелочи. Взгляни на свои башмаки! А твой галстух! А часовая цепочка! Совершенно достаточно выпустить два колечка. Бывало, я выпускал три, но это уже нескромно. А у тебя сейчас видны по меньшей мере пять колечек цепочки. Весьма сожалею, племянник, но, мне думается, ты не создан для того, чтобы занять положе-

[1] Дурному вкусу *(франц.)*.

ние, которого я вправе желать для своего кровного родственника.

— Очень сожалею, что не оправдал ваших надежд, сэр,— сказал я.

— На свою беду, ты слишком поздно попал мне в руки,— сказал дядя.— Случись это раньше, я мог бы воспитать тебя соответственно моим требованиям. У меня был младший брат, с ним происходило нечто подобное. Я делал для него все, что только мог, но он упорно завязывал башмаки лентами и однажды при всех назвал белое бургундское рейнвейном. В конце концов этот несчастный пристрастился к чтению и до самой смерти прозябал где-то в глуши на должности священника. Человек он был неплохой, но слишком заурядный, а заурядным людям в высшем обществе не место.

— Боюсь, сэр, это означает, что там не место и мне,— сказал я.— Но отец твердо надеется, что лорд Нельсон возьмет меня во флот. Светского человека из меня не получилось, но я глубоко вам признателен за великодушное обо мне попечение, и если меня произведут в офицеры, вы, надеюсь, еще сможете мною гордиться.

— Что ж, быть может, ты еще и достигнешь положения, которое я тебе предназначал, только придешь к нему иным путем,— заметил дядя.— В свете немало таких людей. Вот, например, лорд Сент-Винсент и лорд Гуд. Они приняты в лучших домах, хотя не имеют других заслуг, кроме службы во флоте.

Разговор этот происходил в дядином изысканно обставленном кабинете на Джермин-стрит в канун состязания. Помнится, как всегда перед отъездом в клуб, дядя был в просторном парчовом халате и сидел, вытянув одну ногу и положив ее на скамеечку, ибо перед самым моим приходом Аберистен успокаивал начинавшийся у него приступ подагры. Была ли в том повинна боль или разочарование во мне, но дядя проявлял необычную для него резкость, и, боюсь, когда он говорил о моих недостатках, в его улыбке сквозила некоторая язвительность.

Я же, признаться, вздохнул с облегчением, когда мы наконец объяснились, ибо отец мой уехал из Лондона в совершенной уверенности, что вакансии для нас обо-

их найдутся очень быстро, и меня угнетала одна лишь мысль: как покинуть дядю, не нарушив его планов. Мне опостылела пустопорожняя жизнь, чуждая моей натуре, и я устал от этих высокомерных разговоров: послушать, так выходило, будто в мире ничего нет важнее и достойнее, нежели тесный кружок легкомысленных кокеток и безмозглых фатов. Быть может, и на моих губах мелькнуло подобие дядюшкиной язвительной усмешки, когда он с надменным изумлением упомянул, что в эту святая святых оказались вхожи люди, которые защитили отечество от гибели.

— Кстати, племянник,— сказал дядюшка,— как бы меня ни мучила подагра и что бы там ни говорил Абернети, а сегодня нам надо быть в Кроли. Бой состоится на Кролийских холмах. Сэр Лотиан Хьюм и его боец сейчас находятся в Рейгете. Я заказал для нас с тобой две кровати в Подворье короля Георга. Говорят, народу будет видимо-невидимо. В провинциальных гостиницах всегда очень дурно пахнет, я этого не выношу,— mais que voulez-vous [1]. Вчера вечером Беркли Крейвен рассказывал в клубе, что на двадцать миль вокруг Кроли все постели до единой уже заказаны, хозяева берут за ночлег три гинеи. Надеюсь, твой молодой друг — если уж я должен так его называть — не обманет наших ожиданий, я слишком много на него поставил и не хотел бы проиграть. Сэр Лотиан тоже закусил удила. Вчера у Ниммера он поставил на Уилсона пять тысяч против трех. Насколько мне известно, его денежные обстоятельства таковы, что, если наша возьмет, ему придется нелегко... Что там, Лоример?

— Вас спрашивает какой-то человек, сэр Чарльз,— доложил новый камердинер.

— Вы же знаете, пока я не совсем одет, я никого не принимаю.

— Он непременно хочет вас видеть, сэр. Он ворвался силой.

— Ворвался силой? Что это значит, Лоример? Почему вы не вышвырнули его за дверь?

На лице слуги мелькнула улыбка. И в ту же минуту из коридора донесся гулкий бас:

[1] Здесь — но что поделать? *(Франц.)*.

— Сейчас же впустите меня, молодой человек! Слышите? Проводите меня к вашему хозяину, не то вам же будет хуже.

Голос показался мне знакомым, а когда за плечом камердинера появилась мясистая бычья физиономия с расплющенным носом, как у Микеланджело, я тотчас узнал своего соседа по столу во время недавнего ужина.

— Да ведь это Уорр, сэр, боксер,— сказал я дяде.

— Он самый, сэр,— подтвердил гость, с трудом протискиваясь в дверь.— Честь имею представиться: Билл Уорр, хозяин пивной «Тяжеловес», что на Джермин-стрит, первейший забияка на всем белом свете. Только один противник меня одолел, сэр Чарльз,— мой собственный вес, уж больно быстро он растет! Полсотни фунтов лишку набрал, и никак я от них не избавлюсь. Право слово, сэр, я могу отдать столько ненужного мяса, что хватило бы на чемпиона веса пера. Вы, небось, по виду и не поверите, но даже когда меня побил Мендоса, я еще мог перескочить через канаты не хуже какого-нибудь мальчишки, а это четыре фута высоты, а вот теперь, коли заброшу шляпу на ринг, придется ждать, покуда мне ее обратно ветром не принесет, а уж самому за нею не добраться: выдохся! Мое вам почтение, молодой человек, надеюсь, что вижу вас в добром здравии!

На лице дяди отразилась немалая досада, он не любил, чтобы к нему вторгались столь бесцеремонно; однако положение обязывало его поддерживать знакомство с боксерами, а потому он скрыл неудовольствие и лишь сухо спросил, какое же дело привело к нему Уорра. Вместо ответа толстяк многозначительно покосился на камердинера.

— Дело важное, сэр Чарльз, это разговор не для посторонних ушей.

— Можете идти, Лоример... Итак, Уорр, я вас слушаю.

Боксер преспокойно уселся на стул верхом и облокотился на спинку.

— У меня есть кое-какие сведения, сэр Чарльз,— сказал он.

— А именно?—нетерпеливо воскликнул дядя.

— Очень ценные сведения.

— Так говорите!

— Эти сведения стоят деиег,— сказал Уорр и поджал губы.

— Поиимаю: вы хотите, чтобы вам заплатили за ваше сообщеине?

Боксер улыбиулся в знак согласня.

— Я ие покупаю кота в мешке. Пора бы вам это знать.

— Конечио, я вас зиаю, сэр Чарльз, вы благородный и шикариый джентльмен. Только, поиимаете, вздумай я этн самые сведеиия обернуть протнв вас, я бы заработал не одну сотню. Да только мие это не по нутру, потому как Бнлл Уорр всегда стоял за классный спорт н за честную нгру. Ну, а коли я скажу все вам, так уж, надо думать, вы не оставнте меня внакладе.

— Поступайте, как вам угодио,— сказал дядя.— Если ваши сведеиия будут мие полезны, я сам решу, как мне с вамн рассчитаться.

— Лучше не скажешь. На том н поладнм, хозяни, думаю, вы поступите по справедливости, про вас все так и говорят. Ну вот, стало быть, ваш Джим Гаррнсон завтра утром на Кролийских холмах дерется с Крабом Уилсоном из Глостера, и на него поставлены большие деньги.

— Что же из этого?

— А известно вам, случаем, какие вчера былн ставки?

— Три против двух в пользу Уилсоиа.

— Правильно, хозянн. А сегодня ставят семь против одного.

— Что такое?!

— Семь против одиого, хозянн, это точно.

— Что за чепуха, Уорр! Отчего бы ставки так возросли?

— Я был в трактнре Тома Оуэна, и в «Проломе в стене», и в «Упряжке», н всюду ставят семь протнв одного. Против вашего малого поставлены кучи деиег. В клубах, в питейных заведеннях отсюда и до Степни — везде такие ставки, словио ставят иа доброго коия протнв куреика.

В этот миг по выражеиию дядиного лица я вдруг понял, как много зиачит для иего исход этого боя.

Но он тотчас пожал плечами и недоверчиво улыбнулся.

— Тем хуже для болванов, которые набавляют ставки,— сказал он.— Мой боец в отличной форме. Ты его вчера видел, племянник?

— Вчера он был в превосходной форме, сэр.

— Случись что-нибудь неладное, мне дали бы знать.

— А может, ничего и не случилось... покуда,— с ударением сказал Уорр.

— Как прикажете вас понимать?

— А так и надо понимать, сэр. Помните Беркса? Сами знаете, он парень не больно надежный, а тут еще затаил зло на вашего Гаррисона, после того как он тогда в каретнике его уложил. Ну так вот, вчерашний день, часов эдак в десять вечера, приходит он ко мне в пивную и с ним еще трое отъявленных разбойников, они всему Лондону известны. Перво-наперво Рыжий Айк, его на ринг больше не допускают, потому как он нечестно дрался с Биттуном. Потом Вояка Юсеф — этот родную мать за пятак продаст. И еще Крис Маккарти — тот просто жулик: дождется на Хеймаркет, как народ пойдет из театра, и давай шарить по карманам, вот и все его ремесло. Такую теплую компанию не всякий день встретишь, а тут гляжу: все вдрызг пьяные, один Крис трезвый — такая хитрая бестия, коли что почует, так уж лишнего не глотнет. Ну, провел я их в гостиную. Они-то, само собой, того не стоят,— да я уж знаю, впустишь их в зал, затеют драку, поколотят кого из посетителей, потом с полицией хлопот не оберешься. Подал я им выпить, чего спросили, и сам с ними для верности остался, в гостиной. У меня там картины и чучело попугая, так чтоб не попортили.

Ну, коротко сказать, пошла у них речь про завтрашний бой. Хохочут, заливаются: дескать, Джиму Гаррисону вовек Краба не побить,— а Крис знай подмигивает да локтями всех подталкивает, уж Беркс чуть не закатил ему оплеуху. Вижу, дело нечисто, и не так уж трудно смекнуть, что к чему, тем более Рыжий Айк стал биться об заклад, что Джим Гаррисон завтра и на ринг-то не выйдет. Тогда пошел я за новой бутылочкой спиртного, чтобы у них языки еще больше развя-

зались, а сам стал за окошком, в которое мы из бара в гостиную напитки передаем, приоткрыл его самую малость и слыхал каждое их слово, будто сидел с ними за столом.

Слышу, Крис Маккарти стал на них ворчать, чтоб не болтали лишнего, а Джо Беркс как рявкнет: не учи, мол, а то все зубы повыбиваю! Крис, понятно, струсил и давай их по-доброму уговаривать, что, мол, эдак они к утру раскиснут и не смогут дело сделать, да и хозяин, коли увидит, что они перепились и положиться на них нельзя, ни гроша им не заплатит. Тут они все трое отрезвели, и Вояка спрашивает, когда надо ехать. Крис говорит: лишь бы попасть в Кроли, пока Подворье не закрыто, тогда они вполне управятся. «Плата больно мала,— говорит Рыжий Айк,— тут ведь петлей пахнет!» А Крис ему: какая, мол, к черту, петля! — и вытаскивает из бокового кармана этакую небольшую дубинку, налитую свинцом. «Вы,— говорит,— втроем его держите, а я этой штукой перебью ему руку — и денежки наши. Ну, дадут нам за это полгода в кутузке, уж никак не больше». «Он будет драться»,— говорит Беркс, а Крис ему: «Что ж, с нами — пускай, зато уж в другом месте ему не драться». Вот и все, что я слыхал. А нынче утром вышел и вижу: все ставят на Уилсона, набавляют и набавляют, я уж вам говорил. Вот такие-то дела, хозяин, а что тут к чему, вы и сами разберетесь.

— Отлично, Уорр,— сказал дядя и поднялся.— Весьма вам признателен за сообщение и позабочусь, чтобы вы не остались внакладе. Думаю, что негодяи просто болтали спьяну, но все равно вы оказали мне большую услугу, известив меня об этом. Надо полагать, завтра на Холмах я вас увижу?

— Мистер Джексон звал меня с другими сторожить ринг, сэр, чтоб не было беспорядка.

— Очень хорошо. Надеюсь, бой будет хороший и честный. До свидания, и еще раз благодарю.

Дядя говорил весело, беззаботно, но едва за Уорром затворилась дверь, быстро обернулся ко мне. Никогда еще не видал я на его лице такого волнения.

— Сейчас же едем в Кроли, племянник,— сказал он и позвонил.— Нельзя терять ни минуты... Лоример,

велите заложить гнедых в коляску. Приготовьте все, что мне понадобится с собой, и скажите Уильяму подавать, да поскорее.

— Я сам за всем присмотрю, сэр,— сказал я и кинулся на Литл-Райдер-стрит, где находились дядины конюшни.

Кучера я не застал, пришлось послать мальчишку его разыскивать, а я тем временем при помощи конюха выкатил коляску из сарая и вывел двух гнедых кобыл. Все эти поиски и хлопоты отняли полчаса, а то и три четверти. На Джермин-стрит уже ждал Лоример с неизбежными корзинами, и дядя стоял в дверях, как всегда, в длинном светло-коричневом дорожном рединготе и, как всегда, с невозмутимым видом; на лице его ни в малой мере не отражалось нетерпение, несомненно, снедавшее его в эти минуты.

— Вы останетесь здесь, Лоример,—сказал он.—Нам, вероятно, было бы нелегко устроить вас на ночлег. Держите крепче под уздцы, Уильям! Садись скорей, племянник! А, Уорр! Что там еще?

Боксер спешил к нам со всей возможной для такого толстяка быстротой.

— Одну минуту, сэр Чарльз! — запыхавшись, вымолвил он.— У меня в пивной сейчас толковали, что та четверка за полночь отправилась в Кроли.

— Отлично, Уорр,— сказал дядя и ступил на подножку.

— А ставки опять подскочили — уже десять против одного!

— Пускайте, Уильям!

— Еще одно словечко, хозяин. Прошу прощения, но на вашем месте я бы прихватил пистолеты.

— Благодарю. Они со мной.

Длинный бич щелкнул над ушами коренника, конюх отскочил в сторону, и мы оказались уже не на Джермин-стрит, а на Сент-Джеймс, а затем на Уайтхолл, улицы сменяли друг друга так стремительно, что стало ясно: наши славные гнедые разделяют нетерпение своего господина. Когда мы вылетели на Вестминстерский мост, стрелки часов на здании парламента показывали половину пятого. Внизу блеснула вода, и тотчас мы очутились меж двух длинных рядов побуревших

от временн домов — по этой самой дороге я не так давно впервые въезжал в Лондон. Дядя сидел, крепко сжав губы, хмурый и сосредоточенный. Лишь когда мы достигли Стритема, он наконец нарушил молчание.

— Я могу очень много потерять, племянник,— сказал он.

— Я тоже, сэр,— отвечал я.

— Ты? — изумился он.

— Друга, сэр.

— Ах, да, я и забыл. Все-таки и у тебя есть свои причуды, племянник. Ты верный друг, это в нашем кругу большая редкость. У меня был только один друг, равный мне по положению в обществе, и он... Впрочем, я тебе об этом уже рассказывал. Боюсь, мы не успеем в Кроли засветло.

— Да, похоже на то.

— А тогда, пожалуй, будет слишком поздно.

— Не дай-то бог, сэр!

— Наши лошади лучшие в Англии, но, боюсь, ближе к Кроли дорога будет забита: не проехать, не пройти. Ты, наверное, заметил, племянник, что, по словам Уорра, те четверо негодяев упоминали некоего господина, который заплатит им за их гнусное дело? И ты, разумеется, понял, что их наняли, чтобы они изувечили моего бойца? Так кто же мог их нанять? Кому это выгодно, если не... Я знаю, сэр Лотиан Хьюм способен на все. Знаю, что он отчаянно проигрался в карты сразу в двух клубах и затем рискнул слишком многим из-за этого боя; он очертя голову заключал пари на такие огромные суммы, что, по мнению его приятелей, у него есть тайные причины не сомневаться в успехе. Клянусь богом, все сходится! Все одно к одному! Ну, если так!..

И дядя умолк, но на лице его я вновь прочел холодное ожесточение, уже знакомое мне по тому памятному дню, когда он и сэр Джон Лейд наперегонки мчались по Годстонской дороге, колесо к колесу.

Солнце низко опустилось к пологим Суррейским холмам, тени неотвратимо тянулись все дальше к востоку, но по-прежнему стремителен был бег колес и топот копыт. Наши лица овевало ветром, хотя молодая листва на ветвях придорожных деревьев повисла недвижимо.

Золотой краешек солнца едва успел скрыться за дубами Рейгетского холма, когда гнедые, роняя пену с боков, остановились перед редхиллской гостиницей «Корона». Хозяин гостиницы, старый знаток и любитель бокса, выбежал навстречу знатному аристократу сэру Чарльзу Треджеллису.

— Вы знаете Беркса, боксера? — спросил дядя.

— Знаю, сэр Чарльз.

— Он здесь проезжал?

— Да, сэр Чарльз. Часа в четыре примерно, хотя тут столько народу идет и едет, что за точное время не поручусь. С ним были Рыжий Айк, Вояка Юсеф и еще один, и катили они на превосходной чистокровной лошадке. Гнали почем зря, лошадь была вся в мыле.

— Плохо дело, племянник,— сказал дядя, когда мы понеслись дальше к Рейгету.— Судя по такой спешке, они хотят поскорей заработать свои денежки.

— Джима с Белчером им и вчетвером не одолеть,— заметил я.

— Будь Белчер при нем, я бы ничего не опасался. Но как знать, что еще выдумают эти мерзавцы. Лишь бы нам застать его живым и здоровым, и я уже не спущу с него глаз, пока он не выйдет на ринг. Мы будем сторожить его с пистолетами в руках, племянник, и я только и мечтаю, чтоб у негодяев хватило наглости сунуться к нему. Но заправилы-то вполне уверены в успехе, иначе они не посмели бы так взвинтить ставки, вот что меня пугает.

— Да какая же им выгода от этой подлости, сэр? Ведь если они искалечат Джима Гаррисона, бой не состоится, и никто никаких пари не выиграет?

— Так было бы при обычных условиях, племянник, что, кстати говоря, большое счастье, не то мошенники давно погубили бы честный спорт,—они кишмя кишат вокруг ринга. Но ведь тут особый случай. По условиям пари, я проиграю, если не представлю бойца моложе или старше указанного возраста, который победит Краба Уилсона. Не забудь, я ведь не сказал, кого выставлю. C'est dommage [1], но это так! Мы знаем, кто он, и наши противники тоже знают, но участники пари и су-

[1] Весьма прискорбно *(франц.)*.

дьи этого в расчет не примут. Если мы станем жаловаться, что Джима Гаррисона искалечили, нам ответят, что Джим Гаррисон официально не был объявлен участником состязания. Либо выставляй бойца, либо плати, и негодяи хотят этим правилом воспользоваться.

Не напрасно дядя опасался, как бы дорога на Кроли не оказалась забита: за Рейгетом мы очутились в сплошном потоке всевозможных экипажей — верно, на всех восьми милях не нашлось бы лошади, у которой перед самым носом не маячили бы задние колеса какой-нибудь двуколки или коляски. Со всех сторон, со всех дорог—и с Лондонской и с Гилфордской с запада, и с Танбриджской с востока — вливались новые и новые кареты четверней, легкие кабриолеты и всадники, и, наконец, всю широкую Брайтонскую дорогу от обочины до обочины заполнила людская река, со смехом, с криками, с песнями текущая в одном направлении. Взглянув на эту разношерстную толпу, всякий был бы вынужден признать, что хорошо ли это, худо ли, но страсть к боксу не разбирает сословий, она присуща всему народу, коренится в самом существе каждого англичанина, ее разделяет и молодой аристократ в роскошной карете четверней и обыкновеннейшие уличные торговцы, набившиеся по шесть человек в тележку, запряженную одной-единственной низкорослой лошаденкой.

Я видел здесь государственных деятелей и солдат, пэров и стряпчих, фермеров и богатых землевладельцев вперемежку с головорезами из Ист-Энда и самой неотесанной деревенщиной — все они двигались по этой дороге и готовы были провести беспокойную, даже бессонную ночь, лишь бы поглядеть на борьбу, исход которой, возможно, решится в первом же раунде. И притом вся эта толпа была на диво весела и добродушна; вместе с клубами пыли над нею висел оживленный гомон, не смолкали шутки и остроты, а хозяева и буфетчики всех придорожных постоялых дворов и трактиров выносили подносы с пенными кружками, чтобы эта шумная орава могла промочить горло. Пиво лилось рекой, недавние незнакомцы хлопали друг друга по плечу, у всех была душа нараспашку, все смеялись над усталостью и неудобствами и жаждали одного: увидеть бой, и пусть иные смотрят на это с презрением, как на

забаву грубую и пошлую, мне же слышались тут смутные отголоски далекой старины, и я думал: да, это и есть костяк, основа, на которой зиждется стойкий и мужественный характер нашего древнего народа!

Но, увы, двигаться быстрее не было никакой возможности! Как ни искусно правил дядя лошадьми, даже он не мог найти просвета в людской толще. Нам оставалось только сидеть и терпеливо ждать, пока коляска черепашьим шагом двигалась вместе со всеми остальными от Рейгета до Хорли, затем к Пови-Кросс и дальше через Лоуфилд-Хис, а тем временем смеркалось, и наконец совсем стемнело. Когда мы доехали до Кимберхемского моста, у всех экипажей уже зажглись фонари, и с холма нам представилось поразительное зрелище: точно огромная змея, извиваясь и поблескивая золотой чешуей, ползла перед нами во тьму. А потом наконец впереди смутно замаячил великан Кролийский Вяз, и мы выехали на широкую сельскую улицу, по обеим сторонам ее в окнах мирных домишек замигали огоньки, и мы увидели ярко освещенное Подворье короля Георга: все окна и двери высокого старинного здания так и горели в честь благородной публики, которая сегодня нашла здесь приют на ночь.

ГЛАВА 15

УДАР ИЗ-ЗА УГЛА

Дядино нетерпение было слишком велико, чтобы он стал дожидаться, пока мы наконец подъедем к крыльцу; он просто бросил вожжи и серебряную монету первому попавшемуся малому из тех, что теснились перед гостиницей, и начал проталкиваться через толпу к дверям. Едва он ступил в сноп света, падавшего из окон, кругом зашептались, объясняя друг другу, кто такой этот джентльмен с бледным гордым лицом, в дорожном редингote, и толпа раздалась, давая нам дорогу. Тут только я понял, как велика известность моего дяди среди любителей и знатоков спорта: раздались приветственные возгласы:

— Ура, Франт Треджеллис!

— Удачи вам и вашему бойцу, сэр Чарльз!
— Дорогу благородному аристократу!
На эти крики выбежал хозяин гостиницы и кинулся нам навстречу.
— Мое почтение, сэр Чарльз! Рад вас видеть в добром здравии, сэр, а уж о вашем бойце мы так заботимся — останетесь довольны!
— Как он себя чувствует? — поспешил спросить дядя.
— Как нельзя лучше, сэр. Любо-дорого смотреть, может горы своротить.
Дядя вздохнул с облегчением.
— А где он?
— Ушел к себе пораньше, сэр, потому как завтра с утра ему предстоит некое важное дельце,— ухмыляясь, ответил хозяин.
— А Белчер где?
— Тут, сэр, в зале.
С этими словами он распахнул дверь, и за столом, на котором дымилась миска с пуншем, мы увидели десятка два людей; многие лица были мне знакомы по моему недолгому пребыванию в Вест-Энде. В дальнем конце стола, чувствуя себя как нельзя лучше среди всех этих аристократов и щеголей, сидел чемпион Англии — сильный, стройный, красивый; он непринужденно откинулся на стуле, лицо его разрумянилось, красный платок повязан был вокруг шеи с той живописной небрежностью, которую позднее наперебой старались перенять все молодые франты. Полстолетия прошло с тех пор, немало красавцев повидал я на своем веку. Быть может, потому, что сам я далеко не богатырь, у меня есть слабость: ни одним созданием Природы я не любуюсь так, как образцом мужественной красоты. Но за всю свою жизнь я не встречал человека прекраснее Джеймса Белчера и, сколько ни вспоминаю, поставить с ним рядом могу лишь другого Джима, о чьей удивительной судьбе сейчас и пытаюсь вам рассказать.
Как только дядя появился в дверях, все радостно его приветствовали:
— Идите к нам, Треджеллис!
— Мы вас ждали!
— Сейчас подадут жаркое!

— Что нового в Лондоне?

— Отчего так подскочили ставки против вашего бойца?

— С ума они сошли, что ли?

— Что, черт побери, происходит?

Все говорили разом.

— Прошу меня извинить, джентльмены,— ответил дядя.— Чуть погодя я с радостью сообщу вам все, что мне известно. Белчер, на два слова!

Чемпион вышел с нами в коридор.

— Где ваш подопечный, Белчер?

— Ушел к себе, сэр. Полагаю, перед боем ему следует поспать часов двенадцать.

— Как он провел день?

— Я не позволил ему перегружать себя тренировкой. Клюшки, гантели, прогулка, да полчаса поработал с перчатками — и все. Мы все будем им гордиться, сэр, или мне пора на свалку! Только не пойму, что делается со ставками. Не знай я, что он честнейший парень на свете, право, мог бы подумать, что он решил смошенничать и сам поставил на своего противника.

— Вот поэтому-то я и поторопился. Мне достоверно известно, Белчер, что его сговорились изувечить. Мерзавцы уверены, что он не выйдет на ринг, настолько уверены, что ставят против него любые деньги.

Белчер присвистнул сквозь зубы.

— Ничего такого я не замечал, сэр. Никто к нему и не подходил, никто с ним не разговаривал, только я да вот ваш племянник.

— За несколько часов до нас сюда выехали четверо негодяев. Главный у них Беркс. Меня об этом предупредил Уорр.

— Билл Уорр зря не скажет, а от Джо Беркса добра не жди. Кто с ним еще, сэр?

— Рыжий Айк, Вояка Юсеф и Крис Маккарти.

— Теплая компания! Что ж, сэр, наш паренек в безопасности, но на всякий случай не будем оставлять его одного. Хотя я-то далеко и не отлучаюсь, покуда он на моем попечении.

— Жаль его будить.

— Навряд ли он спит, когда в доме этакий галдеж. Пройдемте сюда, сэр, и по коридору.

По низким извилистым коридорам мы прошли в глубь старой гостиницы.

— Вот моя комната, сэр,— сказал Белчер, кивком указывая на дверь по правую руку.— А эта, что напротив,— Джима.— И он распахнул дверь.— Джим,— сказал он,— тебя хочет видеть сэр Чарльз Треджеллис... Боже милостивый! Что за притча?!

Маленькую комнатку ярко освещала горевшая на столе медная лампа. Постель была не раскрыта, но покрывало смято. Кто-то на нем недавно лежал. Половина оконной рамы с частым свинцовым переплетом висела на одной петле. На столе валялся полотняный картуз — единственный след исчезнувшего постояльца. Дядя огляделся и покачал головой.

— Похоже, что мы опоздали,— сказал он.

— Это его картуз, сэр. Куда, спрашивается, его понесло с непокрытой головой? Я-то думал, он уже час преспокойно лежит в постели,— сказал Белчер и позвал громко: — Джим! Джим!

— Очевидно, он вылез в окно! — сказал дядя.— Наверно, эти мерзавцы какой-нибудь дьявольской уловкой выманили его из дому. Посвети-ка, племянник! Ага, так я и думал! Вот его следы на клумбе под окном!

Хозяин и двое или трое джентльменов, которых мы застали за пуншем, пошли с нами. Кто-то отворил боковую дверь, и мы очутились в огороде и, столпившись на посыпанной гравием дорожке, стали при свете лампы разглядывать истоптанную клумбу под окном.

— Это его след! — воскликнул Белчер.— Нынче вечером он тренировался в беге — и вот отпечатки башмаков с шипами! А это что? С ним был кто-то еще!

— Женщина! — воскликнул я.

— Твоя правда, Родни! — сказал дядя.

Белчер в сердцах выругался.

— Он и словом не перемолвился ни с одной здешней девчонкой. За этим-то я смотрел в оба. Надо же было кому-то напоследок встрять!

— Все совершенно ясно, Треджеллис,— сказал сэр Беркли Крейвен, один из тех, кого мы раньше застали в зале.— Кто-то подошел и постучал к нему в окно. Вот, смотрите, тут и тут следы маленьких башмаков — нос-

камни к дому, а вот там они уходят прочь. Женщина пришла, позвала, и Джим пошел за ней.

— Без сомнения, это так,— сказал дядя.— Нельзя терять ни минуты. Надо разделиться и искать его повсюду, пока не нападем на след.

— Кроме как по этой тропинке, из сада не выбраться,— сказал хозяин и повел нас за собой.— Она выходит на аллейку, а та в одну сторону ведет на задворки, к конюшне, а в другую сторону — прямо на перекресток.

Неожиданно впереди вспыхнуло ярко-желтое пятно света, и со двора неторопливо вышел конюх с фонарем в руках.

— Кто там? — крикнул хозяин.

— Это я, Билл Шиддс.

— Давно здесь ходишь?

— Да почитай уж целый час кручусь, хозяин. Конюшня полным-полна, больше ни единой лошади не втиснешь. И корм-то им не знаю, как задать, шагу ступить некуда — теснотища.

— Слушай, Билл, да смотри отвечай подумавши, не ошибись, а то как бы тебе не лишиться места... Так вот, не видал ты, проходил кто по этой дорожке?

— Да вот незадолго до вас околачивался тут малый в кроличьей шапке. Я спросил, чего ему надо,— не понравился он мне, шляется без дела да в окна заглядывает. Поднял я фонарь, да он враз пригнулся, так лица я не разглядел, только сам он рыжий, это уж верно, хоть под присягой скажу.

Я быстро глянул на дядю и заметил, что он помрачнел пуще прежнего.

— И куда этот рыжий девался? — спросил он.

— Поплелся прочь, сэр, и уж больше не показывался.

— А еще ты никого не видал? Не проходили тут двое — мужчина и женщина?

— Нет, сэр.

— И не было слышно ничего необычного?

— А верно, сэр, теперь вроде припоминаю, слыхал кой-что, да враз ведь не сообразишь, столько народу из Лондона понаехало...

— Что же ты слышал? — в нетерпении вскричал дядя.

— Да вот, сэр, в сторонке вроде как крикнул кто — то ли от боли, то ли с испугу. А мне и ни к чему, думал, может, подрались какие молодчики, только и всего.

— А в какой стороне кричали?

— Вон там, на проселке.

— Далеко?

— Да нет, сэр, шагов за триста отсюда, не больше.

— Только раз крикнули, и все?

— Видите ли, сэр, завопили-то эдак пронзительно, а потом, слышу, кто-то погнал по дороге лошадей во всю мочь. Я еще удивился: вот, думаю, чудак, в Кроли эдакое событие, все к нам съезжаются, а он прочь покатил.

Дядя выхватил у конюха из рук фонарь и пошел впереди всех по тропинке. Тропинка выводила прямо на проселок. Дядя ускорил шаг, но ему недолго пришлось искать — через минуту яркий свет фонаря осветил нечто такое, при виде чего я невольно охнул, а Белчер яростно выругался. По белой пыли тянулась алая полоска, а рядом с этим зловещим следом валялось небольшое, но смертоносное оружие, которое утром описал нам Уорр,— короткая дубинка, налитая свинцом.

ГЛАВА 16

НА КРОЛИЙСКИХ ХОЛМАХ

Всю эту долгую томительную ночь мы с дядей, Белчер, Беркли Крейвен и еще человек десять съехавшихся в Кроли аристократов обшаривали округу в поисках Джима, но, если не считать зловещей находки на дороге, не обнаружили никаких следов, по которым можно было бы догадаться, какая судьба его постигла. Никто не видел Джима и ничего о нем не слышал; тот одинокий вопль в ночи, о котором нам поведал конюх, был единственным вестником разыгравшейся трагедии. По двое, по трое мы рыскали во всех направлениях, доходили даже до Ист-Гринстеда и Блетчингли; и солнце стояло уже высоко в небе, когда мы, усталые, с тяжестью на сердце, вновь собрались в Кроли. Дядя сам

съездил в Рейгет, надеясь что-нибудь там разузнать; возвратился он только в восьмом часу, и по лицу его мы тотчас поняли, что новости неутешительные, а ему, без сомнения, то же самое сказали наши лица.

Мистер Беркли Крейвен, человек рассудительный и в делах спортивных умудренный опытом, пригласил нас позавтракать, и за этой невеселой трапезой мы стали держать совет. Белчер, взбешенный тем, что все его труды пошли прахом, разразился страшными угрозами по адресу Беркса и его сообщников — пусть они только ему попадутся... Дядя сидел в мрачной задумчивости, к еде не прикасался и только барабанил пальцами по столу, а у меня лежал камень на сердце, и при мысли, что я не в силах помочь другу, мне хотелось закрыть лицо руками и разрыдаться. Мистер Крейвен, человек весьма светский, единственный из всех нас, казалось, не утратил ни аппетита, ни ясности мысли, и на его свежем, оживленном лице не заметно было никаких следов усталости.

— Позвольте! — сказал он вдруг.— Состязание должно начаться в десять, не так ли?

— Так.

— Ну и начнется. Никогда не надо падать духом, Треджеллис! У него есть еще целых три часа, он может вернуться.

Дядя покачал головой.

— Едва ли, боюсь, что негодяи сделали свое черное дело.

— Ну, хорошо, давайте рассуждать,— сказал Беркли Крейвен.— Приходит какая-то женщина и выманивает нашего молодца из дому. Известна вам молодая женщина, у которой есть какая-то власть над ним?

Дядя посмотрел на меня.

— Нет,— сказал я,— такой женщины я не знаю.

— Ну, а мы знаем, что она приходила,— возразил Беркли Крейвен.— Это бесспорно. И пришла она, конечно, с какой-нибудь душещипательной выдумкой, так что учтивый молодой человек не мог ее не выслушать. Он попался на удочку и дал заманить себя в западню, где его ждали эти мерзавцы. Мне кажется, Треджеллис, все это не подлежит сомнению.

— Да, пожалуй, это наиболее правдоподобное объяснение,— сказал дядя.

— Несомненно также, что его вовсе не стремились убить. То, что слышал Уорр, это подтверждает. Вероятно, они опасались, что такого здорового молодца им не удастся избить настолько, чтобы он никак не мог выйти сегодня на ринг. Ведь можно драться и со сломанной рукой — подобные случаи бывали. А плата им обещана большая, и рисковать такими деньгами у них нет ни малейшего желания. Поэтому они стукнули его по голове, чтоб не слишком сопротивлялся, и отвезли куда-нибудь на дальнюю ферму или заперли где-нибудь в сарае и продержат там, пока не минет час боя. Ручаюсь, еще до вечера вы увидите его здравым и невредимым.

Он говорил очень убедительно, и на душе у меня немного полегчало, но я понимал, что дядю такое объяснение мало утешает.

— Очень возможно, что вы правы, Крейвен,— сказал он.

— Я в этом уверен.

— Но это не поможет нам выиграть.

— В том-то и беда, сэр! — вскричал Белчер.— Честное слово, я рад бы драться вместо него, хоть бы и одной правой, лишь бы разрешили!

— Во всяком случае, я советовал бы вам пойти на ринг,— заметил Крейвен.— Попробуйте оттянуть время, может быть, он еще явится в последнюю минуту.

— Так и сделаю. И заявлю, что не стану при создавшемся положении оплачивать ставки.

Крейвен пожал плечами.

— Вспомните условия,— сказал он.— Боюсь, тут выхода нет — либо драться, либо платить. Конечно, можно обратиться к судьям, но им наверняка придется решить не в вашу пользу.

Мы погрузились в унылое молчание, как вдруг Белчер выскочил из-за стола.

— Вот те на! — крикнул он.— Слышите?!

— Что такое? — воскликнули мы все трое разом.

— Ставки! Слушайте!

За окном сквозь разноголосый гомон, сквозь грохот колес прорвался нежданный выкрик:

— Ставлю один против одного на бойца сэра Чарльза!

— Один к одному! — изумился дядя.— А вчера ставки были семь против одного не в нашу пользу. Что же это значит?

— Один против одного! — опять выкрикнул тот же голос.

— Кто-то что-то проведал,— сказал Белчер,— и уж мы-то первые имеем право знать, в чем дело... Идемте, сэр, сейчас дознаемся.

Сельская улица была запружена народом — ведь люди спали по двенадцать, по пятнадцать человек в одной комнате, а сотни приезжих аристократов провели ночь в своих каретах. Теснота всюду была такая, что нам насилу удалось пробиться на крыльцо. Какой-то пьяница свернулся в прихожей и громко храпел, не чувствуя, что людской поток течет мимо, а порою даже прямо поверх него.

— Какие ставки, ребята? — с порога спросил Белчер.

— Так на так, Джем,— отозвались сразу несколько голосов.

— Прошлый раз, я слыхал, куда больше ставили на Уилсона.

— Верно, да тут явился один такой — ставит супротив Уилсона, да помногу, а за ним и другие потянулись, вот счет и сравнялся.

— А с кого все началось?

— Да вон с него! Вон с того, что пьяный в прихожей валяется! Он сюда прикатил в шесть утра и с тех самых пор пил без передышки, не мудрено было и захмелеть.

Белчер наклонился и приподнял тяжелую, бесчувственную голову спящего.

— Никогда его и в глаза не видал, сэр.

— И я тоже,— заметил дядя.

— А я его знаю! — вскричал я.— Это Джон Каммингз, хозяин гостиницы в Монаховом дубе. Поверьте, я не ошибаюсь, я его с детства знаю.

— Но что и как он мог пронюхать, черт возьми? — спросил Крейвен.

— По всей вероятности, ничего он не пронюхал,— возразил дядя.— Он ставит на нашего Джима не по зрелому размышлению, а спьяну — просто потому, что с ним знаком. Ведь пьяному море по колено, а его пример увлек других.

— Утром-то он приехал ни в одном глазу,— возразил наш хозяин.— И как приехал, сразу давай ставить на вашего парня, сэр Чарльз. А другие, на него глядя,— тоже, вот прежний счет и не удержался.

— Жаль только, что и он сам не удержался на ногах,— заметил дядя.— Сделайте милость, принесите мне немного лавандовой воды,— обратился он к хозяину.— В этой толчее я просто задыхаюсь... Навряд ли ты добьешься толку от такого пропойцы, племянник; боюсь, нам не удастся выяснить, что он такое разнюхал.

И в самом деле: тщетно я тряс пьяного за плечо и громко звал его по имени,— он спал непробудным сном.

— Да, на моей памяти такого еще не бывало,— сказал Беркли Крейвен.— До боя осталось два часа, а мы даже не знаем, есть ли у нас боец. Надеюсь, вы не слишком много на этом теряете, Треджеллис?

Дядя равнодушно пожал плечами и неподражаемым плавным жестом, который у него никто и не отваживался перенять, взял понюшку табаку.

— Довольно кругленькую сумму, мой друг,— сказал он.— Но не пора ли нам собираться? После ночной гонки я, мне кажется, несколько effleuré [1] и хотел бы на полчаса уединиться и привести себя в порядок. Я готов взойти хоть на эшафот, но только не в нечищенных башмаках.

Я слышал однажды, как некий путешественник, возвратясь из диких просторов Америки, уверял, будто краснокожий индеец и английский джентльмен — родственные души: оба помешаны на физических упражнениях, а в остальном неприступны и невозмутимы. Его слова вспомнились мне в то утро, когда я наблюдал за дядей, ибо, право же, ни одному осужденному не предстояла казнь более жестокая. Не только его состояние поставлено было на карту. Я понимал, каково будет ему перед лицом огромной толпы, в которой

[1] Увядший *(франц.)*.

очень многие, доверясь его суждению, рискнули своими деньгами, в последнюю минуту вместо того, чтобы выставить надежного бойца, предложить какое-то жалкое оправдание... Каково это человеку, столь гордому, столь уверенному в себе, которому доныне еще ни разу, ни в каких начинаниях не изменяла удача! Я хорошо его изучил и сейчас по бледности щек, по беспокойной дрожи пальцев видел, что он растерян и не знает, как быть; но сторонний человек, поглядев, как он помахивает кружевным платочком, подносит к глазам лорнет и оправляет пышные манжеты, никогда бы не заподозрил, что этого легкомысленного франта могут терзать какие-то заботы.

Было уже почти девять, когда мы собрались ехать на Холмы, и, кроме дядиной коляски, на улице не осталось ни одного экипажа. Накануне вечером они теснились вплотную, колесо к колесу, так что сцеплялись оглоблями, и по пять в ряд заняли всю дорогу от старой церкви вплоть до Кролийского Вяза — расстояние не меньше полумили. А сейчас пыльная улица перед нами была пустынна — несколько женщин да ребятишек, и все. Мужчин, лошадей, экипажи точно ветром сдуло. Дядя оделся с обычной безупречной тщательностью и натянул свои кучерские перчатки, но перед тем как сесть в коляску, окинул всю эту пустынную дорогу взором, полным и отчаяния и надежды. Я сел позади с Белчером, сэр Беркли Крейвен занял место на козлах рядом с дядей.

От Кроли дорога плавно поднимается на поросшее вереском плоскогорье, раскинувшееся на много миль. По обочинам, а то и напрямик, по рябым от вереска отлогим склонам, тянулись вереницы пешеходов. Усталые, все в пыли люди едва передвигали ноги, многие брели из самого Лондона и проделали за эту ночь тридцать миль. На перекрестке застыл всадник в причудливом зеленом одеянии, картинно сидевший в седле; пришпорив коня, он поспешил нам навстречу, и я узнал смуглое красивое лицо и дерзкие черные глаза Мендосы.

— А я вас поджидал, чтобы вам зря не плутать, сэр Чарльз,— сказал он.— Отсюда — по Гринстедской дороге, а там взять полмили влево.

— Прекрасно,— сказал дядя и повернул гнедых.

— Ваш боец еще не явился,— заметил Мендоса; в его тоне и в выражении лица сквозило подозрение.

— А тебе какое дело, черт подери? — со злостью крикнул Белчер.

— Нам всем есть дело, потому что ходят разные слухи!

— Так держи их про себя, не то пожалеешь, что слушал!

— Ладно, ладно, Джем. Ты, видно, нынче плохо позавтракал.

— А остальные уже на месте? — небрежно спросил дядя.

— Нет еще, сэр Чарльз. Но Том Оуэн с канатами и кольями уже там. Только что проехал Джексон и почти все, кто будет охранять порядок.

— У нас в запасе еще час,— заметил дядя, когда мы покатили дальше.— А те, возможно, опоздают, ведь им ехать от Рейгета.

— Вы держитесь молодцом, Треджеллис,— сказал Крейвен.

— Нам надо храбриться и не подавать виду до последней минуты.

— Ну, конечно, сэр! — воскликнул Белчер.— Уж будьте уверены, раз ставки на Джима так подскочили, это неспроста — кто-то что-то проведал. Надо держаться изо всех сил, сэр, а там видно будет.

Задолго до того, как мы увидели собравшуюся толпу, до нас уже доносился гул, похожий на рокот прибоя,— и вот наконец мы въехали на вершину холма, и взорам открылся гигантский людской водоворот, где все устремлялось к небольшой воронке посередине. А вересковые просторы вокруг были усеяны тысячами экипажей и лошадей, и всюду на косогорах пестрели раскинутые на скорую руку навесы и палатки. Для ринга была выбрана широкая котловина; расположившись по склонам этого прекрасного амфитеатра, добрых тридцать тысяч зрителей могли хорошо видеть то, что происходило внутри. Когда мы подъехали, среди тех, кто сидел с края, раздалось «ура», перекинулось дальше, дальше, и наконец все это множество народу разра-

зилось приветственными криками. А через минуту возгласы раздались снова — с другого края амфитеатра, по ту сторону арены,— все лица, обращенные к нам, отвернулись, и в мгновение ока раскинувшееся перед нами людское море из светлого стало темным.

— Это они. Не опоздали,— в один голос сказали дядя и Крейвен.

Стоя в коляске, мы увидели приближавшуюся по холмам кавалькаду. Впереди, в огромном желтом ландо, ехали сэр Лотиан Хьюм, Краб Уилсон и его тренер капитан Барклей. На шляпах форейторов развевались желтые ленты — цвет Уилсона, в желтом ему предстояло выйти на ринг. За ними гарцевала добрая сотня разных знатных господ из западных графств, а дальше, насколько хватал глаз, тянулся по Гринстедской дороге поток всевозможных карет, колясок и легких двуколок. Огромное ландо, раскачиваясь и подпрыгивая на кочках, направлялось в нашу сторону, и наконец сэр Лотиан заметил нас и крикнул форейторам, чтоб придержали лошадей.

— Доброе утро, сэр Чарльз,— сказал он и легко соскочил наземь.— Я так и думал, что это ваша красная коляска. Отличное утро для боя.

Дядя молча сухо поклонился.

— Раз мы уже здесь, я думаю, можно и начинать,— продолжал сэр Лотиан, словно не замечая его холодности.

— Мы начнем в десять и ни минутой раньше.

— Прекрасно, как вам угодно. А кстати, сэр Чарльз, где ваш боец?

— Я хотел бы спросить об этом вас, сэр Лотиан,— отвечал дядя.— Где мой боец?

На лице сэра Лотиана выразилось изумление, если и не искреннее, то мастерски разыгранное.

— Почему вы задаете мне столь странный вопрос?

— Потому что я хотел бы получить на него ответ.

— Что могу я ответить? Меня это не касается.

— А у меня есть основания полагать, что вы тем не менее имеете к этому касательство.

— Если вы соблаговолите выразиться хоть немного яснее, я, быть может, и пойму, что вы желаете этим сказать.

Оба были очень бледны, держались холодно и учтиво и не возвышали голоса, но взгляды их скрестились, точно разящие клинки. Я вспомнил, что сэр Лотиан славится как непобедимый и беспощадный дуэлянт, и мне стало страшно за дядю.

— Так вот, сэр, если вы полагаете, будто я дал вам повод для недовольства, вы меня крайне обяжете, высказавшись яснее.

— Извольте,— сказал дядя.— Некие злоумышленники сговорились искалечить или похитить моего бойца, и у меня есть все основания полагать, что вам об этом известно.

Мрачное лицо сэра Лотиана исказила злобная усмешка.

— Понимаю,— сказал он.— Во время тренировки ваш ставленник не оправдал надежд, и вам теперь приходится выдумывать какие-то отговорки. Но мне кажется, вы могли бы сочинить что-либо более правдоподобное и чреватое не столь серьезными последствиями.

— Сэр,— сказал дядя с внезапно прорвавшимся бешенством,— вы лжете, но только вам одному известно, какую отъявленную ложь вы мне преподносите!

Впалые щеки сэра Лотиана побелели от ярости, глубоко посаженные глаза вспыхнули свирепым огнем, точно у пса, бешено рвущегося с цепи. Но он совладал с собой и вновь стал прежним, невозмутимо спокойным и самоуверенным джентльменом.

— Нам с вами не подобает браниться, как мужичью на ярмарке,— сказал он.— Мы можем объясниться и после.

— Обещаю вам это,— зловеще произнес дядя.

— А пока напомню вам условия нашего пари. Если через двадцать пять минут вы не представите своего бойца, я выиграл.

— Через двадцать восемь,— поправил его дядя, взглянув на часы.— Вот тогда вы можете говорить о выигрыше, и ни секундой раньше.

Он был великолепен, он держался так уверенно, словно располагал неограниченными возможностями, и, глядя на него, я почти забыл, что на самом деле положение наше отчаянное. Тем временем Беркли Крей-

вен обменялся несколькими словами с сэром Лотианом и вновь подошел к нам.

— Меня просили быть единственным судьей состязания,— сказал он.— Отвечает ли это вашим желаниям, сэр Чарльз?

— Буду вам весьма обязан, если вы возьмете это на себя, Крейвен.

— И предлагают, чтобы за временем следил Джексон.

— Превосходно. На том и порешим.

Между тем подъехали последние экипажи, всех лошадей привязали к вбитым в землю кольям. На поросших травою склонах люди садились сперва поодиночке, потом все тесней и, наконец, слились в сплошную массу с одной могучей глоткой, которая уже начинала громко выражать свое нетерпение.

На бескрайних лиловато-зеленых просторах вокруг почти не заметно было движения. Лишь с юга по дороге мчалась во весь дух какая-то запоздалая двуколка, да взбирались по косогору несколько путников из Кроли. И нигде никаких признаков пропавшего боксера.

— А люди все равно заключают пари,— сказал Белчер.— Я только что был у самого ринга, ставят все так же поровну.

— Для вас отведено место у внешних канатов, сэр Чарльз,— заметил Крейвен.

— Моего бойца еще не видно. Я не пойду на свое место, пока он не явится.

— Я обязан вам сказать, что до срока осталось только десять минут.

— А по-моему, пять! — крикнул сэр Лотиан Хьюм.

— Это решает судья,— твердо сказал Крейвен.— По моим часам осталось десять минут, значит, десять.

— Вот и Краб Уилсон! — сказал Белчер.

И тотчас оглушительно взревела толпа. Чемпион Запада, переодевшись, вышел из своей палатки, за ним следовали его секунданты — Голландец Сэм и Мендоса. Краб Уилсон, обнаженный до пояса, был в миткалевых белых штанах, белых шелковых чулках и легких спортивных башмаках. Подпоясан он был канареечно-желтым кушаком, сбоку у колен трепетали кокетливые бантики того же цвета. В руке он держал белый ци-

линдр и, пробегая по проходу, оставленному в толпе, подкинул его высоко вверх, так что цилиндр упал на огороженную площадку. Потом боксер в два прыжка перелетел через оба каната — внешний и внутренний — и, скрестив руки на груди, остановился посреди ринга.

Не диво, что толпа встретила его восторженными воплями. Белчер и тот не стерпел и присоединился к общему приветственному хору. Что и говорить, Краб Уилсон был сложен великолепно: нельзя было не залюбоваться его могучей фигурой, живой игрой мышц, при каждом движении плавно круглящихся под белой, гладкой кожей, что сверкала в лучах утреннего солнца и лоснилась, точно шкура пантеры. Руки у Краба Уилсона были длинные и гибкие, осанка словно бы небрежная, но в его могучих покатых плечах чувствовалось куда больше силы, чем в квадратных плечах иных атлетов. Он закинул руки за голову, вытянул их вверх, рывком отвел назад, и при каждом движении под белой кожей вздувались и перекатывались все новые узлы мускулов, и всякий раз толпа разражалась восторженным воплем. Потом Уилсон вновь скрестил руки на груди и застыл, точно великолепное изваяние, дожидаясь противника.

Сэр Лотиан Хьюм, который то и дело нетерпеливо поглядывал на свои часы, с торжествующим видом закрыл их, громко щелкнув крышкой.

— Время истекло! — воскликнул он.— Бой не состоялся.

— Время еще не истекло,— возразил Крейвен.

— У меня есть еще пять минут,— сказал мой дядя и взглядом, полным отчаяния, поглядел по сторонам.

— Только три минуты, Треджеллис.

В толпе рос глухой гневный ропот. Раздались крики:

— Мошенничество! Обман!

— Две минуты, Треджеллис!

— Где ваш боец, сэр Чарльз? На кого мы ставили?

Люди вытягивали шеи, отовсюду на нас смотрели побагровевшие лица, гневно сверкали глаза.

— Одна минута, Треджеллис! Мне очень жаль, но я вынужден буду объявить, что вы проиграли.

И вдруг в толпе поднялось какое-то движение, она качнулась, раздалась, высоко в воздух взлетела ста-

рая черная шляпа, пронеслась над головами зрителей и охраны и упала на ринг.

— Мы спасены! Вот ей-богу! — завопил Белчер.

— Я полагаю, что это явился мой боец,— спокойно произнес дядя.

— Слишком поздно! — крикнул сэр Лотиан.

— Нет,— возразил судья.— До срока еще двадцать секунд. Бой состоится.

ГЛАВА 17

ВОКРУГ РИНГА

В этом огромном скоплении народа я был один из немногих, кто заметил, с какой стороны так счастливо прилетел в последнее мгновение этот черный цилиндр. Я уже упоминал, что, когда мы озирались вокруг, по южной дороге неслась одинокая двуколка. Дядя тоже заметил ее, но его внимание тотчас отвлек спор между сэром Лотианом Хьюмом и судьей о секундах, оставшихся до срока. Меня же поразило, что эти запоздалые ездоки так неистово гонят коня, и я продолжал следить за ними с тайной надеждой, которую не осмеливался высказать словами из страха, как бы дядю не постигло еще одно разочарование. Наконец я различил седоков — мужчину и женщину, и тут двуколка свернула с наезженной колеи и понеслась по бездорожью; лошадь галопом мчалась напролом через кусты можжевельника, колеса то подпрыгивали на кочках, то по ступицу тонули в вереске. Но вот возница осадил покрытую клочьями пены лошадь, кинул вожжи спутнице и, спрыгнув наземь, начал яростно проталкиваться сквозь толпу; тогда-то над головами и взлетела его шляпа — знак, что он вызывает противника на бой.

— Я полагаю, Крейвен, теперь уже незачем спешить,— сказал дядя с таким хладнокровием, словно сам подстроил эту эффектную развязку.

— Теперь, когда шляпа вашего бойца на ринге, вы можете располагать временем, как вам угодно, сэр Чарльз.

— Твой приятель рассчитал очень точно, племянник.

— Это не Джим, сэр,— шепнул я.— Это кто-то другой.

Дядя поднял брови, не сумев скрыть удивление.

— Другой? — переспросил он.

— И лучшего не сыскать! — вскричал Белчер и от восторга так громко хлопнул себя по ляжке, будто из пистолета выпалил.— Чтоб мне провалиться, да это ж сам Джек Гаррисон!

Сквозь толпу медленно пробирался человек — сверху нам были видны только голова да могучие плечи — и за ним в толпе оставался расходящийся след, точно в воде за плывущей собакой. Теперь он протаскивался среди тех, кто стоял дальше от ринга; здесь было не так тесно, и мы уже могли разглядеть обращенное к нам мужественное, улыбающееся лицо кузнеца. Шляпа его осталась на ринге, он был в дорожном сюртуке, шея повязана ярко-синим платком. Выбравшись наконец из толпы, он распахнул сюртук, и мы увидели, что он в полном боевом облачении: черные штаны, шоколадного цвета чулки и белые башмаки.

— Прошу прощения, что так запоздал, сэр Чарльз! — крикнул он.— Поспел бы и пораньше, да пришлось уламывать мою хозяюшку. Никак, понимаете, не соглашалась, вот я и прихватил ее с собой, а уж по дороге мы столковались.

Теперь я и сам увидел, что в двуколке сидит миссис Гаррисон.

Сэр Чарльз сделал кузнецу знак подойти к самой карете.

— Что привело вас сюда, Гаррисон? — спросил он вполголоса.— Никогда в жизни я никому так не радовался, но, признаюсь, никак не ждал увидеть вас тут.

— Но вы же знали, что я еду, сэр,— возразил кузнец.

— Понятия не имел.

— Как же так, сэр Чарльз, разве вас не известил об этом Каммингз, хозяин гостиницы в Монаховом дубе? Вот мистер Родни его знает.

— Мы его видели в Подворье короля Георга; он был мертвецки пьян.

— Чуяло мое сердце! — гневно вскричал кузнец.— Уж такой он человек — как войдет в раж, так и напьет-

ся, а тут услыхал, что я сам взялся за это дело, и вовсе голову потерял. Прихватил с собой целый мешок золотых, хотел все на меня поставить.

— Вот потому ставки и переменились,— сказал дядя.— Очевидно, другие последовали его примеру.

— Страх как боялся, что он напьется! Даже слово с него взял, чтоб, как приедет, шел прямо к вам, сэр. У него была для вас записка.

— Насколько мне известно, он приехал в Подворье к шести часам, а я возвратился из Рейгета после семи; должно быть, к этому времени хмель вытеснил у него из головы все записки. Но где же ваш племянник Джим и откуда вы узнали, что понадобитесь здесь?

— Джим не виноват, что вы тут оказались в затруднении, сэр, слово даю. А мне велено драться вместо него да и кем велено-то — только один и есть такой человек на свете, кого я сроду еще не ослушался.

— Да уж, сэр Чарльз,— вставила миссис Гаррисон, которая тем временем вылезла из двуколки и подошла к нам.— Пользуйтесь случаем, потому как больше вам моего Джека вовек не заполучить, хоть на колени станьте!

— Хозяйка моя спорт не одобряет, что верно, то верно,— сказал кузнец.

— Спорт! — с гневным презрением воскликнула миссис Гаррисон.— Скажешь мне, когда оно кончится, это ваше представление!

И она поспешила прочь, а после я видел, как она сидела в кустах, спиной к толпе, и, вся съежившись, зажимала уши ладонями и то и дело вздрагивала, терзаясь страхом за мужа.

Пока происходил этот торопливый разговор, шум в толпе все возрастал: нетерпение разгоралось, ибо назначенный час уже миновал и всех волновала нежданная удача: шутка ли — поглядеть на такого прославленного бойца! Гаррисона уже узнали, имя его передавалось из уст в уста, и не один видавший виды знаток и любитель бокса вытащил из кармана длинный вязаный кошелек, чтоб поставить несколько гиней на бойца старой школы против нынешней. Публика помоложе по-прежнему оказывала предпочтение чемпиону с Запада, и в разных частях огромного амфитеатра

ставки заключались с некоторым перевесом в пользу одного или другого, смотря по тому, где чьих сторонников оказывалось больше.

Между тем к лорду Крейвену, который все еще стоял подле нашей кареты, протолкался сэр Лотиан Хьюм.

— Я заявляю решительный протест! — сказал он.

— На каком основании, сэр?

— На таком, что сэр Чарльз Треджеллис выставляет не того бойца.

— Вы отлично знаете, что я не называл никакого имени,— сказал дядя.

— Все пари основывались на том, что против моего бойца выступит молодой Джим Гаррисон. И вдруг в последнюю минуту его подменяют другим, более опасным.

— Сэр Чарльз Треджеллис в своем праве,— решительно возразил Крейвен.— Он обязался выставить боксера либо моложе, либо старше определенного возраста, и, насколько я понимаю, Гаррисон вполне отвечает всем поставленным условиям. Вам уже исполнилось тридцать пять, Гаррисон?

— Через месяц стукнет сорок один, сэр.

— Прекрасно. Бой состоится.

Но увы! Существовала власть еще более неоспоримая, нежели власть спортивного судьи, и нам предстояло испытание, которым в старину нередко начинались, а порой и заканчивались подобные встречи. По равнине ехал верхом джентльмен в черном сюртуке и высоких охотничьих сапогах, и с ним еще двое всадников; они то скрывались из виду, спускаясь в ложбину, то вновь появлялись на каком-нибудь пригорке. Иные в толпе, кто понаблюдательней, давно уже с подозрением поглядывали на этого всадника, но большинство не обращало на него внимания, пока он не поднялся на вершину холма, откуда виден был весь амфитеатр; тут всадник осадил коня и громко провозгласил, что он, главный мировой судья графства Суррей, объявляет это сборище незаконным и предлагает толпе разойтись, а в случае неповиновения уполномочен разогнать ее силой.

Никогда до этой минуты я не понимал, сколь глубоки и неискоренимы страх и преклонение перед за-

коном, которые много веков дубинками внушали служители закона воинственным и непокорным жителям Британских островов. Но вот появился человек всего лишь с двумя помощниками, а против него — тридцатитысячная гневная и обманутая в своих ожиданиях людская масса, в которой немало и профессиональных боксеров и попросту головорезов из самых опасных слоев общества, и, однако, именно этот одинокий человек непоколебимо уверен в своей силе, а огромная толпа колышется и ворчит, точно лютый непокорный зверь, внезапно увидевший перед собой такую мощь, которой противиться бессмысленно и бесполезно.

Однако мой дядя, а с ним Беркли Крейвен, сэр Джон Лейд и еще человек десять аристократов поспешно направились к всаднику в черном.

— Надо полагать, у вас имеется для этого официальное предписание? — осведомился Крейвен.

— Да, сэр. Такое предписание у меня имеется.

— Тогда я вправе с ним ознакомиться.

Представитель власти протянул ему бумагу, и знатные любители спорта, сойдясь тесным кружком, принялись ее изучать, ибо почти все они и сами были судьями и законниками и надеялись к чему-нибудь придраться и объявить предписание недействительным. Наконец Крейвен пожал плечами и вернул бумагу.

— По-видимому, тут все правильно, сэр,— сказал он.

— Разумеется, правильно,— учтиво отвечал суррейский мировой судья.— И дабы вы не тратили понапрасну ваше драгоценное время, джентльмены, скажу раз и навсегда: я решил бесповоротно, что ни под каким видом не допущу во вверенной моему попечению округе никаких кулачных боев, хотя бы мне весь день пришлось неотступно следовать за вами.

Мне, новичку в этих делах, показалось, что больше надеяться не на что, но я не подозревал, сколь предусмотрительны устроители состязания и сколь удобны для таких встреч Кролийские холмы. Дядя, Крейвен, лорд Хьюм и еще несколько заправил наскоро посовещались.

— До границы с Хэмпширом семь миль, а до Суссекса и шести нет,— сказал Джексон.

В честь нынешнего события прославленный боксер облачился в великолепный алый, с шитыми золотом петлями сюртук, шею повязал белым шарфом, надел шляпу с изогнутыми полями и широкой черной лентой, коричневые штаны до колен, белые шелковые чулки и туфли со стразовыми пряжками,— этот наряд выставлял в самом выгодном свете его атлетическую фигуру, а пуще всего — мощные «кеглеподобные» икры, которые прославили непобедимого боксера на всю Англию еще и как непревзойденного бегуна и прыгуна. Его суровое лицо с крупными, резкими чертами, пронзительный взор больших глаз и могучее сложение как нельзя лучше подходили тому, кого буйная, грубая толпа избрала своим главой и предводителем.

— Если мне дозволено будет предложить вам совет, поезжайте в Хампшир,— любезно вставил суррейский судья.— На границе Суссекса вас встретит сэр Джеймс Форд, а он столь же мало одобряет подобные сборища, как и я, хампширский же судья мистер Мерридью из Лонг-Холла смотрит на них сквозь пальцы.

— Весьма вам признателен, сэр,— сказал дядя, величественно приподняв шляпу.— С позволения лорда Крейвена нам остается только избрать другую арену.

И мигом все вокруг закипело. Том Оуэн и его подручный Фого с помощью стражей ринга выдернули столбы, свернули канаты и потащили их прочь. Краба Уилсона закутали в несколько редингтов и на руках понесли к карете, а Гаррисон занял в нашей коляске место Крейвена. И вся огромная толпа — конные, пешие, всевозможные кареты и повозки — медленной широкой волной разлилась по вересковой равнине. Экипажи, по полсотни в ряд, тряслись и подскакивали на кочках и рытвинах, качаясь и ныряя, точно лодки на волнах. Порою с треском ломалась какая-нибудь ось, колесо, кружась, отлетало далеко в сторону, в заросли вереска, и коляска валилась на бок, а все вокруг разражались хохотом и веселыми шутками по адресу незадачливых ездоков, сокрушенно взиравших на поломку. Потом кусты поредели, почва стала ровнее, и тогда пешие пустились бегом, всадники пришпорили коней, кучера защелкали бичами, и началась безумная, неистовая гонка вниз, по косогору, а желтое ландо и ярко-крас-

ная коляска, в которых ехали бойцы, неслись впереди всех.

— Как, по-вашему, Гаррисон, можем ли мы надеяться на успех? — спросил дядя, погоняя гнедых.

— Это мой последний бой, сэр Чарльз,— отвечал кузнец.— Вы же слышали — моя хозяйка сказала: отпускает меня нынче с таким уговором, чтоб в другой раз и не заикался. Так уж я напоследок постараюсь не ударить лицом в грязь.

— Но вы не тренировались?

— А я всегда тренируюсь, сэр! Работа моя тяжелая, машу молотом с утра до вечера, а кроме воды, почитай, ничего и не пью. Капитан Барклей со всеми своими правилами навряд придумает тренировку получше.

— У вашего противника, пожалуй, руки длиннее.

— Бивал я и не таких. В дальнем бою выстою, а в ближнем я сильнее.

— Молодость против опыта. Что ж, я не побоялся бы поставить на вас все свои деньги, до последней гинеи. Но не могу простить Джиму, что он меня подвел, разве что его к этому принудили.

— Его принудили, сэр Чарльз.

— Значит, вы его видели?

— Нет, сэр, не видал.

— Но вы знаете, где он?

— Не след бы мне говорить. Но одно все ж скажу: он тут ничего поделать не мог. А вон опять законник скачет.

Нашу коляску галопом нагнал все тот же грозный всадник, но на этот раз он был настроен дружелюбнее.

— Здесь моя власть кончается, сэр,— сказал он.— Дальше за канавой — ровное поле, с небольшим уклоном, для боя вам лучшего места не найти. И, ручаюсь, здесь вам никто не помешает.

Он явно желал, чтобы бой состоялся, а ведь только недавно с таким усердием выпроваживал нас из пределов своего графства! Одно с другим никак не вязалось, и дядя сказал ему об этом.

— Судье не к лицу закрывать глаза на то, как нарушают закон,— был ответ.— Но если мой хампширский коллега не возражает против подобных нарушений во

вверенном ему округе, я с превеликим удовольствием посмотрю бой!

С этими словами он пришпорил коня и взлетел на соседний пригорок, откуда, по его расчетам, все будет отлично видно.

И вот я стал свидетелем тщательно разработанного этикета и своеобразных традиций, в те дни еще не столь давних; тогда мы и не догадывались, что впоследствии они привлекут внимание не только любителей бокса, но и историков. Встреча бойцов происходила торжественно, по строгому церемониалу, подобно царским турнирам, где о схватке воинов в стальных доспехах возвещали трубы герольдов и украшенные гербами щиты. Быть может, в старину эти поединки многим казались жестокой, варварской забавой, но мы сквозь даль времен яснее видим, что грубый, но мужественный обычай закалял сынов того железного века для уготованной им суровой жизни. И когда бокс, подобно турнирам, отойдет в прошлое, мы, быть может, станем рассуждать с большей широтой и поймем, что всякое явление, возникающее столь естественно, само собою, имеет глубокий смысл, и не так уж дурно, если два человека сходятся по доброй воле и сражаются до потери сил. Куда опасней для нас стать хоть немного менее смелыми и выносливыми, когда само существование нации опирается прежде всего на доблесть и стойкость каждого ее гражданина и защитника. Давайте покончим с войной, если разум человеческий найдет способ избавиться от этого проклятия, но пока такого способа не нашли, остерегайтесь умалить изначальные достоинства, к которым вам придется прибегнуть в час опасности.

Том Оуэн и его единственный помощник Фого, соединявший в своем лице боксера и поэта,— правда, на свое счастье, кулаками он действовал куда лучше, нежели пером,— вскоре приготовили ринг по всем тогдашним правилам. Белые деревянные столбы с выведенными на них буквами Б. К. (Боксерский клуб) вбили в землю вокруг площадки в двадцать четыре на двадцать четыре фута и огородили ее, натянув между столбами канаты. Дальше, на расстоянии восьми футов, снова натянули канаты. Внутренняя площадка служила рингом

для бойцов и их секундантов, а вокруг нее, за канатами, размещались судья, его помощник, отсчитывающий время, те, кто выставил бойцов, и немногие избранники и счастливцы, в числе которых при дяде оказался и я. Десятка два прославленных боксеров, среди них мой друг Билл Уорр, Черный Ричмонд, Джордж Мэддокс, Том Белчер, Джон Паддингтон, Том Блейк-Крепыш, Саймонд Сорвиголова, Тайен Портной, разместились за внешними канатами, чтобы противостоять натиску толпы.

Все они были в высоченных белых цилиндрах, которые тогда только что вошли в моду, вооружены длинными бичами с серебряными рукоятками с той же монограммой — Б. К. Стоило любому смельчаку, будь то простолюдин из Ист-Энда или вест-эндский аристократ, забраться в пространство, огороженное внешними канатами, блюстители порядка не тратили времени на увещевания и упреки, но обрушивались на дерзкого с бичами и хлестали напропалую, пока он не убирался прочь из священных пределов. Но и эти могучие стражи, наделенные столь широкими полномочиями и столь грозным оружием, сдерживая натиск разгоряченной толпы, под конец обычно выбивались из сил не меньше, чем сами боксеры. Сейчас они стояли в ряд, как часовые, и под белыми цилиндрами можно было разглядеть их лица — лица бойцов самого разного нрава и склада: и свежие, мальчишеские, как у Тома Белчера, Джонса и других боксеров младшего поколения, и суровые лица ветеранов, иссеченные рубцами и шрамами.

Пока вбивали столбы и натягивали канаты, я слушал, что говорят в толпе, расположившейся позади избранной публики; первые два ряда зрителей лежали на траве, следующие два ряда опустились на колени, а дальше люди стояли тесными рядами на отлогом склоне, и каждый, вытянув шею, смотрел на ринг через плечо стоящего впереди. Кое-кто, и в том числе искушенные знатоки, полагал, что Гаррисону нечего надеяться на победу, и когда до моего слуха донеслись эти толки, сердце у меня сжалось.

— Старая песня,— сказал один из них.— Никому неохота уступать молодым. Вот и упираются, покуда молодые кулаком не научат их уму-разуму.

— Ага, верно,— отозвался другой.— Вот так и Джек Лодырь одолел Боутона, а с жестянщиком Хупером лихо расправился какой-то москательщик, это я своими глазами видел. С ними со всеми так бывает, видно, пришел черед и Гаррисона.

— То ли пришел, то ли нет! — крикнул третий.— Я пять раз видал Джека Гаррисона на ринге, и всегда он брал верх. Он быка свалить может, верно вам говорю.

— Это он раньше так дрался.

— Ну, что раньше, что нынче, какая разница. Ставлю на Гаррисона десять гиней!

— Э, нет! — громко и самонадеянно изрек какой-то малый за моей спиной, судя по выговору, уроженец Запада.— Я этого молодца из Глостера видел: вашему Гаррисону против него десяти раундов нипочем не выстоять, да не то что сейчас, а хоть бы и в молодости. Я вчера прикатил сюда с почтовой каретой, так курьер мне сказал — везу, мол, пятнадцать тысяч фунтов золотом, велено поставить на нашего молодца.

— Плакали ихние денежки,— возразил собеседник.— Гаррисон не робкого десятка, боец, каких мало. Выставь против него верзилу хоть с башню ростом, он и то не отступит.

— Дудки! — заявил патриот с Запада.— Таких бойцов, как бристольские да глостерские, больше нигде не сыщешь, их только свой брат и побьет.

— Ах ты, чертов хвастун! — вспылил кто-то в толпе у него за спиной, судя по говору, коренной житель лондонской окраины.— Да наш лондонский самолучшего бристольского одной левой уложит!

Вспыльчивый кокни и гордый уроженец Бристоля чуть было не подрались сами, не дождаясь начала боя, но тут их пререкания заглушил многоголосый восторженный рев. Это зрители приветствовали Краба Уилсона; за ним на ринге появились Голландец Сэм и Мендоса с тазом, губкой, фляжкой коньяку и прочими знаками их секундантского достоинства.

Ступив на ринг, Уилсон размотал обернутый вокруг талии канареечно-желтый кушак, привязал его к верхушке углового столба, и кушак заплескался на ветру. Потом Уилсон взял у своих секундантов пачку лент того же цвета и пошел вдоль канатов, предлагая их по

полгинеи за штуку зрителям из благородных. Продажа этих сувениров шла бойко, и ее оборвало лишь появление Гаррисона, который не спеша перелез через канаты, как и подобало его солидному возрасту и уже не столь гибким членам. Его встретили воплем еще более восторженным, чем Уилсона; в криках явственней слышалось восхищение, ибо зрители уже успели полюбоваться великолепными мышцами Уилсона, вид же Гаррисона был для них внове.

Мне и раньше не раз случалось видеть могучие руки и шею кузнеца, но я еще никогда не видел его обнаженным по пояс и не мог оценить поразительную соразмерность и гармонию этого богатырского сложения, сделавших Гаррисона в годы его молодости излюбленной моделью всех лондонских ваятелей. Гаррисон не мог похвастать гибкой игрою мышц, перекатывающихся под белой шелковистой кожей, что приятно поражало при взгляде на Уилсона, зато мощные бугры и узлы мускулов сплошной вязью оплетали его грудь и плечи и вились вдоль рук, будто корни величавого дуба. Даже когда он стоял совсем спокойно, мускулы бугрились так, что в солнечных лучах от этих выпуклостей на кожу ложились тени; когда же он сделал несколько гимнастических движений, весь торс его словно заиграл этими грозными буграми. Кожа его была не такой белой и мягкой, как у его противника, зато на вид он был крепче, выносливей, и впечатление это еще усиливалось оттого, что штаны и чулки на нем были темные. Он вышел на ринг, посасывая лимон, за ним следовали Джем Белчер и Калеб Болдуин, разносчик. Пройдя к угловому столбу, Гаррисон завязал свой ярко-синий платок над желтым кушаком чемпиона Запада, потом направился к сопернику и протянул ему руку.

— Надеюсь, ты в добром здравии, Уилсон,— сказал он.

— Спасибо, не жалуюсь,— отвечал тот.— Надо думать, мы еще по-другому потолкуем.

— Так ведь не по злобе,— заметил кузнец.

Оба добродушно ухмыльнулись и разошлись по своим углам.

— Позвольте узнать, почтенный судья, взвешива-

лись ли бойцы? — спросил сэр Лотиан Хьюм, поднимаясь со своего места за канатами.

— Их только что взвешивали под моим наблюдением,— отвечал мистер Крейвен.— Ваш боец весит сто восемьдесят пять фунтов, Гаррисон — сто девяносто.

— Выше пояса поглядеть, так он и побольше двухсот потянет! — крикнул из своего угла Голландец Сэм.— Ничего, мы ему малость поубавим веса.

— А еще больше поубавите вес своих кошельков! — отозвался Джем Белчер, и толпа громко захохотала.

ГЛАВА 18

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ КУЗНЕЦА

— Очистить ринг! — выкрикнул Джексон, стоя у канатов с большими серебряными часами в руках.

Кое-кого из зрителей вытолкнула вперед напирающая толпа, другие сами не побоялись наказания и, нырнув под внешние канаты, обступили ринг: уж очень им хотелось получше видеть. Но засвистали бичи, и, пригибаясь под градом ударов, среди криков и гогота толпы, они кинулись прочь из запретного круга, точно перепуганные овцы, что сломя голову удирают через дыру в загоне. Теперь им некуда было податься, сидевшие впереди не желали уступать ни дюйма, но доводы по спине оказались куда убедительнее, и вскоре каждый беглец кое-как втиснулся в ряды, а стражи с бичами наготове заняли свои места вдоль внешних канатов, на равном расстоянии друг от друга.

— Господа! — снова громко заговорил Джексон.— Мне поручено сообщить вам, что сэр Чарльз Треджеллис выставил на ринг Джека Гаррисона, вес сто девяносто фунтов, а сэр Лотиан Хьюм выставил Краба Уилсона, вес сто восемьдесят пять фунтов. Всем, кроме судьи и его помощника, доступ на ринг запрещается. Прошу вас всех, если потребуется, помогите поддержать порядок, не допускайте на ринг посторонних, пусть ничто не мешает честному бою. Готовы?

— Готовы! — послышалось из противоположных углов ринга.

— Бой!

Все затаили дыхание, и в тишине Гаррисон, Уилсон, Белчер и Голландец Сэм быстрым шагом прошли на середину ринга. Бойцы обменялись рукопожатием, секунданты тоже — четыре руки протянулись крест-накрест. И тотчас секунданты отскочили, а боксеры остались среди ринга, лицом к лицу.

Для всякого, кто не утратил способность восхищаться благороднейшим созданием Природы, это было великолепное зрелище. Эти двое, как и полагается истинным атлетам, без одежды казались еще внушительнее, чем в одежде. Выражаясь языком боксеров, нагишом они были первый сорт. Они были разительно несхожи, и от этого еще отчетливей выступали достоинства каждого: высокого, гибкого, быстроногого молодца и коренастого ветерана с узловатым торсом, подобным стволу старого дуба. Едва их увидели рядом, ставки в пользу младшего подскочили, ибо его преимущества были очевидны, о достоинствах же Гаррисона, благодаря которым он когда-то победил сильнейших соперников, помнило сейчас лишь старшее поколение любителей спорта. Всем бросалось в глаза, что Уилсон на три дюйма выше, и руки у него на два дюйма длиннее, и так по-кошачьи пританцовывают на одном месте его стройные ноги, что сразу понятно, как легко он может отпрянуть в бою от более медлительного противника или мигом к нему подскочить. Требовалось куда больше проницательности, чтобы заметить и оценить хмурую усмешку на губах кузнеца и огонек, разгорающийся в его серых глазах, и только старые завсегдатаи ринга знали, как опасно ставить против этого несокрушимо крепкого богатыря с выносливым, поистине железным сердцем.

Уилсон стал в стойку, из-за которой получил свое прозвище — Краб: боком к противнику, выставив вперед левую руку и левую ногу, отклонясь всем корпусом назад, прикрываясь согнутой перед грудью правой рукой,— в этой стойке он был почти неуязвим. Кузнец же стоял по старинке, эту стойку ввели когда-то Хемфри и Мендоса, но теперь ее уже забыли — в первоклассных боях ее не видывали лет десять. Он стоял лицом к противнику, слегка согнув ноги в коленях, выставив огромные коричневые от загара кулаки, одинаково го-

товый ударить и правой и левой. Кулаки Уилсона были все время в движении и так резко отличались от белой кожи выше запястий, словно на них были какие-то плотно облегающие темные перчатки, но дядя шепотом объяснил мне, что кисти смазаны каким-то вяжущим снадобьем, чтоб меньше распухали от ударов. Так стояли бойцы друг против друга, в трепете напряженного, нетерпеливого ожидания, а огромная толпа следила за каждым их движением почти не дыша, в столь глубокой тишине, словно они сошлись для битвы с глазу на глаз среди какой-то первозданной пустыни.

С самого начала было ясно, что легконогий Краб Уилсон не намерен рисковать зря и предпочитает выжидать, пока не разгадает хотя бы отчасти тактику своего тяжеловесного и неповоротливого с виду противника. Легкими, эластичными, но таящими в себе угрозу прыжками он быстро описал вокруг кузнеца несколько кругов, а тот лишь неторопливо поворачивался на одном месте, не спуская с него глаз. Потом Уилсон попятился, словно подзадоривая противника сдвинуться с места, но тот усмехнулся и покачал головой.

— Ты уж подойди поближе, паренек,— сказал он.— Староват я за тобой гоняться. А впрочем, у нас целый день впереди, мне не к спеху.

Возможно, он не ждал, что Уилсон так быстро примет приглашение, но тот мгновенно прыгнул на него, как пантера. Хлоп! хлоп! хлоп! Бац! бац! Первые три удара пришлись по лицу Гаррисона, два ответных — по торсу Уилсона. Младший боец легко, с большим изяществом отскочил за пределы досягаемости, но на ребрах у него заалели два ярких пятна — следы тяжелых кулаков.

— Ай да Уилсон, пустил ему кровь! — завопила толпа.

Кузнец обернулся, следуя за проворными движениями противника, и я с содроганием увидел, что губы его разбиты и с подбородка стекают красные капли. Уилсон опять подскочил к нему, сделал обманное движение, целя в грудь, и нанес сильный удар по скуле; потом, чтобы уклониться от страшного Гаррисонова удара правой, упал на траву и тем закончил раунд.

— Первый нокдаун за Гаррисоном! — прогремела тысяча голосов, ибо и об этом заключались пари и добрая тысяча фунтов должна была перейти сейчас из рук в руки.

— Судья, я протестую! — крикнул сэр Лотиан Хьюм.— Это не нокдаун, Уилсон просто поскользнулся.

— Считаю, что он поскользнулся,— подтвердил Беркли Крейвен, и противники разошлись по своим углам, а зрители шумно одобряли проявленные ими в первом раунде смелость и горячность. Гаррисон засунул два пальца в рот, быстрым движением вытащил зуб и швырнул в таз.

— Это нам не впервой,— заметил он Белчеру.

— Поосторожней, Джек,— шепнул озабоченный секундант.— Тебе досталось больше, чем ему.

— Зато я малость повыносливей,— невозмутимо отозвался Гаррисон.

Между тем Калеб Болдуин осторожно обтер ему лицо большой губкой, и вода в жестяном тазу вдруг замутилась, блестящее дно больше не просвечивало.

Я прислушивался к замечаниям знатоков-аристократов вокруг, к отрывочным словам, которыми перебрасывались в толпе за нами: все полагали, что после этого раунда надежды на победу Гаррисона стало меньше.

— Я вижу, слабости у него все те же, а прежних достоинств что-то не видно,— заметил сэр Джон Лейд, наш соперник в гонке по Брайтонской дороге.— Как был он неповоротлив и медлителен в защите, так и остался. Уилсон бьет его, как хочет.

— Возможно, на три удара Уилсона он ответит одним, зато этот один стоит тех трех,— возразил дядя.— Он создан бить, а Уилсон мастер увертываться, но я готов ставить на Гаррисона все до последней гинеи.

И вдруг все стихло — бойцы вновь были на ногах, и так искусно потрудились над ними секунданты, что оба противника выглядели ничуть не хуже, чем до первого раунда. Уилсон с силой размахнулся левой, но рассчитал неточно и от страшного ответного удара отлетел на канаты, ловя воздух ртом.

— Ура старику! — взревела толпа, и мой дядя, смеясь, подтолкнул сэра Джона Лейда локтем.

Уилсон встряхнулся, точно собака, вылезшая из воды, и с улыбкой, легко, упруго двинулся к середине ринга, где его неподвижно ожидал противник. Гаррисон снова ударил правой, метя под ложечку, но Краб подставил локоть и со смехом отскочил. Оба немного запыхались, и их учащенное, прерывистое дыхание и топот легко обутых ног по траве сливались в один непрерывный, протяжный шорох. Одновременно, точно пистолетный выстрел, прозвучали, слившись воедино, два встречных удара левой, и тотчас же Гаррисон ринулся вперед, чтоб навязать ближний бой, но Уилсон опять увернулся, и мой старый друг упал ничком, отчасти из-за стремительности своей напрасной атаки, отчасти из-за короткого удара в ухо, который нанес ему Уилсон.

— Нокдаун в пользу Уилсона! — провозгласил судья.

Толпа ответила оглушительным ревом, прозвучавшим точно бортовой залп из всех пушек военного корабля. Взлетели в воздух широкополые, причудливо изогнутые шляпы модных франтов; склон холма перед нами, по другую сторону ринга, казался сплошной стеной побагровевших лиц с разинутыми в крике ртами. Сердце мое сжалось от страха, я съеживался при каждом ударе и, однако, был точно околдован: меня охватило яростное волнение и дикий восторг, я восхищался этим великолепным свойством человеческой натуры — умением презреть боль и страх в стремлении достичь хотя бы и самой скромной славы.

Белчер и Болдуин кинулись к своему подопечному, мгновенно подняли его и отвели в угол; стойкий кузнец отнесся к своей неудаче с полнейшим хладнокровием, зато сторонники Уилсона ликовали.

— Наша взяла! Он готов! Готов! — кричали секунданты Уилсона.— Сто фунтов против шести пенсов за Глостер!

— Готов? Вон как! — отозвался Белчер.— Придется вам снять эту землю в аренду, тогда, может, еще дождетесь, когда он будет готов. Пока по нему эдак хлопают, бьют мух, он тут месяц простоит и с места не сдвинется.

Говоря так, он крутил полотенцем перед лицом Гаррисона, а Болдуин обтирал кузнеца губкой.

— Как вы себя чувствуете, Гаррисон? — спросил дядя.

— Свеж, как огурчик, сэр. Хоть сейчас в пляс.

Эти слова прозвучали так весело и беззаботно, что хмурое дядино лицо сразу просветлело.

— Вы бы посоветовали ему больше нападать, Треджеллис,— сказал сэр Джон Лейд.— Иначе ему не победить.

— Он понимает в этой игре куда больше нас с вами, mon ami [1]. Так что пускай действует по своему разумению.

— За его противника сейчас ставят три против одного,— вмешался какой-то джентльмен. Седеющие усы сразу выдавали в нем офицера — участника минувшей войны.

— Вы совершенно правы, генерал Фитцпатрик. Но, заметьте, против него набавляют ставки желторотые юнцы, а принимают эти пари люди посолиднее. Нет, я остаюсь при своем мнении.

Время передышки истекло, и бойцы снова схватились; у кузнеца за ухом вздулась шишка, но все та же добродушная и вместе с тем грозная улыбка играла у него на губах. Краб Уилсон выглядел в точности так же, как и перед началом боя, но дважды я заметил, что он плотно сжал губы, словно от внезапной острой боли, а красные пятна у него на ребрах заметно потемнели и зловеще переливались багровым и синим. Защищаясь, он держал руку немного ниже, чем раньше, видно, старался заслонить эти уязвимые места, но по-прежнему легко кружил вокруг соперника и дышал ровно, а кузнец по-прежнему спокойно и невозмутимо выжидал.

Мы были наслышаны о чемпионе с Запада, знали, что он искусный боец и отличается необычайной быстротой удара, но действительность превзошла все ожидания. В этом и в двух следующих раундах он бил так стремительно и точно, что, как заявили старые знатоки, даже Мендоса в зените своей славы не мог бы с ним сравниться. Он был как молния, иносил удары с быстротой, почти неуловимой для глаза,— их можно было только слышать и ощущать. Однако Гаррисон принимал их все с той

[1] Мой друг *(франц.)*.

же упрямой улыбкой, изредка нанося ответный сокрушительный удар по корпусу, ибо лицо Краб Уилсон очень берег, да и высокий рост ему в этом помогал. К концу пятого раунда ставки были четыре против одного в пользу Краба Уилсона, и его земляки шумно ликовали, заранее торжествуя победу.

— А это видал? — кричал один из них позади меня. Сгоряча он не находил других слов и только повторял опять и опять: — А это видал?

В шестом раунде кузнец дважды попадал под град частых ударов, не сумев, в свою очередь, перейти в нападение, да к тому же один раз тяжело и неловко упал, и тут земляк Уилсона, сидевший за мною, от восторга окончательно лишился дара речи и только кричал «ура!». Сэр Лотиан Хьюм улыбался и кивал головой, а мой дядя оставался бесстрастен и холоден, хотя на сердце у него, без сомнения, лежал такой же тяжелый камень, как и у меня.

— Плохо дело, Треджеллис,— сказал генерал Фитцпатрик.— Я поставил на старика, но молодой дерется куда лучше.

— Гаррисону приходится нелегко, но в конце концов он свое возьмет,— отвечал дядя.

И Белчер и Болдуин помрачнели, и я понял, что, если что-то круто не переменится, извечный спор между молодостью и старостью и на этот раз разрешится, как решался во все времена.

Однако в седьмом раунде старый, испытанный боец доказал, что в запасе у него еще немало сил, и у тех, кто воображал, будто борьба уже, в сущности, кончена и еще раунд-другой и кузнец будет повержен, вытянулись физиономии. Противники снова стояли лицом к лицу, и было ясно, что Уилсон что-то задумал и намерен любой ценой вывести соперника из равновесия и ускорить развязку, но и в глазах ветерана горел прежний опасный огонек, и все та же улыбка играла на его сумрачном лице. Он приободрился, расправил плечи, лихо тряхнул головой и бойчей прежнего приготовился к схватке,— и я воспрянул духом.

Уилсон ударил левой, но Гаррисон закрылся, и Уилсон едва успел отклониться и немного ослабить силу грозного удара правой в грудь.

— Браво, старик! — крикнул Белчер.— Попади таким в точку, и парень проспит до завтра.

Стало тихо, слышалось лишь шарканье ног по траве да тяжкое дыханье, потом глухой звук тяжелого удара — Уилсон нацелил в корпус, но кузнец снова хладнокровно закрылся, и опять — секунды напряженной тишины, и еще удар. На этот раз Уилсон метил в голову кузнецу, но и этот опасный удар Гаррисон принял богатырским плечом и с улыбкой кивнул противнику.

— Всыпь ему, сыпь чаще! — завопил Мендоса.

Уилсон подскочил к Гаррисону, готовясь последовать этому совету, но получил страшный удар в грудь.

— Вот так! Добавь еще! — крикнул Белчер.

И тут кузнец ринулся на противника и, войдя в ближний бой, нанес несколько коротких, сильных ударов, легко снося ответные удары, пока не загнал Краба Уилсона в угол, где он и свалился почти без дыхания. В этом раунде обоим изрядно досталось, но Гаррисон явно вышел победителем, так что теперь настал наш черед бросать вверх шляпы и кричать до хрипоты, а секунданты, увлекая кузнеца в свой угол, одобрительно похлопывали его по широкой спине.

— А это видал?! — со всех сторон кричали позади меня патриоты Уилсона, повторяя его неизменную присказку.

— Голландец Сэм — и тот не лучше в ближнем бою! — воскликнул сэр Джон Лейд.— Ну, сэр Лотиан, на сколько бьемся об заклад?

— Я уже поставил все, что намерен был поставить, но навряд ли мой боец проиграет.

Однако сэр Лотиан больше не улыбался, и я заметил, что он поминутно оглядывается через плечо на толпу.

С юго-запада медленно наплывала угрюмая сизая туча, но, смею сказать, в тридцатитысячной массе народа едва ли кто замечал ее приближение, всем было не до того. И вдруг туча дерзко напомнила о себе: упали первые крупные капли дождя, и тотчас он зашумел, превратился в ливень и громко забарабанил по цилиндрам благородных франтов. Зрители подняли воротники, повязали шеи платками и шарфами; полуобнаженные тела бойцов, которые уже вновь стояли друг против друга, за-

блестели от влаги. Я заметил перед этим, как Белчер что-то озабоченно зашептал Гаррисону на ухо и тот, вставая на ноги, коротко кивнул, словно человек, который хорошо понял приказ и вполне с ним согласен.

А каков был приказ, тотчас же стало ясно. Гаррисону пора было перейти от обороны к нападению. Схватка в предыдущем раунде убедила секундантов, что в ближнем бою преимущество, вероятнее всего, окажется на стороне закаленного и выносливого кузнеца. А тут еще пошел дождь. По скользкой, мокрой траве Уилсон уже не сможет носиться с такой быстротой, и ему не так просто будет увертываться от натиска Гаррисона. В умении использовать каждое благоприятное обстоятельство и заключается искусство боксера, и ринг знает немало случаев, когда сметливый, наблюдательный секундант помогал своему подопечному выиграть совершенно, казалось бы, безнадежный бой.

— Сходись ближе! Сходись! — завопили оба секунданта Гаррисона, и все его сторонники, сколько их было в толпе зрителей, подхватили этот клич.

И Гаррисон ринулся в бой, да так, что кто это видел, уже не забудет. Краб Уилсон, верткий, как ртуть, встретил его градом частых ударов, но никакая сила и никакое искусство уже не могли остановить натиск этого железного бойца. Раунд за раундом он сходился с противником в ближнем бою. Бум! Бац! Справа! Слева! И каждый оглушающий удар достигал цели. Иногда Гаррисон прикрывал лицо левой рукой, иногда и вовсе пренебрегал защитой, но его внезапные удары были неотразимы. А дождь так и хлестал, струился по лицам бойцов, алыми ручейками сбегал по обнаженным торсам, но оба не обращали на него внимания, разве что старались сманеврировать так, чтобы струи слепили глаза противнику. Но раунд за раундом кузнец сбивал Уилсона с ног, и от раунда к раунду ставки менялись и, наконец, оказались в нашу пользу, да с таким преимуществом, какого с самого начала не было на стороне Уилсона. Сердце мое сжималось, я и жалел обоих храбрецов, и восхищался ими, и каждый раз всеми силами души желал, чтобы новая схватка оказалась последней. И, однако, всякий раз, едва Джексон успевал крикнуть: «Бой!»,— оба вскакивали с колен своих секундантов и, хотя лица у них были

разбиты и губы в крови, они, смеясь и подзадоривая друг друга, кидались в бой.

Быть может, это был очень скромный наглядный урок, но поверьте, не раз и не два за мою долгую жизнь, когда передо мною вставала трудная задача, воспоминание о том утре на Кролийских холмах помогло мне собраться с духом, ибо я спрашивал себя: неужто во мне так мало мужества, что я не сумею сделать ради своего отечества или ради своих близких того, что сделали два боксера только ради каких-то жалких денег и ради одобрения друзей и зрителей. Быть может, от такого зрелища способны огрубеть и без того грубые сердца, но есть в этом спорте и возвышенная сторона, ибо вид беспредельной человеческой стойкости и мужества может научить многому.

Да, ринг воспитывает блестящие достоинства, но лишь очень пристрастный человек станет отрицать, что здесь же рождаются и зло и подлость; а в то памятное утро нам суждено было увидеть и то и другое. Когда Краб Уилсон начал проигрывать, я стал украдкой поглядывать на его покровителя: я ведь знал, как безудержно сэр Лотиан Хьюм повышал ставки, и понимал, что не только его бойца, но и его богатство сокрушают убийственные удары Гаррисона.

Самонадеянная улыбка, с которой он следил за ходом первых раундов, давно уже сбежала с губ сэра Лотиана, щеки покрыла землистая бледность, маленькие серые глазки беспокойно забегали под кустистыми бровями, и не раз, когда кузнец сбивал Уилсона с ног, сэр Лотиан разражался яростной бранью. Но главное, я приметил, что он все время оборачивается и после каждого раунда исподтишка бросает пронзительные взгляды куда-то назад, в толпу. В сплошном море лиц позади нас я долго не мог различить, к кому же обращены его взгляды. Но наконец мне удалось это проследить.

Среди зрителей находился какой-то верзила, такой огромный, что его голова и обтянутые бутылочно-зеленой тканью плечи возвышались над всеми; он неотступно глядел в нашу сторону, и я убедился, что он и наш важный аристократ торопливо обмениваются исподтишка едва заметными знаками. Я стал наблюдать за незнакомцем и быстро обнаружил, что его окружает кучка едва ли не самых отъявленных головорезов во всей этой

огромной толпе — молодчиков весьма свирепого вида, с беспутными и злобными рожами; при каждом ударе они, точно волчья стая, поднимали вой и, как только Гаррисон направлялся в свой угол, принимались выкрикивать гнусные ругательства. Они так буйствовали, что стражи ринга зашептались и стали поглядывать в их сторону, видимо, опасаясь какой-то подлости, но никто не подозревал, как она близка и как опасна.

За час двадцать пять минут прошло тридцать раундов; дождь все усиливался. От бойцов валил пар, ринг превратился в грязную лужу. Оба противника столько раз падали, что стали бурыми от грязи, и на буром фоне устрашающе расплывались красные пятна. Раунд за раундом кончался тем, что Краб Уилсон получал нокдаун, и даже моему неопытному глазу было ясно, что он быстро слабеет. Когда секунданты отводили его в угол, он тяжело повисал на них, а едва его переставали поддерживать, шатался и чуть не падал. Но он был бойцом не только искусным, а и очень опытным, и многолетний навык помогал ему наносить и отражать удары машинально, хоть и не с той силой, как вначале, но все же метко и точно. Даже теперь неискушенному зрителю могло бы показаться, что именно Уилсон одерживает верх — на теле кузнеца было куда больше ссадин, чудовищных синяков и кровоподтеков,— но в глазах чемпиона Запада было отчаяние, а дыхание стало таким неровным, что ясно было — самые опасные удары не те, следы которых бросаются в глаза. В конце тридцать первого раунда Гаррисон дважды — справа и слева — так ударил его в бока, что Уилсон задохнулся, точно рыба, вытащенная из воды, и хотя, начиная тридцать второй раунд, по-прежнему храбро кинулся навстречу противнику, лицо у него было ошеломленное и растерянное, как у человека, чей дух окончательно сломлен.

— Он уже хлебнул лиха! — крикнул кузнецу Белчер.— Теперь ты хозяин!

— Я буду драться еще неделю! — задыхаясь, вымолвил разбитыми губами Уилсон.

— Люблю таких, черт возьми! — воскликнул сэр Джон Лейд.— Не хитрит, не трусит, не сдается, но и не задается! А ведь получил сполна, жаль такого смельчака. Хватит с него!

— Хватит! Хватит! — подхватила добрая сотня голосов.

— Нет, не хватит! Я буду драться! — крикнул Уилсон.

Он только что снова был сбит с ног, но, едва отдышавшись на коленях у секунданта, опять рвался в бой.

— Храбрый малый, пощады не запросит, — сказал генерал Фитцпатрик. — Вы его покровитель, сэр Лотиан, вам бы и надо распорядиться, — пусть бросят губку.

— А, по-вашему, он не может победить?

— Никакой надежды, сэр, он побит.

— Вы его не знаете. Это крепкий орешек.

— Не спорю, он храбрец из храбрецов, но противник чересчур силен для него.

— Ну, а я полагаю, сэр, что он вполне выдержит еще десять раундов.

С этими словами сэр Лотиан отворотился от него и как-то странно вскинул левую руку.

— Перерыв! Не по правилам! Пускай дождь кончится! — прогремело позади меня.

Я обернулся и увидел, что это кричит верзила в тускло-зеленом. Его крик, как видно, послужил сигналом, ибо сотня глоток грянула разом:

— Не по правилам! Перерыв! Перерыв!

Между тем Джексон крикнул «Бой!», и покрытые грязью бойцы уже снова были на ногах, но тут произошло нечто такое, что заставило всех перенести внимание с ринга на зрителей. В задних рядах зрителей поднялось непонятное волнение, оттуда по толпе словно зыбь расходилась, и все головы пришли в движение, точно колосья под порывами ветра. Эта зыбь все усиливалась, задние ряды напирали на передние, и вдруг что-то с треском лопнуло, два белых столба взлетели вверх концами с налипшей землей и упали внутрь кольца между канатами, и каких-то людей, точно пену, поднятую нахлынувшей огромной волной, швырнуло на защитников ринга. Самые могучие руки во всей Англии взмахнули бичами и обрушили их на дерзких, но едва исхлестанные жертвы, морщась и охая, попятились на несколько шагов, сзади опять нажали и еще раз вытолкнули их под удары бичей.

Многие бросились на землю, предпочитая, чтобы следующие волны прокатились через них; другие, рассвире-

пев от боли, стали отбиваться, пуская в ход трости или стеки. А потом, стараясь избежать напора сзади, одна часть толпы начала подаваться вправо, другая — влево, и вдруг вся эта масса народу раздалась, и в образовавшуюся щель хлынула шайка головорезов из задних рядов; все они были вооружены налитыми свинцом короткими дубинками и все вопили:

— Не по правилам! Глостер затирают!

Этот яростный натиск опрокинул защитников ринга, внутренние канаты лопнули, точно гнилая нитка, и ринг сразу превратился в бешеный людской водоворот; над головами взлетали и со свистом и стуком опускались кнуты и палки, а среди этой сумятицы, стиснутые со всех сторон, не имея возможности податься ни вперед, ни назад, кузнец и чемпион Запада все еще вели свой нескончаемый бой, не замечая бушующей кругом стихии, точно два бульдога, вцепившиеся друг другу в глотку. Проливной дождь, проклятия, стоны и вопли, свист бичей, выкрикиваемые во все горло советы, удушливый запах промокшей ткани — каждая малая подробность того далекого дня моей юности встает сейчас передо мною, стариком, так живо, словно все это было вчера.

Однако тогда нам было нелегко уследить за происходящим, ведь и нас со всех сторон обступила обезумевшая толпа, нас толкали, пинали, а иной раз и совсем сбивали с ног, но мы как-то ухитрялись оставаться позади Джексона и Крейвена, которые, хоть у них над головами и скрещивались бичи и палки, упорно выкликали раунды и направляли бой.

— Встреча прервана! — выкрикнул сэр Лотиан Хьюм.— Апеллирую к судье! Состязание недействительно!

— Негодяй! — вне себя вскричал дядя.— Это твоих рук дело!

— Я получу от вас еще и по старому счету,— со злобной усмешкой сказал Хьюм.

И тут, не устояв под натиском толпы, он оказался чуть ли не в объятиях дяди. Их лица почти соприкоснулись, взгляды скрестились,— и сэр Лотиан Хьюм отвел глаза, полные дерзкого вызова, не выдержав гордого презрения, которым обдал его холодный взгляд моего дяди.

— Не беспокойтесь, мы с вами сведем все счеты, хоть для меня и унизительно драться с шулером... Что у вас там, Крейвен?

— Нам придется объявить ничью, Треджеллис.

— Но мой боец выигрывает!

— Ничего не могу поделать. Мне все время достается то бичом, то палкой, в таких условиях судить невозможно.

Неожиданно Джексон кинулся в толпу, но тотчас возвратился чернее тучи и с пустыми руками.

— У меня стянули хронометр! — завопил он.— Какой-то мальчишка выхватил прямо из рук!

Дядя хлопнул себя по кармашку для часов.

— И мои исчезли! — воскликнул он.

— Сейчас же объявляйте ничью, не то вашего бойца изувечат,— сказал Джексон.

И тут мы увидели, что неустрашимого кузнеца, который шагнул к Уилсону, собираясь начать новый раунд, обступила по меньшей мере дюжина вооруженных дубинками негодяев.

— Вы согласны на ничью, сэр Лотиан Хьюм?

— Согласен.

— А вы, сэр Чарльз?

— Ни под каким видом.

— Но канаты сорваны, продолжать негде!

— Это не моя вина.

— Что ж, иного выхода нет. Как судья приказываю: бойцов развести, ставки объявляю недействительными.

— Ничья! Ничья! — завопили вокруг.

И мигом толпа бросилась врассыпную: те, кто явился сюда пешком, кинулись бежать, пока дорога на Лондон не была еще сплошь запружена, а чистая публика принялась разыскивать свои экипажи и лошадей. Гаррисон поспешно прошел в угол Уилсона и крепко пожал сопернику руку.

— Надеюсь, я тебя не очень покалечил?

— Не неженка, стерплю. А вы как?

— Голова гудит, как котел. Спасибо еще дождь меня выручил.

— Да, мне уж показалось было, что верх мой. С таким, как вы, биться лестно.

— И для меня это честь. Счастливо тебе!

И два мужественных бойца прошли среди вопящих грубиянов, точно два израненных льва в стае волков и шакалов. Повторяю, если бокс из благородного спорта превратился в низкую забаву, повинны в этом не сами боксеры, а мерзкие прихвостни и хулиганы, что тучами вьются вокруг ринга: любой честный боец несравнимо выше этих негодяев, подобно тому, как благородный скакун несравнимо выше плутов и мошенников, которые наживаются на скачках, когда он берет призы, а самое его существо — живой укор их гнусным проделкам.

ГЛАВА 19

В ЗАМКЕ

Дяде по доброте сердечной не терпелось поскорей уложить Гаррисона в постель, ибо, хоть кузнец и посмеивался над своими увечьями, но досталось ему крепко.

— И не думай больше проситься в драку, Джек Гаррисон, все равно не пущу! — сказала ему жена, горестно глядя на его разбитое лицо.— Даже в тот раз, когда ты поколотил Черного Баруха, и то тебя не так изуродовали! Это что ж такое, на себя не похож! Можно сказать, только по одеже мужа и признала. Нет уж, пускай хоть сам король просит, а я тебя больше нипочем драться не пущу!

— Не кипятись, старушка, вот тебе слово, больше я и не попрошусь. Лучше уж я сам уйду с ринга, покуда от меня сила да сноровка не ушла.— Он отхлебнул коньяку из фляжки, которую ему протянул сэр Чарльз, и скривился.— Отличный напиток, сэр, да только губы у меня разбиты, так щиплет — невтерпеж! Ого, провалиться мне на этом месте, если это не Джой Каммингз из нашей харчевни. Да что это с ним — рехнулся он, что ли?

И в самом деле, напрямик по равнине к нам со всех ног бежал хозяин гостиницы в Монаховом дубе, и вид у него был престранный. Без шляпы, лицо с похмелья красное, опухшее и растерянное, борода и волосы развеваются на ветру. Бежал он не прямо, а под перекрестным огнем насмешек, вызванных его комической внешностью, бросался то к одной кучке людей, то к другой, и я неволь-

но подумал, что он похож на бекаса, удирающего от охотников. На миг он приостановился подле желтого ландо, что-то протянул сэру Лотиану Хьюму и тотчас побежал дальше. Но вот наконец он заметил нас, вскрикнул от радости и припустился во всю прыть, еще издали протягивая нам какую-то записку.

— Что ж ты, Джон Каммингз,— с укоризной сказал ему Гаррисон.— Хорош! Я ж наказывал тебе — капли в рот не бери, покуда не передашь сэру Чарльзу, что велено!

— Да что там, убить меня мало! — с горьким раскаянием воскликнул Каммингз.— Я вас искал, сэр Чарльз, вот лопни мои глаза, искал, да только нигде вас не было, а я уж больно радовался, что Гаррисон будет драться и я на этом деле столько выиграю, да еще хозяин здешнего подворья стал меня угощать разными разностями, ну, я и ошалел — все из ума вон. А уж после боя вас увидал, сэр Чарльз, так что хоть кнутом отхлещите, поделом мне, старому греховоднику.

Но дядя не слушал покаянных речей Каммингза. Он развернул записку и читал, слегка подняв брови,— едва ли не высшая нота той весьма ограниченной гаммы чувств, которую он позволял себе проявлять.

— Что ты на это скажешь, племянник? — спросил он, передавая мне записку.

Вот что я прочел:

«СЭРУ ЧАРЛЬЗУ ТРЕДЖЕЛЛИСУ. Ради всего святого, как только получите эту записку, приезжайте в замок, по возможности не медлите и не задерживайтесь в пути! Вы застанете меня здесь и узнаете нечто весьма для вас важное. Заклинаю вас, поспешите, а пока остаюсь тем, кто вам известен под именем

Джима Гаррисона».

— Ну, что скажешь, племянник? — повторил дядя.

— Право, сэр, я не представляю, что это может означать.

— Кто вам дал эту записку, почтеннейший?

— Молодой Джим Гаррисон собственной персоной, сэр,— отвечал Каммингз,— хотя, по правде сказать, я его сперва насилу узнал, он был на себя не похож, чисто привидение. И уж так ему не терпелось, чтоб вы скорей

это письмо получили! Покуда я не запряг лошадь да не пустился в путь, он от меня ни на шаг не отставал. Это письмо было вам, да еще одно сэру Лотиану Хьюму, одна беда—надо бы Джиму найти посыльного понадежнее!

— Непостижимо,— сказал дядя и, нахмурясь, перечитал записку.

— Что ему делать в этом зловещем доме? И почему он подписался «тот, кто вам известен под именем Джима Гаррисона»? А как еще он может быть мне известен? Гаррисон, вы, конечно, можете пролить свет на эту загадку! Миссис Гаррисон, по вашему лицу я вижу, что и вы знаете, в чем тут дело!

— Может, оно и так, сэр Чарльз, да только мы с моим Джеком — люди простые, поступаем, как разумеем, а где не нашего ума дело, туда не суемся. Мы по этой дорожке шли двадцать лет, а теперь нам пора свернуть в сторонку, пускай вперед шагают которые поумней нас. И коли хотите знать, что тут к чему, мой вам совет: езжайте в замок, раз вас просят, там все и узнаете.

Дядя сунул записку в карман.

— Никуда я не поеду, пока не передам вас в руки хорошего врача, Гаррисон.

— Обо мне не думайте, сэр. Мы с моей хозяйкой доберемся до Кроли в двуколке, а там мне только и надо, что ярд пластыря да кусок сырого мяса, и все заживет в лучшем виде.

Но дядя не слушал никаких уговоров и отвез Гаррисонов в Кроли, где устроил жену кузнеца в лучший номер, какой нашелся в Подворье. Потом мы наскоро перекусили и пустились в путь.

— Отныне я с боксом покончил,— сказал мне дядя.— Теперь мне ясно, что ринг невозможно оградить от мошенников. Меня не раз дурачили и обманывали, но, как говорится, век живи, век учись, и больше я боксу не покровитель.

Будь я постарше или будь сэр Чарльз не столь неприступен, я бы высказал ему то, что было у меня на душе: я умолял бы его отказаться и от других забав, покинуть общество ничтожных пустозвонов и щеголей и найти себе дело, более достойное его здравого ума и благородного сердца. Но не успел я об этом подумать, как дядя оставил серьезный тон и принялся болтать о новой

украшенной серебром упряжи, в которой он намерен прокатиться по Сент-Джеймскому парку, и о том, что на предстоящих скачках он думает поставить тысячу гиней на свою кобылку Этельберту против знаменитого Аврелия, трехлетки лорда Данкастера, с которым он, дядя, готов по этому случаю биться об заклад.

Мы доехали до Уайтмен-Грин, то есть покрыли больше половины расстояния между Кролийскими холмами и Монаховым дубом, как вдруг, оглянувшись, я увидел, что вдали на дороге в солнечных лучах блеснула ярко-желтая карета. За нами следовал сэр Лотиан Хьюм.

— Он получил такую же записку, что и мы, и спешит туда же,— сказал дядя, тоже поглядев через плечо.— Нас обоих ждут в замке... Нас... единственных, кто остался в живых после той мрачной истории. И что самое непонятное — призывает нас Джим Гаррисон. Право, жизнь моя была достаточно богата приключениями, но я предчувствую, племянник, что там впереди, за этими дубами, меня ждет нечто совершенно необычайное.

Он хлестнул гнедых, и с поворота дороги мы увидели высокие темные шпили старого замка, что вздымались над вершинами обступавших его вековых дубов. Одного вида этих мест было бы довольно, чтобы меня бросило в дрожь при мысли об их недоброй славе, о пролитой здесь крови, о привидениях... но, услыхав дядины слова, я вдруг понял, что и в самом деле в замок приглашены два единственных свидетеля той давней трагедии, а исходит это приглашение от друга моего детства, и у меня захватило дух от предчувствия, что всех нас ждет некое потрясающее открытие. Ржавые створы ворот меж полуразрушенных столбов с гербами стояли настежь; дядя нетерпеливо стегнул лошадей, и мы помчались по заросшей травой аллее к потемневшему от времени крыльцу, где он их круто осадил. Дверь была распахнута, на пороге нас ждал Джим.

Но это был совсем не тот Джим, какого я знал и любил с детства. Что-то в нем переменилось, эту перемену я ощутил с первого мгновения, но, однако, не мог уловить и выразить словами, в чем же она состоит. Одет он был не лучше, чем прежде, я сразу узнал его старый коричневый фрак, и на него по-прежнему прият-

ио было смотреть, ибо после иедавией треиировки он был поистине воплощеиием мужествеиной красоты. Но в выражеиии его лнца появилось какое-то особое достоинство, в осаике — еще большая увереность в себе, и теперь уже весь облнк этого юиоши обрел закоиченность н стал совершенным. При всей его удали ему всегда очень шло старое, школьиое прозвище Малыш, и лишь в эту минуту, когда ои стоял иа пороге старого замка, я вдруг увидел, что передо миою уже не мальчик, а взрослый мужчииа в расцвете сил. Рядом, опнраясь на его руку, стояла жеищина, и я узиал в ией мнсс Хинтон из Эисти-Кросса.

— Мы с вами знакомы, сэр Чарльз Треджеллис,— сказала оиа, делая шаг иам навстречу, едва мы вышли из коляски.

Дядя с иедоумеинем всмотрелся в иее.

— Не припомию, чтобы я имел честь, сударыия... Впрочем, позвольте...

— Полли Хинтои из Хеймаркета. Неужелн вы забылн Полли Хнитон?

— Забыл! Да ведь все мы, молодые театралы, оплакивали вас столько лет, что и подумать страшио. Но что же произошло?..

— Я тайно обвеичалась и покинула сцену. Прошу простнть меия за то, что вчера я похитила у вас Джнма.

— Так это были вы?

— У меня еще более иеоспоримые права на иего, чем у вас. Вы его покровитель. Я его мать.

С этими словами оиа притяиула к себе Джима, так что лнца нх оказались рядом: н хоть на одиом лнце лежал отпечаток увядающей жеиской красоты, а в другом воплотилось юиое крепнущее мужество, были оии столь схожи — те же темные глаза, те же иссиия-черные волосы, тот же высокнй белый лоб,— что я поразился, как с первой же мннуты, увидав их вдвоем, ие разгадал секрета этой жеищины.

— Да, это мой сын! — воскликиула оиа.— И ои спас меия от участн, которая хуже смерти. Об этом вам может рассказать ваш племяннк Роднн. Но я поклялась молчать, и только вчера вечером был сият зарок молчаиня, и я смогла поведать сыну, что своей добротой и терпеиием он возроднл к жизии родиую мать.

— Не надо, мама! — сказал Джим, чуть коснувшись губами ее щеки.— Есть вещи, о которых довольно знать нам двоим. Но скажите, сэр Чарльз, чем кончился бой?

— Ваш дядя был близок к победе, но какие-то хулиганы прервали встречу.

— Он мне не дядя, сэр Чарльз, он был и мне и моему отцу самым лучшим, самым верным другом, какого можно себе пожелать. Я знаю еще только одного столь же верного друга,— продолжал он, взяв меня за руку,— имя ему Родни Стоун... Надеюсь, Гаррисон не слишком пострадал?

— Через неделю-другую он вполне оправится. Но, признаться, я все же не понимаю, что, в сущности, произошло, и позвольте напомнить вам, что вы еще не объяснили, почему столь внезапно, не поставив меня заранее в известность, изменили своему слову.

— Войдемте в дом, сэр Чарльз, и, я уверен, вы согласитесь, что я не мог поступить иначе. А вот и сэр Лотиан Хьюм, если не ошибаюсь.

В конце аллеи появилось желтое ландо, и тотчас взмыленные лошади круто остановились бок о бок с нашей коляской. Из ландо выпрыгнул сэр Лотиан, он был мрачнее тучи.

— Оставайтесь на месте, Коркоран,— сказал он, и, заметив бутылочно-зеленый рукав, я понял, кто его спутник.— Ну-с,—продолжал сэр Лотиан, обводя нас всех вызывающим взглядом,— я очень хотел бы знать, какой наглец посмел так спешно вызвать меня в мой собственный дом и какого дьявола вы все вторглись в мои владения?

— Обещаю вам, сэр Лотиан, что, прежде чем мы с вами расстанемся, вы поймете и это и еще многое другое,— сказал Джим с какой-то странной улыбкой.— Прошу следовать за мною, и вам все станет ясно.

Под руку со своей матерью он прошел впереди нас в зловещую комнату, где на буфете все еще валялись карты, а в углу на потолке темнело пятно.

Сэр Лотиан остановился в дверях, скрестил руки на груди.

— Ну-с, приятель, я жду объяснений! — воскликнул он.

— Прежде всего я должен объяснить свои поступки вам, сэр Чарльз,— сказал Джим, а я слушал, смотрел и

невольно восхищался, видя, как общение с той, в ком он теперь обрел мать, облагородило речь и манеры простого сельского парня.— Я хочу рассказать вам, что произошло вчера вечером.

— Я сама расскажу об этом, Джим,— прервала его мать.— Знайте, сэр Чарльз, что хотя мой сын и не знал своих родителей, мы оба живы и никогда не теряли его из виду. Но я не стала препятствовать ему отправиться в Лондон и попытать счастья на ринге. Отец же услышал об этом только вчера и решительно воспротивился. Он очень болен, и ему нельзя перечить. Он велел мне немедленно доставить сына сюда. Я совсем потеряла голову, я понимала, что Джим меня не послушает, если не найти ему замену. И я обратилась к славным, добрым людям, которые его вырастили, и все им рассказала.

Миссис Гаррисон любит Джима, как родного, а ее супруг очень привязан к моему мужу, и они сжалились над отчаянием жены и матери и пришли мне на помощь, да вознаградит их за это господь! Гаррисон согласился заменить Джима, если Джим вернется к отцу. Тогда я поехала в Кроли. Я узнала, где комната Джима, и окликнула его через окно; ведь я понимала, что те, кто на него ставил, его не выпустят. Я открыла Джиму, что я его мать. Открыла, кто его отец. Сказала, что мой фаэтон ждет, и, если Джим не поспешит, он может лишиться благословения умирающего отца, которого доныне не знал. Все же мой мальчик не хотел идти, пока я его не уверила, что Гаррисон заменит его на ринге.

— Почему же он не предупредил Белчера?

— У меня голова шла кругом, сэр Чарльз. Вдруг открыть, что у тебя есть отец и мать, и совсем другое имя, и другое положение в обществе... от этого растеряется и человек похладнокровнее меня. Матушка умоляла меня пойти с нею, и я пошел. Фаэтон ждал нас, но едва мы тронулись в путь, как кто-то схватил лошадь под уздцы, а еще двое неизвестных набросились на нас. Один замахнулся на меня дубинкой, но я ударил его по голове рукоятью кнута, и он выронил дубинку, а я хлестнул по лошади, стряхнул с себя остальных, и мы благополучно уехали. Что это были за люди и почему они на нас напали, понятия не имею.

— Вероятно, это вам может объяснить сэр Лотиан Хьюм,— сказал мой дядя.

Враг наш промолчал и только метнул в нашу сторону полный ненависти взгляд.

— Я приехал сюда, увидел своего отца, а потом сошел вниз и...

У дяди вырвался возглас изумления:

— Что вы такое сказали, молодой человек? Вы приехали сюда и здесь увиделись со своим отцом? Здесь, в замке?

— Да, сэр.

Сэр Чарльз побелел, как полотно.

— Бога ради, скажите же, кто ваш отец.

Вместо ответа Джим указал куда-то через плечо, и, обернувшись в ту сторону, мы увидели двух человек, которые появились в дверях, ведущих наверх, в спальню. Одного из них я тотчас узнал по бесстрастным, точно маска, чертам и сдержанным манерам — это был Амброз, бывший дядин камердинер. Внешность второго поражала еще сильнее. Он был очень высок, облачен в темный халат и тяжело опирался на трость. В исхудалом лице его не было ни кровинки, страшно бледное, точно восковое, оно казалось прозрачным. Лишь у покойников случалось мне видеть такие лица. Густая проседь и согбенная спина придавали этому человеку вид дряхлого старца, и только темные брови да блеснувшие из-под них живым огнем глаза наводили на мысль, что он, пожалуй, не так уж стар.

Минуту в комнате царила глубокая тишина, и вдруг у сэра Лотиана Хьюма вырвалось чудовищное проклятие.

— Лорд Эйвон! — воскликнул он.

— К вашим услугам, джентльмены,— ответил странный незнакомец в халате.

ГЛАВА 20

ЛОРД ЭЙВОН

Дядя мой по натуре был человек хладнокровный, а обычаи и нравы светского общества еще усугубили это его свойство. Он способен был, не моргнув глазом, открыть карту, от которой зависело все его состояние, а

однажды я был свидетелем, как на Годстонской дороге перед лицом смертельной опасности он правил с таким безмятежным видом, точно на ежедневной прогулке по Пэл-Мэл. Но сейчас он был слишком потрясен, лицо его побелело, и, не веря своим глазам, он неотрывно смотрел на лорда Эйвона. Дважды губы его дрогнули, казалось, он хотел что-то сказать, и оба раза хватался за горло, точно какая-то невидимая помеха не позволяла ему заговорить. Наконец, протянув руки, он вдруг рванулся вперед.

— Нэд! — воскликнул он.

Но странный человек, стоявший перед ним, скрестил руки на груди.

— Нет, Чарльз,— сказал он.

Дядя остановился и изумленно поглядел на него.

— Неужели после стольких лет ты не хочешь пожать мне руку?

— Ты поверил, что я преступник. В то страшное утро я увидел это по твоим глазам, по тому, как ты держался. Ты ни о чем меня не спросил, тебе и в голову не пришло, что человек моего склада не способен на такое преступление. Мой ближайший друг, человек, который знал меня, как никто, при первом же подозрении причислил меня к грабителям и убийцам.

— Нет, нет, это не так!

— Это так, Чарльз. Я прочел это в твоих глазах. Вот отчего, когда мне надо было отдать в надежные руки того, кто был для меня всего дороже, я обратился не к тебе, а к единственному человеку, который ни на секунду не усомнился в моей невиновности. Я решил, что будет в тысячу раз лучше, если моего сына воспитают простые, скромные люди и он не узнает, кто его несчастный отец, чем если он узнает это и разделит все подозрения и сомнения тех, кому он ровня.

— Значит, он и в самом деле твой сын! — воскликнул сэр Чарльз, изумленно глядя на Джима.

Лорд Эйвон протянул длинную худую руку и положил ее на плечо актрисы, а она ответила ему взглядом, исполненным любви.

— Я женился, Чарльз, и скрыл свою женитьбу от друзей, ибо нашел себе жену на подмостках. Ты же знаешь, непомерная, неразумная гордость преобладала во

мне над всем. Я не в силах был признаться, что совершил подобный шаг. Мое поведение отдалило нас с женой друг от друга и послужило причиной ее пагубного пристрастия, в котором повинен один только я. Из-за этого пристрастия я отобрал у нее нашего ребенка и назначил ей содержание, оговорив при этом, что она не будет иметь никакого касательства к сыну. Я страшился ее дурного влияния на мальчика и в своем ослеплении не мог и помыслить, что, напротив, он может хорошо повлиять на нее. Но за свою несчастную жизнь, Чарльз, я убедился, что существует сила, которая лепит наши представления и вкусы, и как бы мы ни пытались ей противостоять и сколько бы себя ни обманывали, будто мы сами ставим паруса и сами гребем, на самом деле нас несет невидимым течением к неведомой нам цели.

Все это время я не сводил глаз с дяди, а тут перевел взгляд на худую волчью физиономию сэра Лотиана Хьюма. Он стоял у окна, и силуэт его четко вырисовывался на фоне пыльного стекла. Никогда еще мне не приходилось видеть на лице человека такой игры дурных страстей: бешенства, зависти, обманутой алчности.

— Правильно ли я вас понял? — спросил он громким, хриплым голосом.— Этот молодой человек заявляет себя вашим наследником, лорд Эйвон?

— Он мой законный сын.

— Я достаточно хорошо знал вас в молодости, сэр, и позволю себе заметить, что ни я, ни кто-либо из ваших друзей никогда не слыхали, что у вас есть жена и сын. Я призываю сэра Чарльза Треджеллиса подтвердить, что он понятия не имел ни о каком наследнике, кроме меня.

— Я уже объяснил, сэр Лотиан, почему я держал свой брак в секрете.

— Вы-то, разумеется, объяснили, сэр, но достаточно ли вашего объяснения, это вам скажут в другом месте.

На бледном, изможденном лице лорда Эйвона вдруг вспыхнули жгучим огнем глаза; это было так же странно и неожиданно, как если бы из окон разрушенного дома внезапно хлынул поток света.

— Вы смеете сомневаться в моем слове!

— Я требую доказательств.

— Для тех, кто меня знает, достаточно моего слова.

— Извините, лорд Эйвон, но я вас знаю и все-таки не вижу оснований верить вам на слово.

Это был грубый ответ, и тон сэра Лотиана Хьюма был ему вполне под стать. Лорд Эйвон, пошатываясь, сделал шаг вперед, готовый схватить за горло своего оскорбителя, но жена и сын удержали его дрожащие руки. Сэр Лотиан отпрянул от этого бледного, яростного лица, но взгляд его оставался все таким же свирепым.

— Да это ж настоящий заговор! — выкрикнул он вне себя.— Преступник, актриса, боксер — и у каждого своя роль... Вы еще получите от меня несколько строк, сэр Чарльз Треджеллис! И вы тоже, милорд! — Он повернулся на каблуках и решительно зашагал к двери.

— Он отправился доносить на меня,— сказал лорд Эйвон, и гримаса уязвленной гордости исказила его черты.

— Вернуть его? — быстро спросил Джим.

— Нет, нет, пусть идет. Теперь это уже неважно, я все равно решил, что долг мой перед братом и перед всей нашей семьей, который я исполнил, хоть и заплатил за это такую страшную цену, ничто в сравнении с моим долгом перед тобой, сын.

— Ты несправедлив ко мне, Нэд,— сказал дядя.— Неужели ты мог подумать, что я забыл тебя или судил о тебе столь безжалостно? Если я и думал, что совершившееся — дело твоих рук — а как мог я не верить собственным глазам? — я всегда был убежден, что в ту минуту ты не был в здравом уме и так же мало отдавал себе отчет в своих поступках, как человек, который ходит во сне.

— Что такое ты видел собственными глазами? — спросил лорд Эйвон, сурово глядя на моего дядю.

— В ту проклятую ночь я видел тебя, Нэд.

— Меня? Где?

— В коридоре.

— И что же я делал?

— Ты шел из комнаты твоего брата. А за секунду до этого я слышал его крик, и в этом крике был гнев и боль. Ты нес мешок с деньгами, и лицо у тебя было чрезвычайно взволнованное. Если бы только ты объяснил мне, Нэд, как и зачем ты там очутился, ты бы снял с моей души камень, который давил меня все эти годы.

Никто не узнал бы сейчас в дяде предводителя лондонских фатов. Встретившись со своим старым другом, оказавшись причастным к его трагедии, дядя сбросил с себя все напускное, неистинное, во что он рядился, как в тогу. Я глядел на его побледневшее, встревоженное лицо, видел по его глазам, с каким нетерпением ждет он ответа друга, и впервые за все время почувствовал к нему не просто благодарность, но и любовь.

Лорд Эйвон закрыл лицо руками, и на мгновение в мрачной, полутемной комнате воцарилась тишина.

— Теперь я не удивляюсь, что ты усомнился во мне,— произнес он наконец.— Боже мой, в какие сети я попал! Если бы против меня было возбуждено это подлое дело, ты, мой ближайший друг, вынужден был бы рассеять последние сомнения в моей виновности. И все-таки, несмотря на все, что ты видел, я не больше твоего, Чарльз, повинен в случившемся.

— Благодарение небу, что мне довелось услышать это от тебя.

— Но тебе этого мало, Чарльз. Я вижу это по твоим глазам. Ты хочешь знать, почему я скрывался все эти годы.

— Мне достаточно твоего слова, Нэд. Но свет захочет услышать ответ и на этот вопрос.

— Я хотел спасти честь семьи, Чарльз. Ты знаешь, как я ею дорожил. Я не мог оправдаться, не открыв, что мой брат повинен в самом мерзком для джентльмена преступлении. Пожертвовав всем на свете, я восемнадцать лет молчал о его позоре. Я был заживо погребен и превратился в дряхлую развалину, а ведь мне нет еще и сорока. Но теперь, когда я оказался перед выбором: рассказать, в чем повинен брат, или совершить несправедливость по отношению к собственному сыну, у меня нет иного выхода; к тому же я могу надеяться, что все, что я намерен тебе открыть, удастся не предавать огласке.

Он поднялся со стула и, тяжело опираясь на руки жены и сына, неверными шагами двинулся к покрытому пылью буфету. На буфете по-прежнему, как и много лет назад, когда мы с Джимом были здесь впервые, лежали все те же зловещие, покрытые плесенью, побуревшие от времени колоды карт. Лорд Эйвон дрожащими пальцами взял их, потом выбрал несколько карт и протянул дяде.

— Зажми угол карты между большим и указательным пальцами, Чарльз,— сказал ои.— Теперь слегка потри этот угол и скажи, что ты чувствуешь.

— Карта иаколота булавкой.

— Совершенно верио. Что это за карта?

Дядя перевериул ее.

— Трефовый король.

— Теперь потрогай угол вот этой карты.

— Ои совсем гладкий.

— И что это за карта?

— Тройка пик.

— А эта?

— Наколота булавкой. Червоиный туз.

Лорд Эйвои швыриул карты иа пол.

— Вот тебе и вся проклятая история! — воскликиул ои.— Надо ли мие продолжать? Ведь каждое слово для меия мука.

— Кое-что я уже поиял, ио ие до коица. Тебе придется сказать все, Нэд.

Лорд Эйвои выпрямился. Казалось, ои собирается с силами.

— Хорошо, я расскажу тебе все, и покоичим с этим. Надеюсь, мие больше уже иикогда ие иадо будет возвращаться к этой иесчастиой истории. Ты помиишь нашу тогдашиюю игру? Помиишь, что мы проигрались? Помнишь, что вы все разошлись по своим комнатам, а я остался здесь, за этим самым столом? Я совсем ие чувствовал усталости, мие вовсе ие хотелось спать, и целый час, а может быть, и больше, я сидел и думал о различных поворотах игры и о том, как все это отразится иа моем достоянии. Я проиграл миого, ты, иаверио, помиишь, и утешало меия лишь то, что в выигрыше оказался мой брат. Ои всегда жил безрассудио и беспорядочио, попал в лапы ростовщиков, и я иадеялся, что мой проигрыш хотя бы поможет ему встать иа иоги. Так я сидел, размышлял, в рассеянности перебирал карты и вдруг обиаружил эти проколы. Я пересмотрел все колоды и, к своему ужасу, обиаружил, что человеку посвящениому ничего ие стоит при сдаче сосчитать, сколько крупиых карт у каждого из его партиеров. Стыд, омерзение, каких я еще никогда ие испытывал, охватили меия, и я вспомиил страииое поведеиие брата во время сда-

чн, его медлительность и то, как всякую карту он иепременно брал за уголок.

Я не стал действовать сгоряча. Еще долго сндел я там, прнпоминая всю нгру, ход за ходом, все, что могло опровергнуть или подтверднть мою страшную догадку. Увы! Все утверждало меия в первоначальном подозреннн, и моя догадка превратнлась в уверенность. Брат заказывал карты у Ледберн с Бонд-стрнт. Перед нгрой онн несколько часов находились у него в комнате. Играл он так уверенно, что мы только днву давалнсь. И ко всему прочему я не мог утаить от себя, что его прошлое отнюдь не таково, чтобы иельзя было заподозрнть его даже в таком гнусном преступленни. Весь дрожа от стыда н гнева, я с картами в руках поднялся к нему н облнчнл его в самом низком, подлом преступленни, на какое способен лишь последнний негодяй.

Он еще не ложнлся, н обманом доставшнйся вынгрыш был рассыпан на туалетном столнке. Уж не помню, что я ему сказал, ио факты былн убнйствениы, н он даже не пытался нх отрицать. Как тебе нзвестно, он в ту пору еще не достнг совершеннолетия, н только это н смягчает его вину. Слова мои его ошеломнлн. Ои упал на коленн, умоляя не губнть его. Я отвечал, что, заботясь о честн семьн, не стану его позорить, но что отныне он навсегда должен забыть о картах, а вынгранные деньгн вернуть монм гостям, присовокупнв свои объяснения. Но ведь тогда его репутация погибла, запротестовал он. Я сказал, что человек должен отвечать за свон поступкн. Там же на месте я сжег бумаги, которые он у меня вынграл, а все золото высыпал в парусниновый мешок, лежавший на туалетиом столике. На этом я н ушел бы, не сказав ему больше нн слова, но он уцепнлся за мою руку и, пытаясь удержать меня н выиудить обещанне, что я ничего не скажу ни вам, ни сэру Лотнану Хьюму, ои оторвал мою манжету. Убедившнсь, что его мольбы меня не трогают, он отчаянно вскрикнул; этот-то крнк н достиг твоих ушей, Чарльз, побуднл тебя прнотркрыть свою дверь, и ты увндел, как я возвращался к себе.

У дяди вырвался вздох облегчения.

— Все совершеино ясно,— пробормотал он.

— Утром, ты помиишь, я зашел к тебе н возвратнл деньги. Так же поступил я и с сэром Лотианом Хьюмом.

Я ие объясиил этого поступка, ибо не нашел в себе сил признаться вам в иашем семейном позоре. Потом обиаружилась эта страшиая смерть, которая омрачила всю мою жизнь и оказалась для меня такой же загадкой, как и для вас. Я поиял, что подозренне падает на меия, н поиял также, что смогу оправдаться, только если предам гласности бесчестье брата. Я ие мог пойти на это, Чарльз. Мие легче было обречь себя иа любые страдания, нежели навлечь позор иа семью, репутация которой столько веков оставалась иезапятиаиной. Вот почему я не предстал перед судом и скрылся.

Но прежде всего мие иадо было позаботиться о жеие н сыне, о существованин которых ие знал ин ты, ни кто-либо другой из моих друзей. Мие стыдио прнзиаться, Мэри, но, поверь, во всем, что произошло с тобой, я виноват куда больше тебя. Тогда были причины — теперь их уже, к счастью, ие существует,— побудившие меия забрать сына у матери в надежде, что он слишком мал, чтобы почувствовать ее отсутствие. Если бы ие твои подозреиия, Чарльз, которые глубоко меня раннли,— ведь я ие знал тогда, насколько серьезиые были у тебя осиоваиня сомневаться во мне,— я бы, разумеется, довернлся тебе во всем.

В тот же вечер я ускакал в Лоидои н назиачил жеие достаточное содержание, оговорив, одиако, что оиа ие должиа иметь иикакого касательства к иашему ребенку. Ты, коиечио, помнишь, я постояиио имел дела с боксером Гаррисоиом, и у меня не раз были осиования восхищаться его простой и честиой иатурой. Его попечению я и решил поручить сыиа. Он, как я и думал, ие верил в мою виновность и был готов помочь мие во всем. Ои тогда только что, по иастоянию жены, покниул рииг и еще не решнл, чем ему заияться. Я дал ему денег иа кузницу, обусловив, что ои поселится в Моиаховом дубе, Джим будет жить с иим как его племяниик н иикогда ие узиает о своих иесчастиых родителях.

Ты спросишь, почему я выбрал Монахов дуб. Скажу тебе почему: я уже решнл тогда, где будет мое убежище, и если я не мог видеть своего мальчика, мие было по крайией мере утешительно знать, что ои блнзко. Тебе известио, что этот замок— один нз старейшнх в Аиглии, но тебе, коиечно, не известио, что при его сооруженнн

позаботились о том, чтобы он мог служить надежным убежищем, и потому в нем есть по крайней мере две потайные комнаты и во внешних, самых толстых стенах сделаны проходы. О существовании тайников было известно только членам семьи, но я дорожил этим секретом так мало, что не открыл его кому-либо из друзей лишь потому, что наезжал сюда довольно редко. Когда же я оказался в такой крайности, это убежище пришлось мне как нельзя более кстати. Я украдкой вернулся в свой замок, вошел в него ночью и, оставив за его стенами все, что мне было дорого, забился, как мышь в норку, в свой тайник. Остаток жизни мне предстояло провести в одиночестве и страданиях. По моему изможденному лицу и седым волосам, Чарльз, ты можешь прочесть повесть моей несчастной жизни.

Раз в неделю Гаррисон приносил провизию и передавал ее мне через окно буфетной, которое я для этой цели оставлял открытым. Изредка я покидал ночью свое убежище и гулял под звездами, и лоб мой овевал прохладный ветерок, но вскоре мне пришлось отказаться от этих прогулок: меня заметили крестьяне, и по округе пошли толки, что в замке поселился призрак. Однажды ночью ко мне пожаловали охотники за привидениями...

— Это был я, отец! — воскликнул Джим.— Я и мой друг Родни Стоун.

— Знаю. Гаррисон сказал мне об этом тогда же. Я был горд, Джим, увидев, что в тебе жив дух Баррингтонов и что у меня есть наследник, чья отвага может несколько уменьшить бесчестье, которое я изо всех сил старался скрыть. Наконец настал день, когда доброта твоей матушки — доброта неуместная — дала тебе возможность сбежать в Лондон.

— Ах, Эдвард! — воскликнула его супруга.— Наш мальчик был, точно орел в неволе, что бьется крыльями о железные прутья клетки. Если бы ты его видел, ты бы и сам помог ему взлететь, хотя бы и так невысоко.

— Я не виню тебя, Мэри. Возможно, ты права. Он уехал в Лондон и попытался с помощью своей силы и отваги добиться известности. Многие наши предки поступали так же, с той только разницей, что в руках они держали меч, но ни один не вел себя так отважно!

— Готов в этом поклясться,— от души поддержал его мой дядя.

— Когда Гаррисон наконец вернулся, я узнал, что мой сын будет за деньги биться на ринге. Этого я не мог допустить, Чарльз! Одно дело — сражаться, как сражались в юности мы с тобой, и совсем другое — драться за кошелек с золотом.

— Дорогой мой друг, я бы ни за что на свете...

— Ну, конечно, Чарльз. Ты просто выбрал самого лучшего бойца, иначе ты и не должен был поступить. Но я не мог этого стерпеть! Я решил, что настало время открыться сыну, тем более, что появились различные признаки, указывающие на то, что противоестественное существование сильно подорвало мое здоровье. Случай, а вернее сказать, провидение прояснило все, что еще оставалось неясным в этой истории, и дало мне уверенность, что я смогу доказать свою невиновность. И вот вчера моя супруга привела наконец нашего мальчика к его несчастному отцу.

Воцарилась тишина, потом ее нарушил дядя.

— Жизнь обошлась с тобой жестоко, Нэд,— сказал он.— Но, слава богу, у нас впереди еще многие годы, и мы сумеем возместить тебе все то, чего ты был так долго лишен. Однако мне кажется, мы по-прежнему очень далеки от того, чтобы понять, как же умер твой брат.

— Все восемнадцать лет это было для меня такой же загадкой, как и для тебя, Чарльз. Но теперь наконец преступление раскрыто. Выйдите вперед, Амброз, и расскажите все так же откровенно и подробно, как вы рассказывали мне.

ГЛАВА 21

РАССКАЗ КАМЕРДИНЕРА

Амброз все это время держался в темном углу, ничем не выдавая своего присутствия, так что мы совсем о нем забыли; но когда его прежний хозяин к нему обратился, он вышел на свет, и мы увидели его болезненно-желтое лицо. От обычного бесстрастия слуги не осталось и следа, черты его были искажены волнением, он

говорил медленно, запинаясь, дрожащие губы, казалось, складывали каждое слово с величайшим трудом. И все же сила привычки была столь велика, что даже в эту минуту величайшего волнения он, как и полагалось первоклассному камердинеру, в конце концов сумел взять себя в руки и повел речь в том же высокопарном стиле, который так поразил меня в первую нашу встречу, когда дядя приехал к нам в Монахов дуб.

— Миледи Эйвон, джентльмены,— начал он.— Если я в чем виноват, а я с готовностью признаю, что это так, у меня есть лишь одна возможность искупить свою вину, и возможность эта — полностью, без утайки, признаться во всем, как и потребовал от меня мой высокочтимый хозяин лорд Эйвон. Сколь бы удивительно ни показалось вам то, что вы сейчас от меня услышите о таинственной смерти капитана Баррингтона, заверяю вас, что все это чистая, неопровержимая правда.

Наверное, вам трудно поверить, что ничтожный слуга способен испытывать жгучую, смертельную ненависть к человеку, занимающему в обществе такое высокое положение, какое занимал капитан Баррингтон. Вы скажете, что нас разделяет слишком глубокая пропасть. Но позвольте заметить вам, джентльмены: пропасть, через которую можно перекинуть мост недозволенной любви, может быть преодолена и недозволенной ненавистью, и с того дня, когда названный молодой человек похитил у меня то, что составляло смысл всей моей жизни, я поклялся отнять у него его подлую жизнь, хотя это покрыло бы лишь самую малую толику его долга мне. Я вижу, вы смотрите на меня неодобрительно, сэр Треджеллис, но не дай вам бог когда-либо обнаружить, на какие поступки оказались бы способны вы сами, попади вы в мое положение.

Мы все были поражены, когда обуревавшие его страсти прорвались сквозь личину напускной сдержанности. Короткие темные волосы его, казалось, встали дыбом, глаза горели яростью, лицо дышало непримиримой ненавистью, которую не смогли умерить ни смерть врага, ни долгие годы. Вышколенный, скромный слуга исчез, его место занял глубоко чувствующий опасный человек — такой может стать либо беззаветно преданным другом, либо мстительным врагом.

— Мы с ней уже уговорились обвенчаться, но тут на мою беду явился он. Не знаю, каким подлым обманом увел он ее от меня. Говорили, что она была для него лишь одной из многих и что он был ловкач по этой части. Я еще даже не понял, какая надо мною нависла опасность, а уж дело было сделано — сердце ее разбито, жизнь загублена, и ей предстояло вернуться в отчий дом, на который она навлекла позор и несчастье. Я увиделся с нею один только раз. Она поведала мне, что ее соблазнитель расхохотался ей в лицо, когда она стала упрекать его в вероломстве, и я поклялся ей, что за этот хохот он заплатит жизнью.

В ту пору я был камердинером, но еще не находился в услужении у лорда Эйвона. Я добился этого места с единственною целью: свести счеты с его младшим братом. Но мне долго не представлялся удобный случай; я мечтал о нем во сне и наяву, но до той поездки в замок, когда случай наконец пришел мне на помощь, протекло много месяцев. Зато все сложилось для меня так благоприятно, как я не смел и надеяться.

Лорд Эйвон думал, что никто, кроме него, не знает о существовании в замке потайных коридоров. Но он ошибался, я о них знал, во всяком случае, знал достаточно, чтобы воспользоваться ими для своих надобностей. Не стану рассказывать вам, как однажды, приготовляя комнаты для гостей, я случайно нажал на невидимую кнопку, панель отошла, и в стене открылся узкий проход. Я последовал по нему, и он привел меня в другую комнату, побольше. Вот все, что я знал. Но мне и этого было довольно. Комнаты гостям отводил я, и сделал так, что капитану Баррингтону досталась эта большая комната, а мне та, что поменьше. Я мог войти к нему в любую минуту, и никто бы ничего не проведал.

И вот он пожаловал. Как описать вам, в каком лихорадочном нетерпении дожидался я, когда наконец наступит долгожданная минута! Господа играли ночь и день, а я ночь и день считал секунды, приближавшие меня к цели. Стоило им позвонить в любой час дня или ночи, и я был тут как тут и подавал им вино, так что в конце концов молодой капитан заплетающимся языком объявил, что другого такого камердинера нет на свете. Мой хозяин отослал меня спать. Он заметил, что щеки у ме-

ня пылают, а глаза блестят, и подумал, что у меня жар. Так оно и было, но этот жар могло утолить одно-единственное лекарство.

Наконец уже на рассвете я услыхал шум отодвигаемых кресел и понял, что игра окончилась. Когда я вошел в комнату, где они играли, узнать, не будет ли каких распоряжений, оказалось, что капитан Баррингтон нетвердыми шагами уже отправился к себе. Другие тоже удалились, и только мой хозяин еще сидел за столом — перед ним стояла пустая бутылка и в беспорядке были рассыпаны карты. Он сердито приказал мне идти к себе, и на этот раз я повиновался.

Первая моя забота была обзавестись оружием. Я знал, что, если окажусь с капитаном один на один, мне ничего не стоит задушить его, но надо было избежать шума. Среди охотничьих трофеев, развешанных по стенам залы, я нашел прямой тяжелый нож и наточил его о свой башмак. Потом прокрался к себе в комнату и присел на кровать. План мой был обдуман до последней мелочи. Я не испытал бы никакого удовлетворения от его смерти, если бы, умирая, он не узнал, кого избрало провидение мстителем за его грехи. Если бы я мог его связать, пьяного и спящего, и всунуть ему в рот кляп, тогда два-три укола кинжалом разбудили бы его и прогнали хмель, и тут уж ему пришлось бы выслушать от меня все. Я представлял себе его взгляд: сонная дымка постепенно рассеялась бы, глаза загорелись бы гневом, а потом, когда он понял бы, кто я и зачем пришел, в них застыл бы ужас. Да, это была бы для меня минута высочайшего торжества.

Я подождал, как мне показалось, по крайней мере час, но часов у меня не было, а нетерпение так меня снедало, что на самом деле, наверно, прошло не больше пятнадцати минут. Я встал, разулся, взял нож и, нажав кнопку, неслышно проскользнул в потайной ход. Мне нужно было пройти всего каких-нибудь тридцать шагов, но я двигался с величайшей осторожностью, потому что стоило наступить всей тяжестью на старые, прогнившие доски, и они начинали трещать, точно сухой хворост. Там, конечно, было темно, как в яме, и я пробирался очень медленно, ощупью. Наконец впереди завиднелась тускло-желтая полоска света, и я понял, что она падает

из-за второй панели. Видно, я поторопился — он еще не погасил свечу. Я дожидался этой минуты долгие месяцы и мог позволить себе повременить еще час — я не хотел поступать опрометчиво, не хотел ничего делать второпях.

Теперь нужно было двигаться совсем бесшумно, ведь моя жертва находилась всего в нескольких шагах от меня, нас разделяла лишь тонкая деревянная перегородка. Доски от старости потрескались и покоробились, так что, когда я подкрался наконец к передвижной панели, оказалось, что сквозь щели можно безо всякого труда обозревать комнату. Капитан Баррингтон без сюртука и без жилета стоял у туалетного стола. Перед ним горкой громоздились соверены и лежали какие-то бумаги. Он подсчитывал выигрыш. Лицо его пылало, он был совсем сонный — от того, что не спал две ночи кряду, и от вина. Я этому обрадовался: значит, он уснет глубоким сном, и мне будет нетрудно привести в исполнение мой замысел.

Я не сводил с него глаз; вдруг он вздрогнул, и лицо его исказилось отвратительной гримасой. В первое мгновение сердце у меня екнуло, я испугался, что он каким-то образом догадался о моем присутствии. Но тут до меня донесся голос лорда Эйвона. Из моего убежища мне не видна была дверь, через которую он вошел в комнату, не виден был и он сам, но я слышал каждое его слово. Слушая горькие речи брата, обвинявшего его в бесчестье, капитан Баррингтон сперва багрово покраснел, потом стал мертвенно бледным. Месть моя была сладка, куда слаще, чем мне рисовалось в самых радужных мечтах. Мой хозяин подошел к туалетному столику, взял бумаги, сжег их в пламени свечи, бросил пепел в камин, а потом ссыпал золотые в коричневый парусиновый мешочек. Он пошел к двери, но капитан схватил его за руку и именем матери стал заклинать сжалиться над ним, но как же велика была моя радость, когда хозяин вырвал свой рукав из вцепившихся в него пальцев и оставил сраженного страхом негодяя валяться на полу.

Теперь мне предстояло разрешить трудную задачу, ибо я не знал, что лучше: сделать то, ради чего я туда пришел, или нет. Ведь, завладев его преступной тайной, я тем самым стал обладателем куда более острого и страшного оружия, чем охотничий нож моего хозяина. Я был

уверен, что лорд Эйвон не сможет и не станет разоблачать брата. Я слишком хорошо знал, милорд, сколь сильно в вас чувство семейной гордости, и не сомневался, что вы не выдадите тайну. Но я мог ее выдать и выдал бы, а потом, когда его жизнь была бы погублена, когда его выгнали бы из полка и изо всех клубов, тогда, быть может, я разделался бы с ним еще и по-другому.

— Вы гнусный негодяй, Амброз! — сказал мой дядя.

— У всех у нас есть чувства, сэр Чарльз, и да будет мне позволено сказать, что хоть слуге и отказано в праве требовать удовлетворения посредством дуэли, он может страдать от оскорбления не меньше, чем джентльмен. Лорд Эйвон просил меня откровенно рассказать вам все, что я думал и делал той ночью, и я буду продолжать в том же духе, даже если мне не посчастливилось заслужить ваше одобрение.

Когда лорд Эйвон ушел, капитан еще некоторое время стоял на коленях, уткнувшись лицом в кресло. Потом встал и принялся медленно ходить из угла в угол, глядя в пол. Время от времени он вдруг начинал рвать на себе волосы или потрясал в воздухе стиснутыми кулаками, а на лбу у него выступали капли пота. Потом мне не стало его видно, я только слышал, что он открывает ящик за ящиком, будто ищет что-то. Но вот он снова оказался у туалетного столика, спиной ко мне. Голова его была слегка откинута назад и обе руки подняты к вороту сорочки, словно он старался его расстегнуть.

А потом раздался какой-то звук — словно опрокинули кувшин и забулькала вода, и капитан повалился на пол, при этом голова его так неестественно свесилась набок, что я с одного взгляда понял: моя жертва, которую, как мне казалось, я крепко держу в руках, ускользает от меня. В то же мгновение я отодвинул панель и оказался в комнате. Веки его еще вздрагивали и, когда я встретился с ним взглядом, мне кажется, я прочел в его стекленеющих глазах, что он узнал меня и удивился. Я бросил нож и опустился на пол возле самоубийцы. Мне хотелось шепнуть ему несколько слов, напомнить кое о чем, но я не успел: он тяжело вздохнул и испустил дух.

Живого я нисколько его не боялся, странно было бы мне бояться его мертвого; однако же, когда я поглядел на него и увидел, что он совсем недвижим, а по ковру

расплывается пятно, меня вдруг охватил чудовищный страх, я схватил нож, быстро и бесшумно добрался до своей комнаты и задвинул за собой панель. И только уже там обнаружил, что при этом безумном и поспешном бегстве схватил не охотничий нож, который принес с собой, а окровавленную бритву, выпавшую из рук мертвеца. Я спрятал бритву в такое место, где никто не мог ее найти, но был так напуган, что не решился пойти за ножом; знай я, какой страшной уликой это окажется против моего хозяина, я бы, наверно, все-таки пошел. Вот, леди Эйвон и джентльмены, точная и правдивая повесть о том, как нашел свою смерть капитан Баррингтон.

— Как же вы могли допустить, чтобы невинный человек страдал столько лет, когда для его спасения достаточно было одного вашего слова? — гневно вопросил мой дядя.

— У меня были основания полагать, что лорд Эйвон не поблагодарил бы меня за это. Как мог я открыть истину, не предав огласке семейный позор, который он стремился во что бы то ни стало утаить? Признаюсь, вначале я не рассказал ему о том, чему был свидетелем, но он исчез прежде, чем я успел продумать свое дальнейшее поведение. Но долгие годы, с той поры, как я поступил в услужение к вам, сэр Чарльз, меня мучила совесть, и я поклялся, что если мне доведется встретить моего прежнего хозяина, я во всем ему покаюсь. Рассказ молодого мистера Стоуна, который я случайно услыхал, навел меня на мысль, что в тайниках замка кто-то скрывается; я решил, что это лорд Эйвон, не теряя ни минуты, проник в его убежище и объявил, что готов на все, чтобы доказать его невиновность.

— Он говорит правду,— сказал лорд Эйвон,— но странно было бы не пожертвовать бренной жизнью и пошатнувшимся здоровьем ради того, чему я с легкостью принес в жертву все, чем богата юность. Однако новые обстоятельства вынудили меня наконец отказаться от моего решения. Мой сын, не зная о своем происхождении, вступил на путь, который вполне соответствовал его силе и отваге, но был невозможен для представителя нашего рода. Я подумал к тому же, что многих из тех, кто знал моего брата, уже нет в живых, что можно будет предать гласности не все и что если я умру, не доказав

свою непричастность к убийству, это запятнает наш род куда больше, чем грех брата, который он искупил такой ужасной ценой. По этим причинам...

Тут послышались грузные шаги нескольких пар ног, гулко отдававшиеся по всему старому дому, и лорд Эйвон замолк на полуслове. Его изможденное лицо стало совсем серым, он жалобно поглядел на жену и сына.

— Меня арестуют! — воскликнул он.— Мне не уйти от этого унижения.

— Вот сюда, сэр Джеймс, сюда,— донесся из-за двери хриплый голос сэра Лотиана Хьюма.

— Незачем указывать мне дорогу в дом, где я распил немало бутылок доброго кларета,— ответил ему кто-то басом, и на пороге появился рослый и плечистый сквайр Овингтон; на нем были штаны из оленьей кожи, высокие сапоги с отворотами, в руке он держал хлыст. Вместе с ним вошел сэр Лотиан Хьюм, а из-за его плеча выглядывали два сельских констебля.

— Лорд Эйвон,— сказал сквайр,— как мировой судья графства Суссекс я должен вам объявить, что против вас выдвинуто обвинение в предумышленном убийстве вашего брата, капитана Баррингтона, совершенном в тысяча семьсот восемьдесят шестом году.

— Я готов предстать перед судом.

— Я сказал вам это как судья. Но как человек и сквайр Рафм Грейнджа я рад вас видеть, Нэд, и вот вам моя рука; никогда я не поверю, что добрый тори, человек, который мог обскакать любого наездника, способен на такое злодейство.

— Вы не ошиблись во мне, Джеймс,— сказал лорд Эйвон, крепко пожимая большую загорелую руку сельского сквайра.— Я не виновен и могу это доказать.

— Черт побери, рад это слышать, Нэд! Иными словами, лорд Эйвон, любые представленные вами доказательства будут рассмотрены пэрами по законам нашей страны.

— А до тех пор,— прибавил сэр Лотиан Хьюм,— прочная дверь и крепкий замок будут лучшей гарантией того, что лорд Эйвон окажется на месте, когда это потребуется.

Обветренное лицо сквайра побагровело, и он обернулся к приезжему лондонцу.

— Вы судья графства, сэр?

— Не имею чести им быть, сэр Джеймс.

— Так как же вы осмеливаетесь давать советы человеку, который чуть не двадцать лет исполняет эту должность? Когда у меня возникают сомнения, я могу посовещаться с законником, больше я ни в чьей помощи не нуждаюсь.

— Вы слишком много себе позволяете, сэр Джеймс. Я не привык к подобным резкостям.

— А я не привык, сэр, позволять кому бы то ни было вмешиваться в мои служебные дела. Я говорю вам это как судья, сэр Лотиан, но всегда готов постоять за свои слова как джентльмен, так что я к вашим услугам, сэр.

Сэр Лотиан поклонился.

— Разрешите вам заметить, сэр, что в этом деле у меня есть личный и притом весьма важный для меня интерес. И у меня есть серьезные основания полагать, что мы имеем дело с заговором, который задевает мои интересы как наследника титулов и владений лорда Эйвона. Пока все это не будет надлежащим образом расследовано, лорд Эйвон должен быть помещен под надежный надзор, и я призываю вас как судью воспользоваться своими полномочиями.

— Будь оно неладно, Нэд! — воскликнул сквайр.— Мне необходим мой законник Джонсон. Я хочу обойтись с вами как можно мягче, Нэд, и не знаю, что говорит по этому поводу закон; а тут, вы сами слышали, меня призывают посадить вас под замок.

— Разрешите мне вмешаться, сэр,— сказал дядя.— Пока человек находится под личным надзором судьи, он считается под охраной закона, так что если лорд Эйвон окажется под крышей Рафм Грейнджа, это условие будет соблюдено.

— Что может быть лучше! — обрадовался сквайр.— Пока все не разъяснится, вы будете моим гостем, Нэд. Иными словами, лорд Эйвон, как представитель закона я беру на себя ответственность за то, что вы будете под надежным надзором до той минуты, пока вас не вызовут в суд.

— Вы верный друг, Джеймс.

— Ну-ну, я поступаю, как велит закон. Надеюсь, у вас нет никаких возражений, сэр Лотиан Хьюм?

Сэр Лотиан передернул плечами и ответил судье мрачным взглядом. Потом повернулся к моему дяде.

— Нам с вами еще предстоит уладить одно небольшое дело,— сказал он.— Не будете ли вы добры назвать мне имя кого-либо из ваших друзей? Меня будет представлять мистер Коркоран, он сейчас находится в моем ландо, и мы могли бы встретиться завтра поутру, если не возражаете.

— С удовольствием,— ответил дядя.— Полагаю, твой отец не откажет мне в этой услуге, племянник... Ваш друг может обратиться к лейтенанту Стоуну в Монаховом дубе, и чем скорее, тем лучше.

На том и закончились эти не совсем обычные переговоры. Что же до меня, я кинулся к своему другу детства и пытался объяснить ему, как я рад счастливой перемене в его судьбе, а он в ответ уверял меня, что никакие перемены не ослабят его любви ко мне. Дядя тронул меня за плечо, и мы совсем было собрались распрощаться, но тут к нему почтительно приблизился Амброз — на его лице уже не осталось и следа недавних страстей, это снова была бесстрастная застывшая маска.

— Прошу прощения, сэр Чарльз,— заговорил он,— но ваш галстух приводит меня в отчаяние.

— Да, вы правы, Амброз,— отвечал дядя.— Лоример старается изо всех сил, но я так и не смог найти вам достойного преемника.

— Все зависит от лорда Эйвона. Если я ему не нужен...

— Вы свободны, Амброз, вы свободны! — поспешил заверить его лорд Эйвон.— Вы превосходный слуга, но ваше присутствие стало для меня тягостно.

— Благодарю вас, Нэд,—сказал дядя.— C'est le meilleur valet possible[1]. Но в следующий раз не покидайте меня так внезапно, Амброз.

— Разрешите объяснить вам причину, сэр. Я решил предупредить вас о своем уходе, когда мы приедем в Брайтон, но на самом выезде из Монахова дуба нам повстречался фаэтон, а в нем сидела леди, которая, как я знал, находилась в весьма близких отношениях с лордом

[1] Это лучший камердинер на свете *(франц.)*.

Эйвоном, хотя я и не был уверен, что она его законная супруга. Увидав ее, я окончательно уверился, что он прячется в замке, выскочил из вашей коляски и побежал ее догонять: я хотел ей все рассказать и объяснить, что мне необходимо повидаться с лордом Эйвоном.

— Что ж, я вас прощаю, Амброз,— сказал дядя.— И буду вам весьма признателен, если вы приведете в порядок мой галстух.

ГЛАВА 22

КОНЕЦ

Карета сэра Овингтона дожидалась у дверей, и семья лорда Эйвона, столь трагически разъединенная и столь странным образом вновь соединившаяся, отбыла в ней в гостеприимный дом сквайра. Когда они уехали, дядя усадил нас с Амброзом в свою коляску и повез в Монахов дуб.

— Прежде всего надо повидать твоего отца, племянник,— сказал он.— Сэр Лотиан со своим секундантом несколько опередили нас. А я буду чрезвычайно огорчен, если в нашем с ним деле произойдет какая-нибудь заминка.

Я же думал о том, что у нашего противника слава опытного и беспощадного дуэлянта, и, видно, чувства мои отразились на лице, так как дядя вдруг рассмеялся.

— Что это ты, племянник,— сказал он,— у тебя такой вид, будто ты уже идешь за моим гробом! Это не первая моя дуэль и, готов спорить, не последняя. Когда я дерусь неподалеку от Лондона, я прежде набиваю руку в тире Мэнтона, но будь спокоен, сумею продырявить его жилет и тут. Однако, признаюсь, я несколько accablé[1] всем, что на нас свалилось. Подумать только, ведь мой дорогой старый друг не только жив, но еще и невиновен! И у него такой завидный сын и наследник, продолжатель рода Эйвонов! Этого удара Хьюм не выдержит; ростовщики не слишком его допекали в расчете на это наследство... А вы, Амброз, вы-то каковы!

[1] Потрясен *(франц.)*.

Из всех поразительных неожиданностей, которыми богат был сегодняшний день, эта последняя, кажется, произвела на дядю особенно сильное впечатление, и он возвращался к ней снова и снова. В человеке, которого он считал чуть ли не машиной для глажки манишек и приготовления шоколада, вдруг взыграли такие роковые страсти — это ли не чудо! Если бы его серебряный бритвенный стакан вдруг ожил и принялся куролесить, он и то, кажется, меньше бы удивился.

До нашего домика оставалось еще ярдов сто, и тут я увидел, что по садовой дорожке шествует высокий, облаченный в зеленый сюртук мистер Коркоран. Отец дожидался нас на пороге, на лице у него было написано плохо скрытое удовольствие.

— Счастлив быть вам полезен в любом качестве, сэр Чарльз,— сказал он.— Мы уговорились на завтра в семь утра на Дичлингском пустыре.

— Я бы предпочел, чтобы подобные свидания назначались на более поздний час,— сказал дядя.— Придется либо вставать ни свет ни заря, либо пренебречь туалетом.

— Они остановились в нашей гостинице, прямо через дорогу, так что если вам желательно позднее...

— Нет-нет, я уж постараюсь... Амброз, все принадлежности утреннего туалета должны быть готовы к пяти.

— Не хотите ли воспользоваться моими пистолетами? — предложил отец.— Они были в деле четырнадцать раз, и на расстоянии до тридцати ярдов лучшего оружия не приходится желать.

— Благодарю вас, мои дуэльные пистолеты у меня в коляске. Проверьте, смазаны ли курки, Амброз, я люблю, когда они спускаются легко... А, Мэри, я привез тебе назад твоего сынка,— на мой взгляд, рассеянная городская жизнь не оказала на него развращающего влияния.

Стоит ли рассказывать, как моя дорогая матушка плакала от радости, как ласкала меня; ведь те, у кого есть мать, и сами это знают, а тем, у кого ее нет, все равно не понять, каким теплым и уютным может быть родное гнездо. Как жаждал я попасть в Лондон, как не терпелось мне увидать городские чудеса, и, однако, пови-

дав куда больше, чем рисовалось мне в самых смелых мечтах, я не увидел ничего, что было бы мне так же мило, так же изливало бы покой на мою душу, как наша скромная гостиная с терракотовыми стенами и все безделицы, столь незначительные сами по себе и столь дорогие по воспоминаниям: рыбка с Молуккских островов, рог нарвала из северных далей, картина «Эскадра лорда Хотэма в погоне за «Ça ira»! А как приятно сидеть у камина, перед сверкающей, начищенной до блеска каминной решеткой, и видеть по правую руку веселое обожженное солнцем лицо отца, попыхивающего трубкой, а по левую — матушку, в чьих пальцах, как всегда, неутомимо снуют вязальные спицы! Я смотрел на своих родителей и удивлялся: неужели было время, когда я стремился уехать от них, и неужели настанет час, когда я снова их покину!

Но шумные поздравления отца и слезы матушки открыли мне, что надо опять покинуть отчий дом, и притом самым спешным образом. Отца назначили на шестидесятичетырехпушечный корабль, а кроме того в Портсмут на его имя пришло письмо — лорд Нельсон сообщал, что, если я прибуду немедленно, он сможет взять меня на корабль.

— Мать уже уложила твой матросский сундучок, Родни, и завтра мы с тобой отправимся. Если хочешь служить под началом Нельсона, надо сразу же показать, что ты этого достоин.

— Все Стоуны всегда служили во флоте,— извиняющимся тоном объяснила матушка дяде,— и мальчику очень повезло, что он окажется под покровительством самого лорда Нельсона. Но мы бесконечно признательны тебе, Чарльз, что ты ввел нашего дорогого Родни в новый для него мир.

— Напротив, дорогая Мэри,— любезно возразил дядя,— твой сын составил мне отличную компанию, так что, боюсь, меня даже можно обвинить в том, что я совсем забросил своего Фиделио. Надеюсь, мне удалось навести на Родни кое-какой глянец. Конечно, назвать его distingué[1] невозможно, но он во всяком случае вполне приемлем. Природа не одарила его самыми пре-

[1] Здесь — светским человеком *(франц.)*.

красными своими дарами, и он не пожелал возместить этот недостаток, использовав те возможности, которые ему предоставляло искусство, но я по крайней мере приоткрыл перед ним завесу жизни и преподал несколько уроков по части изящества и умения себя держать, которые сейчас, быть может, никак на нем не сказались, но непременно скажутся, когда он войдет в возраст. Если он меня и разочаровал, то главным образом оттого, что я имею глупость мерить других своею собственной меркой. Я, однако, очень к нему расположен и полагаю, что он замечательно подходит для поприща, которое готов избрать.

И в знак особого расположения дядя протянул мне свою заветную табакерку. Я взглянул на него и запомнил на всю жизнь таким, каким увидел в эту минуту: в насмешливых, надменных глазах пляшут лукавые огоньки, большой палец одной руки заложен за пройму жилета, на белоснежной ладони другой руки он протягивает мне маленькую сверкающую табакерку. Полнокровный, деятельный, изысканный в одежде, ограниченный в мыслях, приверженный к грубым развлечениям, к диковинным привычкам, он был предводителем странного чудаковатого племени франтов, которое теперь уже совсем перевелось в Англии. Щеголяя несообразными галстухами, высоченными воротниками, брелоками часовых цепочек, они жеманной походкой прошли по ярко освещенным подмосткам английской истории и канули в вечность, затерялись среди темных кулис. Мир перерос их, и нынче уже нет места их диковинным повадкам, грубым шуткам и тщательно лелеемым причудам. И, однако, под тогой безрассудств, в которую они так тщательно рядились, зачастую скрывались натуры сильные и яркие, люди редкостного душевного здоровья.

Господа, что с томным видом фланировали по Сент-Джеймскому парку, оказывались превосходными яхтсменами, великолепными наездниками, отважными бойцами во всевозможных случайных стычках, резвыми участниками бесчисленных проказ. Веллингтон набирал среди них своих лучших офицеров. Случалось, они снисходили до поэзии или риторики, и Байрон, Чарльз Джеймс Фокс, Шеридан и Роберт Стюарт, несмотря на громкую славу, пользовались у них признанием. Едва ли бу-

дущему историку удастся их понять,— ведь я, который так хорошо знал одного из них, даже состоял с ним в кровном родстве, и то никогда не мог до конца понять, где кончается его истинное «я» и где начинается оригинальничанье, которое он так долго в себе лелеял, что в конце концов оно стало его второй натурой. За щитом безрассудств мне иной раз как будто удавалось разглядеть подлинного и очень достойного человека, и отрадно думать, что я не ошибся в своих предположениях.

Провидению было угодно, чтобы удивительные происшествия дня на этом не кончились. Я рано отправился спать, но уснуть не мог, все думал о Джиме, о поразительных переменах, которые произошли в его судьбе, о его будущем. Я ворочался с боку на бок и вдруг услыхал дробный стук копыт со стороны лондонского тракта и почти тотчас — скрип колес по гравию: какой-то экипаж остановился у гостиницы. Окно у меня было растворено, так как весенняя ночь была тепла, и я слышал, что открылась дверь гостиницы и кто-то спросил, здесь ли сэр Лотиан Хьюм. При этом имени я соскочил с постели и успел увидеть, как трое мужчин вышли из кареты и гуськом проследовали в освещенную залу. Свет из открытой двери падал на гнедые спины и терпеливо опущенные головы двух лошадей.

Прошло, должно быть, минут десять, и я услышал топот ног; на пороге показалась кучка людей.

— Применять насилие незачем,— донесся до меня хриплый голос.— Кто предъявил иск?

— Несколько человек, сэр. Они ждали сегодняшнего состязания, надеялись на ваш выигрыш. Общая сумма иска — двенадцать тысяч фунтов.

— Послушайте, любезный! В семь утра у меня чрезвычайно важное свидание. Если вы дождетесь этого часа, я дам вам пятьдесят фунтов.

— Не могу, сэр, право слово, не могу. Мы, помощники шерифа, люди скромные, мы того не стоим.

В желтом свете каретного фонаря я увидел, что баронет бросил взгляд на наши окна; если бы ненависть могла убивать, взгляд этот уложил бы меня наповал, как выстрел из пистолета.

— Я не могу взобраться в карету со связанными руками,— сказал он.

— Держи крепче, Билл, господни-то, видать, с норовом. Обе руки враз не отпускай! А-а, вот ты как!

— Коркоран! Коркоран! — раздался вопль.

Кто-то прыгнул, все сцепились. Потом кто-то бешено рванулся и отделился от других. Послышался тяжелый удар, человек упал на залитую лунным светом дорогу и стал биться и извиваться, как только что выхваченная из воды форель.

— Теперь не уйдет! Скрути ему руки, Джим! Ну, взяли.

Его подняли, точно куль муки, и с размаха безжалостно бросили на дно кареты. Потом в нее вскочили те трое, во тьме просвистел хлыст, и больше уже ни мне, ни кому другому, кроме разве какого-нибудь мягкосердечного посетителя долговой тюрьмы, не суждено было увидеть сэра Лотиана Хьюма, светского кутилу и покровителя спорта.

Лорд Эйвон прожил еще два года; этого времени ему вполне хватило на то, чтобы с помощью Амброза доказать свою непричастность к ужасному преступлению, тень которого столько лет омрачала его жизнь. Но годы нездорового, противоестественного существования в тайном убежище замка не прошли даром, и только благодаря преданности жены и сына слабо мерцающий огонек его жизни теплился так долго. Та, кого я знал как актерку из Энсти-Кросса, стала вдовствующей леди Эйвон, а Джим, который был любезен моему сердцу, когда мы вместе разоряли птичьи гнезда и ловили руками форель, теперь уже лорд Эйвон, любимец своих арендаторов, лучший спортсмен и самый популярный человек от северного Вилда до Ла-Манша. Он женат на второй дочери сэра Джеймса Овингтона и, так как всего неделю назад я видел трех его внуков, то думаю, что, если кто-либо из потомков сэра Лотиана заглядывается на владения Эйвонов, его ждет такое же разочарование, какое постигло его предка.

Старый замок разрушили — с ним были связаны слишком страшные воспоминания,— и на его месте воздвигли красивый современный особняк. На краю парка, у Брайтонской дороги, стоит маленький домик, он окружен шпалерами и кустами роз и так мил, что многие его посетители, как и я, предпочли бы оказаться обладате-

лями этого домика, нежели огромного особняка, полускрытого за купой деревьев. В этом домике долгие годы мирно и счастливо жили Джек Гаррисон и его жена; на закате дней их одаряли заботой и любовью, на которые сами они никогда не скупились. Нога Чемпиона Гаррисона ни разу больше не ступала на ринг, но старые завсегдатаи боксерских баталий все еще передают из уст в уста молву о грандиозной битве между кузнецом и выходцем с Запада; и ничто не доставляло ему такого удовольствия, как, греясь в лучах солнца на своем увитом розами крылечке, подробно, раунд за раундом, рассказывать об этом бое. Но стоило ему заслышать постукивание жениной палки — и он тотчас переводил разговор на сад, ибо жена его всегда была одержима страхом, что рано или поздно он непременно возвратится на ринг, и ей то и дело чудилось, будто он заковылял со двора, чтобы отобрать у очередного выскочки пояс чемпиона. На могиле Гаррисона написали, как он и просил: «Он сражался достойно»,— и хотя я уверен, что Гаррисон имел в виду свои битвы с Черным Барухом и с Крабом Уилсоном, все, кому довелось его знать, согласятся со мной, что эти слова вполне подходят для определения всей его чистой и мужественной жизни.

Сэр Чарльз еще несколько лет продолжал щеголять своими красными с золотом жокеями в Ньюмаркете и своими несравненными сюртуками — в Сент-Джеймсе. Это он ввел в моду пуговицы и петли на обшлагах коротких панталон в обтяжку, и он же открыл желатину и крахмалу дорогу к манишкам. У Артура и Уайта еще и по сей день можно встретить старых франтов, которые помнят изречение Треджеллиса, что галстух должен быть так туго накрахмален, чтобы за один уголок можно было приподнять его весь, и ужасный раскол, который произошел среди щеголей, когда лорд Олвенли и его последователи заявили, что совсем незачем так туго крахмалить.

Потом на первый план выступил Джордж Браммел, между ним и дядей произошел полный разрыв из-за бархатных воротников, и на сей раз Лондон последовал за более молодым из соперников. Дядя, который не привык быть вторым, тотчас удалился в Сент-Олбенс и объявил, что отныне этот город, а не вырождающийся

Лондон станет средоточием светской жизни и законодателей моды. Мэр и корпорация преподнесли ему адрес, в котором благодарили его за добрые намерения по отношению к городу, а местные франты ради такого торжественного случая выписали из Лондона новые фраки и все оказались с бархатными воротничками; это окончательно сразило дядю, он слег и с той поры уже не показывался в обществе.

Деньги свои, которые, быть может, помешали ему стать великим человеком, он завещал многим, в том числе пожизненную годовую ренту камердинеру Амброзу, но немалая часть пришлась и на долю его сестры, моей дорогой матушки, и с их помощью ее старость была такой солнечной и радостной, что лучшего я не мог для нее и пожелать.

Что же до меня — скромной нити, на которую нанизывались все эти бусинки,— то едва ли я осмелюсь вымолвить о себе еще хоть слово из боязни, как бы это последнее слово последней главы не стало первым словом новой. Не реши я с самого начала, что повесть моя будет посвящена делам, происходящим на суше, быть может, я написал бы другую, куда интереснее, о событиях морских, но в одну раму не годится вставлять две разные картины. Когда-нибудь я, возможно, расскажу все, что помню о величайшем из морских сражений и о том, как окончилась мужественная жизнь моего отца, как его корабль был зажат меж французским восьмидесятипушечным кораблем и испанским семидесятичетырехпушечным, да так, что даже корма треснула у отца под ногами, а он стоял и ел яблоко. Я видел, как в тот октябрьский вечер над Атлантикой клубился дым и, поднимаясь все выше и выше, превратился наконец в прозрачные перистые облачка и рассеялся в бескрайних небесных просторах. И вместе с этим дымом поднялась и тоже мало-помалу рассеялась нависшая над Англией туча. Ниспосланное богом солнце мира и безопасности вновь засияло над нами, и мы верим, что туча эта уже никогда больше не омрачит нашу жизнь.

Рассказы

СООБЩЕНИЕ ХЕБЕКУКА ДЖЕФСОНА

В декабре 1873 года английский корабль «Божья благодать» вошел в Гибралтар, ведя на буксире бригантину «Святая дева». Покинутая командой бригантина была обнаружена на 38°40′ северной широты и 17°15′ западной долготы. Этот случай породил в то время немало разных толков и возбудил всеобщее любопытство, которое так и осталось неудовлетворенным. Подробности дела изложены в обстоятельной статье, опубликованной в «Гибралтарском вестнике». Желающие могут ознакомиться с ней в номере от 4 января 1874 года, если мне не изменяет память, а для тех, кто не имеет такой возможности, я приведу наиболее существенные выдержки из нее.

«Мы побывали на брошенном корабле «Святая дева»,— пишет анонимный автор,— и подробно расспросили офицеров «Божьей благодати», надеясь получить от них какие-нибудь сведения, проливающие свет на эту загадку. По мнению всех опрошенных, «Святая дева» была оставлена командой за несколько дней, а может быть, и недель, до того, как ее обнаружили. В судовом журнале, найденном на корабле, говорится, что бригантина 16 октября вышла из Бостона, направляясь в Лисабон. Однако журнал велся от случая к случаю и содержит лишь весьма скудные сведения. В записях не встречается упоминаний о дурной погоде, окраска судна имеет свежий вид, такелаж ничуть не пострадал, и приходится от-

вергнуть предположение, что оно покинуто из-за полученных повреждений. Корпус корабля совершенно не пропускал воду. Никаких следов борьбы или насилия над командой не обнаружено, и совершенно непонятно, чем вызвано исчезновение экипажа.

На бригантине находилась женщина: в каюте найдена швейная машина и отдельные предметы женского туалета. Они принадлежали, по всей вероятности, жене капитана — в судовом журнале упоминается, что она сопровождала мужа. В доказательство того, что погода благоприятствовала плаванию бригантины, можно привести следующую деталь: на швейной машине лежала катушка шелковых ниток, которая даже при небольшой качке, конечно, скатилась бы на пол.

Все лодки оказались целыми и висели на своих местах, на шлюпбалках, а груз — свечное сало и американские часы — сохранился в неприкосновенности. На баке, среди различного хлама, обнаружен старинный меч искусной работы. На его стальном клинке виднеются какие-то продольные полосы, словно меч не так давно вытирали. Оружие было доставлено в полицию, которая передала его для исследования доктору Монегену. Результаты исследования пока не известны.

В заключение отметим, что, по мнению капитана «Божьей благодати» Дальтона — опытного и сведущего моряка,— «Святая дева» брошена командой довольно далеко от того места, где она была обнаружена, поскольку в тех широтах проходит мощное течение, зарождающееся у берегов Африки. Вместе с тем он признал, что теряется в догадках и не в состоянии предложить никакого сколько-нибудь удовлетворительного объяснения этой истории. Полное отсутствие каких-либо определенных данных заставляет опасаться, что судьба команды «Святой девы» останется одной из тех многочисленных тайн, хранимых морскими безднами, которые не будут разгаданы до наступления судного дня, когда море отдаст своих мертвецов. Если, как есть основания предполагать, было совершено преступление, трудно надеяться, что виновных постигнет заслуженная кара».

В дополнение к этой выдержке из «Гибралтарского вестника» приведу телеграмму из Бостона. Она обошла

все английские газеты и содержит все, что удалось узнать о «Святой деве». Вот ее текст:

«Святая дева», бригантина водоизмещением в 170 тонн, принадлежала фирме бостонских импортеров вин «Уайт, Рассел и Уайт». Капитан Д. У. Тиббс — старый служащий фирмы, человек испытанной честности и бывалый моряк. Его сопровождала жена в возрасте тридцати одного года и младший сын трех лет. Команда состояла из семи матросов, включая двух негров, и юнги.

На бригантине было три пассажира, в том числе крупный бруклинский специалист по туберкулезу легких — доктор Хебекук Джефсон. Он известен также как поборник освобождения негров, особенно на первом этапе деятельности аболициоиистов. Его памфлет «Где твой брат?», опубликованный перед началом гражданской войны, оказал большое влияние на общественное мнение. Другими пассажирами были бухгалтер фирмы мистер Д. Хертон и мистер Септимиус Горинг, мулат из Нью-Орлеана.

Расследование не смогло пролить свет на судьбу этих четырнадцати человек. Смерть доктора Джефсона не пройдет незамеченной в политических и научных кругах».

Я изложил в интересах публики все, что до сих пор было известно о судьбе «Святой девы» и ее команды, так как за прошедшие десять лет разгадать эту тайну не удалось никому. Теперь я берусь за перо с намерением рассказать все, что знаю о злополучном плавании бригантины. Я считаю своим долгом выступить с этим сообщением и спешу это сделать, ибо у меня есть основания думать, что в скором времени я уже не в силах буду писать: я наблюдаю у себя зловещие симптомы, которые хорошо изучил на других. В виде предисловия к моему рассказу позвольте заметить, что я Джозеф Хебекук Джефсон, доктор медицины Гарвардского университета и бывший консультант Самаритянской клиники в Бостоне.

Многие, конечно, удивятся, почему я до сих пор не давал о себе знать и почему никак не реагировал на по-

явление различных догадок и предположений. Если бы оглашение известных мне фактов в какой-то мере помогло правосудию, я без колебания решился бы на это. Но у меня не было такой уверенности. Я попытался рассказать обо всем одному английскому чиновнику, но встретил такое оскорбительное недоверие, что решил больше не подвергать себя подобному унижению.

И все же я могу извинить невежливость ливерпульского мирового судьи, когда вспоминаю, как отнеслись к моему рассказу мои собственные родственники. Они знали мою безупречную честность, но выслушивали меня со снисходительной улыбкой людей, решивших не противоречить сумасшедшему. Я поссорился со своим шурином Джоном Ванбургером, усомнившимся в моей правдивости, и твердо решил предать дело забвению. Только настойчивые просьбы моего сына заставили меня изменить свое решение.

Мой рассказ станет более понятным, если я коротко остановлюсь на своем прошлом и приведу два-три факта, которые проливают свет на последующие события.

Мой отец Вильям К. Джефсон, один из наиболее уважаемых жителей Лоуелла, был проповедником секты «Плимутские братья». Как и большинство пуритан Новой Англии, он был решительным противником рабства. Именно он внушил мне отвращение к рабству, которое я сохранил на всю жизнь. Еще будучи студентом медицинского факультета Гарвардского университета, я стал известен как сторонник освобождения негров. Позднее, получив ученую степень и купив третью часть практики доктора Уиллиса в Бруклине, я, несмотря на свою занятость, уделял много времени дорогому мне делу. Мой памфлет «Где твой брат»?» («Свербург, Листер и К°», 1859) вызвал значительный интерес.

Когда началась гражданская война, я покинул Бруклин и провел всю кампанию в рядах 113-го нью-йоркского полка. Я участвовал во второй битве при Бул Ране и в сражении при Геттисберге. Затем в бою под Антиетамом я был тяжело ранен и, вероятно, умер бы на поле сражения, если бы не великодушие джентльмена по фамилии Мюррей, по распоряжению которого меня перенесли в его дом и окружили вниманием и заботой. Благодаря его милосердию и заботливому уходу его черных

слуг я вскоре мог, опираясь на палку, передвигаться по территории плантации. Именно в дни моего выздоровления произошел случай, непосредственно связанный с моим дальнейшим повествованием.

Во время моей болезни за мной особенно заботливо ухаживала одна старая негритянка. По-видимому, она пользовалась большим авторитетом среди других негров. Ко мне она относилась с исключительным вниманием. Как-то старая негритянка в разговоре со мной обронила несколько слов, из которых я понял, что она слыхала обо мне и признательна за то, что я защищаю ее угнетенный народ.

Однажды, когда я сидел один на веранде и, греясь на солнце, размышлял, не следует ли мне вернуться в армию Гранта, я с удивлением увидал, что ко мне подходит эта старуха. Негритянка осторожно оглянулась по сторонам, проверяя, нет ли кого поблизости, порылась у себя на груди в складках платья и достала замшевый мешочек, который висел у нее на шее на белом шнурке.

— Масса,— сказала она хриплым шепотом, нагнувшись к моему уху,— я скоро умру. Я очень старый человек. Скоро меня не будет на плантации масса Мюррея.

— Вы можете еще долго прожить, Марта,— ответил я.— Вы же знаете, что я доктор. Если вы нездоровы, скажите, что у вас болит, и я постараюсь вылечить вас.

— Я не хочу жить, я хочу умереть. Скоро я буду вместе с небесным владыкой...— И она разразилась одной из тех полуязыческих напыщенных тирад, к которым порой бывают склонны негры.— Но, масса, у меня есть одна вещь, которую я должна кому-то оставить. Я не могу взять ее с собой за Иордан. Это очень ценная вещь, самая ценная и самая священная на свете. Она оказалась у меня, бедной черной женщины, потому, что мои предки были, наверно, великие люди у себя на родине. Но вы не можете понять этого так, как понял бы негр. Мне передал ее мой отец, а к нему она перешла от его отца, но кому же я передам ее теперь? У бедной Марты нет ни детей, ни родных, никого нет. Вокруг себя я вижу только дурных негров и глупых негритянок — никого, кто был бы достоин этого камня. И я сказала себе: вот масса Джефсон, который пишет книги и сражается за негров. Он, должно быть, хороший человек, и я отдам

камень ему, хотя он белый и никогда не узнает, что это за камень и откуда он.

С этими словами старуха пошарила в замшевом мешочке и достала из него плоский черный камень с отверстием посредине.

— Вот, возьмите,—сказала она, почти силой вкладывая камень мне в руку.—Возьмите. От хорошего никогда вреда не будет. Берегите его и не потеряйте!—И с предостерегающим жестом старуха заковыляла прочь, озираясь по сторонам, чтобы удостовериться, что за нами никто не наблюдает.

Серьезность старой негритянки не произвела на меня особого впечатления, наоборот, скорее позабавила, и во время ее тирады я не рассмеялся только потому, что не хотел ее обидеть. Когда она ушла, я внимательно рассмотрел полученный предмет. Это был очень черный, исключительно твердый камень овальной формы — именно такой плоский камень человек выбирает на морском берегу, когда ему захочется бросить его подальше. У камня были закругленные края, в длину он имел три дюйма, а в ширину — посредине — полтора. Особенно курьезной показалась мне форма камня: на его поверхности виднелось несколько хорошо заметных полукруглых бороздок, что придавало ему поразительное сходство с человеческим ухом. В общем, мое приобретение заинтересовало меня, и я решил при первой же возможности показать его в качестве геологического образца своему другу, профессору Шредеру из Нью-Йоркского института. Пока же я сунул камень в карман и, уже не думая о нем, поднялся со стула и пошел прогуляться по аллеям.

К тому времени моя рана уже почти зажила, и вскоре я распрощался с мистером Мюрреем. Победоносные армии северян наступали на Ричмонд. Мои услуги не требовались, и я возвратился в Бруклин. Здесь я возобновил свою медицинскую практику, а затем женился на второй дочери известного резчика по дереву Джосайя Ванбургера. За несколько лет мне удалось приобрести обширные связи и хорошо зарекомендовать себя как специалиста по туберкулезу легких. Я все еще хранил странный черный камень и часто рассказывал, при каких любопытных обстоятельствах получил его. Профессор Шре-

дер, которому я показал камень, очень заинтересовался не только самим образцом, но и его историей. По словам профессора, это был осколок метеорита, а свое сходство с ухом он приобрел в результате искусной, очень тщательной обработки. Неизвестный мастер проявил тонкую наблюдательность и высокое мастерство, сумев передать мельчайшие детали человеческого уха.

— Я не удивился бы,— заметил профессор,— если бы оказалось, что камень отбит от большой статуи. Но мне совершенно непонятно, как удалось с таким мастерством обработать столь твердый материал. Если где-то действительно имеется статуя, у которой отбита эта часть, мне бы очень хотелось взглянуть на нее!

В то время и я думал точно так же. Но позднее мне пришлось изменить свое мнение.

Следующие семь-восемь лет моей жизни прошли спокойно, без всяких событий. Вслед за весной наступало лето, после зимы — весна, не внося никаких перемен в мои повседневные занятия. В связи с расширением практики я взял в качестве партнера Д. С. Джексона на одну четвертую часть дохода. Но все же напряженная работа сказалась на моем здоровье, и я почувствовал себя так плохо, что по настоянию жены решил посоветоваться со своим коллегой по Самаритянской клинике доктором Каванагом Смитом. Этот джентльмен, осмотрев меня и обнаружив, что у меня несколько уплотнена верхушка левого легкого, порекомендовал мне пройти курс лечения и отправиться в длительное морское путешествие.

Я по натуре человек непоседливый, и, естественно, мысль о морском путешествии пришлась мне по душе. Вопрос был окончательно решен во время встречи с молодым Расселом из фирмы «Уайт, Рассел и Уайт». Он предложил мне воспользоваться одним из кораблей его отца — «Святой девой», которая вскоре должна была отплыть из Бостона.

— «Святая дева»— небольшое, но удобное судно,— сказал он,— а капитан Тиббс — превосходный человек. Морское плавание окажется для вас лучшим лекарством.

Я придерживался такого же взгляда и охотно принял предложение.

Вначале предполагалось, что жена отправится вместе со мной. Однако она всегда очень плохо переносила

морские путешествия, а так как на этот раз у нас были еще и другие важные основания не подвергать ее здоровье риску, мы решили, что она остается дома. Я не религиозный и не экспансивный человек, но как я благодарю небо, что не взял ее с собой!

Со своей практикой я расставался без всяких опасений, поскольку мой партнер Джексон был надежный и трудолюбивый человек.

Я прибыл в Бостон 12 октября 1873 года и сразу же направился в контору фирмы, решив поблагодарить ее владельцев за оказанную мне любезность. В ожидании приема я сидел в бухгалтерии, когда слова «Святая дева» внезапно привлекли мое внимание. Я оглянулся и увидел высокого худого человека, который, облокотившись на барьер полированного красного дерева, спрашивал о чем-то одного из служащих. Неизвестный стоял боком ко мне, и я заметил в нем сильную примесь негритянской крови. Это был, очевидно, или квартерон, или даже мулат. Его изогнутый орлиный нос и прямые гладкие волосы говорили о родстве с белыми, в то время как черные беспокойные глаза, чувственный рот и сверкающие зубы указывали на африканское происхождение.

Незнакомец производил неприятное, почти отталкивающее впечатление, особенно при взгляде на его болезненно-желтое, обезображенное оспой лицо. Но когда он говорил, его изысканные выражения в сочетании с мягким, мелодичным голосом доказывали, что перед вами образованный человек.

— Я хотел задать несколько вопросов о «Святой деве»,— повторил он, наклоняясь к конторщику.— Она отплывает послезавтра, не так ли?

— Да, сэр,— с необычайной вежливостью ответил молодой конторщик, впавший в благоговейный трепет при виде крупного бриллианта, сверкавшего на манишке незнакомца.

— Куда она направляется?

— В Лисабон.

— Сколько на ней команды?

— Семь человек, сэр.

— Есть пассажиры?

— Да, двое. Один из наших молодых служащих и доктор из Нью-Йорка.

— А джентльменов с Юга на корабле нет? — поспешно спросил незнакомец.

— Нет, сэр.

— Найдется место еще для одного пассажира?

— Можно разместить еще трех пассажиров,— ответил конторщик.

— Я еду,— решительно заявил квартерон.— Я еду и покупаю место немедленно. Пожалуйста, запишите: мистер Септимиус Горинг из Нью-Орлеана.

Конторщик заполнил бланк и передал его незнакомцу, указав на пустое место внизу. Когда мистер Горинг наклонился над бланком, чтобы расписаться, я с ужасом заметил, что пальцы на его правой руке обрублены и он держит перо между большим пальцем и ладонью. Я видел тысячи убитых на войне, много раз присутствовал при различных хирургических операциях, но ничто не вызывало у меня такого отвращения, как эта огромная, коричневая, похожая на губку рука с единственным торчащим пальцем. Между тем квартерон довольно ловко и быстро расписался, кивнул конторщику и не спеша вышел. Как раз в эту минуту мистер Уайт сообщил, что готов принять меня.

В этот же вечер я отправился на «Святую деву», осмотрел свою каютку и нашел ее исключительно удобной, принимая во внимание небольшие размеры корабля. Для мистера Горинга, которого я видел утром, предназначалась каюта рядом с моей. Напротив находилась каюта капитана и каюта мистера Джона Хертона, ехавшего по делам фирмы. Каюты были расположены по обеим сторонам коридора, который вел с верхней палубы в кают-компанию. Это была уютная, со вкусом отделанная комната, обшитая панелями из дуба и красного дерева, с удобными кушетками и дорогим брюссельским ковром.

Я остался вполне доволен и своим помещением и самим капитаном Тиббсом — грубовато-добродушным моряком с громким голосом и простыми манерами. Он бурно приветствовал меня на борту своего корабля и уговорил распить бутылку вина в его каюте. Капитан сообщил, что берет с собой в рейс жену и младшего сына и надеется при благоприятных условиях прибыть в Лисабон через три недели.

Мы провели время в приятной беседе и расстались добрыми друзьями. Тиббс предупредил меня, что я должен быть на судне на следующее утро, так как он уже закончил погрузку и намеревается отплыть с полуденным отливом. Я вернулся в гостиницу, где меня ожидало письмо жены, и утром, после освежающего сна, отправился на корабль.

Теперь я приведу выдержки из дневника, который стал вести, чтобы немного скрасить однообразие длительного плавания. Пусть кое-где стиль его покажется бесцветным, зато могу поручиться за точность всех приводимых мною фактов, так как добросовестно вел свои записи изо дня в день.

16 октября. Отчалили в половине третьего и с помощью буксира вышли в залив. Здесь буксирное судно покинуло нас, и мы, поставив все паруса, поплыли со скоростью около девяти узлов в час. Я стоял на корме и наблюдал, как тает на горизонте низменное побережье Америки, пока вечерняя дымка не скрыла его из виду. Лишь одинокий красный огонь продолжал ярко мерцать позади, отражаясь на воде длинной, напоминающей кровавый след полосой. Сейчас, когда я пишу, мне все еще виден этот огонь, хотя он и уменьшился до размеров булавочной головки.

У капитана плохое настроение, так как в последний момент его подвели два матроса из команды «Святой девы» и он вынужден был нанять двух негров, случайно оказавшихся на причале. Исчезнувшие матросы были верные и надежные люди. Они совершили с капитаном не один рейс, и потому их неявка не только рассердила, но и озадачила его. Там, где команда из семи человек должна обслуживать не такой уж маленький корабль, потеря двух опытных матросов — дело серьезное. Негры могут, конечно, постоять у штурвала или вымыть палубу, но в плохую погоду на них рассчитывать не приходится.

Наш кок — тоже негр, а с мистером Септимиусом Горингом едет маленький черный слуга, так что мы представляем собой довольно пестрое общество. Бухгалтер Джон Хертон, видимо, будет приятным членом нашей компании — это жизнерадостный, веселый молодой че-

ловек. Странно, до чего мало общего между богатством и счастьем! Хертону еще предстоит завоевать свое место под солнцем, он едет искать счастье в далекой стране, но его можно назвать счастливейшим из смертных. Горинг, если я не ошибаюсь, богат, я тоже не беден, но я знаю, что у меня больные легкие, а Горинг, если судить по его лицу, чем-то глубоко озабочен. И мы оба выглядим неважно по сравнению с нищим, но беззаботным конторщиком.

17 октября. Сегодня утром на палубу впервые вышла миссис Тиббс — бодрая, энергичная женщина с ребенком, который не так давно научился ходить и лепетать. Хертон сразу же набросился на него и утащил к себе в каюту, где обязательно заронит в желудок ребенка диспепсию. (Какими циниками делает нас медицина!)

Лучшей погоды по-прежнему и желать нельзя, а с юго-запада дует свежий попутный бриз. Корабль идет так плавно, что его движение было бы трудно заметить, если бы не скрип снастей, хлопанье надуваемых ветром парусов и длинный пенистый след за кормой. Все утро мы прогуливались с капитаном на шканцах. Прогулка ничуть не утомила меня, из чего я заключил, что бодрящий морской воздух уже оказал благотворное влияние на мои легкие. Тиббс — хорошо осведомленный человек, и у нас завязался интересный разговор о наблюдениях Маури над океанскими течениями. После беседы мы спустились в его каюту просмотреть книгу, о которой шла речь. Здесь, к удивлению капитана, мы застали Горинга, хотя обычно пассажиры не могут заходить в «святая святых» корабля без специального приглашения. Он извинился за свое вторжение, сославшись на незнание судовых порядков, а добродушный моряк только посмеялся над этим случаем и попросил Горинга оказать нам честь и остаться в нашей компании.

Горинг показал на открытый им ящик с хронометрами и заявил, что он любовался ими. По-видимому, он был знаком с математическими инструментами, так как сразу же определил, какой из трех хронометров наиболее надежен, и даже назвал стоимость каждого, допустив ошибку всего лишь в несколько долларов. Он поговорил с капитаном о магнитном склонении, а когда мы вернулись к теме об океанских течениях, обнару-

жил глубокое знание и этого предмета. В общем, при более близком знакомстве он производит несколько лучшее впечатление, чем с первого взгляда, и, несомненно, это культурный и воспитанный человек. Приятный голос Горинга гармонирует с его речью, но никак не вяжется с его внешностью.

В полдень было установлено, что мы прошли двести двадцать миль. К вечеру ветер настолько усилился, что первый помощник капитана в предвидении неспокойной ночи приказал взять рифы на марселях и брамселях. Я заметил, что барометр упал до двадцати девяти дюймов. Надеюсь, наше плавание не окажется тяжелым: я плохо переношу качку, и мое здоровье, вероятно, только ухудшится от путешествия в штормовую погоду, хотя я питаю величайшее доверие к морскому искусству капитана и к прочности корабля.

После ужина играл с миссис Тиббс в крибедж, а Хертон исполнил для нас несколько пьес на скрипке.

18 октября. Мрачный прогноз вчерашнего вечера не оправдался. Ветер опять стих, и сейчас мы дрейфуем среди округлых, невысоких волн. Порывистый ветерок рябит поверхность моря, но не в силах надуть паруса. Воздух холоднее, чем вчера, и я надел толстую шерстяную фуфайку, которую связала для меня жена.

Утром ко мне в каюту заходил Хертон, и мы выкурили с ним по сигаре. Он припоминает, что видел Горинга в 1869 году в Кливленде, штат Огайо. Как и сейчас, он производил тогда загадочное впечатление. Он разъезжал без всякой видимой цели и избегал говорить о своих занятиях. Этот человек интересует меня в психологическом отношении. Сегодня утром во время завтрака я внезапно ощутил смутное чувство неловкости, какое испытывают некоторые люди, когда на них кто-нибудь пристально смотрит. Я быстро поднял голову и встретил напряженный, почти свирепый взгляд Горинга, но выражение его глаз мгновенно смягчилось, и он бросил какое-то тривиальное замечание о погоде. Странно: по словам Хертона, почти такой же случай произошел с ним вчера на палубе.

Я замечаю, что Горинг во время прогулок часто разговаривает с матросами-неграми. Мне нравится эта черта. Обычно метисы игнорируют своих черных сородичей

и относятся к ним с еще большей нетерпимостью, чем белые. Его черный паж, по-видимому, предан своему хозяину, следовательно, Горинг относится к нему хорошо. Словом, этот человек представляет любопытное сочетание самых противоположных качеств, и, если я не ошибаюсь, он даст мне обильную пищу для наблюдений во время нашего путешествия.

Капитан жалуется, что его хронометры показывают разное время. Как он утверждает, это происходит с ними впервые. Из-за легкого тумана мы не смогли произвести нужных наблюдений в полдень. По навигационному счислению мы прошли за сутки около ста семидесяти миль.

Как и предсказывал капитан, матросы-негры оказались плохими моряками. Но они умеют обращаться со штурвалом и потому переведены в рулевые с тем, чтобы освободить более опытных матросов для другой работы на корабле.

Все это мелочи, но и они дают пищу для разговоров на судне. Вечером мы заметили кита и пришли в страшный ажиотаж. Судя по резким очертаниям его спины и раздвоенному хвосту, это был, по-моему, кит-полосатик, или финвал, как его называют китобои.

19 октября. Весь день дул холодный ветер, и я благоразумно оставался в каюте, покинув ее только для ужина. Не поднимаясь со своей койки, я могу доставать книги, трубки и все, что мне потребуется. Вот одно из преимуществ маленького помещения.

Сегодня, вероятно от холода, начала ныть моя старая рана. Читал «Опыты» Монтеня и лечился. В полдень зашел Хертон с сыном капитана — Додди, а за ними пожаловал сам шкипер, так что у меня состоялось нечто вроде приема.

20 и 21 октября. Все еще холодно, моросит дождь, и я не выхожу из каюты. Чувствую себя в этом заточении плохо, и настроение прескверное. Заходил с визитом Горинг, но его посещение не очень меня подбодрило. Он почти не разговаривал и только пристально рассматривал меня, вызывая во мне раздражение. Затем он встал и молча вышел из каюты. Начинаю подозревать, что это сумасшедший. Я как будто уже упоминал, что наши каюты расположены рядом. Они разделены тонкой деревянной перегородкой, в которой образова-

лись щели. Некоторые из иих настолько велики, что, лежа иа койке, я невольио иаблюдаю за каждым движеиием Гориига. Вовсе не желая играть роль шпиоиа, я постояино вижу его за одиим и тем же заиятием: мие кажется, ои при помощи караидаша и компасов работает иад картой. Я уже заметил его иитерес к вопросам иавигации, ио меия удивляет, что ои тратит время иа прокладку курса корабля. Впрочем, это иевииное заиятие, и ои, иесомиеиио, сверяет свои результаты с даииыми капитаиа.

Мие бы хотелось, чтобы этот человек ие заиимал столько места в моих мыслях. В иочь иа двадцатое мне присиился кошмариый сои. Я видел, будто моя койка превратилась в гроб, я лежу в ием, а Горинг пытается заколотить гвоздями крышку, в то время как я бешеио ее отталкиваю. Даже после пробуждеиия мие с трудом удалось убедить себя, что я лежу ие в гробу. Как врач, я зиаю, что кошмар — это ие более как иарушеиие деятельиости сосудов полушарий головиого мозга, и тем ие меиее из-за своего болезиеииого состояиия я ие мог стряхиуть то гиетущее впечатлеиие, которое ои произвел иа меия.

22 октября. Деиь чудесиый. На иебе ии облачка, а свежий юго-западиый ветер весело мчит иас в иужиом направлеиии. Очевидио, где-то поблизости иедавио прошел шторм: море сильио волиуется, и иаш корабль креиится так, что коиец фока-рея время от времеии почти касается воды.

С удовольствием погулял иа юте, хотя ие могу сказать, что уже привык к морской качке. Несколько птичек, очеиь похожих иа зябликов, присели иа сиасти.

4 часа 40 минут пополудни. Гуляя утром по палубе, я услыхал выстрел где-то возле моей каюты. Поспешио спустившись вииз, я обиаружил, что едва ие стал жертвой иесчастиого случая. Оказалось, что Горииг в своей каюте чистил револьвер, и одии из стволов, который ои считал иезаряжениым, выстрелил. Пуля пробила боковую перегородку и впилась в стеиу как раз в том месте, где обычио иаходится моя голова. Мие слишком часто приходилось бывать под огием, чтобы я стал преувеличивать опасиость, ио иесомиеиио, что если бы я в тот момент лежал иа койке, то был бы убит.

Бедняга Горинг не знал, что в тот день я вышел на палубу, и потому страшно перепугался. Ни разу еще я не видел такого искаженного ужасом лица, какое было у него, когда он выскочил из каюты с дымящимся револьвером в руке и столкнулся со мной лицом к лицу. Он, конечно, рассыпался в извинениях, хотя я просто посмеялся над этим случаем.

11 часов вечера. Случилось несчастье, такое неожиданное и ужасное, что перед ним бледнеет инцидент с пистолетом, угрожавший моей жизни. Исчезла миссис Тиббс вместе с ребенком — исчезла без всякого следа. Около половины девятого Тиббс вбежал ко мне в каюту смертельно бледный и спросил, не видел ли я его жену. Я ответил отрицательно. В исступлении он кинулся в кают-компанию и принялся искать там жену. Я последовал за ним, тщетно уговаривая его не волноваться раньше времени. В течение полутора часов мы обыскивали корабль, но исчезнувшей женщины и ребенка так и не нашли. Бедный Тиббс совершенно охрип, без конца выкрикивая имя жены. Даже обычно невозмутимые матросы были потрясены, глядя, как он, растрепанный, с обнаженной головой, метался по палубе и с лихорадочной поспешностью заглядывал в самые невозможные уголки, возвращался к ним вновь и вновь с вызывающим жалость упорством.

В последний раз его жену видели на палубе около семи часов вечера, когда она, перед тем как уложить Додди спать, вывела его на корму подышать свежим воздухом. В тот момент наверху никого не было, за исключением матроса-негра, дежурившего у штурвала, но он утверждает, что не видел ее вовсе. Загадочная история. Я лично предполагаю, что в тот момент, когда миссис Тиббс стояла у борта и держала ребенка, он подпрыгнул и упал в море, а она, пытаясь удержать и спасти его, последовала за ним. Никак иначе я не могу объяснить это двойное исчезновение. Вполне возможно, что матрос у штурвала и не заметил разыгравшейся трагедии, так как было темно, а высокий световой люк кают-компании закрывает от него большую часть шканцев. Как бы то ни было, это — ужасное несчастье, и оно кладет трагический отпечаток на наше путешествие.

Помощник капитана повернул корабль, но, конечно, нет ни малейшей надежды их подобрать. Капитан лежит в своей каюте в полном оцепенении. Я дал ему в кофе сильную дозу опия. Пусть он забудет свое горе хотя бы на несколько часов.

23 октября. Проснулся со смутным ощущением какой-то тяжести и несчастья и лишь через несколько мгновений припомнил постигшую нас вчера беду. Когда я вышел на палубу, бедный капитан стоял там и всматривался в водную пустыню позади, где остались самые дорогие для него на земле существа. Я попытался заговорить с ним, но он резко отвернулся и принялся расхаживать по палубе, уронив голову на грудь. Даже сейчас, когда уже не остается сомнений в их гибели, он не может пройти мимо лодки или свернутого паруса, чтобы не осмотреть их. За один день он постарел на десять лет.

Хертон страшно подавлен: он успел очень привязаться к маленькому Додди. Горинг, видимо, тоже огорчен. По крайней мере он на целый день заперся у себя в каюте, и когда я бросил на него случайный взгляд, он сидел, подперев голову руками, словно в мрачной задумчивости. Наше судно погружено в уныние. Как будет потрясена моя жена, когда узнает о постигшем нас несчастье!

Море успокоилось, дует хороший легкий бриз, и мы, поставив все паруса, делаем около восьми узлов в час. Кораблем, по существу, управляет Хайсон. Тиббс, хотя и старается держаться молодцом, не в состоянии серьезно заняться своим делом.

24 октября. Не тяготеет ли над нашим кораблем проклятие? Бывало ли, чтобы путешествие, которое началось так хорошо, сопровождалось бы такими катастрофами? Ночью Тиббс покончил с собой выстрелом в голову. В три часа утра меня разбудил какой-то резкий звук. Охваченный ужасным предчувствием, я соскочил с койки и бросился в каюту капитана. Но как ни скоро очутился я на месте происшествия, Горинг опередил меня: я застал его в каюте, склонившимся над телом капитана.

Тиббс имел страшный вид: половина его лица была снесена. Маленькая каюта была залита кровью. Писто-

лет выпал из рук капитана и валялся тут же, на полу, рядом с ним. Очевидно, он вложил револьвер в рот, прежде чем нажать курок.

Мы с Горингом осторожно подняли тело капитана и уложили на койку. Вся команда набилась в каюту. Шесть белых моряков были подавлены горем. Бывалые люди, они плавали с капитаном в течение многих лет. Теперь они обменивались мрачными взглядами, перешептывались, а один из них во всеуслышание заявил, что на нашем корабле лежит проклятие.

Хертон помог собрать несчастного шкипера в последний путь и зашить его в парусину. В двенадцать часов фока-рей был оттянут назад, и мы опустили тело капитана в море. Горинг прочитал англиканскую похоронную службу.

Бриз посвежел, судно весь день шло со скоростью десяти — двенадцати узлов в час. Чем скорее мы прибудем в Лисабон и покинем это проклятое судно, тем лучше. Я чувствую себя так, словно мы находимся в плавучем гробу. Можно ли удивляться суеверности бедных матросов, если я, человек образованный, испытываю такое чувство.

25 октября. Хорошо шли весь день. Ощущаю апатию и подавленность.

26 октября. Горинг, Хертон и я разговаривали утром на палубе. Хертон пытался выведать у Горинга, чем он занимается и с какой целью едет в Европу, но квартерон уклонился от разговора и ничего ему не сказал. Более того, он был, кажется, несколько раздражен настойчивостью Хертона и ушел к себе в каюту.

Удивляюсь, почему мы оба так интересуемся этим человеком! Полагаю, что наше любопытство возбуждают и бросающаяся в глаза внешность Горинга и его очевидное богатство. Хертон считает, что Горинг в действительности сыщик, что он преследует преступника, бежавшего в Португалию, и избрал такой способ путешествия для того, чтобы незаметно прибыть на место и застать преследуемого врасплох. Это предположение кажется мне маловероятным. Однако Хертон ссылается на альбом, забытый однажды Горингом на палубе. Хертон проглядел его и обнаружил множество газетных вырезок. Все это были заметки об убийствах, совершенных в

штатах в разное время на протяжении последних двадцати лет. При этом Хертон подметил любопытную подробность: во всех заметках речь шла об убийствах, виновников которых так и не удалось разыскать. По его словам, убийства носили самый разнообразный характер и жертвами их были люди, принадлежавшие к различным слоям общества. Но каждое сообщение заканчивалось одной и той же фразой: убийца пока еще не арестован, хотя, конечно, полиция имеет все основания надеяться, что вскоре он будет задержан.

Бесспорно, альбом подкрепляет доводы Хертона, но возможно, что это всего лишь причуда Горинга, или же, как я заметил Хертону, Горинг собирает материалы для книги, которая должна будет превзойти труд де Куинси. Во всяком случае, это не наше дело.

27 и 28 октября. Ветер по-прежнему попутный, идем хорошо.

Странно, как легко человек уходит из жизни и оказывается забытым! О Тиббсе почти никто не вспоминает. Хайсон переселился в его каюту, и все пошло так, словно ничего не случилось. Если бы не швейная машина миссис Тиббс на боковом столике, мы вообще могли бы забыть, что несчастная семья существовала.

Сегодня на корабле опять произошел инцидент, хотя, к счастью, не очень серьезный. Один из наших белых матросов спустился в кормовой трюм достать запасную бухту каната, как вдруг крышка люка свалилась ему на голову. Он успел спастись, отпрянув в сторону, но все же у него так повреждена нога, что теперь матрос почти не сможет работать до самого конца плавания. По его словам, все произошло из-за небрежности его спутника негра. Однако негр ссылается на сильную качку. Что бы ни являлось причиной, теперь команда корабля, и без того неполная, ослаблена еще больше.

Полоса преследующих нас несчастий подействовала угнетающе, кажется, и на Хертона: он потерял свое обычное хорошее настроение и жизнерадостность. Только Горинг сохраняет бодрость духа. Я замечаю, что он по-прежнему работает в своей каюте над картой. Его мореходные познания пригодятся, если, не дай бог, что-нибудь случится с Хайсоном.

29 и 30 октября. По-прежнему идем с хорошим попутным ветром. Все спокойно, и записывать нечего.

31 октября. Недомогание и трагические эпизоды путешествия до того расстроили мою нервную систему, что меня волнуют самые незначительные происшествия. Мне с трудом верится, что я тот самый человек, который в Антиетаме под сильным ружейным огнем сделал раненому перевязку внешней подвздошной артерии — операцию, которая требует исключительной точности. Я нервничаю, как ребенок.

Вчера ночью, около четырех склянок ночной вахты, я лежал в полузабытьи, тщетно пытаясь погрузиться в освежающий сон. Света в моей каюте не было, но лунный луч проникал через иллюминатор, образуя на двери серебристый дрожащий круг. Я смотрел на него в полусне и смутно сознавал, что он постепенно тускнеет и расплывается по мере того, как я погружаюсь в забытье.

Внезапно сон отлетел от меня. В самом центре круга появился небольшой темный предмет. Затаив дыхание, я лежал неподвижно и продолжал наблюдать. Постепенно предмет становился все больше и отчетливее, и, наконец, я разглядел руку, осторожно просунувшуюся в щель полузакрытой двери,— руку, как я с ужасом заметил, лишенную пальцев. Дверь тихо открылась, и вслед за рукой показалась голова Горинга. Лунный свет падал прямо на нее и окружал призрачным, неясным ореолом, на фоне которого резко выделялись черты его лица. Мне показалось, что никогда я не видел такого дьявольского, свирепого выражения. Его широко раскрытые глаза сверкали, и он так ощерился, что обнажились белые клыки, а прямые черные волосы словно ощетинились над низким лбом, подобно капюшону кобры.

Это внезапное бесшумное вторжение так потрясло меня, что я, задрожав, привскочил на койке и протянул руку за револьвером. Горинг тут же в очень вежливой форме извинился за неожиданное появление, и мне стало очень неловко за свою горячность. Он, бедняга, мучился от зубной боли и зашел попросить тинктуры опия, зная, что у меня есть аптечка. Что касается свирепого выражения на его лице, то он вообще не красавец, а при расстроенных нервах в призрачном свете луны легко вообразить всякие ужасы.

Я дал Горингу двадцать капель, и он ушел, горячо меня поблагодарив. Удивительно, как тяжело на меня подействовал этот незначительный инцидент. Весь день я чувствовал себя отвратительно...

Здесь я пропускаю в записях целую неделю нашего путешествия. За это время ничего значительного не произошло, и страницы моего дневника за эти числа заполнены описанием всяких мелочей.

7 ноября. Все утро мы с Хертоном просидели на корме. Мы входим в южные широты, становится все теплее. По нашим расчетам, позади остались уже две трети пути. Как мы будем рады увидеть зеленые берега Тахо и навсегда покинуть этот злосчастный корабль!

Сегодня, чтобы развлечь Хертона и скоротать время, я рассказал ему кое-что из своего прошлого. Между прочим, сообщил и о том, как получил в собственность черный камень, и, порывшись в боковом кармане старой охотничьей куртки, извлек его и показал своему собеседнику. Мы нагнулись над камнем, разглядывая странные бороздки на его поверхности, и в этот момент я заметил, что кто-то заслонил нам солнце. Это был Горинг. Он стоял позади нас и через наши головы пристально смотрел на камень. Не знаю почему, но он выглядел очень взволнованным, хотя старался взять себя в руки. Раз или два он показал на мой сувенир своим единственным пальцем, прежде чем овладел собой и смог спросить, что это за вещь и как она ко мне попала. Вопрос был задан в таком грубом тоне, что я бы непременно обиделся, если бы не знал, насколько эксцентричен этот субъект. Я повторил ему все, что рассказал Хертону. Горинг слушал с напряженным вниманием, а затем спросил, известно ли мне, что представляет собой этот камень. Я ответил отрицательно и добавил, что знаю лишь о его метеоритном происхождении. Горинг спросил, пытался ли я проверить, какое впечатление производит камень на негров. Я сказал, что нет.

— Пойдемте узнаем, что о нем скажет наш черный приятель за штурвалом,— заявил Горинг.

Он взял камень, подошел к матросу, и оба они принялись внимательно его рассматривать. Я видел, как

матрос жестикулировал и возбужденно кивал головой, словно утверждал что-то, и как на лице его появилось выражение величайшего удивления, смешанного с благоговением. Вскоре Горинг вернулся к нам с камнем в руке.

— Негр сказал,— заявил он,— что это никчемная, бесполезная вещь и заслуживает лишь того, чтобы выбросить ее за борт.

С этими словами Горинг взмахнул рукой и, конечно, вышвырнул бы мой сувенир, если бы стоявший позади него матрос-негр не подскочил к нему и не схватил его за руку. Убедившись, что ему не удастся выполнить свое намерение, Горинг бросил камень на палубу и с крайне недовольным видом ушел вниз, чтобы не слышать моих сердитых упреков. Матрос поднял сувенир и с низким поклоном и знаками глубокого уважения вручил его мне.

Трудно найти объяснение этому эпизоду. Я окончательно прихожу к выводу, что Горинг своего рода маньяк. Но, однако, когда я думаю о том, какое впечатление произвел камень на матроса, каким уважением пользовалась Марта на плантации и как был удивлен Горинг при виде камня, мне остается сделать лишь один вывод: я действительно располагаю каким-то могущественным талисманом, перед которым преклоняются негры.

Больше не буду давать его в руки Горингу.

8 и 9 ноября. Стоит замечательная погода. За все время плавания была лишь одна небольшая буря, ветер неизменно попутный. Эти два дня мы шли быстрее, чем когда-либо.

Я люблю наблюдать, как нос корабля разрезает волны и кверху взлетают фонтаны брызг! Пронизывая их, солнечные лучи образуют бесчисленные маленькие радуги — «задрайки», как говорят моряки. Сегодня я несколько часов подряд любовался этим великолепным зрелищем, стоя на баке среди брызг, сверкавших всеми цветами радуги.

По-видимому, рулевой рассказал остальным неграм о моем чудесном талисмане, потому что они проявляют ко мне величайшее почтение.

Вчера вечером Хайсон обратил мое внимание на одно любопытное явление, очевидно, оптический обман. Высоко в небе, к северу от нас, появился какой-то треугольный предмет. Хайсон объяснил, что точно так же вы-

глядит пик острова Тенерифе, если на него смотреть с большого расстояиия. В действительиости же остров в тот момеит иаходился по крайней мере в пятистах милях к югу от нас. Возможио, это было облако или один из тех странных миражей, о которых всем нам доводилось чнтать.

Удерживается очеиь теплая погода. Хайсои говорит, что он и не подозревал, что в этих широтах так жарко.

Вечером играл в шахматы с Хертоном.

10 ноября. Становится все жарче и жарче. Сегодня с земли прилетели какие-то птицы и устроились иа снастях, а между тем мы еще довольно далеко от материка.

Так жарко, что иам леиь чем-иибудь заияться. Бездельничаем иа палубе и курим.

Сегодия ко мне подошел ГориИг и вновь задал несколько вопросов о камие. Я ответил довольио кратко, тем более что не совсем еще простил ему дерзость, с какой он пытался лишить меия сувеиира.

11 и 12 ноября. По-прежиему идем хорошо. Я даже не представлял, что близ Португалии может быть так жарко. На суше, несомненно, прохладиее. И матросы и сам Хайсон удивлеиы.

13 ноября. Произошло совершенно необычайиое событие, настолько иеобычайиое, что его почти невозможно объяснить. Или Хайсон совершил потрясающую ошнбку, нли на наших инструментах сказалось какое-то магнетическое влияние.

Перед самым рассветом вахтеииый крикиул с бака, что впереди слышеи шум прибоя, а Хайсоиу показалось, что он видит очертаиия берега. Корабль сделал поворот, и хотя не было видио никаких огией, иикто из нас ие сомиевался, что мы иемиого раиьше, чем предполагали, вышли к португальскому побережью. Как же мы были нзумлены, увидев утром открывшуюся перед нами картину! В обе стороиы, иасколько хватал глаз, тяиулась лииия прибоя. Одна за другой катились огромные зеленые волны и разбивались о берег, оставляя клочья пены. И что же оказалось за линией прибоя? Не покрытые растительностью берега и иевысокие прибрежиые утесы Португалии, а огромная песчаная пустыня. Без конца и края простиралась она перед нами, сливаясь на горизонте с небом. Куда бы вы ии посмотрели — везде лежал

желтый песок. Кое-где виднелись холмы фантастической формы высотой в несколько сот футов, но чаще всего взгляд скользил по открытому пространству, плоскому, как бильярдиый стол.

Выйдя с Хертоном на палубу, мы посмотрели друг иа друга, н Хертон разразился хохотом. Хайсои весьма огорчен происшедшим и заявляет, что кто-то испортил инструменты. Нет сомиеиий, что перед нами Африка, и иесколько дией назад в севериой части горизоита мы действительио видели пик острова Теиерифе. Когда к нам прилетелн птицы с земли, наш корабль, должно быть, проходил мимо каких-то островов из группы Канарских. Если мы идем тем же курсом, то должны теперь иаходиться севериее мыса Кабо-Бланко, около иенсследоваииой части африканского материка на краю огромиой Сахары. Едииствеииое, что мы можем сделать,— это почииить инструмеиты и плыть дальше к месту нашего иазиачения.

8 часов 30 минут вечера. Весь день лежали в дрейфе. Берег сейчас иаходится от иас в полутора милях. Хайсои осмотрел инструменты, но так и ие поиял, что вызвало иеобычайиую ошибку в их показаниях.

На этом заканчивается мой диевиик, и остальную часть своего рассказа я пишу по памяти. Вряд ли я ошибусь в изложении фактов: слишком хорошо оии мие запомиились. В ту самую иочь иад иами грянула столь долго собиравшаяся гроза и я узиал, что озиачали все происшествия, о которых я писал как о совершеиио случайиых. Каким же слепым идиотом я был, что не понимал этого раньше!

Расскажу как можно точиее, что произошло.

Около половниы двеиадцатого ночи я ушел к себе в каюту и уже собирался ложиться спать, когда услышал стук в дверь. Я открыл ее и увидел малеиького чериого слугу Горинга. Он сказал, что его хозяин хочет что-то сообщить мие и ждет меия на палубе. Несколько удивленный такой просьбой в столь позднее время, я все же без колебаний пошел наверх. Едва я успел ступнть на палубу, как на меня иабросились сзади, повалилн на спину и заткнули рот носовым платком. Я сопротивлялся

изо всех сил, но вскоре меня крепко связали, прикрутили к шлюпбалке и приставили к горлу нож. Я не мог ни крикнуть, ни шевельнуться.

Ночь выдалась до того темная, что мне все еще не удавалось рассмотреть, кто напал на меня. Но постепенно мои глаза привыкли к темноте, а из-за облаков выглянула луна, и я увидел, что меня окружают два матроса-негра, негр-кок и мой спутник по плаванию — Горинг. На палубе у моих ног лежал еще один человек, но на него падала тень, и я не мог его узнать.

Все произошло очень быстро. Не истекло и минуты с того момента, как я ступил на трап, а я уже был в совершенно беспомощном положении, с кляпом во рту. Это случилось так внезапно, что я с трудом мог поверить в реальность происходившего и понять, в чем дело. Я слышал, как возбужденно шептались бандиты, обмениваясь короткими фразами, и инстинктивно догадался, что речь идет о моей жизни. Горинг говорил властно и сердито, а остальные, как мне показалось, настойчиво возражали против его приказаний. Затем все перешли на другую сторону палубы, откуда я мог только слышать шепот, тогда как самих бандитов скрывал световой люк кают-компании.

Все это время до меня доносились голоса вахтенных матросов, болтавших и смеявшихся на другом конце корабля. Они стояли кучкой, ничего не подозревая о темных делах, что совершались в каких-нибудь тридцати ярдах от них. О, если бы хоть одним словом предупредить их, пусть даже ценой собственной жизни! Но это было невозможно. По временам свет луны прорывался сквозь рассеянные по небу облака, и тогда я видел серебристое мерцание моря, а за ним — огромную, таинственную пустыню с причудливыми песчаными холмами.

Взглянув вниз, я заметил, что человек на палубе лежит неподвижно. Как раз в эту минуту трепетный луч луны осветил обращенное кверху лицо. Боже милосердный! Даже сейчас, спустя двенадцать с лишним лет, моя рука дрожит, когда я пишу эти строки. Несмотря на искаженные черты лица и выпученные глаза, я сразу узнал Хертона — молодого, жизнерадостного конторщика, моего доброго товарища. Не нужен был опытный глаз врача, чтобы увидеть, что он мертв. Закрученный вокруг

шен носовой платок н кляп во рту показывали, что злодеи расправились с ннм без малейшего шума. И в тот мнг, когда я смотрел на труп бедняги Хертоиа, в голове у меня молнией блеснула догадка... Многое еще казалось необъяснимым и загадочным, но истина уже брезжила в моем уме.

По другую сторону светового люка кают-компании кто-то чиркнул спичкой, я увидел высокую фигуру Горнига. Квартерон стоял на борту и держал в руках что-то вроде потайного фонаря. На мгновение он опустил его за борт, и, к моему величайшему удивлению, на берегу среди песчаных холмов тотчас же блеснула ответная вспышка. Она появилась и исчезла так быстро, что я ее не заметил бы, если бы не следил за направлением взгляда Горнига. Он вновь опустил фонарь, и на берегу снова ответно мигнул огонек. Спускаясь с борта, Горниг поскользнулся, и у меня радостно дрогнуло сердце: я надеялся, что вахтенные услышат произведенный им шум. Но этого не случилось. Ночь была тихая, корабль недвижим — все это усыпляло бдительность вахтенных. Хайсон, который после смерти Тиббса отвечал за обе вахты, ушел к себе в каюту поспать несколько часов, а заменивший его боцман стоял с двумя матросами у фок-мачты. У моих ног лежал убитый человек, а сам я, беспомощный, лишенный возможности крикнуть, связанный так, что веревки врезались мне в тело, ожидал следующего акта драмы.

Четыре головореза стояли теперь по другую сторону палубы. Кок был вооружен большим кухонным тесаком, Горниг сжимал в руке револьвер, а у остальных были обыкновенные ножи. Они перегнулись через борт и не спускали глаз с берега, словно наблюдая за чем-то. Но вот один из них схватил другого за руку и указал на какой-то предмет. Я взглянул в том же направлении и заметил, что от берега к кораблю двигалось большое темное пятно. Вскоре оно вышло из мрака, и я увидел большую лодку, переполненную людьми. Ее приводили в движение десятка два весел.

Вахтенные заметили лодку, когда она уже подлетела к корме, и с криком бросились на ют. Но было поздно. Толпа исполинских негров вскарабкалась на шканцы и по команде Горнига мощным потоком разлилась по па-

лубе. Все было кончено в один миг. Нападающие сбили с ног и связали безоружных вахтенных, а затем стащили с коек и скрутили спавших матросов. Хайсон пытался защищать узкий коридор, который вел к его каюте, я слышал шум борьбы и его крики о помощи. Но никто не мог ему помочь, и вскоре его притащили на ют. По лицу Хайсона струилась кровь из глубокого пореза на лбу, а во рту, как у остальных, торчал кляп.

Затем негры занялись обсуждением нашей участи. Я догадался, что матросы-негры рассказывают обо мне, так как они время от времени кивали в мою сторону, и слова их вызывали шепот удивления и недоверия. Один из матросов подошел ко мне, сунул руку в карман моего пиджака и, вытащив черный камень, поднял его над головой. Затем он передал талисман человеку, который был, по-видимому, вождем. Последний тщательно, насколько позволял скудный свет, осмотрел его, пробормотал несколько слов и передал ближайшему воину. Тот, в свою очередь, осмотрел камень и отдал соседу — и так до тех пор, пока талисман не обошел весь круг. Вождь сказал Горингу несколько слов на своем языке, после чего квартерон обратился ко мне по-английски.

Как сейчас вижу эту сцену. Вижу высокие мачты корабля, облитые лунным светом, словно посеребренные реи и снасти, неподвижную группу черных воинов, опирающихся на копья, мертвого человека у моих ног, шеренгу белых пленников, а перед собой — отвратительного метиса в элегантном костюме и белоснежной сорочке, являвшего странный контраст своим сообщникам.

— Вы можете засвидетельствовать, что я был противником вашего помилования,— сказал он своим мягким голосом.— Если бы это зависело от меня, вы умерли бы так же, как скоро умрут ваши спутники. Я не питаю личной вражды ни к вам, ни к ним, но я посвятил свою жизнь истреблению белой расы, и вы первый, кто побывал в моих руках и остался жив. Можете поблагодарить за свое спасение этот ваш сувенир. Если это тот самый камень, который боготворят эти бедняки,— ваше счастье! Если же выяснится, когда мы сойдем на берег, что они ошибаются, а форма и материал камня — простое совпадение, тогда вас ничто не спасет. Пока же мы не при-

чиним вам никакого вреда. Если хотите взять с собой что-нибудь из вещей, можете сходить за ними.

Он замолчал, и по его знаку два негра развязали мне руки, хотя и не вынули изо рта кляп. Затем меня отвели в каюту, где я рассовал по карманам кое-какие ценные вещи, а также компас и свой дорожный дневник. Потом меня спустили через борт в маленький челнок, стоявший рядом с громадной лодкой. Конвоиры последовали за мной и, оттолкнувшись от корабля, начали грести к берегу.

Мы уже отошли от судна ярдов на сто, когда рулевой поднял руку. Гребцы замерли и прислушались. В ночной тишине я услышал приглушенные стоны, а затем всплески воды. Это все, что я знаю о судьбе моих злосчастных товарищей по путешествию. Сразу после этого позади нас появилась большая лодка. Брошенное судно медленно покачивалось на волнах. Дикари ничего не взяли с корабля. Они выполнили дьявольскую операцию с такой пристойностью и торжественностью, словно это была какая-то религиозная церемония.

Первые бледные лучи рассвета уже забрезжили на востоке, когда мы прошли полосу прибоя и достигли берега. Человек шесть негров остались у лодок, а все остальные направились к песчаным холмам. Они вели меня с собой и обращались со мной мягко, даже почтительно.

Идти было трудно. На каждом шагу ноги по щиколотку увязали в рыхлом, зыбучем песке. Я был полумертв от усталости, когда мы подошли к туземной деревне, или, вернее, городу — таким большим оказалось это поселение. Жилища представляли собой конические сооружения, вроде ульев, из спрессованных морских водорослей, скрепленных примитивным известковым раствором. Это объяснялось, конечно, тем, что на побережье на многие сотни миль вокруг нельзя было найти ни щепки, ни камня.

В городе нас встретила огромная толпа мужчин и женщин. Они колотили в тамтамы, выли и визжали. Шум особенно усилился, когда они увидели меня. По моему адресу посыпались угрозы, но несколько слов, брошенных конвоирами, сразу утихомирили сборище. Воинственные крики и вопли сменились шепотом изумления, и вся огромная, густая толпа, окружив кольцом меня и

моих конвоиров, направилась по широкой центральной улице города.

Мой рассказ и без того может показаться странным и неправдоподобным, особенно людям, которые меня не знают. Но факт, о котором я сейчас расскажу, вызвал сомнения даже у моего шурина, оскорбившего меня своим недоверием. Я могу только в самых простых словах описать то, что произошло, и высказать уверенность, что случай и время докажут мою правоту.

В центре главной улицы стояло большое здание такой же примитивной постройки, как и все остальные, только гораздо выше других. Его окружала ограда из прекрасно отполированного эбенового дерева, а рамой для его дверей служили два великолепных слоновых бивня, врытых в землю и соединяющихся вверху. Дверной проем был задрапирован тканью местной выделки, богато вышитой золотом.

К этому внушительному зданию и направилось наше шествие. У ворот ограды толпа остановилась, и люди присели на корточки. Старцы и вожди племени ввели меня внутрь ограды. Горинг не только сопровождал нас, но, по существу, руководил всей процедурой.

Как только мы приблизились к занавесу, закрывавшему вход в храм (судя по всему, это был именно храм), с меня сняли шляпу и ботинки и лишь после этого ввели в помещение. Впереди шел почтенный старый негр, в руках у которого был отобранный у меня камень. Лучи тропического солнца, проникая сквозь длинные щели в крыше здания, слегка освещали храм, образовывая на глиняном полу широкие золотистые полосы, перемежающиеся полосами темноты.

Внутри храм был даже обширнее, чем это казалось снаружи. На стенах висели циновки местной работы, раковины и другие украшения, но в целом огромное помещение выглядело пустым, если не считать единственного предмета в центре храма. Это была гигантская фигура негра — я чуть было не принял ее за живого человека исполинского роста, короля или верховного жреца. Лишь подойдя поближе, я заметил, как отражается от фигуры свет, и убедился, что передо мной статуя, с необычайным мастерством высеченная из блестящего черного камня.

Меня подвели к идолу, ибо это изваяние вряд ли могло быть чем-нибудь другим, н, внимательио к нему приглядевшись, я обнаружил, что у статуи было отбито ухо, хотя другнх повреждеиий ие было. Седовласый иегр, державший мой сувенир, встал на маленький стул, вытяиул руку и приложил черный камень Марты к голове статуи. Не оставалось никаких сомнений, что камень некогда составлял одно целое с головой истукана. Осколок так хорошо подошел к месту, от которого был отбит, что когда старик отнял руку, ухо продержалось еще несколько секунд, прежде чем упало в его раскрытую ладонь. При виде этого присутствующие с восклицаниями благоговейиого восторга распростерлись на полу, а толпа сиаружи, узнав о результатах, разразилась дикими криками и приветствеиными воплями.

В одно мгновение я превратился из пленника в полубога. Меня снова, иа этот раз с триумфом, провели через город. Люди проталкивались вперед, чтобы прикосиуться к моей одежде и собрать пыль, по которой ступали мои ноги. Мне отвели одну из самых больших хижии и подали угощеиие из всевозможиых местиых деликатесов.

Но я по-прежиему ие чувствовал себя свободиым, ибо у входа в мою хижину была поставлена стража — вооруженные копьями воииы. Весь деиь я строил планы побега, но ни один из них не казался мне осуществимым. По одну сторону лежала огромная безводная пустыия, простиравшаяся до Тимбукту, по другую — море, в которое никогда не заглядывали корабли. Чем больше я размышлял над этой проблемой, тем меньше у меня оставалось иадежд. Я и не подозревал, как близко было мое освобождеиие.

Спустилась ночь, и крнкн негров постепенно затихли. Я лежал иа разостланных для меня шкурах н все еще размышлял о своей судьбе, когда в хижину бесшумно вошел Горинг. В первую минуту я подумал, что ои пришел сюда, чтобы расправиться со мной — последиим живым человеком с корабля, и, вскочив на иоги, приготовился дорого продать свою жизиь. Но Горинг только улыбнулся и зиаком предложил мне лечь иа прежнее место, а сам уселся иа другом конце моего ложа.

— Что вы думаете обо мие? — таким удивительным вопросом начал он иашу беседу.

— Что я думаю о вас? — почти закричал я.— Думаю, что вы самый гнусный, самый чудовищный негодяй, который когда-либо осквернял землю. Если бы тут не стояли ваши черные дьяволы, я задушил бы вас собственными руками!

— Не говорите так громко,— заметил Горинг без всякого раздражения.— Я не хочу, чтобы нашей дружеской беседе помешали. Значит, вы задушили бы меня? — спросил он с иронической улыбкой.— Видимо, я плачу добром за зло, так как пришел помочь вам бежать.

— Вы?! — с недоверием воскликнул я.

— Да, я,— подтвердил он.— О, никакого одолжения я вам не делаю. Я действую вполне последовательно. Мне думается, я могу говорить с вами совершенно откровенно. Дело в том, что я хочу стать королем этого племени. Конечно, честь не велика, но ведь вы помните слова Цезаря: лучше быть первым в галльской деревушке, чем последним в Риме. Ваш жалкий камень не только спас вам жизнь, но и вскружил неграм голову. Они считают, что вы спустились с неба. До тех пор, пока вы находитесь здесь, я не смогу властвовать над ними. Я помогу вам бежать, раз уж не в силах убить вас.

Горинг говорил спокойным, естественным тоном, словно жажда убить человека была самым естественным желанием.

— Вам, наверно, ужасно хочется расспросить меня,— продолжал он после паузы,— и только гордость заставляет вас молчать. Впрочем, это неважно. Я сообщу вам кое-какие факты, о которых будет полезно узнать белым людям, когда вы вернетесь к ним, если вам посчастливится вернуться. Например, о вашем проклятом камне. Эти негры, если верить легенде, были когда-то магометанами. Еще при жизни Магомета среди его последователей произошел раскол. Меньшая часть магометан, те, что откололись, ушла из Аравии и в конце концов пересекла всю Африку. Они взяли с собой в изгнание священную реликвию своей прежней религии — большой кусок черного камня из Мекки. Этот камень, как вы, вероятно, знаете, был метеоритом и при падении раскололся пополам. Один кусок все еще находится в Мекке. Другой кусок, побольше, был унесен в Берберию, где искусный мастер придал ему ту форму, в какой вы его

видели сегодня. Эти люди — потомки мусульман, отколовшихся от Магомета. Они благополучно пронесли свою реликвию через все странствования и наконец поселились в этом месте, где пустыня защищает их от врагов.

— А ухо? — не удержался я.

— Это — продолжение все той же истории. Несколько сот лет назад часть племени снова откололась и ушла на юг. Один из негров, желая, чтобы им сопутствовало счастье, проник ночью в храм и отколол ухо статуи. С тех пор среди негров живет легенда, будто в один прекрасный день оно вернется к ним. Человек, похитивший ухо, был, несомненно, пойман каким-нибудь работорговцем, и камень попал в Америку, а впоследствии оказался в ваших руках, и вам выпала честь выполнить предсказание.

Горинг опустил голову на руки и несколько минут молчал, выжидая, не скажу ли я что-нибудь. Когда он снова заговорил, его лицо странно изменилось. До сих пор он говорил почти легкомысленным тоном. Теперь его лицо выражало твердость и решительность, а в голосе звучали жестокие, почти злобные ноты.

— Я хочу,— сказал он,— чтобы вы передали мое послание всей белой расе — могучей расе-владычице, которую я ненавижу и презираю. Передайте белым, что двадцать лет я упивался их кровью, уничтожал их до тех пор, пока не пресытился убийствами. Я делал свое дело незаметно, не вызывая никаких подозрений, легко обманывая бдительность вашей полиции. Но нет, месть не приносит удовлетворения, если твой враг не знает, кто сразил его. Поэтому вы будете моим посланцем. Взгляните.— Он вытянул свою изуродованную руку.— Это сделал нож белого человека. Мой отец был белый, а мать — рабыня. После смерти отца мать была снова продана, и я, тогда еще ребенок, своими глазами видел, как ее до смерти засекли плетьми, чтобы отучить от манер и навыков, какие привил ей ее покойный хозяин. Моя юная жена тоже... о моя жена! — И он задрожал.— Но ничего. Я дал клятву и сдержал ее. От Мэна до Флориды и от Бостона до Сан-Франциско вы можете проследить мой путь. Он обозначен случаями внезапной смерти, которые ставили полицию в тупик. Я воевал

со всей белой расой так же, как белые в продолжение столетий воюют с черной расой. Наконец, как я уже сказал, мне надоело проливать кровь. Но лицо каждого белого человека по-прежнему вызывало у меня отвращение, и я решил найти смелых и свободных негров, соединить с ними свою жизнь, развить заложенные в них таланты и создать ядро великой черной цивилизации. Эта мысль целиком завладела мною; два года я путешествовал по всему свету в поисках нужного мне племени и уже отчаивался его найти. Нельзя надеяться на духовное возрождение торгующих рабами суданцев, потерявших человеческое достоинство ашанти и американизированных негров Либерии.

Однажды, возвращаясь из своих неудачных поисков, я наткнулся на это великолепное племя обитателей пустыни и решил связать с ними свою судьбу. Но прежде чем это сделать, я, повинуясь инстинкту мщения, поехал последний раз в Соединенные Штаты и возвращался оттуда на «Святой деве».

Что касается нашего плавания, то вы уже, очевидно, догадались, что это я испортил компасы и хронометры. При помощи своих исправных инструментов я один прокладывал курс корабля, а мои черные друзья у штурвала повиновались только мне.

Это я столкнул жену Тиббса за борт. Что?! Вы удивлены и содрогаетесь? Пора бы вам самим догадаться об этом. Я пытался застрелить вас через перегородку, но, к сожалению, вас не оказалось на месте. Позднее я вновь сделал такую попытку, но вы проснулись. Я застрелил Тиббса и, по-моему, неплохо создал видимость самоубийства. Ну, а после того как мы подошли к побережью, все остальное не представляло трудностей. Я требовал умертвить всех, кто был на корабле, но ваш камень нарушил мои планы. По моему настоянию корабль не был ограблен. Никто не может сказать, что мы пираты. Нет, мы действовали из принципа, а не из каких-то низменных побуждений.

Я с изумлением слушал исповедь этого человека, перечислявшего свои преступления таким тихим и спокойным голосом, словно речь шла о самых обыденных вещах. Еще и сейчас я вижу, как он сидит на краю моей постели, подобно видению отвратительного кошмара, а

примитивная лампа мерцающим светом освещает его мертвенно-бледное лицо.

— Ну, а теперь,— продолжал Горинг,— вам ничего не стоит убежать. Мои наивные приемные дети скажут, что вы снова вознеслись на небо, откуда спустились раньше. Ветер дует с суши. Я приготовил для вас лодку с необходимым запасом пищи и воды. Можете не сомневаться, что я позаботился обо всем, потому что мне очень хочется отделаться от вас. Встаньте и идите за мной.

И он вывел меня из хижины. Часовых или снял, или Горинг заранее договорился с ними. Мы беспрепятственно прошли через город и песчаную равнину. Я вновь услышал рев моря и увидел длинную белую линию прибоя. На берегу два человека налаживали снасти небольшой лодки. Это оказались матросы, участвовавшие в нашем плавании.

— Переправьте его невредимым через полосу прибоя,— приказал Горинг.

Матросы прыгнули в лодку, втащили меня за собой и оттолкнули суденышко. Поставив грот и кливер, мы отплыли от берега и благополучно миновали буруны. Затем мои компаньоны, не вымолвив на прощание ни слова, прыгнули за борт. Попутный ветер помчал меня в ночную темноту, но все же мне удалось рассмотреть их головы — две черные точки,— когда они плыли к берегу.

Оглянувшись, я в последний раз увидел Горинга. Он стоял на вершине песчаного холма. Позади него поднималась луна, и на фоне ее отчетливо выделялась худая, угловатая фигура. Горинг неистово размахивал руками. Возможно, он посылал мне прощальное приветствие, но в ту минуту я был уверен, что его жесты враждебны. Скорее всего, как я часто думал позднее, в нем с новой силой вспыхнул кровожадный инстинкт, когда он осознал, что я уже вне его власти. Как бы то ни было, именно таким я видел в последний раз Септимнуса Горинга, которого, надеюсь, никогда больше не увижу.

Не буду подробно описывать свое одинокое плавание. Я стремился добраться до Канарских островов, но на пятый день меня подобрала команда парохода «Монровия», принадлежавшего англо-африканской пароходной компании. Пользуясь случаем, хочу выразить свою глу-

бокую благодарность капитану Сторновею и его офицерам. Они относились ко мне с неизменной добротой с того момента, как я очутился у них на пароходе, и до высадки в Ливерпуле, где я сел на корабль компании Гуйон, идущий в Нью-Йорк.

И вот я снова очутился в кругу своей семьи. Но я почти ничего не рассказывал о том, что мне довелось испытать. Мне тяжело было об этом говорить, кроме того, когда я пытался кое-что рассказать, мне не верили. Сейчас я передаю все факты, не опуская ни малейшей подробности, в распоряжение публики, и мне все равно, поверят мне или нет. Я взялся за перо потому, что мои легкие сдают с каждым днем, и я чувствую, что уже не имею права молчать.

В моем сообщении нет и тени вымысла. Возьмите карту Африки. Повыше мыса Кабо-Бланко, там, где от западной точки континента береговая линия поднимается к северу, по-прежнему правит своими чернокожими подданными Септимиус Горинг, если только возмездие уже не постигло его. И недалеко от берега, на морском дне, покоятся Хертон, Хайсон и другие несчастные с бригантины «Святая дева», и над ними, с ревом и шипением набегая на горячий желтый песок, вечно катятся длинные зеленоватые волны.

КВАДРАТНЫЙ ЯЩИЧЕК

— Все на борту? — спросил капитан.
— Так точно, сэр,— ответил помощник.
— Приготовиться к отплытию!

Дело было в среду, в девять часов утра, на пароходе «Спартанец», который стоял у причала в Бостонском порту. Весь груз уже находился в трюмах, пассажиры заняли свои места — все было готово к отправлению. Дважды прозвучал предупредительный гудок, в последний раз ударил колокол. Бушприт смотрел в сторону Англии, и шипение выпускаемого пара показывало, что судно готово начать свой путь в три тысячи миль. Оно стояло, натянув причальные тросы, словно гончая на поводке.

Я человек нервный, и это — мое несчастье. Сидячая жизнь литератора усилила во мне нездоровую любовь к одиночеству, которая еще с детства была одной из отличительных черт моего характера. Стоя на верхней палубе трансатлантического парохода, я горько проклинал необходимость, вынуждавшую меня возвращаться в страну моих предков. Крики матросов, скрип снастей, прощальные возгласы пассажиров и напутствия провожающих — весь этот разноголосый гам крайне неприятно действовал мне на нервы. Кроме того, я испытывал странную грусть. Меня преследовало смутное предчувствие надвигающегося несчастья. Дул легкий бриз, море было совершенно спокойно. Казалось, ничто не должно было нарушать душевного равновесия убежденного противника морских путешествий, каковым я являюсь, и

все же у меня было чувство, что я стою перед лицом какой-то грозной, хотя и неведомой опасности.

Я замечал, что люди с такой же, как и у меня, обостренной чувствительностью часто испытывают подобные предчувствия и что они нередко сбываются. Существует теория, которая объясняет возникновение таких предчувствий своего рода ясновидением, таинственным проникновением в будущее. Помню, как известный немецкий спирит Раумер однажды заметил, что за всю свою громадную практику он ни разу не встречал более восприимчивой ко всему сверхъестественному натуры, чем моя. Как бы то ни было, я чувствовал себя глубоко несчастным, когда пробирался среди шумной толпы, заполнявшей белые палубы «Спартанца». Если бы я знал, что ожидает меня в ближайшие двенадцать часов, то непременно спрыгнул бы в последний момент на берег и бежал бы с проклятого корабля.

— Пора! — крикнул капитан и, щелкнув крышкой своего хронометра, сунул его в карман.

— Пора! — повторил помощник.

Жалобно взвыл последний гудок, друзья и родственники отъезжающих спешно покинули пароход. Уже был отдан один из канатов, матросы убирали сходни, как вдруг с капитанского мостика послышался крик, и я увидел, что на пристань вбежали два человека. Оба отчаянно жестикулировали, и было ясно, что они хотят остановить пароход.

— Живей! Живей! — закричали в толпе.

— Малый ход! — приказал капитан.— Так держать! Сходни!

Два человека прыгнули на борт как раз в тот момент, когда отдали второй канат и судорожный рывок машины оттолкнул нос парохода от причала. С палубы и берега полетели последние прощальные слова, замелькали носовые платки, и огромный корабль, вспенивая воду, отошел от пристани и величественно поплыл по спокойной бухте.

Так началось наше двухнедельное плавание. Пассажиры стали разбредаться в поисках своих кают и багажа, а хлопанье пробок в салоне показывало, что кое-кто из расстроенных путешественников пытался искусственным путем заглушить боль разлуки. Я бегло осмотрел

палубу, чтобы составить себе представление о своих спутниках. Все это была самая заурядная публика, какую чаще всего встречаешь на пароходах. Я не увидел ни одной примечательной физиономии. Говорю это как знаток, ибо лица — моя специальность. Заметив оригинальное лицо, я мысленно набрасываюсь на него, как ботаник на цветок, и уношу с собой, чтобы в свободное время не спеша проанализировать полученные впечатления, классифицировать их и поместить под соответствующим ярлыком в моем маленьком антропологическом музее. На этот раз ни одного лица, достойного внимания: человек двадцать молодых американцев, направляющихся в Европу, несколько почтенных пожилых супружеских пар, представлявших собой резкий контраст молодежи, два-три священнослужителя, дельцы, молодые дамы, коммивояжеры, английские аристократы — разношерстная публика, характерная для океанского парохода.

Я отвернулся от них и стал всматриваться в уплывающие берега Америки; тут меня охватили воспоминания, и я почувствовал прилив нежности к усыновившей меня стране. На одном конце палубы лежала куча чемоданов и другого багажа, который еще не успели спустить в трюм. Испытывая обычную жажду одиночества, я обогнул эту груду, уселся у самого борта на бухте троса и погрузился в меланхолические мечты.

Меня вывел из задумчивости чей-то шепот.

— Вот укромное местечко,— произнес голос позади меня.— Садись, и мы спокойно потолкуем.

Заглянув в щель между огромными сундуками, я увидел, что по другую сторону груды багажа остановились те самые люди, которые прыгнули на пароход в последнюю минуту. Они не заметили меня, так как я притаился в тени ящиков. Говоривший был высокий, очень худой человек с иссиня-черной бородой и бесцветным лицом. Меня поразили его нервные движения и возбужденный вид. Его товарищ, низенький, полный человечек, казался деловитым и решительным; во рту у него торчала сигара, а на руке висело легкое, широкое пальто. Оба они беспокойно озирались по сторонам, как бы желая убедиться, что поблизости нет ни души.

— Место вполне подходящее,—отозвался низенький.

Они сели на какой-то тюк спиной ко мне, и я не-

вольио оказался в неприятной роли человека, подслушивающего чужой разговор.

— Ну, Мюллер,— заговорнл высокнй,— мы все же протащили это на пароход.

— Да,— согласился тот, кого назвали Мюллером.— Все обошлось благополучно.

— Чуть-чуть ие сорвалось.

— Не говори, чуть ие засыпались, Фленнигеи.

— Дело было бы дрянь, если б мы опоздали на пароход.

— Еще бы! Рухнули бы все иаши плаиы.

— Все полетело бы к черту,— подтвердил маленький человечек и несколько раз подряд яростио затянулся сигарой.

— Он у меня тут,— снова заговорил Мюллер.

— Дай-ка я взгляну.

— А вдруг кто-нибудь подглядывает?

— Нет, почтн все ушли вниз.

— Надо быть начеку, ведь мы так миого поставили иа карту,— заметил Мюллер, развертывая пальто, висевшее у него на руке. Ои извлек из-под пальто какой-то чериый предмет и опустил его иа палубу. Взглянув иа эту вещь, я вскочил на иоги с восклицанием ужаса. К счастью, собеседиики были так поглощеиы своим делом, что не заметнлн меия. Стоило им только повернуть голову, и они увидели бы в просвете между чемодаиами мое бледиое лицо.

С самого начала этого разговора мною овладело тяжелое предчувствие. Оно полностью подтверднлось, когда я рассмотрел черный предмет. Это был квадратиый ящичек объемом примерио в кубический фут, сделаииый из темного дерева и обитый медью. Он напомннал футляр для пистолетов, только был гораздо выше. Но мое виимаиие привлекло какое-то иеобычиое прнспособление иа ящнке. Оно наводнло на мысль о пистолете; это было нечто вроде курка с прикрепленной к нему бечевкой. Рядом с курком в крышке видиелось маленькое квадратное отверстие.

Высокий человек — Флениигеи, как его иазвал собеседник,— припал глазом к отверстию н несколько мииут с крайне озабоченным видом пристально рассматривал что-то виутри ящичка.

— По-моему, все в порядке,— сказал он наконец.

— Я старался его не трясти,— ответил товарищ.

— С такими деликатными вещами и обращаться нужно деликатно... Всыпь-ка туда что нужно, Мюллер.

Маленький человек порылся у себя в кармане и достал небольшой бумажный пакетик. Развернув его, он вытряхнул на ладонь с полгорсти белесого зернистого вещества и всыпал в ящик через отверстие в крышке. Послышалось какое-то странное постукивание, и собеседники удовлетворенно заулыбались.

— Ничего плохого не случилось,— сказал Фленниген.

— Все в полном порядке,— откликнулся его товарищ.

— Шш! Сюда кто-то идет. Снеси ящик к нам в каюту. Как бы нас не заподозрили! А то еще кто-нибудь начнет вертеть его в руках да случайно нажмет на курок.

— Ну да, кто бы ни нажал, получится одно и то же,— заявил Мюллер.

— Вздумай кто-нибудь нажать на курок — он будет чертовски огорошен! — с каким-то зловещим смехом произнес высокий.— Посмотрел бы я на его физиономию! Я считаю, штучка здорово сделана!

— Куда уж лучше,— согласился Мюллер.— Мне говорили, ты сам все придумал. Это верно?

— Да, и пружину и скользящий затвор.

— Недурно бы взять патент на твое изобретение.

Они вновь рассмеялись холодным, резким смехом, подняли окованный медью ящичек и спрятали его под широким пальто Мюллера.

— Идем вниз и поставим его в каюту,—сказал Фленниген.— Все равно до вечера он нам не понадобится, а там будет в сохранности.

Мюллер согласился. Взявшись под руку, они прошли вдоль палубы и скрылись в люке, унося с собой таинственный ящичек. Последнее, что я слышал, был наказ Фленнигена нести его как можно осторожнее и не стукнуть о борт.

Не могу сейчас сказать, долго ли я еще просидел на бухте троса. То, что я услышал, нагнало на меня ужас, а тут еще меня стало мутить — начиналась морская болезнь.

Обычная для Атлантического океана качка уже сказывалась и на пароходе и на пассажирах. Я совсем обессилел и душой и телом и впал в полное оцепенение, из которого меня вывел голос нашего милейшего боцмана.

— Будьте добры, сэр,— сказал он,— мы хотим убрать с палубы весь этот хлам.

Его добродушно-грубоватые манеры и румяное, здоровое лицо показались мне в тот момент просто оскорбительными. Если бы я обладал достаточным мужеством и хорошими мускулами, я ударил бы его. Но я смог только бросить на честного моряка уничтожающий взгляд, чем немало его удивил, а затем отошел к другому борту. Одиночество — вот что требовалось мне, одиночество, чтобы поразмыслить над чудовищным преступлением, которое замышлялось на моих глазах. Одна из спасательных шлюпок оказалась приспущенной со шлюпбалок и висела довольно низко над палубой. Меня осенила счастливая мысль. Я вскарабкался на борт, забрался в пустую шлюпку и улегся на дне. Надо мной расстилалось голубое небо, иногда в поле моего зрения попадала раскачивающаяся бизань-мачта. Наконец-то я остался наедине со своей морской болезнью и своими мыслями.

Я попытался припомнить подслушанный мною страшный разговор. Может быть, он имел совсем не тот смысл, какой я в него вкладываю? Рассудок говорил мне, что иного смысла быть не могло. Я проанализировал различные факты, из которых складывалась цепь улик, и убеждал себя, что они ничего не доказывают. Но нет, все звенья цепи были на месте. Прежде всего тот странный способ, каким эти двое попали на пароход, избежав осмотра багажа в таможне. Сама фамилия «Фленниген» напоминала о фениях [1], в то время как имя «Мюллер» наводило на мысль о нигилизме и политических убийствах. Затем таинственное поведение обоих, фраза о том, что все их планы рухнули бы, если бы они опоздали на пароход, их опасения быть замеченными; наконец, последнее, пожалуй, самое веское доказательство — маленький квадратный ящик с курком и мрачная шутка об

[1] Члены «Ирландского революционного братства» (основано в 1858 году), боровшегося за независимость Ирландии от Англии. Применяли заговорщическую тактику.

удивлении человека, который случайно нажал бы его. Разве не ясно, что передо мной были отчаянные заговорщики, быть может, члены какой-нибудь политической организации, и что они собираются совершить чудовищное жертвоприношение, не пощадив ни себя, ни пассажиров, ни пароход? Белесые зерна, которые один из них высыпал в ящик, были либо детонатором, либо заменяли запальный шнур. Я отчетливо расслышал странный звук в ящике — возможно, его издавал какой-то тонкий механизм. Но что̀ они имели в виду, говоря о сегодняшнем вечере? Неужели они намереваются осуществить свой ужасный замысел в первый же вечер нашего путешествия? При этой мысли меня пробрала холодная дрожь, и на время я забыл о морской болезни.

Я уже говорил, что я трус. К тому же мне недостает и гражданского мужества. Редко два подобных недостатка соединяются в одном человеке. Я знал немало людей, которые боялись боли, но при этом отличались мужеством и независимым образом мыслей. К сожалению, за долгие годы спокойной одинокой жизни у меня выработался болезненный страх перед всяким решительным поступком, боязнь привлечь к себе внимание, и, как ни странно, этот страх даже пересиливал во мне инстинкт самосохранения. Обыкновенный человек, оказавшись в моем положении, немедленно пошел бы к капитану, рассказал бы ему о своих опасениях и передал бы дело на его усмотрение. Но я, с моим характером, думал об этом с содроганием. Одна мысль о том, что на мне сосредоточится всеобщее внимание, что меня станет допрашивать незнакомый человек, что я должен буду выступить доносчиком в очной ставке с двумя отчаянными заговорщиками,— одна мысль об этом казалась мне ужасной. А вдруг выяснится, что я ошибаюсь? В каком положении я окажусь, если будет доказана беспочвенность моих обвинений? Нет, я должен выждать; я буду внимательно наблюдать за двумя головорезами, неотступно следить за каждым их шагом. Все, что угодно, только бы не сесть в галошу.

Вдруг мне пришло в голову, что, возможно, в этот самый момент заговорщики предпринимают какие-нибудь новые шаги. Нервное возбуждение даже предотвратило очередной приступ морской болезни, и я смог встать и

выбраться из шлюпки. Пошатываясь, я побрел по палубе, намереваясь спуститься в салон и выяснить, чем занимаются мои утренние знакомцы. Едва я взялся за поручни трапа, как, к моему изумлению, кто-то дружески хлопнул меня по спине, так что я чуть было не спустился вниз с несколько большей поспешностью, чем позволяло мое достоинство.

— Это ты, Хеммонд? — раздался голос, показавшийся мне знакомым.

— Боже мой! — воскликнул я, обернувшись.— Дик Мертон! Здравствуй, старина!

Эта встреча была поистине счастливой случайностью. Именно такой человек, как Дик, и нужен был мне — добродушный, умный, решительный. Я мог смело рассказать ему обо всем и рассчитывать, что он со свойственным ему здравым смыслом подскажет, как поступить. Еще в ту пору, когда я учился во втором классе в Гарроу, Дик был моим постоянным советчиком и защитником.

Он сразу заметил, что со мной творится что-то неладное.

— Что с тобой, Хеммонд? — добродушно осведомился он.— Ты бледен, как полотно. Морская болезнь, а?

— Не только это,— ответил я.— Давай пройдемся, Дик, я хочу поговорить с тобой! Дай мне руку.

Опираясь на сильную руку Дика, я заковылял рядом с ним, но не сразу решился заговорить.

— Хочешь сигару? — предложил он, прерывая молчание.

— Нет, спасибо,— ответил я.— Дик, сегодня вечером нас уже не будет в живых.

— Но это еще не значит, что ты должен сейчас отказываться от сигары,— спокойно заметил Дик, пристально взглянув на меня из-под своих лохматых бровей. Без сомнения, он подумал, что я не совсем в своем уме.

— Тут нет ничего смешного, Дик,— продолжал я.— Уверяю тебя, я говорю совершенно серьезно. Мне стало известно о чудовищном заговоре, цель которого — уничтожить наш пароход и всех пассажиров.

И я в строгой последовательности развернул перед ним цепь собранных мною доказательств.

— Ну, Дик,— сказал я в заключенне,— что ты теперь думаешь, а главное, что я, по-твоему, должен делать?

К моему удивлению, он от души расхохотался.

— Если бы я услышал это от кого-нибудь другого, а не от тебя,— заявил он,— то, может быть, н испугался бы. Ты, Хеммонд, всегда попадал пальцем в небо. У тебя опять проявляется твоя старая склонность. Помнишь, как ты клялся в школе, что видел в вестибюле призрак, а потом оказалось, что это было твое собственное отражение в зеркале? Кому это понадобится уничтожать пароход? — продолжал он.— Крупных политических тузов на борту нет, наоборот, большинство пассажиров — простые американцы. Вдобавок в наш трезвый девятнадцатый век даже самые закоренелые преступники избегают жертвовать своей жизнью. Без сомнения, ты не понял их и принял за адскую машину фотоаппарат или какую-нибудь другую безобидную вещь.

— Ничего подобного,— ответил я, задетый за живое.— Боюсь, вскоре ты убедишься, что я ничего не преувеличил и передал все совершенно точно, но будет уже слишком поздно! Ну, а такого ящика я еще никогда не видел. Судя по тому, как они с ним обращались и говорили о нем, я убежден, что там спрятан какой-то сложный механизм.

— Ну, если это считать неопровержимым доказательством,— заметил Дик,— тогда тебе каждый сверток с каким-нибудь скоропортящимся продуктом должен показаться торпедой.

— Но фамилия одного из этих людей — Фленниген,— заявил я.

— Не думаю, чтобы подобное доказательство имело на суде большое значение,— отозвался Дик.— Но я уже выкурил сигару. Что ты скажешь, если мы пройдем в салон и разопьем бутылочку красного вина? Заодно ты покажешь мне этих двух Орсини, если они там.

— Хорошо. Я решил весь день не спускать с них глаз,— заявил я.— Только не смотри на них слишком пристально, чтобы они не заметили, что за ними наблюдают.

— Будь спокоен,— заверил меня Дик,— я буду вести себя, как невинный ягненок.

Мы спустились с палубы и вошли в салон.

За огромным столом в центре комнаты собралось довольно многочисленное общество. Некоторые пассажиры возились с непослушными саквояжами, другие закусывали, третьи читали или чем-нибудь развлекались. Тех, кого мы искали, здесь не было. Покинув салон, мы обошли все каюты, но безуспешно. «Боже милостивый! — подумал я.— Может быть, в этот самый момент они находятся у нас под ногами — в трюме или машинном отделении — и собираются пустить в ход свое дьявольское изобретение!»

Лучше уж узнать самое худшее, чем пребывать в неведении!

— Официант, еще какие-нибудь пассажиры здесь есть? — спросил Дик.

— Да, двое — в курительной комнате, сэр,— ответил тот.

Небольшая, но уютная и роскошно обставленная курительная комната находилась рядом с буфетом. Мы толкнули дверь и вошли. Вздох облегчения вырвался у меня из груди. Я увидел мертвенно-бледное лицо Фленнигена с немигающими глазами и решительной складкой губ. Против него сидел Мюллер. Они играли в карты и пили вино. Я толкнул Дика локтем, подтверждая, что наши поиски увенчались успехом, а затем мы с самым непринужденным видом уселись рядом с ними. Заговорщики не удостоили нас даже взглядом. Я стал внимательно наблюдать за ними. Они играли в «наполеона».

Оба были тонкими знатоками этой игры, и я не мог не восхищаться самообладанием, с каким эти люди, скрывая свою страшную тайну, хладнокровно подбирали длинную масть или ловили королеву. Деньги быстро переходили из рук в руки, но чернобородому явно не везло. В конце концов он с раздражением швырнул карты на стол, выругался и заявил, что больше не намерен играть.

— Будь я проклят, если еще соглашусь тянуть эту канитель! — воскликнул он.— За пять конов у меня ни разу не было больше двух карт одной масти!

— Ничего,— ответил его товарищ, сгребая выигранные деньги.— Проиграть или выиграть несколько долларов — какое это будет иметь значение после того, что произойдет сегодня вечером?!

«Сообщение Хебекука Джефсона»

«Полосатый сундук»

Меня поразила наглость этого мерзавца, но я с самым бесстрастным видом продолжал разглядывать потолок и попивать вино. Я чувствовал, что Флениген пристально смотрит на меня своими волчьими глазами, проверяя, не вызвал ли у меня подозрений этот намек. Затем он что-то шепнул своему товарищу, но я не расслышал, что именно. Очевидно, это было предупреждение, так как тот сердито ответил:

— Чепуха! Что хочу, то и говорю! Излишняя осторожность как раз и может погубить все дело.

— Ты, видно, не заинтересован в успехе,— ответил Флениген.

— Ничего подобного,— буркнул Мюллер.— Ты отлично знаешь, что если я делаю ставку, то надеюсь выиграть. Но я никому на свете не позволю отчитывать меня и одергивать. Я не меньше, пожалуй, даже больше тебя заинтересован в успехе нашего дела.

Он весь кипел от злости и некоторое время яростно дымил сигарой. Его компаньон тем временем посматривал то на Дика Мертона, то на меня. Я понимал, что нахожусь рядом с человеком, готовым на любой шаг, что стоит ему заметить хотя бы легкую дрожь моих губ, и он тотчас же меня укокошит. Однако я проявил больше самообладания, чем мог от себя ожидать в столь трудных обстоятельствах. Что касается Дика, то он оставался невозмутимым и бесстрастным, как египетский сфинкс.

Несколько минут в курительной комнате царило молчание, нарушаемое только шуршанием карт, которые тасовал Мюллер перед тем, как положить в карман. Он по-прежнему казался рассерженным. Бросив окурок в урну, он вызывающе взглянул на своего спутника и повернулся ко мне:

— Не можете ли вы сказать, сэр, когда на берегу получат первую весть о нашем пароходе?

Теперь они оба смотрели на меня, и хотя я, быть может, немного побледнел, но ответил спокойным голосом:

— Я полагаю, сэр, первое известие о нашем пароходе будет получено, когда мы достигнем Куинстауна.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся сердитый человечек.— Я знал, что вы так скажете. Не толкай меня под столом, Флениген, я не выношу этого. Я знаю, что делаю. Вы

заблуждаетесь, сэр,— продолжал он, вновь поворачиваясь ко мне,— глубоко заблуждаетесь.

— Возможно, о нас еще раньше сообщит какой-нибудь встречный корабль,—высказал предположение Дик.

— Нет, вовсе не корабль.

— Погода прекрасная,— заметил я.— Разве корабль не увидят, когда он прибудет к месту назначения?

— Я этого не говорю, но о нас услышат еще раньше и в другом месте.

— А где же? — полюбопытствовал Дик.

— Этого я вам не скажу. Но сегодня еще до темноты узнают, где мы находимся, причем самым необычайным, таинственным способом.— И он снова хихикнул.

— Пойдем-ка на палубу,— проворчал Фленнинген.— Ты хлебнул лишнего, и этот проклятый коньяк развязал тебе язык.— Схватив Мюллера за руку, он чуть не силой вывел его из курительной комнаты, и мы слышали, как оин, спотыкаясь, поднялись по трапу на палубу.

— Ну, что ты теперь скажешь, Дик? — спросил я прерывающимся от волнения голосом.

Но мой друг по-прежнему казался невозмутимым.

— Что я скажу? Да то же самое, что и его приятель. Мало ли чего не наболтает человек спьяну? От него так и разит коньяком.

— Чепуха, Дик! Ты же видел, как другой старался заткнуть ему рот!

— Конечно. Но он просто не хотел, чтобы его друг валял дурака перед незнакомыми людьми. Возможно, что коротышка — это сумасшедший, а другой — приставленный к нему санитар. Вполне возможно.

— Ах, Дик, Дик! — воскликнул я.— Ну, можно ли быть таким слепым! Разве ты не видишь, что каждое их слово подтверждает мои подозрения?

— Вздор, дружище,— спокойно возразил Дик.— Ты сам взвинчиваешь себе нервы. Ну, какой смысл во всей этой чертовщине? Каким это таинственным способом узнают, где мы находимся?

— А я скажу тебе, что он имел в виду! — воскликнул я, наклоняясь к Дику и хватая его за руку.— Какой-нибудь рыбак у американского побережья внезапно увидит в море вспышку и далекое зарево. Вот что он имел в виду!

— Вот уж не думал я, Хеммонд, что ты такой идиот,— проворчал Дик.— Если ты станешь придавать значение болтовне всякого пьянчуги, то придумаешь что-нибудь еще более нелепое. Давай-ка лучше последуем их примеру и выйдем на палубу. По-моему, тебе нужно подышать свежим воздухом. Я уверен, что у тебя печень не в порядке. Морское путешествие будет тебе на пользу.

— Если я доживу до конца нашего плавания,— простонал я,— то дам зарок больше никогда не путешествовать. Сейчас уже накрывают на стол — нет смысла подниматься на палубу. Я останусь внизу и распакую свои вещи.

— Надеюсь, к ужину твое настроение улучшится,— заметил Дик и ушел. Я предавался в одиночестве мрачным размышлениям, пока удары большого гонга не призвали нас в салон.

Само собой разумеется, что после происшествий этого дня мой аппетит отнюдь не улучшился. Тем не менее я машинально уселся за стол и стал прислушиваться к болтовне окружающих. В салоне находилось около сотни пассажиров первого класса, и, когда подали вино, гул голосов, сливаясь со звоном тарелок, перерос в настоящий гвалт.

Я оказался между очень полной и нервной пожилой дамой и чопорным маленьким священником. Они не пытались вовлечь меня в беседу. Я ушел в свою скорлупу и принялся наблюдать за моими дорожными спутниками. Дик сидел поодаль от меня, попеременно занимаясь то куриным филе, лежавшим перед ним на тарелке, то самоуверенной молодой особой, сидевшей рядом с ним. Капитан Доун выполнял обязанности хозяина на нашем конце стола, а пароходный врач — на другом.

Я с радостью обнаружил, что Фленниген сидит почти против меня. Пока он был на глазах, я знал, что, хотя бы временно, нам не угрожает опасность. Он сидел, изображая на своем мрачном лице какую-то гримасу, что, по его мнению, должно было сойти за милую улыбку. От меня не ускользнуло, что он много пил, так много, что охрип еще до того, как подали десерт. Его приятель Мюллер сидел от него за несколько человек. Он мало ел и, казалось, был охвачен каким-то беспокойством.

— Ну-с, дорогие дамы,— заявил наш добродушный капитан,— надеюсь, на борту моего корабля вы будете чувствовать себя как дома. За джентльменов я не беспокоюсь. Официант, шампанского! За попутный ветер и быстрое путешествие! Уверен, что наши друзья в Америке дней через восемь — самое позднее через девять — узнают о нашем благополучном прибытии.

Я посмотрел вокруг себя и успел перехватить молниеносный взгляд, которым Флейинген обменялся со своим сообщником. На тонких губах Фленингена играла зловещая улыбка.

В салоне продолжалась оживленная беседа. Говорили о политике, о море, о развлечениях, о религии. Я оставался молчаливым, хотя и внимательным слушателем. Вдруг мне пришло в голову, что было бы неплохо затронуть один вопрос — он не выходил у меня из головы. Я мог коснуться его как бы между прочим, но капитана это заставило бы насторожиться. К тому же, наблюдая за лицами заговорщиков, я сумел бы определить, какое впечатление произведут на них мои слова.

Внезапно в салоне наступила тишина. Темы, представлявшие общий интерес, видимо, были исчерпаны. Момент был подходящий.

— Позвольте узнать, капитан,— начал я, наклоняясь вперед и стараясь говорить как можно громче,— как вы относитесь к манифестам фениев?

Румяное лицо капитана побагровело от благородного негодования.

— Фении — презренные трусы. Они глупы и безнравственны,— ответил он.

— Банда мерзавцев, которые не осмеливаются играть в открытую и прибегают к пустым угрозам,— добавил надутый старикан, сидевший рядом с капитаном.

— Ах, капитан! — воскликнула моя дородная соседка.— Вы же не думаете, что они, например, способны взорвать пароход?

— И взорвали бы, если бы могли. Но я уверен, что мой пароход они не взорвут.

— Можно узнать, какие меры предосторожности вы приняли против них? — спросил пожилой человек с другого конца стола.

— Мы тщательно осмотрели весь груз, доставленный на пароход.

— А что, если кто-нибудь принес взрывчатое вещество с собой? — высказал я предположение.

— Они слишком трусливы, чтобы рисковать своей жизнью.

До этого Фленниген не проявлял ни малейшего интереса к разговору. Но теперь он поднял голову и взглянул на капитана.

— Мне кажется, вы несколько недооцениваете фениев,— заметил он.— В любом тайном обществе находятся отчаянные люди — почему бы им не быть и среди фениев? Многие считают за честь умереть за дело, которое кажется им правым, хотя, по мнению других, они заблуждаются.

— Массовое убийство никому не может казаться правым делом,— заявил маленький священник.

— Бомбардировка Парижа была именно таким массовым убийством,— ответил Фленниген,— и тем не менее весь цивилизованный мир спокойно созерцал его, заменив страшное слово «убийство» более благозвучным словом «война». Немцам это массовое убийство казалось правым делом — почему же применение динамита не может быть правым делом в глазах фениев?

— Во всяком случае, до сих пор они бахвалились впустую,— заметил капитан.

— Прошу прощения,— возразил Фленниген,— но разве известно, что вызвало гибель «Доттереля»? В Америке мне приходилось говорить с весьма осведомленными лицами, которые утверждали, что на пароходе была спрятана в угле адская машина.

— Это ложь,— ответил капитан.— На суде было доказано, что пароход погиб от взрыва угольного газа. Но давайте говорить о чем-нибудь другом, а то я боюсь, что дамы не смогут заснуть.

И разговор перешел на прежние темы.

Во время этой маленькой дискуссии Фленниген высказал свое мнение учтиво, но с такой убежденностью, какой я от него не ожидал. Я невольно восхищался человеком, который накануне решительного шага с таким самообладанием говорил о предмете, столь близко его касавшемся. Как я уже упоминал, он изрядно выпил,

но, хотя его бледные щеки окрасились легким румянцем, он сохранял свою обычную сдержанность. Когда беседа перешла на другие темы, он замолчал и погрузился в глубокую задумчивость.

Во мне боролись самые противоречивые чувства. Как поступить? Встать и разоблачить их перед пассажирами и капитаном? Или попросить капитана уделить мне несколько минут для разговора наедине у него в каюте и рассказать ему все? Я уже почти решился на это, но тут на меня опять напала робость. В конце концов могло же выйти недоразумение. Ведь Дик слыхал все доказательства и все-таки мне не поверил. Будь что будет, решил я. Странная беспечность овладела мною. Почему я должен помогать людям, которые не хотят замечать грозящей им беды? Ведь капитан и его помощники обязаны защищать нас, и вовсе не наше дело предупреждать их об опасности. Я выпил два стакана вина и, пошатываясь, выбрался на палубу, преисполненный решимости сохранить тайну в своем сердце.

Вечер выдался чудесный. Стоя у борта и облокотившись на поручни, я, несмотря на свое волнение, наслаждался освежающим бризом. Далеко на западе, на огненном фоне заката, черным пятнышком выделялся одинокий парус. При виде этого зрелища меня охватила дрожь — оно было величественно, но ужасно. Над гротмачтой робко мерцала одинокая звезда, а в воде при каждом ударе пароходного винта вспыхивали тысячи искорок. И только широкая полоса дыма, тянувшаяся за нами, подобно черной ленте на пурпурном занавесе, портила эту прекрасную картину. Трудно было поверить, что величавое спокойствие, царившее в природе, мог нарушить один жалкий несчастный смертный.

В конце концов, подумал я, всматриваясь в голубую бездну, если случится самое страшное, то лучше погибнуть здесь, чем агонизировать на больничной койке на берегу. Какой ничтожной кажется человеческая жизнь перед лицом великих сил природы! И все же эта философия не помешала мне вздрогнуть, когда, обернувшись, я увидел и без труда опознал на другой стороне палубы две мрачные фигуры. Я не мог слышать, о чем они оживленно разговаривали, и мне оставалось только внимательно наблюдать за ними, прохаживаясь взад и вперед.

Вскоре на палубе появился Дик, и я с облегчением вздохнул. На худой конец сойдет и скептически настроенный наперсник.

— Ну, старина! — воскликнул он, награждая меня шутливым тычком в бок.— Мы пока еще не взлетели на воздух?

— Пока нет,— ответил я.— Но это ничего не доказывает, ведь мы еще можем взлететь.

— Вздор, дружище! — заявил Дик.— Откуда ты это взял? Что за шальная мысль! Я беседовал с одним из твоих мнимых террористов. Судя по разговору, это довольно симпатичный и общительный парень.

— Дик, я ничуть не сомневаюсь, что у этих людей имеется адская машина и что мы на волосок от смерти. Я так и вижу, как они подносят к запальному шнуру зажженную спичку.

— Ну, если ты уж так уверен,— сказал Дик, почти напуганный моим серьезным тоном,— то тебе следует рассказать капитану о своих подозрениях.

— Ты прав,— согласился я.— Так и нужно поступить. Моя идиотская робость помешала мне сделать это раньше. Я убежден, что только это может нас спасти.

— Тогда отправляйся сейчас же и расскажи,— потребовал Дик.—Но, ради бога, не впутывай меня в это дело.

— Я переговорю с ним, как только он сойдет с мостика,— обещал я,— а пока буду наблюдать за ними, не спуская глаз.

— Расскажи мне потом о результатах,— попросил мой друг и, кивнув головой, отправился разыскивать свою соседку по обеденному столу.

Оставшись один, я вспомнил об укромном местечке, обнаруженном мной утром. Я вскарабкался на борт, перебрался в спасательную шлюпку и снова улегся в ней. Здесь я мог обдумать план дальнейших действий, а приподняв голову, в любую минуту видеть своих зловещих спутников.

Прошел час, а капитан все еще оставался на мостике. Он был всецело поглощен спором с одним из пассажиров — отставным морским офицером — по поводу какого-то сложного вопроса кораблевождения. Со своего наблюдательного пункта я видел красные огоньки на кончиках их сигар. Было так темно, что я с трудом различал

фигуры Фленнигена и его сообщннка. Оии стоялн все в тех же позах. На палубе кое-где видиелись пассажнры, ио миогие уже ушли вииз. Страииое спокойствие было разлито кругом. Только голоса вахтеиных матросов да поскрипываиие штурвала иарушало тишииу.

Прошло еще полчаса, ио капитан, казалось, вообще ие собирался спускаться с мостика. Мои иервы были так напряжеиы, что звук шагов иа палубе заставил меия вздрогиуть. Я выгляиул из-за борта шлюпкн и увидел, что подозрительиая пара пересекла палубу н остаиовилась почтн подо мной. Свет из иактоуза падал иа мертвенио-бледиое лицо головореза Флеиингена. Я бросил иа иих всего лишь одии взгляд, ио все же успел заметить, что столь зиакомое мие пальто небрежио висело иа руке Мюллера. Со стоном упал я иа дио шлюпки. Теперь я уже ие сомиевался, что моя роковая медлительиость будет причииой гибели двухсот ии в чем ие повииных людей.

Мие приходилось читать о том, с какой нзощреииой жестокостью расправляются заговорщики со шпионами. Я поиимал, что люди, ставящие иа карту свою жизиь, ии перед чем ие остаиовятся. Мие оставалось только съежиться иа дие лодки и, затаив дыхание, прислушиваться к их шепоту.

— Вполие подходящее место,— сказал одии из иих.
— Ты прав, подветреииая стороиа, коиечио, лучше.
— Иитересио, сработает ли курок?
— Не сомиеваюсь.
— Мы должиы иажать его в десять, ие так ли?
— Ровио в десять. У иас еще восемь миuут.

Наступила пауза. Затем тот же голос произиес:

— Оии ведь услышат щелкаиье курка?
— Неважио. Все равио уже иикто ие успеет иам помешать.
— Что верио, то верио. Как будут волноваться те, кого мы оставили иа берегу!
— Вполие поиятио. Сколько, по-твоему, пройдет времеии, прежде чем оии о иас услышат?
— Первое известие оии получат ие раиьше полуночн.
— И этим оии будут обязаиы мие.
— Нет, мие.
— Ха-ха-ха! Ну, посмотрим.

Вновь наступила пауза. Ее прервал зловещий шепот Мюллера:

— Осталось только пять минут.

Как медленно ползло время! Я мог отсчитывать секунды по ударам своего сердца.

— Какую сенсацию это вызовет на берегу! — произнес голос.

— Да, газеты поднимут изрядный шум!

Я приподнял голову и снова выглянул через борт шлюпки. Теперь уже ие оставалось иикакой надежды, помощи ждать было неоткуда. Подиму я тревогу или нет — смерть все равно смотрит мне в глаза. Капитан накоиец сошел с мостика. Палуба была безлюдной, если не считать двух мрачных фигур, притаившихся в теии шлюпки.

Фленниген держал в руке часы с открытой крышкой.

— Осталось три минуты,— проговорил он.— Опусти ящик на палубу.

— Нет, лучше поставить его иа борт.

Это был все тот же квадратный ящичек.

По долетевшему до меня звуку я понял, что они поставили его около шлюпбалки, почти у меня под головой.

Я снова выглянул наружу. Флеиниген высыпал что-то из бумажки себе иа ладонь. Это было то самое беловатое зернистое вещество, которое я видел утром. Несомненно, детоиатор, так как Флениииген насыпал его в ящичек, и, как и в прошлый раз, мое внимаиие привлекли какие-то странные звуки.

— Еще полторы мииуты,— сказал Фленниген.— Кто дернет за бечевку — ты или я?

— Я,— ответил Мюллер.

Он стоял на колеиях и держал в руке коиец бечевки. Фленнигеи, сложив на груди руки, застыл позади с выраженнем мрачиой решимости на лнце.

Мои иервы ие выдержали.

— Остаиовитесь! — пронзительно крикнул я, вскакивая иа ноги.— Остановитесь, безумные люди!

Они с изумлением отшатнулись. Яркая луиа осветила мое бледное лицо, н я не сомневаюсь, что в первое мгновение они приняли меня за призрак.

Теперь я испытывал прилив храбрости, так как зашел слишком далеко, а отступать было поздно.

— Канн был проклят,— восклнкнул я,— хотя убнл только одного человека! Неужелн вы хотнте нметь на своей совестн кровь двухсот людей!

— Он сошел с ума,— заявнл Фленннген.— Время нстекло. Нажнмай, Мюллер.

Я спрыгнул на палубу.

— Вы не сделаете этого! — закрнчал я.

— Не суйтесь не в свое дело, вы не нмеете права!

— Имею. Вы нарушаете закон человеческнй и божескнй.

— Это не ваше дело. Убнрайтесь отсюда!

— Нн за что! — восклнкнул я.

— Будь он проклят, этот парень. На карту поставлено слншком много, н нам не до церемоннй. Я прндержу его, Мюллер, а ты нажмн курок.

В следующее мгновенне я нзвнвался в геркулесовых объятиях нрландца. Сопротнвленне было бесполезно: в его руках я чувствовал себя младенцем. Он прижал меня к борту так, что я не мог шевельнуться.

— Ну! — крнкнул он.— Действуй, он нам не помешает!

Я чувствовал, что стою на пороге вечностн. Полузадушенный банднтом, я все же заметнл, как его сообщннк подошел к роковому ящнку, наклоннлся над ннм н снова ухватнлся за бечевку. Я прошептал молнтву, когда он потянул ее на себя. Послышался резкнй щелчок, а вслед за ннм какой-то странный скребущнй звук. Курок опустнлся, одна нз стенок ящнка тотчас отскочнла н... нз него выпорхнулн два снзых почтовых голубя!

Остается досказать немногое, тем более, что мне не очень прнятно говорнть на эту тему: все это слншком нелепо н позорно. Пожалуй, лучше всего прнстойно ретнроваться со сцены н уступнть место спортнвному корреспонденту газеты «Нью-Йорк геральд». Вот выдержка нз статьн, опублнкованной в газете вскоре после нашего отплытня нз Амернкн.

Новое в голубииых гонках

На прошлой неделе состоялось оригинальиое состязание между двумя голубями, один из которых приидлежал Джоиу Г. Флеиигену из Бостона, а другой — уважаемому граждаиину Лоуелла — Иеремин Мюллеру. Оба оии уже давио соперичают между

собой в выведении улучшенной породы голубей. Местные круги проявили большой интерес к состязанию, и на голубей были сделаны крупные ставки.

Старт состоялся на палубе трансатлантического парохода «Спартанец» в день отплытия в десять часов вечера, когда судно находилось примерно в ста милях от берега. Победителем признавался голубь, прилетевший домой первым. Спортсменам пришлось соблюдать большую осторожность, поскольку некоторые капитаны относятся с предубежденнем к спортивным соревнованиям и не допускают их на борту парохода.

Несмотря на небольшое осложнение, возникшее в самый последний момент, птицы были выпущены почти точно в десять часов. Голубь Мюллера прилетел в Лоуелл на следующее утро в очень изможденном состоянии, а голубь Фленнигена пропал без вести. Лицам, поставившим на этого голубя, остается удовлетвориться сознанием, что состязание происходило самым честным образом. Голуби находились в специально сконструированной клетке, которая открывалась только при помощи особой пружины. Специальное приспособление исключало всякую возможность умышленного повреждения крыльев у голубей и позволяло кормить птиц через отверстие в крышке ящика.

Дальнейшее проведение таких состязаний будет способствовать популяризации голубиного спорта в Америке. Подобные матчи приятно отличаются от тех демонстраций человеческой выносливости, которые так участились за последние годы и носят столь нездоровый характер.

ПОЛОСАТЫЙ СУНДУК

— Ну, что вы об этом скажете, Эллердайс? — спросил я.

Мой второй помощник стоял рядом со мной на корме, широко расставив короткие, толстые ноги,— море еще не успокоилось после шторма, и всякий раз, когда новая волна кренила корабль, обе наши спасательные шлюпки почти касались воды. Положив подзорную трубу на ванты бизань-мачты, Эллердайс пытался рассмотреть какое-то неизвестное, истерзанное бурей судно, когда оно на короткое мгновение замирало на гребне вала, прежде чем снова скользнуть вниз. Корабль сидел так глубоко в воде, что я лишь изредка различал зеленоватую полоску борта.

Это был бриг. Его грот-мачта переломилась футах в десяти над палубой и тащилась за кораблем вместе с парусами и реями, как перебитое крыло чайки. Никто, как видно, и не пытался обрубить снасти, удерживающие этот обломок. Фок-мачта была еще цела, но фор-марсель не закреплен, а передние паруса ветер занес к самому носу корабля, и они развевались, словно огромные белые стяги. Никогда еще мне не приходилось видеть судна в таком отчаянном положении.

Но это нас ничуть не удивляло. За последние три дня и мы на своем барке не раз теряли надежду вновь увидеть землю. Тридцать шесть часов боролись мы со штормом, и не будь «Мэри Синклер» одним из лучших парусников, когда-либо построенных на верфях Клайда,

нам едва ли удалось бы пережить эту бурю. Но все же мы уцелели, хотя и пожертвовали урагану лодку и часть правого фальшборта. Вот почему мы не удивились, увидав после бури, что другим повезло меньше, чем нам. Изуродованный бриг носился по голубому морю под безоблачным небом, подобно человеку, ослепленному молнией, и напоминал нам о пережитых ужасах.

Медлительный и методичный шотландец Эллердайс долго и внимательно рассматривал суденышко. Наши матросы, сгрудившись у бортов или вскарабкавшись на фок-ванты, тоже смотрели в его сторону. Вот уже десять дней, оставив где-то далеко на севере главные торговые пути через Атлантический океан, мы плыли в полном одиночестве. Находясь, как мы, на широте 20° и долготе 10°, человек, естественно, начинает проявлять любопытство ко всяким неожиданным встречам.

— Мне кажется, команда покинула корабль,— заметил второй помощник.

У меня создавалось такое же впечатление — на палубе судна не было видно никаких признаков жизни, никто не отвечал нашим матросам, размахивавшим в знак приветствия руками. Похоже было, что команда бросила судно, считая его обреченным на гибель.

— Долго оно не продержится,— как всегда, неторопливо проговорил Эллердайс.— Того и гляди, задерет корму и нырнет в воду. Палубу уже заливает.

— Какой на нем флаг? — спросил я.

— Не могу разобрать, он запутался в фалах... А, вот вижу... Бразильский флаг, только он перевернут.

Это означало, что команда, перед тем как оставить судно, выбросила сигнал бедствия. Быть может, люди только что покинули корабль? Я взял у помощника подзорную трубу и осмотрел покрытую пеной, неспокойную синюю поверхность Атлантического океана, расстилавшуюся вокруг нас. Нет, кроме нас, людей здесь не было.

— Возможно, на борту остались живые люди,— сказал я.

— Может быть, мы чем-нибудь еще и поживимся,— пробормотал второй помощник.

— Подойдем к нему с подветренной стороны и ляжем в дрейф.

Наш барк остаиовился ярдах в ста от брнга, н оба судиа прниялись приседать и кланяться друг другу, как танцующие клоуны.

— Спустнть на воду спасательиую шлюпку!—приказал я.— Возьмнте с собой четырех человек и осмотрите бриг, мистер Эллердайс.

Но тут как раз пробило семь скляиок, н иа палубе появился мой первый помощник мистер Армстронг — через иесколько мииут иачииалась его вахта. Мие захотелось самому побывать иа брошеином корабле и осмотреть его. Предупреднв Армстронга, я перебрался через борт, спустнлся по фалам и уселся на корме шлюпкн.

Нам потребовалось иемало времеии, чтобы преодолеть иебольшое расстояние, разделявшее корабли. Море еще волновалось, и громадиые валы то и дело скрывали от нас н иаше судио н бриг. Когда мы оказывалнсь между двумя валами, иас ие достнгалн лучи солнца, ио каждая новая волна опять подиимала нас к теплу и солиечиому свету. В те краткие мгиовеиия, когда мы повисали на сиежио-белом хребте между двумя мрачными пропастями, я видел длииную зелеиоватую линию корпуса и наклоннвшуюся фок-мачту брнга. Это позволяло мие направлять шлюпку с таким расчетом, чтобы обойти судио с кормы н выбрать ианболее удобное для подъема место. На корме брига, по которой ручьямн стекала вода, мы прочлн название: «Богоматерь победы».

— Зайдем с иаветреиного борта, сэр,— сказал второй помощинк.

— Плотиик, прнготовьте багор!

В следующий миг мы прыгиули через борт, который едва возвышался иад иашей лодкой, и оказались иа палубе брошенного брига.

Прежде всего мы прнняли меры предосторожности иа тот весьма вероятный случай, если судио вдруг иачиет быстро погружаться в воду. С этой целью двое матросов удерживали шлюпку за фалинь, не позволялн ей приближаться вплотиую к борту корабля. Таким образом, мы могли в любую миIIуту воспользоваться лодкой в случае опасиости. Затем я поручнл плотинку выясинть, много лн воды в трюме и продолжает ли оиа прнбывать, а сам вместе с Эллердайсом и еще одним матросом стал быстро осматривать брнг н его груз.

Палуба была завалена разными обломками и клетками для кур, в которых плавали мертвые птицы. На судне оставалась только одна лодка, да и то с пробитым дном, и мы уже не сомневались, что команда покинула бриг. Мы с Эллердайсом вошли в рубку. Письменный стол выглядел так, словно капитан только что его оставил. Там валялись книги и бумаги на испанском и португальском языках, повсюду виднелись кучки пепла от сигарет. Я попытался отыскать судовой журнал, но не нашел.

— Возможно, что капитан его и не вел,— заметил Эллердайс.— На южноамериканских торговых судах порядки обычно не очень строгие, а капитаны не любят перегружать себя работой. Если здесь и был журнал, то капитан, наверно, захватил его с собой.

— Мне хотелось бы взять все эти книги и бумаги,— сказал я.— Узнайте у плотника, сколько у нас остается времени.

Плотник дал обнадеживающий ответ. Правда, вода наполнила трюм корабля, но часть груза была плавучей, так что судну не грозило затонуть немедленно. Скорее всего, оно вообще не затонет и обречено долго носиться по волнам, как один из тех страшных, не отмеченных на карте плавучих рифов, которые послужили причиной гибели многих хороших кораблей.

— В таком случае вы можете смело спуститься в трюм, мистер Эллердайс,— сказал я.— Обследуйте бриг и постарайтесь определить, что можно спасти из груза. А я пока посмотрю эти бумаги.

Из расписок на принятый груз, разных заметок и писем я узнал, что бразильский бриг «Богоматерь победы» около месяца назад вышел из порта Баия и взял курс на Лондон. Капитаном брига был некий Таксейра, но никаких сведений о численности команды я не нашел. Бегло просмотрев документы, я убедился, что вряд ли мы сможем чем-либо воспользоваться. Корабль был гружен орехами, имбирем и древесной ценных тропических пород. Эти огромные бревна, конечно, и помешали злополучному бригу затонуть, но они были так велики, что нам не удалось бы вытащить их из трюма. Имелась, кроме того, партия декоративных птичек для украшения дамских шляп, а также сто ящиков консервированных фруктов.

Перебирая бумаги, я наткнулся на маленькую записку, написанную по-английски и сразу же привлекшую мое внимание.

«Древнеиспанские и индейские редкости,— говорилось в ней,— являются частью коллекции Сантарема и отправлены в адрес лондонской фирмы «Пронтфут и Нейман». Эти уникальные вещи представляют собой большую ценность и должны тщательно храниться, чтобы они не попортились в пути или не были расхищены. Особенно это относится к сундуку с драгоценностями дона Рамиреса ди Лейра. Сундук нужно хранить в таком месте, где никто не смог бы к нему проникнуть».

Сундук с драгоценностями дона Рамиреса! Уникальные вещи! Значит, кое-что ценное на бриге все же есть!

В дверях появился мой помощник, и я поднялся из-за стола, не выпуская из рук записку.

— На бриге, по-моему, что-то неладно,— заявил он.

Эллердайс при всех обстоятельствах сохранял суровую невозмутимость, но сейчас он был чем-то явно взволнован.

— Что такое?

— Убийство, сэр. Мы нашли человека с размозженной головой.

— Несчастный случай во время бури?

— Возможно, сэр. Но я буду очень удивлен, если вы скажете то же самое, когда взглянете на него.

— Где же он?

— Здесь, сэр, в каюте средней палубы.

Как выяснилось, жилых помещений под палубой не было. Капитанская каюта находилась на корме; посредине палубы, около главного люка, имелась вторая каюта с пристроенным к ней камбузом, а на носу — кубрик для команды. Помощник повел меня в среднюю каюту. Войдя, мы увидели направо камбуз с разбросанными по полу кастрюлями и тарелками, а налево — каюту поменьше, с двумя койками для офицеров. Позади офицерской каюты находилось помещение размером около двенадцати квадратных футов, заваленное флагами и запасными парусами. Вдоль стен лежали завернутые в грубую парусину и крепко привязанные к переборкам тюки. В дальнем конце каюты стоял большой ящик, раскрашенный полосами в красный и белый цвет. Однако

красная краска так выцвела, а белая настолько загрязнилась, что окраску суидука можио было рассмотреть только там, где иа иего падал свет. Позже, измерив ящик, мы устаиовили, что в длииу ои имел четыре фута и три дюйма, в высоту — три фута и два дюйма, а в шириину — три фута. Следовательно, ои был зиачительио больше обычиого матросского суидучка.

Но в тот момеит, когда я вошел в кладовую, ие суидук привлек мое виимаиие, а иечто другое. На полу, иа разбросаииых флагах, вытяиувшись во весь свой иебольшой рост, лежал смуглый человек с короткой курчавой бородкой. Ноги его были обращеиы к суидуку, а голова в противоположиую стороиу. На белой парусиие, рядом с головой мертвеца, видиелось багровое пятио, а от загорелой шеи по полу расползлись струйки крови. Одиако в первый момеит я ие мог разглядеть иикаких призиаков иасильствеииой смерти. Лицо его было безмятежио, как у спящего ребеика.

Я иаклоиился иад иим, ио тут же отпряиул с восклицаиием ужаса. Только теперь я разглядел иаиесеииую ему раиу. Ои был убит сильиым ударом топора сзади. Топор раздробил затылок и проник глубоко в мозг. Так вот почему его лицо сохранило такую безмятежиость: смерть иаступила мгиовеиио, и ясио было, что ои даже не видел своего убийцу.

— Как, по-вашему, капитаи Баркли, это предиамереиное убийство или иесчастиый случай? — спросил меия помощник.

— Вы правы, мистер Эллердайс. Ему был иаиесеи удар сзади каким-то острым и тяжелым предметом. Но что это за человек и почему его убили?

— Это простой матрос, сэр,— ответил помощиик.— Посмотрите иа его руки, и вы сразу убедитесь в этом.

Эллердайс иаклоиился и вывериул карманы убитого. В иих оказалась колода карт, обрывок просмолеииой бечевки и пачка бразильского табака.

— Эге, взгляиите-ка сюда! — воскликиул вдруг Эллердайс, подиимая с пола длииный иож, лезвие которого выскакивало из рукоятки, как только иажимали иа тугую пружиину. Мы ие обиаружили иа блестящей стали ии одного пятиышка, и это заставляло думать, что ие нож был орудием преступлеиия. Но вместе с тем ои ле-

жал от убитого как раз на расстоянии вытянутой руки, словно выпал из нее в тот момент, когда ему нанесли удар.

— Мне кажется, сэр, он знал, что ему грозит опасность, и держал нож наготове,— произнес помощник.— Однако мы уже ничем не можем помочь бедняге. Интересно, что находится в тюках, привязанных к переборкам? Похоже, что в этой старой мешковине завернуты всякие идолы, древнее оружие, антикварные вещи.

— Совершенно правильно,— ответил я.— Это единственная ценность, которую мы можем взять из всего груза. Окликните людей на барке, пусть вышлют нам еще шлюпку, чтобы погрузить эти вещи.

Оставшись один, я вновь осмотрел странные предметы, владельцами которых мы стали. Все они были упакованы так тщательно, что я мог составить о них только самое общее представление. Но полосатый сундук в этот момент был хорошо освещен, и я смог подробно его обследовать. На массивной, окованной по углам крышке был выгравирован какой-то замысловатый герб, а под ним виднелась надпись на испанском языке. Мне удалось ее разобрать: «Сундук с драгоценностями дона Рамиреса ди Лейра, рыцаря ордена святого Иакова, генерал-губернатора и генерал-капитана Терра Фирма и провинции Верагуа». В одном углу стояла дата — «1606 год», а в другом был наклеен большой белый ярлык с надписью по-английски: «Настоятельная просьба ни при каких обстоятельствах не открывать этот сундук». Ниже это предупреждение было повторено по-испански. На очень сложном, тяжелом стальном замке была выгравирована какая-то надпись по-латыни, непонятная для простого моряка вроде меня.

Я уже закончил осмотр странного сундука, когда к бригу подошла другая шлюпка с моим первым помощником Армстронгом, и мы погрузили в нее антикварные вещи — единственное, что стоило взять с брошенного корабля. Отослав нагруженную шлюпку на барк, я вместе с Эллердайсом, плотником и одним из матросов направился к полосатому сундуку. Мы подтащили его к шлюпке и осторожно опустили на дно между двумя средними банками, так как ящик был очень тяжелый

и мог бы опрокинуть лодку, если бы мы поместили его на нос или корму. Мертвеца мы оставили на прежнем месте.

По мнению Эллердайса, этот убитый матрос решил чем-нибудь поживиться, когда команда покидала судно, и капитан, пытаясь поддержать дисциплину, ударил его топором или каким-то другим тяжелым предметом. Такое объяснение казалось правдоподобным и все же не вполне удовлетворяло меня. Но океан хранит много тайн, и нам, очевидно, предстояло остаться в неведении, что же вызвало гибель матроса с бразильского брига,— еще один загадочный случай, каких немало может порассказать каждый моряк.

С помощью тросов тяжелый сундук был поднят на палубу «Мэри Синклер», а затем четыре матроса втащили его в каюту, где для него нашлось место между столом и шкафом у задней переборки. Там он и стоял, пока мы ужинали. Мои помощники остались после ужина у меня в каюте, и за стаканом грога мы стали обсуждать события дня.

Длинный и худой, напоминавший чем-то коршуна, Армстронг зарекомендовал себя прекрасным моряком, но славился своей скупостью и алчностью. Наша находка взбудоражила его. Сверкая глазами, он уже подсчитывал, сколько придется на долю каждого из нас, когда мы продадим вещи с покинутого брига и поделим выручку.

— Если это действительно уникальные вещи, как говорится в записке, то мы можем получить за них любую сумму, сколько ни запросим. Вы и представить себе не можете, какие бешеные деньги платят иногда богатые коллекционеры. Тысяча фунтов для них сущий пустяк. Не ошибусь, если скажу: этот рейс мы сделали недаром!

— Не думаю,— ответил я.— По-моему, эти антикварные вещи ничем не отличаются от тех, которые часто привозят из Южной Америки.

— Ну, знаете, сэр, я сделал уже четырнадцать рейсов и не встречал ничего похожего на этот сундук. Да он и пустой-то стоит кучу денег, а ведь в нем, если судить по весу, лежит что-то ценное. Не заглянуть ли нам в него?

— Но ты же испортншь суидук, если сломаешь замок,— возразнл второй помощник.

Армстроиг присел перед ящиком иа корточки и стал рассматривать замок, иаклоинв голову иабок и чуть ли ие касаясь замка своим длииным, тоиким иосом.

— Суидук сделаи нз дубовых досок,— заявил ои,— и кое-где иемиого рассохся. Будь у меия под руками долото или иож с крепким лезвием, я мог бы открыть замок, ничуть ие повредив корпус.

Прн упоминаиии о ноже с крепким лезвием мне иевольио вспомнился мертвый матрос иа бриге.

— Может, и он пытался открыть ящик, ио кто-нибудь помешал ему? — произиес я.

— Не зиаю, сэр, ио я увереи, что смогу открыть сундук. Вот тут в шкафу есть отвертка. Подержн-ка лампу, Эллердайс, я мигом все обделаю.

— Постойте! — воскликнул я, заметив, что Армстроиг, в глазах которого горелн любопытство и жадиость, уже иаклоиился над крышкой.— Не понимаю, зачем нам спешить? Вы же прочли на ярлыке предупрежденне не открывать сундук. Возможио, оно не имеет никакого смысла, ио я почему-то склоиен верить ему. В коице коицов все, что есть в суидуке, иикуда оттуда ие денется, и еслн даже в ием спрятаиы драгоцеииостн, оии ие потеряют своей стоимости, где бы мы ии открыли сундук — в коиторе владельцев брига или в каюте «Мэрн Сиклер».

Армстроиг был явио обескуражеи моими словами.

— Уж не суеверны лн вы, сэр? — пробормотал ои, и иа его тоиких губах мелькиула презрительиая усмешка.— Еслн суидук уйдет нз нашнх рук и мы ие узиаем, что в нем иаходится, нас могут обмануть. Кроме того...

— Довольио, мистер Армстроиг! — резко оборвал его я.— Вы получите свою долю, можете не беспокоиться, но я ие позволю открывать суидук сегодня.

— Обратите вннмаиие, иадпись иа ярлыке сделаиа по-аиглийски. Зиачнт, его уже осматривали европейцы,— добавил Эллердайс.— Да кроме того, если суидук предназначеи для храиеиия цеииостей, это вовсе ие значит, что они и сейчас иаходятся в ием. Можио ие сомневаться, что немало людей заглянуло в ящнк с тех пор, как мииули времеиа старого губернатора Терра Фирма!

Армстронг пожал плечами и бросил отвертку на стол.

— Ну, как хотите,— буркнул он.

Однако я заметил, что, хотя мы потом говорили о самых посторонних предметах, взгляд Армстронга все с тем же выражением любопытства и алчности то и дело возвращался к полосатому сундуку.

Тут я перехожу к описанию дальнейших событий, при воспоминании о которых даже и сейчас невольно содрогаюсь от ужаса.

Каюты наших офицеров были расположены вокруг кают-компании, а моя, самая дальняя, находилась в конце небольшого коридора, у сходного люка. Обычно я не стоял на вахте, за исключением особо важных случаев, и дежурства были распределены между моими тремя помощниками. Армстронг нес полуночную вахту, которая оканчивалась в четыре часа утра, когда его сменял Эллердайс.

Должен сказать, что я сплю, как правило, очень крепко, и нужно сильно встряхнуть меня, чтобы разбудить. И все же в ту ночь или, вернее, на рассвете я внезапно проснулся сам и сел на койке. Хронометр показывал половину пятого. Мои нервы были натянуты, как струны. Меня разбудил какой-то звук, падение тяжелого предмета и нечеловеческий вопль, все еще звеневший у меня в ушах. Я сидел и прислушивался, но теперь вокруг было тихо. И тем не менее этот страшный вопль не был игрой моего воображения, он прозвучал, видимо, где-то совсем близко, и мне казалось, что я все еще его слышу. Я спрыгнул с койки, кое-как оделся и поспешил в кают-компанию.

Вначале я не заметил ничего необычного. В холодном полумраке я различал накрытый красной скатертью стол, шесть стульев с вращающимися сиденьями, буфет из орехового дерева, барометр, а в дальнем конце каюты большой полосатый сундук. Я уже повернулся, намереваясь подняться на палубу и расспросить второго помощника, как вдруг заметил какой-то предмет, торчавший из-под стола. Это была человеческая нога, обутая в высокий морской сапог. Я нагнулся и увидел, что на полу, лицом вниз, скорчившись и выбросив вперед руки, лежит человек. С первого же взгляда я узнал сво-

его первого помощника Армстронга. Он был мертв. Несколько мгновений я простоял молча, задыхаясь от волнения, затем бросился на палубу, позвал Эллердайса и вместе с ним вернулся в каюту.

Мы вытащили злополучного Армстронга из-под стола и, увидев его окровавленную голову, смертельно бледные посмотрели друг на друга.

— Убит так же, как и матрос с бразильского брига,— проговорил наконец я.

— Точно так же. Спаси нас господи! И все этот проклятый сундук. Взгляните-ка на руку Армстронга!

Эллердайс приподнял правую руку убитого, и я увидел, что в ней все еще зажата та самая отвертка, которой он хотел воспользоваться накануне вечером.

— Армстронг знал, что я на палубе, а вы спите, и попытался открыть сундук. Он встал перед ним на колени и открыл замок при помощи этого инструмента. Потом что-то случилось с ним, и вы услышали его крик.

— Но что могло с ним случиться, Эллердайс? — прошептал я.

Второй помощник положил мне руку на плечо и увлек меня к себе в каюту.

— Здесь можно говорить свободнее, сэр, а там, кто его знает, не подслушивает ли нас кто-нибудь. Капитан Баркли, что, по-вашему, находится в этом сундуке?

— Даю вам слово, Эллердайс, не имею ни малейшего представления.

— Ну, а я могу высказать только одно предположение: в его пользу говорят все известные нам факты. Обратите внимание на размеры сундука. Взгляните на все эти металлические и деревянные украшения. Они могут прикрывать сколько угодно отверстий. А вес сундука? Четыре человека едва могли его поднять. И, наконец, не забудьте, что два человека пытались открыть его и оба погибли. Разве вам не ясно, в чем тут дело, сэр?

— Вы хотите сказать, что в сундуке сидит человек?

— Конечно! Вы же знаете эти южноамериканские государства, сэр. Сегодня человек — президент, а завтра его травят, как бешеную собаку. Люди там только и делают, что спасают свою жизнь. По-моему, в сунду-

ке спрятался какой-то отчаянный, вооруженный тип, и он не дастся живым нам в руки.

— Ну, а как же с едой и питьем?

— Ящик вместительный, в него и провизии войдет немало. К тому же у этого типа среди команды брига, наверное, имелся единомышленник, который доставлял ему воду.

— Значит, по-вашему, ярлык с просьбой не открывать сундук — просто-напросто уловка?

— Вот именно, сэр. А вы можете как-нибудь иначе объяснить все эти факты?

Я должен был признаться, что не могу.

— Что ж нам теперь делать?

— Человек в сундуке — отчаянный головорез, он не остановится ни перед чем. Пожалуй, лучше всего привязать сундук к канату и с полчасика протащить его на буксире. Уж тогда-то его можно будет открыть без всякого риска! Неплохо бы также обмотать сундук веревками и подержать этого человека без воды. Или, пожалуй, пусть плотник зашпаклюет лаком все отверстия, чтобы туда не попадал воздух.

— Будет вам, Эллердайс! — сердито воскликнул я.— Не хватало еще, чтобы один человек держал в страхе целую команду корабля! Если в сундуке кто-нибудь сидит, я берусь вытащить его оттуда!

Я пошел к себе в каюту и вернулся с револьвером в руке.

— Ну, Эллердайс,— приказал я,— открывайте замок, а я буду стоять наготове.

— Ради бога, сэр, подумайте, что вы делаете! — воскликнул помощник.— Два человека убиты, и кровь одного из них еще не высохла на ковре!

— Тем более мы должны отомстить за него.

— Хорошо, сэр, но позвольте хотя бы позвать плотника. Трое все же лучше, чем двое, а он сильный и мужественный парень.

Эллердайс пошел за плотником, а я остался в каюте наедине с полосатым сундуком. Я не могу пожаловаться на свои нервы, но все же предпочел стать так, чтобы между мною и этой внушительной реликвией испанского средневековья оказался стол. Наступало утро, мало-помалу светлело, и на сундуке все заметнее выделялись

красные и белые полосы и замысловатые витки деревянных и металлических украшений, свидетельствовавшие о том, с какой любовью потрудился над ним искусный мастер.

Вскоре пришли Эллердайс и плотник с молотком в руках.

Плотник взглянул на тело Армстронга и покачал головой.

— Плохое это дело, сэр,— сказал он.— И вы думаете, что в сундуке кто-то прячется?

— В этом нет никаких сомнений,— отозвался Эллердайс, поднимая отвертку с видом человека, готового встретить любую неожиданность.— Вы оба встанете рядом, а я открою замок. Если человек попытается выскочить, бей его, плотник, изо всех сил по голове! А вы, сэр, немедленно стреляйте, если он поднимет руку. Начинаю!

Эллердайс опустился на колени перед полосатым сундуком и вставил под крышку конец отвертки. Замок щелкнул и открылся.

— Будьте начеку! — крикнул помощник и с усилием откинул массивную крышку ящика. В тот же миг мы все трое отскочили назад — я с револьвером в вытянутой руке, а плотник с занесенным для удара молотком. Прошла секунда, другая и — ничего не случилось. Мы подошли к сундуку и заглянули в него. Сундук был пуст.

Впрочем, не совсем: в углу лежал старинный изящный подсвечник, такой же, видимо, старый, как и сам сундук. Желтоватый цвет металла и оригинальная форма говорили о высокой ценности этой вещи. Ничего другого, более весомого и ценного, чем пыль, в старом полосатом сундуке не оказалось.

— Вот так штука, черт побери! — воскликнул Эллердайс.— Почему же тогда он такой тяжелый?

— Посмотрите, какие у него толстые стенки и крышка. Не меньше пяти дюймов толщины! А взгляните на эту большую пружину, укрепленную поперек крышки.

— Она сделана для того, чтобы удерживать сундук открытым,— пояснил помощник.— А что это за надпись по-немецки вот тут, с внутренней стороны?

— Здесь написано, что сундук сделан Иоганном Ротштейном из Аугсбурга в тысяча шестьсот шестом году.

— Да, работа неплохая! Но как же тогда все объяснить, капитан Баркли? Похоже, что этот подсвечник сделан из золота. В конце концов мы хоть что-нибудь да получим за наши хлопоты.

Он наклонился над сундуком, намереваясь взять подсвечник, и с той минуты я больше никогда не сомневался в существовании интуиции, так как в то же мгновение схватил Эллердайса за воротник и оттащил назад. Возможно, мне вспомнилась в ту секунду какая-то средневековая легенда, или, быть может, я внезапно увидел на верхней части замка что-то красное, совсем не похожее на ржавчину, но мы с Эллердайсом убеждены, что именно интуиция подсказала мне, как действовать.

— Здесь кроется какая-то чертовщина!— воскликнул я.— Подайте-ка мне вон ту трость, что в углу.

Это была самая обыкновенная трость с изогнутой ручкой. Я подцепил ею подсвечник и потянул на себя. Из кромки крышки, сверкая, выскочили полированные стальные клыки, и огромный полосатый сундук ощерился на нас, подобно дикому зверю. Массивная крышка упала с таким грохотом, что на подвешенной к стене полке запрыгали и зазвенели стаканы. Эллердайс задрожал, как испуганная лошадь, и, обессилев, присел на край стола.

— Вы спасли мне жизнь, капитан Баркли,— проговорил он после паузы.

Так мы узнали тайну полосатого сундука, принадлежавшего старому дону Рамиресу ди Лейра; так хранил испанец сокровища, награбленные им в Терра Фирма и в провинции Верагуа. Каким бы хитрым ни оказался вор, он не мог отличить золотой подсвечник от других ценных вещей. В тот момент, когда он прикасался к подсвечнику, приходила в действие ужасная пружина и стальные клинья врубались ему в мозг. Сила удара была так велика, что отбрасывала тело жертвы назад, и сундук автоматически закрывался. «Сколько же людей пало жертвой хитроумного механика из Аугсбурга?»— мелькнуло у меня в голове. И, раздумывая над историей страшного полосатого сундука, я быстро принял решение.

— Плотник, вызовите сюда трех матросов и отнесите сундук на палубу.

— Вы хотите выбросить его за борт, сэр?

— Да, мистер Эллердайс. Я отнюдь не суеверен, но есть на свете вещи, которые не может стерпеть ни один моряк.

— Теперь понятно, капитан, почему бразильский бриг так пострадал от бури. Вот и сейчас барометр быстро падает, сэр, так что мы как раз вовремя разделаемся с сундуком.

Мы не стали ждать, пока придут матросы, и сами — Эллердайс, плотник и я — вытащили сундук на палубу и столкнули за борт. Фонтаном взметнулись брызги, и ящик пошел ко дну. Там, на глубине, лежит он и сейчас, и если правда, что моря со временем высыхают, то я заранее оплакиваю судьбу человека, который найдет странный полосатый сундук и попытается проникнуть в его тайну.

КАК ГУБЕРНАТОР СЕНТ-КИТТА ВЕРНУЛСЯ НА РОДИНУ

Когда ожесточеииая войиа за испаиское наследство закоичилась Утрехтским миром, миожество владельцев судов, которых наимали сражающиеся стороиы, оказались ие у дел. Часть из иих вступила на более мирный, но гораздо менее доходиый путь обычиой торговли, другие примкнули к рыболовиым флотилиям, а иекоторые отчаяиные головы подняли на бизань-мачте «Веселого Роджера» и объявили на свой страх и риск войну против всего человечества.

С разиошерстиой комаидой, иабраииой из представителей всех иациоиальиостей, оии бороздили моря, укрываясь время от времеии в какой-нибудь уедииеиной бухте для креиговаиия или бросая якорь в отдалеииом порту, чтобы закатить там попойку, ослепив жителей своей расточительиостью и иагнав на них ужас своей жестокостью.

На Коромандельском берегу, у Мадагаскара, в африкаиских водах, а главиым образом у Вест-Иидских островов и у америкаиского побережья пираты стали постояииой грозиой опасиостью. Оии позволяли себе дерзкую роскошь согласовывать свои набеги с благоприятным для плавания сезоиом — летом опустошали берега Новой Аиглии, а зимой опять уходили на юг, в тропические широты.

Этих пиратов приходилось тем более страшиться, что у иих не было ни дисциплииы, ии каких-либо сдерживающих начал, благодаря которым их предшествен-

ники — пираты старого закала, наводя страх, вызывали уважение. Эти отверженные ни перед кем не держали ответа и обращались со своими пленниками так, как подсказывала им пьяная прихоть. Вспышки причудливого великодушия чередовались у них с полосами непостижимой жестокости, и шкипера, попавшего в руки пиратов, порой отпускали со всем его грузом, если он оказывался веселым собутыльником в какой-нибудь чудовищной попойке, или же его могли посадить за стол в его собственной каюте, подав ему в качестве кушанья посыпанные перцем и посоленные его собственные нос и губы. Только отважный моряк решался в те времена водить корабли по Карибскому морю.

Именно таким человеком был Джон Скарроу, капитан «Утренней звезды», однако и он вздохнул с облегчением, когда услышал всплеск падающего якоря в ста ярдах от пушек крепости Бас-Тер. Сент-Китт был конечным портом его рейса, и завтра рано утром бушприт его корабля повернется в сторону Старой Англии. Хватит с него этих морей, кишащих бандитами! С того часа, как «Утренняя звезда» покинула порт Маракайбо на южноамериканском берегу с трюмом, полным сахара и красного перца, каждый парус, мелькнувший на фиолетовом просторе тропического моря, заставлял вздрагивать капитана Скарроу. Огибая Наветренные острова, он заходил в разные порты, и повсюду ему приходилось выслушивать истории о насилиях и зверствах.

Капитан Шарки, хозяин двадцатипушечного пиратского барка «Счастливое избавление», прошелся вдоль побережья, оставив позади себя ограбленные, сожженные суда и трупы. О его жестоких шутках и непреклонной свирепости ходили ужасающие рассказы. От Багамских островов до материка его угольно-черный корабль с двусмысленным названием нес с собой смерть и многое такое, что еще страшнее смерти. Капитан Скарроу так беспокоился за свое новое, прекрасно оснащенное судно и за ценный груз, что отклонился на запад до самого острова Берда, чтобы уйти подальше от обычных торговых путей. И даже здесь, в этих пустынных водах, он не мог избежать зловещих следов капитана Шарки.

Однажды утром они подобрали среди океана одинокую шлюпку. Ее единственным пассажиром оказался

метавшийся в бреду моряк, который хрипло кричал, когда его поднимали на борт, и в глубине его рта виднелся высохший язык, похожий на черный сморщенный гриб. Ему давали вдоволь воды и хорошо кормили, и вскоре он превратился в самого сильного и проворного матроса на всем корабле. Он был из Марблхеда в Новой Англии и оказался единственным уцелевшим человеком со шхуны, пущенной ко дну страшным Шарки.

В течение недели Хайрэма Эвансона — так его звали — носило под тропическим солнцем. Шарки приказал бросить ему в шлюпку искромсанные останки его убитого капитана — «в качестве провизии на время плавания», но матрос тут же предал их морской пучине, ибо искушение могло оказаться сильнее его. Могучий организм выдержал все испытания, и, наконец, «Утренняя звезда» подобрала его в том состоянии безумия, которое предшествует смерти. Это была неплохая находка для капитана Скарроу, ибо при нехватке команды такой матрос, как этот гигант из Новой Англии, был весьма ценным приобретением. Он клялся, что сведет счеты с капитаном Шарки, хотя бы это стоило ему жизни.

Теперь, когда они находились под защитой пушек Бас-Тера, все опасности были позади; и все-таки мысль о пирате не оставляла Скарроу, когда он наблюдал, как шлюпка агента быстро отошла от причала таможни.

— Держу пари, Морган,— обратился Скарроу к первому помощнику,— что агент упомянет о Шарки в первой же сотне слов, которые сойдут с его языка.

— Ладно, капитан, я рискну на серебряный доллар,— откликнулся грубоватый старый бристолец, стоявший рядом с ним.

Гребцы-негры подогнали шлюпку к борту, и сидевший на руле чиновник, одетый в белоснежный полотняный костюм, вскочил на трап.

— Привет, капитан Скарроу! — крикнул он.— Вы слышали о Шарки?

Капитан взглянул на помощника и ухмыльнулся.

— Что он там еще учинил? — спросил Скарроу.

— Учинил! Значит, вы ничего не слышали. Он пойман и сидит у нас под замком здесь, в Бас-Тере. В прошлую среду его судили и завтра утром повесят.

Капитан и его помощник приветствовали это сообщение радостными криками, и через мгновение эти крики подхватила вся команда. Дисциплина была забыта, и матросы сбежались на корму, чтобы своими ушами услышать эту новость. Первым среди них был подобранный в море матрос из Новой Англии. Его сияющее лицо было обращено к небу: он был из пуританского рода.

— Шарки будет повешен!— вопил он.— Господин агент, вы не знаете, может быть, им нужен палач?

— Назад!— крикнул помощник; его оскорбленное чувство дисциплины оказалось сильнее интереса к новостям.— Я отдам вам этот доллар, капитан Скарроу. Никогда еще я не проигрывал пари с таким легким сердцем. А каким образом поймали этого негодяя?

— А вот так. Его собственные товарищи уже не могли больше терпеть его. Шарки нагонял на них такой ужас, что они решили от него избавиться. Они высадили его на необитаемый островок Литл Мангл южнее банки Мистерьоса. Там его подобрало торговое судно из Портобелло и доставило сюда. Думали отправить его на Ямайку, чтобы там судить, но наш благочестивый губернатор, сэр Чарльз Иван, не захотел и слышать об этом. «Это моя добыча,— заявил он,— и я имею право сам ее изжарить». Если вы можете задержаться до десяти часов завтрашнего утра, то вы увидите, как Шарки качается на виселице.

— Конечно, хотелось бы,— с грустью отозвался капитан,— но я и так сильно запаздываю. Я уйду с вечерним отливом.

— Этого вам никак нельзя делать,— решительно заявил агент.— С вами отправляется губернатор.

— Губернатор?

— Да. Он получил распоряжение от правительства немедленно вернуться. Быстроходное посыльное судно, доставившее депешу, ушло в Виргинию. Я сказал сэру Чарльзу, что вы приедете сюда до периода дождей, и он ждал вас.

— Хорошенькое дело!— в растерянности воскликнул капитан.— Я простой моряк и плохо разбираюсь в губернаторах, баронетах и в их привычках. Мне еще не доводилось калякать с такими персонами. Но я готов служить королю Георгу, и если губернатор хочет полу-

чить место на «Утренней звезде», то я доставлю его в Лондон и сделаю для него все что возможно. Он может устроиться в моей каюте. Вот что касается еды, то у нас шесть дней в неделю либо тушеная солонина с овощами и сухарями, либо смесь из рубленой солонины и маринованной сельди. Но если наш камбуз ему не годится, пусть он возьмет с собой собственного повара.

— Да вы не беспокойтесь, капитан Скарроу,— прервал его агент,— сэр Чарльз сейчас плохо себя чувствует, он только что оправился от приступа лихорадки. Так что он, наверно, просидит в своей каюте почти всю дорогу. Доктор Ларусс уверяет, что наш губернатор отдал бы богу душу, если бы предстоящее повешение Шарки не вдохнуло в него новые силы. Но у него тяжелый характер, и вы не должны обижаться на его резкости.

— Он может говорить все, что ему вздумается, и делать что угодно. Пусть он только не сует свой нос, когда я управляю судном,— ответил капитан.— Он губернатор Сент-Китта, а я губернатор «Утренней зари». И, с его разрешения, я ухожу с первым отливом. Я так же служу моему хозяину, как он — королю Георгу.

— Вряд ли он управится сегодня к вечеру. Ему необходимо привести в порядок кучу дел до отъезда.

— Тогда завтра с утренним отливом.

— Очень хорошо. Я пришлю его вещи сегодня вечером, а сам он прибудет рано утром. Если, конечно, мне удастся уговорить его покинуть Сент-Китт, не повидав, как Шарки спляшет свой последний танец. Наш губернатор любит, чтобы его приказы исполнялись мгновенно, и не исключено, что он прибудет на корабль немедленно. Возможно, что доктор Ларусс будет сопровождать сэра Чарльза в его путешествии.

Как только агент уехал, капитан и помощник принялись готовиться к приему столь важного пассажира. Они освободили самую большую каюту и привели ее в порядок. Капитан Скарроу приказал также завезти на борт несколько бочек с фруктами и ящиков с винами, чтобы хоть немного скрасить простую пищу, какая в обиходе на торговом корабле.

Вечером начал прибывать губернаторский багаж — огромные, обитые железом, непроницаемые для муравь-

ев сундуки, жестяные ящики казенного образца и футляры весьма странной формы, в которых, как можно было предположить, хранились треуголки или шпаги. Затем прибыло письмо с гербом на внушительной красной печати, в котором сообщалось, что сэр Чарльз Ивэн свидетельствует свое уважение капитану Скарроу и надеется, если это позволит ему состояние здоровья, быть на борту его корабля рано утром, как только он выполнит все свои обязанности.

Губернатор оказался точен. Красноватые блики рассвета едва начали пробиваться сквозь серую мглу, как шлюпка с губернатором уже подошла к кораблю, и важную особу не без труда подняли по трапу. Капитан Скарроу слышал про странности губернатора, но никак не ожидал увидеть столь курьезную фигуру, еле ковылявшую по палубе, опираясь на толстую бамбуковую трость. На нем был парик Рамилье, завитый во множество маленьких косичек и напоминающий шерсть пуделя; он так низко нависал надо лбом, что большие зеленые очки, прикрывавшие глаза, казалось, были приклеены к этому парику. Огромный крючковатый нос, длинный и тонкий, выдавался далеко вперед. После приступа лихорадки губернатор закутал горло и подбородок широким полотняным шарфом, на нем был свободный утренний халат из алой камчатной ткани, перепоясанный шнуром. Двигаясь, он высоко задирал свой властный нос, но по тому, как он медленно и беспомощно поводил головой по сторонам, было видно, что он подслеповат. Высоким раздраженным голосом он окликнул капитана.

— Вы получили мои вещи?— спросил он.

— Да, сэр Чарльз.

— Вино у вас на борту есть?

— Я приказал привезти пять ящиков, сэр.

— А табак?

— Бочонок тринидадского.

— В пикет играете?

— Довольно хорошо, сэр.

— Тогда поднимайте якорь — и в море!

Дул свежий западный ветер, и к тому времени, когда солнце прорвалось сквозь утренний туман, мачты «Утренней звезды» были уже еле видны с острова.

«Ошибка капитана Шарки»

«Сухопутный пират»

Дряхлый губернатор все еще ковылял по палубе, придерживаясь рукой за поручни.

— Теперь вы находитесь на службе у правительства, капитан,— брюзжал он.— Уверяю вас, что они там считают дни до моего возвращения в Вестминстер. У вас подняты все паруса?

— До последнего дюйма, сэр Чарльз.

— Держите их так, хоть бы они все треснули! Боюсь, капитан Скарроу, что такой слепой и больной человек, как я, окажется для вас скучным компаньоном в этом плавании.

— Я почитаю за честь и удовольствие находиться в обществе вашего превосходительства,— почтительно ответил капитан.— Мне только очень жаль, что ваши глаза в столь плохом состоянии.

— Да, да, в самом деле. Это проклятое солнце на белых улицах Бас-Тера сожгло их.

— Я слышал, что вы только что перенесли приступ лихорадки?

— Да, у меня был приступ, и я ужасно ослаб.

— Мы приготовили каюту для вашего врача.

— Ах, этот мошенник! Его нельзя было заставить тронуться с насиженного места, у него здесь солидная клиентура среди местных купцов. Но слушайте!

Губернатор поднял унизанную кольцами руку. Далеко за кормой гулко раскатился гром пушечного выстрела.

— Это с острова!— с изумлением воскликнул капитан.— Может быть, это сигнал нам вернуться?

Губернатор рассмеялся.

— Вы слышали, что пират Шарки должен быть повешен сегодня утром? Я приказал дать залп в тот момент, когда этот мерзавец в последний раз дрыгнет ногами, чтобы я знал об этом, уходя в море. Это конец Шарки!

— Конец Шарки! — закричал капитан, и матросы, собравшиеся небольшими группами на палубе, чтобы посмотреть на исчезавшую лиловую полоску земли, подхватили его крик.

Это было хорошее предзнаменование в самом начале пути, и больной губернатор стал популярной фигурой на борту. Все понимали, что только благодаря губерна-

тору, потребовавшему немедленного суда и приговора, злодей не попал к какому-нибудь продажному судье и таким образом не спасся.

В этот день за обедом сэр Чарльз рассказал множество историй о покойном пирате. Губернатор был так приветлив и так умело поддерживал разговор с людьми, стоявшими гораздо ниже его, что под конец трапезы капитан, помощник и сэр Чарльз закурили трубки и тянули свой кларет, как три старых добрых приятеля.

— Как выглядел Шарки на скамье подсудимых?— поинтересовался капитан.

— Довольно внушительно,— отозвался губернатор.

— Я слышал, что он уродлив, как сам дьявол, и надо всеми глумился,— заметил помощник.

— Да, он довольно-таки безобразен,— подтвердил губернатор.

— Я слышал, как китобой из Нью-Бедфорда рассказывал, что не может забыть его глаз,— сказал капитан.— Они мутно-голубые, с красными-красными веками. Это правда, сэр Чарльз?

— К сожалению, мои собственные глаза не позволяют мне рассматривать чужие. Но я припоминаю сейчас, как генерал-адъютант говорил, что у него именно такие глаза, как вы описываете, и добавил, что этим дуракам присяжным было явно не по себе, когда он на них смотрел. Счастье их, что Шарки уже мертв, потому что он никогда не забывал обид. И если бы один из них попался к нему в руки, Шарки набил бы его соломой и приколотил бы к носу судна вместо резной фигуры.

Эта идея так понравилась губернатору, что он неожиданно разразился визгливым смехом, напоминавшим ржание. Оба моряка тоже смеялись, но не столь весело, ибо знали, что, кроме Шарки, немало пиратов шныряют по западным морям и что подобная судьба может постичь их самих. Была откупорена новая бутылка, выпили за приятное путешествие, затем губернатору заблагорассудилось осушить еще одну бутылку. В конце концов оба моряка со вздохом облегчения удалились, слегка пошатываясь,— один на вахту, другой на койку. Однако, когда четыре часа спустя, сдав вахту, помощник спустился вниз, он был поражен, увидев, что губернатор в своем парике, очках и халате невозмутимо си-

дит за пустым столом, попыхивая трубкой, а перед ним шесть пустых черных бутылок.

— Мне довелось пить с губернатором Сент-Китта, когда он болен,— сказал про себя помощник,— но упаси меня бог пить с ним, когда он здоров.

«Утренняя звезда» продвигалась довольно быстро, и через три недели она уже входила в Ла-Манш. С первого же часа, как немощный губернатор ступил на корабль, он начал восстанавливать свои силы, и к тому времени, когда они находились на половине пути, сэр Чарльз, если не считать его глаз, был уже совсем здоров. Те, кто пропагандирует целебные свойства вина, могли бы, торжествуя, указать на него, ибо он пьянствовал все ночи напролет. И тем не менее рано утром он появлялся на палубе, свежий и бодрый, поглядывая по сторонам своими слабыми глазами и расспрашивая о парусах и снастях. Его очень интересовало кораблевождение. Чтобы как-то возместить слабость зрения, губернатор попросил капитана прикомандировать к нему того матроса из Новой Англии, которого подобрали в лодке. Этот моряк должен был сопровождать губернатора, сидеть рядом с ним, когда тот играл в карты, и считать очки, ибо без посторонней помощи губернатор не мог отличить короля от валета.

Не удивительно, что Эвансон охотно прислуживал губернатору: ведь один из них был жертвой мерзавца Шарки, а другой — мстителем. Видно было, что огромному американцу доставляло удовольствие поддерживать своей рукой инвалида, а по вечерам он почтительно стоял за креслом губернатора и показывал своим здоровенным пальцем с обгрызенным ногтем на ту карту, с которой нужно было ходить. Кстати сказать, к тому времени, когда на горизонте появился мыс Лизард, в карманах капитана Скарроу и старшего помощника Моргана оставалось весьма мало денег.

Вскоре на судне убедились, что все рассказы о вспыльчивости сэра Чарльза Ивэна не дают должного представления о его бешеном нраве. При малейшем возражении или противоречии его подбородок выскакивал из шарфа, его властный нос задирался еще более высокомерно и бамбуковая трость свистела в воздухе. Однажды он сильно хватил ею по голове судового плотника,

нечаянно его толкнувшего. В другой раз, когда команда стала роптать из-за плохой пищи и пошли толки о мятеже, губернатор заявил, что нечего ждать, пока эти собаки восстанут, а нужно опередить их и выбить у них из головы дурь.

— Дайте мне нож! — кричал он, изрыгая проклятия, и его с трудом удержали от расправы с представителем команды.

Капитан Скарроу вынужден был напомнить ему, что если на Сент-Китте губернатор ни перед кем не отвечал за свои действия, то в открытом море убийство есть убийство. Что касается политических взглядов, то, как и следовало ожидать, губернатор был убежденным сторонником ганноверской династии и в пьяном виде клялся, что всякий раз, как встречал якобита, пристреливал его на месте. И все-таки, несмотря на его бахвальство и неистовый нрав, он оставался хорошим компаньоном, знавшим бесконечное количество анекдотов и всевозможных историй; у Скарроу и Моргана никогда еще не было такого приятного рейса.

Наконец наступил последний день плавания. Они миновали остров Уайт и вновь увидели землю — белые скалы Бичи-Хед. К вечеру судно попало в штиль в миле от Уинчелси; впереди виднелся черный мыс Данджнесс. На следующее утро они в Форленде примут на борт лоцмана, и еще до вечера сэр Чарльз сможет встретиться с королевскими министрами в Вестминстере. На вахте стоял боцман, и три приятеля в последний раз сидели в каюте за картами. Преданный американец по-прежнему заменял губернатору глаза. На столе была крупная сумма, оба моряка старались в этот последний вечер отыграться, вернув то, что они проиграли своему пассажиру. Вдруг губернатор бросил карты на стол и сгреб все деньги в карман своего длиннополого шелкового жилета.

— Игра моя! — заявил он.

— Э, сэр Чарльз, не так быстро! — воскликнул капитан Скарроу. — Вы не закончили, а мы не в проигрыше.

— Врете! Чтоб вам подохнуть! — закричал губернатор. — Я говорю вам, что я уже закончил и вы проиграли.

Он сорвал с себя парик и очки, и под ними оказался высокий лысый лоб и бегающие голубые глаза с красными, как у бультерьера, веками.

— Силы небесные! — завопил помощник.— Это же Шарки!

Моряки вскочили, но огромный американец прислонился своей широкой спиной к двери каюты, в каждой руке у него было по пистолету. Пассажир также положил пистолет на рассыпанные перед ним карты и рассмеялся визгливым, похожим на ржание смехом.

— Да, джентльмены, капитан Шарки, так меня зовут,— сказал он.— А это Крикун, Нэд Галлоуэй, квартирмейстер «Счастливого избавления». Мы им задали жару, и они высадили нас: меня — на песчаной отмели Тортуга, а его — в лодку без весел. А вы, собачонки, бедные, доверчивые собачонки с водой в сердце вместо крови, вы стоите под дулами наших пистолетов.

— Хотите стреляйте, хотите нет! — крикнул Скарроу, ударяя себя кулаком в грудь.— Пусть это мой последний вздох, Шарки, но я тебе говорю, что ты кровавый негодяй и мошенник и тебя ждет петля и адское пекло.

— Вот это человек с характером, он мне по душе. Он сумеет умереть красиво! — воскликнул Шарки.— На корме никого нет, кроме рулевого, так что не тратьте воздуха на пустые разговоры — вам недолго осталось им дышать. Нэд, ялик на корме готов?

— Да, капитан!

— А остальные шлюпки продырявлены?

— Я просверлил каждую в трех местах.

— Тогда пришло время нам расстаться, капитан Скарроу. У вас такой вид, как будто вы еще не совсем пришли в себя. Нет ли у вас какой-нибудь просьбы?

— Ты дьявол, сам дьявол! — крикнул капитан.— Где губернатор Сент-Китта?

— Последний раз я видел его превосходительство в постели с перерезанной глоткой. Когда я бежал из тюрьмы, я узнал у друзей — а у капитана Шарки есть доброжелатели в любой гавани,— что губернатор уезжает в Европу, причем капитан корабля никогда его не видел. Я забрался к нему через веранду его дома и отдал ему небольшой должок. Затем я отправился на ваш

корабль, нарядившись в его одежду и захватив очки, чтобы скрыть мои предательские глаза. Я и чванился перед вами, как подобает губернатору. А теперь, Нэд, займись ими.

— Помогите! Помогите! Эй, на вахте! — завопил помощник, но огромный пират с размаху ударил его по голове рукояткой пистолета, и он рухнул, как бык на бойне. Скарроу устремился к двери, но страж закрыл ему рот одной рукой, а другой обхватил его за талию.

— Напрасно стараетесь, капитан Скарроу,— сказал Шарки.— Я хочу посмотреть, как вы на коленях будете умолять о пощаде.

— Я вас раньше... увижу... в аду! — крикнул Скарроу, освобождаясь от ладони, закрывавшей ему рот.

— Нэд, выкручивай ему руку. Ну, а теперь как?

— Не буду, даже если вы ее совсем отвертите.

— Всади-ка в него нож на один дюйм.

— Хоть все шесть дюймов...

— Чтоб мне утонуть, мне нравится его неукротимый дух! — заорал Шарки.— Спрячь нож в карман, Нэд. Вы спасли свою шкуру, Скарроу. Очень жаль, что такой отважный человек, как вы, не избрал единственную профессию, где храбрый малый может заработать себе на жизнь. Вас, видно, ждет необычная смерть, Скарроу, если вы побывали в моих руках и остались в живых, чтобы поведать об этом миру. Нэд, свяжи-ка его.

— Капитан, может быть, привязать его к печке?

— Ну что ты говоришь! В печке огонь. Оставь свои разбойничьи шуточки, Нэд Галлоуэй, а не то я покажу, кто из нас капитан и кто квартирмейстер.

— Да нет, я думал, что вам хочется его поджарить,— оправдывался Нэд.— Неужели вы хотите отпустить его живым?

— Привяжи его к столу. Хоть нас с тобой и высадили на багамских отмелях, все равно я капитан, а ты должен меня слушаться. Да захлебнись ты в соленой воде, подлюга! Ты что, смеешь возражать, когда я приказываю?

— Да нет же, капитан Шарки, не кипятитесь так,— сказал квартирмейстер и, подняв Скарроу, положил его, как ребенка, на стол. С привычной ловкостью моряка он связал распятого капитана по рукам и ногам верев-

кой, протянутой под столом, и заткнул ему рот длинным шарфом, еще совсем недавно прикрывавшим подбородок губернатора Сент-Китта.

— Ну-с, капитан Скарроу, мы с вами расстаемся,— сказал пират.— Если бы у меня за спиной стояло хотя бы с полдюжины проворных ребят, я забрал бы ваш корабль и груз вместе с ним, но Крикун Нэд не нашел ни одного матроса в вашей команде, у которого было бы хоть на грош смелости. Тут невдалеке болтается несколько суденышек, и мы захватим одно из них. Когда у капитана Шарки есть лодка, он может захватить рыболовное судно; когда у него есть рыболов, он может захватить бригантину, с бригантиной он захватит трехмачтовый барк, а с барком он заполучит полностью оснащенный боевой корабль. Так что поторопитесь в Лондон, а то как бы я не вернулся, чтобы взять в свое владение «Утреннюю звезду».

Они вышли из каюты, и капитан Скарроу услышал, как в замке повернулся ключ. Затем, пока он пытался освободиться от пут, послышался топот ног вниз по трапу и затем на юте, где над кормой висел ялик. Капитан все еще ворочался и напрягался, стараясь освободиться от веревки, когда до него донесся скрип фалов и всплеск воды при спуске ялика. В неистовом бешенстве он рвал и дергал веревку до тех пор, пока с ободранными в кровь запястьями и лодыжками не свалился наконец со стола. Через мгновение он вскочил, перепрыгнул через мертвого помощника, вышиб ногой дверь и ринулся на палубу.

— Эй! Питерсон, Армитэйдж, Уилсон! — вопил он.— Хватайте тесаки и пистолеты! Спустите большую шлюпку! Спустите гичку! Пират... Шарки... вон в том ялике! Боцман, свистать наверх вахту левого борта и посадить всех матросов в шлюпки!

Шлепнулся на воду большой бот, шлепнулась на воду гичка, но в тот же миг рулевые старшины и матросы устремились к фалам и вскарабкались обратно на палубу.

— Шлюпки продырявлены! — кричали они.— Они протекают, как сито.

Капитан свирепо выругался. Его перехитрили. Над ним сверкало звездное, безоблачное небо, не было ни

малейшего ветерка. В лунном свете белели обвисшие, бесполезные паруса. В отдалении качалось рыболовное судно. Рыбаки сгрудились у сетей.

Совсем близко от них нырял и взбирался на волны маленький ялик.

— Эти рыбаки уже, можно сказать, мертвецы! — сетовал капитан.— Ребята, крикнем все вместе, чтобы предупредить их об опасности.

Но уже было поздно.

Ялик проскочил под бортовую тень рыбачьего судна. Быстро, один за другим, прозвучали два пистолетных выстрела, послышался вопль, еще один выстрел, и затем наступила тишина. Рыбаки исчезли. Затем, неожиданно, с первым дуновением ветра, долетевшего откуда-то с берегов Суссекса, бушприт рыболова повернулся, грот-парус надулся, и суденышко направилось в Атлантику.

КАК КАПИТАН ШАРКИ И СТИВЕН КРЭДДОК ПЕРЕХИТРИЛИ ДРУГ ДРУГА

Для пиратского корабля старых времен кренгование было совершенно необходимой операцией. Исключительная быстроходность корабля позволяла ему не только догонять торговые суда, но и спасаться от преследования военных кораблей. Однако невозможно было сохранить прекрасные ходовые качества без того, чтобы периодически — по крайней мере раз в год — не очищать днище судна от длинных шлейфов растений и от корки из ракушек, которые так быстро облепляют дно корабля в тропических морях.

В таких случаях Шарки избавлялся от лишнего груза и вводил корабль в какой-нибудь узкий морской залив, в котором при отливе судно оказывалось на отмели; затем к мачтам корабля прикрепляли блоки и тали, с помощью которых наклоняли его на борт, и основательно скребли днище от ахтерштевня до форштевня.

В течение этих авральных недель корабль был, конечно, беззащитным, но, с другой стороны, к нему можно было приблизиться только на посудине не тяжелее скорлупы; место для кренгования выбиралось потайное, укрытое, и, в сущности говоря, большой опасности не было.

Пиратские капитаны были так самоуверенны, что частенько, оставив свои корабли под достаточной охраной, отправлялись на баркасе в охотничью экспедицию или еще чаще с визитом в какой-нибудь отдаленный городок, где они кружили голову женщинам своим ще-

гольством и галаитиостью или, откупорив иа базарной площадн бочку с вииом, угрожали застрелнть каждого, кто откажется с иими пить.

Изредка пираты появлялись даже в такнх крупиых городах, как Чарльстои, и расхаживалн там по улицам, гремя саблямн и скандализнруя благонамереиных колоинстов. Правда, такие иалеты ие всегда оставались безиаказанными. Однажды, например, виэнтеры вывели нз себя губериатора Мэйнарда, и ои отрубил голову Черной Бороде и воткнул ее иа коиец бушпрнта. Но, как правило, пнрат волен был задирать кого угодио, надо всеми куражиться, кутить с простнтутками, пока ие наступал момеит его возвращеиия иа корабль.

Только один пнрат никогда ие переступал граинцы цивилнзоваиного мира — это был зловещий Шаркн с барка «Счастлнвое избавленне». Возможио, что прнчиной этого был его угрюмый нрав н любовь к уеднееиию, но, вероятиее всего, Шарки просто знал, иасколько ои хорошо известеи иа побережье, н не сомиевался, что при виде его возмущенное иаселение, как бы ин была снльна его охрана, непремеино нападет иа иего. Поэтому ои ин разу ие показывался в городах.

Когда его корабль становился на ремонт, Шаркн оставлял его иа попечеиие Нэда Галлоуэя, квартирмейстера, урожеица Новой Аиглии, а сам отправлялся на шлюпке в длнтельиую экспедицию, нногда, как говорили, для того, чтобы закопать свою долю иаграблеиного добра, а нногда для охоты на диких быков на Эспаньоле[1]. Копченые бычьи туши обеспечивалн его провнзией на весь следующий рейс. В последнем случае барк после креиговаиня подходил к условлеииому месту прниять иа борт капнтаиа и его добычу.

Населенне островов жило надеждой, что Шаркн когда-нибудь поймают прн описаиных выше обстоятельствах; н вот однажды в Киигстои прншла весть, дававшая повод для снаряжения экспедиции с целью поимки Шаркн.

Весть принес старый дровосек, который попал в руки пирата, ио по какой-то пьяной прнхоти был отпущеи иа волю, хотя его осиовательио отдубасили н раздробнли

[1] Старое название острова Гаити.

ему нос. Сведения дровосека были свежие и точные. «Счастливое избавление» кренговали у Торбека на юго-западном побережье Эспаньолы. Шарки с четырьмя матросами охотился на отдаленном острове Ла-Ваш.

Кровь сотен убитых им моряков взывала к отмщению, и теперь казалось, что этот зов не останется без ответа.

Губернатор сэр Эдуард Комптон, горбоносый, краснолицый мужчина, держал тайный совет с комендантом и главой муниципалитета. Он был в крайнем недоумении и ломал себе голову, как использовать предоставившуюся ему возможность. Единственный военный корабль находился довольно далеко — в Джемстауне, это было старое, неповоротливое посыльное судно, которое не могло ни догнать морского разбойника в открытом море, ни пробраться в мелководную бухту. В Кингстоне и Порт-Ройяле были форты и артиллеристы, но для экспедиции не хватало пехотинцев.

Можно было бы снарядить отряд из жителей Кингстона — многие из них питали непримиримую, кровавую вражду к Шарки. Но что дал бы такой поход? Пиратов на судне было много, и все это были отчаянные люди. Конечно, поймать Шарки и его четырех спутников дело нетрудное — только бы их разыскать; но попробуйте найти их на таком большом лесистом острове, как Ла-Ваш, с его дикими горами и непроходимыми джунглями!

Было обещано вознаграждение любому, кто сумеет найти обещающее успех решение, в результате чего к губернатору явился человек, у которого был готов своеобразный план. Больше того, он сам брался его выполнить.

Этим человеком оказался Стивен Крэддок, пуританин, много лет тому назад свихнувшийся с пути истинного. Выходец из добропорядочной салемской семьи, он своими дурными делами доказывал, какую реакцию может вызвать излишняя суровость этой религии. Со всей своей силой и энергией, унаследованной им от добродетельных предков, он предавался пороку. Крэддок отличался изобретательностью, неустрашимостью и необычайным упорством в достижении поставленной цели. Еще в дни его молодости дурная слава о нем обежала все побережье Америки.

Это был тот самый Крэддок, которого в штате Виргиния осудили на смертную казнь за убийство вождя индейского племени семинолов. И хотя он избежал наказания, но всем было известно, что он подкупил свидетелей и дал взятку судье.

Впоследствии он стал работорговцем и даже, как намекали, пиратом; в заливе Бенин его имя вызывало самые мрачные воспоминания. В конце концов, сколотив состояние, он вернулся на Ямайку, обосновался там и стал вести беспутный образ жизни. Таков был этот человек, худощавый, суровый и опасный, который пришел к губернатору со своим планом уничтожения Шарки.

Сэр Эдуард принял его без особого энтузиазма: хотя до него и дошли слухи, что человек этот исправился и изменился к лучшему, губернатор видел в нем паршивую овцу, которая может испортить все его немногочисленное стадо. Поэтому за тонкой завесой официальной сдержанной вежливости Крэддок сразу почувствовал недоверие.

— Вы можете не опасаться меня, сэр,— сказал он.— Я не тот, каким был раньше. Недавно, после многих черных годин, я снова увидел свет. Это произошло благодаря помощи, оказанной мне преподобным Джоном Саймонсом из нашей местной церкви. Сэр, если вы нуждаетесь в духовной поддержке, беседы с ним доставят вам удовольствие.

Губернатор, как член епископальной церкви, высокомерно вздернул подбородок перед визнтером-пуританином:

— Мистер Крэддок, вы пришли сюда, чтобы говорить со мной о Шарки.

— Этот человек, Шарки,— сосуд гнева,— продолжал Крэддок.— Он слишком высоко вознес свой рог. Мне было открыто, что если я смогу подсечь его рог и уничтожить злодея, то это будет весьма благочестивым делом; оно может искупить многие мои отступления от веры в прошлом. Мне ниспослан план, посредством которого я добьюсь его гибели.

Собеседник чрезвычайно заинтересовал губернатора. Веснушчатое суровое лицо его гостя выражало решимость. В конце концов это был все же моряк, закален-

ный в битвах, и если он в самом деле пылает желанием искупить свое прошлое, то лучшего человека для такой миссии не найти.

— Это очень опасное дело, мистер Крэддок,— заметил губернатор.

— Если меня постигнет смерть, может быть, она изгладит воспоминания о дурно проведенной жизни. Мне нужно очень многое искупить.

Губернатор не нашел возможным возразить Крэддоку.

— В чем заключается ваш план? — спросил губернатор.

— Вы, вероятно, слышали, что барк пирата, «Счастливое избавление», был приписан к нашему порту, а именно к Кингстону?

— Да, он принадлежал мистеру Кодрингтону и был захвачен Шарки, так как барк был более быстроходным, нежели его старый шлюп. Свое судно пират после этого потопил, пробив у него борта,— ответил сэр Эдуард.

— Это так. Но вряд ли вы знаете, что у мистера Кодрингтона есть точно такой же барк, «Белая роза»; сейчас он как раз стоит в нашей гавани. Этот барк до того похож на «Счастливое избавление», что, не будь на нем белой полосы, ни один человек в мире не смог бы их различить.

— Ах, вот как! Ну и что из того? — спросил весьма заинтересованный губернатор; у него был вид человека, которого вот-вот осенит замечательная идея.

— С помощью этого корабля пират попадет нам в руки.

— А каким образом?

— Я закрашу полосу на «Белой розе» и во всем остальном подгоню ее под «Счастливое избавление». Затем отправлюсь к острову Ла-Ваш, на котором Шарки охотится на диких быков. Когда он нас увидит, он безусловно примет наш корабль за свой и поднимется на борт навстречу своей погибели.

План был до смешного прост, и тем не менее губернатору показалось, что он может увенчаться успехом. Без малейших колебаний он разрешил Крэддоку делать все, что тот сочтет необходимым для достижения наме-

ченной цели. Однако сэр Эдуард был настроен не слишком оптимистически. Уже неоднократно пытались изловить Шарки, и всякий раз пират оказывался столь же хитрым, сколь и жестоким. Но этот худощавый пуританин со своим черным прошлым был также и коварен и жесток.

Состязание в хитроумии между двумя такими людьми, как Шарки и Крэддок, пробуждало в губернаторе спортивный задор, хотя он и видел, что идет на риск. Он поддержал и ободрил Крэддока, как подбодрил бы своего коня или бойцового петуха.

Прежде всего нужно было торопиться, так как в любой день кренгование могло закончиться, и пираты не замедлят выйти в море. Но работы было немного, а помощников нашлось сколько угодно, так что уже на следующий день «Белая роза» выходила из гавани в море. Многие моряки в порту хорошо знали очертания и оснастку пиратского барка, и ни один из них, глядя на «Белую розу», не заметил ни малейшей разницы. Белую бортовую полосу закрасили, мачты и реи закоптили, чтобы придать барку облик мрачного, видавшего виды скитальца. На фор-марсель была нашита огромная заплата в форме ромба.

Команда состояла из добровольцев; многие из них в свое время плавали под началом Стивена Крэддока: помощник капитана Джошуа Гирд, старый работорговец, сопровождавший его во многих странствиях, и теперь откликнулся на приглашение своего былого главаря.

Барк летел по Карибскому морю. При виде фор-марселя с бубновой заплатой всякая мелкая посудина разбегалась направо и налево, как испуганная форель в заводи. К вечеру четвертого дня в пяти милях к северо-востоку показался мыс Абаку.

На пятые сутки вечером они бросили якорь в Черепашьем заливе острова Ла-Ваш, где охотились Шарки и его четверо сподвижников. Остров покрывал густой лес. Пальмы и подлесок спускались к узкой полосе серебристого песка, которая, как серп, окаймляла берег. На барке подняли черный флаг и красный вымпел, но с берега не последовало никакого ответа. Крэддок напрягал зрение в надежде, что вот-вот увидит, как от берега

отчаливает ботик с Шарки, сидящим у шкотов. Но прошла ночь, миновал день и еще одна ночь, но не видно было никаких признаков людей, которых они намеревались заманить в ловушку. Видимо, «Белая роза» запоздала и пираты уже убрались отсюда.

На следующее утро Крэддок сошел на берег, чтобы проверить свое предположение. То, что он увидел, его успокоило. Совсем близко от берега стояла поленница из свежесрубленного леса, какой употребляют для копчения мяса. Вокруг поленницы висели куски копченой говядины. Корабль пиратов еще не забрал свою провизию. Следовательно, охотники все еще находились на острове.

Почему же они не показывались? Может быть, они обнаружили, что это не их корабль? Или они охотились в глубине острова и еще не ждали прибытия своего барка? Крэддок терялся в догадках, но тут появился индеец-караиб и сообщил, что пираты все еще находятся на острове. Их лагерь, сказал он, разбит на расстоянии одного дня пути. Они украли у него жену, самого его избили — на его коричневой коже виднелись красные полосы. Враги пиратов — его друзья, и он готов повести их к стоянке охотников.

Лучшего Крэддок не мог бы и пожелать. На следующее утро он отправился вместе с проводником-караибом во главе небольшого, вооруженного до зубов отряда. Весь день они продирались сквозь заросли, карабкались на скалы и продвигались все дальше и дальше в самое сердце пустынного острова. То тут, то там они находили следы, оставленные охотниками,— кости убитого быка или следы ног на болоте, а однажды под вечер им почудилось, что они услышали отдаленный треск выстрелов.

Ночь они провели под деревьями и снова выступили в путь при первых проблесках рассвета. В полдень они увидали хижины из древесной коры. Здесь, как уверял караиб, и был лагерь охотников. Но хижины были пусты, кругом царила тишина. Без сомнения, обитатели хижин ушли на охоту и вернутся лишь к вечеру; Крэддок и его люди устроили засаду в кустах, окружавших лагерь. Но вечером никто не явился, и они провели впустую еще одну ночь в лесу. Больше делать было не-

чего, и Крэддок решил, что после двухдневной отлучки пора возвращаться иа барк.

Обратиый поход оказался менее трудиым, так как они шли по проложеииой ими самими тропиике. Еще до вечера оии достигли залива и увидели свой корабль, стоящий на якоре иа прежием месте. Их шлюпка иаходилась в кустах, куда оии ее подтяиули перед выходом в лес. Они спустили шлюпку иа воду, иалегли иа весла и иаправились к барку.

— Что, ие повезло? — крикиул Джошуа Гирд, когда шлюпка подошла к трапу.

Помощиик поджидал Крэддока иа корме корабля. Лицо его было бледно.

— Лагерь был пуст, ио Шарки еще может сюда прийти,— сказал Крэддок, заиося иогу иа трап.

На палубе послышался смех.

— Я думаю,— сказал помощиик,— что лучше нашим людям остаться в шлюпке.

— Это почему же?

— Когда вы подииметесь к иам иа борт, сэр, вы поймете, почему.

Помощиик говорил каким-то страииым, прерывающимся голосом.

Кровь бросилась Крэддоку в лицо.

— Это еще что такое, мистер Гирд? — заорал ои, подиимаясь по трапу.— Как вы смеете отдавать приказаиия комаиде моего корабля?

Но как только ои перелез через фальшборт и ступил одиой иогой иа палубу, какой-то бородач, которого Крэддок до того ии разу ие видел на корабле, неожиданно выхватил пистолет у иего из-за пояса. Крэддок поймал его за руку, ио в то же мгиовеиие стоящий рядом с иим малый выдериул у Крэддока саблю.

— Что за шутки? — закричал Крэддок, в ярости озираясь по сторонам, ио комаида, стоявшая иа палубе небольшими группами, посмеивалась и перешептывалась, и иикто ие приходил ему на помощь. Даже при беглом взгляде Крэддоку бросилось в глаза, что иа матросах была какая-то иеобычайиая одежда: на одиих топорщились длииополые костюмы для верховой езды, иа других — бархатиые кафтаиы, у миогих под колеиями

развевались разноцветные ленты,— в общем, они скорее походили на каких-то модников, чем матросов.

Глядя на их нелепые фигуры, Крэддок ударил себя кулаком по лбу, чтобы удостовериться, что все это происходит наяву. Палуба была гораздо более грязной, чем в тот день, когда он высаживался на берег; со всех сторон к нему были обращены чужие, черные от загара лица. Никого из этих людей, кроме Джошуа Гирда, он не знал. Неужели кто-то захватил судно во время его отсутствия? А окружающие — уж не пираты ли они, не люди ли Шарки? При этой мысли он ринулся к борту, чтобы прыгнуть в свою шлюпку, но его мгновенно потащили на корму и втолкнули в открытую дверь его собственной каюты.

И здесь все выглядело иначе, чем в то утро, когда он отсюда уходил. Все было другое: и пол, и потолок, и мебель. У него обстановка отличалась строгой простотой. Здесь же все утопало в роскоши и грязи: драгоценные бархатные шторы были покрыты винными пятнами, панели из редкостных пород дерева — в оспинах от пистолетных выстрелов.

На столе лежала огромная карта Карибского моря. Над ней с циркулем в руке сидел бритый бледнолицый человек. На нем была меховая шапочка и кафтан из камчатной ткани цвета красного вина. У Крэддока даже веснушки на лице побледнели, когда он увидел длинный, узкий нос с высоко вырезанными ноздрями и глаза с красными веками, неподвижно устремленные на него с насмешкой игрока, прижавшего своего противника к стенке.

— Шарки? — воскликнул Крэддок.

Тонкие губы Шарки раздвинулись, и он разразился визгливым смехом.

— Дурак! — заорал он и, наклонившись вперед, вонзил ножку циркуля в плечо Крэддока.— Ах ты, ничтожество, тупоумный дуралей! И ты вздумал соперничать со мной!

Не столько боль, сколько презрение, звучавшее в голосе Шарки, вызвало у Крэддока взрыв дикого бешенства. Он яростно завопил и, прыгнув на пирата, стал бешено колотить его руками и ногами. Шестеро молодцов еле-еле оттащили его и прижали к полу среди об-

ломков разбитого стола; все это были беглые каторжники, на каждом из них виднелось клеймо. Шарки не сводил с Крэддока презрительного взгляда. Крэддок отчаянно извивался, на губах у него выступила пена. Вдруг снаружи донеслись громкий треск и испуганные вскрики.

— В чем дело? — спросил Шарки.

— На шлюпку сбросили ядра и пробили дно. Люди барахтаются в воде.

— Пусть там и остаются,— сказал пират.— Теперь, Крэддок, ты знаешь, где ты находишься: ты на борту моего корабля «Счастливое избавление» и полностью в моей власти. Я знавал тебя как отважного моряка, мошенник ты этакий, еще до того, как ты стал сухопутным ханжой. Твои руки в те времена были не чище моих. Так вот, либо ты немедленно подпишешь этот договор, как уже сделал твой помощник, и присоединишься к нам, либо я тебя вышвырну за борт, где уже бултыхается вся твоя команда.

— А где мой корабль? — спросил Крэддок.

— Лежит на дне залива.

— А мои люди?

— Там же.

— В таком случае бросайте и меня туда же.

— Подрезать ему поджилки и сбросить за борт! — приказал Шарки.

Множество грубых рук поволокло Крэддока на палубу, и старшина Галлоуэй уже вытащил свой кортик, чтобы искалечить пленника. Неожиданно из каюты быстрыми шагами вышел Шарки. Его лицо горело от возбуждения.

— Мы можем расправиться с этим псом еще почище! — крикнул он.— Чтоб я захлебнулся в соленой воде, если у меня не возник великолепный план! Заковать его и бросить в парусную. Потом зайди ко мне, я тебе расскажу, что я придумал.

Итак, Крэддок, закованный в цепи, весь в синяках и ранах, как телесных, так и душевных, был брошен в парусную. Он не мог двинуть ни ногой, ни рукой, но в жилах у него билась неукротимая кровь северянина; суровая душа Крэддока стремилась к достойному концу, который мог бы хоть отчасти загладить грехи его

прошлого. Всю ночь он пролежал, прижавшись к скосу корабельного днища. По шумному плеску воды и скрипу шпангоута он понял, что корабль вышел в море и идет куда-то полным ходом.

На рассвете кто-то в темноте прополз к нему по грудам парусов.

— Вот ром и сухари,— услышал он голос своего бывшего помощника.— Капитан Крэддок, принося это, я рискую жизнью.

— Это ты помог им подстроить мне западню?— воскликнул Крэддок.— Ты сурово за это ответишь!

— Я сделал это под угрозой ножа, который приставили к моей спине.

— Да простит тебе господь твою трусость, Джошуа Гирд. Как же ты попал к ним в лапы?

— Дело в том, капитан Крэддок, что в тот день, когда вы ушли в лес, прибыл после кренгования пиратский корабль. Они взяли нас на абордаж, у нас была нехватка в команде, так как лучшие люди были в лесу с вами, и нас быстро одолели. Некоторых наших зарубили, и это были самые счастливые. Других замучили позже. Что до меня, то я спас себе жизнь, записавшись в пираты.

— Неужели они потопили мой корабль?

— Они его потопили, и только тогда Шарки и его люди, наблюдавшие за нами из береговых зарослей, вернулись на «Счастливое избавление». Оказывается, что в последнем рейсе его грот-рей треснул и его скрепили брусом, и Шарки как увидел, что наш рей невредим, так сразу заподозрил что-то неладное. А под конец он решил заманить нас в ту самую ловушку, которую вы готовили ему.

Крэддок горько застонал.

— И как это я не заметил, что грот-рей у него скреплен брусом?— пробормотал он.— А куда мы идем?

— Мы идем на северо-запад.

— На северо-запад! Так, значит, мы возвращаемся к Ямайке!

— Со скоростью восемь узлов.

— Вы не слыхали, что они собираются со мной сделать?

— Нет, не слыхал. Если бы только вы подписали договор...

— Ни слова больше, Джошуа Гирд! Хватит! Я слишком часто пренебрегал спасением своей души.

— Как хотите! Я сделал все, что смог. Прощайте!

Всю ночь и весь следующий день барк «Счастливое избавление» летел, гонимый восточными пассатами, а Стивен Крэддок лежал в темной парусной и терпеливо возился со своими наручниками. В конце концов ему удалось содрать один из наручников, хотя он и повредил несколько пальцев, но как он ни старался, он не смог освободиться от второго. Лодыжки его ног были скованы еще крепче.

Часами он слушал плеск воды и знал, что на барке подняли все паруса, чтобы воспользоваться пассатным ветром. В таком случае барк, вероятно, уже приближается к Ямайке. Что же задумал Шарки? Что он собирается сделать с пленником? Крэддок стиснул зубы и поклялся, что если в свое время он стал злодеем по собственному желанию, то теперь его ни за что не заставят снова вступить на путь зла силой.

На следующее утро Крэддок догадался, что часть парусов на судне убрали и что под легким бризом, дувшим с носа, оно медленно поворачивает на другой галс. Крен судна и звуки на палубе рассказывали опытному моряку обо всем, что происходит. Частые смены галсов говорили о том, что корабль маневрирует вблизи берега, направляется к какому-то определенному месту. В таком случае он уже достиг Ямайки. Но что ему там делать?

Внезапно на палубе раздался взрыв приветственных криков, затем над головой Крэддока прогремел пушечный выстрел, издалека через водное пространство донесся ответный гул орудий. Крэддок присел и стал прислушиваться. Неужели корабль начал сражение? Но пушка выпалила только один раз, и хотя ответных выстрелов было много, ни разу не раздалось характерного звука попадания.

Если это не бой, то это, должно быть, салют! Но кто же встретит салютом Шарки? Пирата? Так поступить может только другой пиратский корабль.

В полном недоумении Крэддок снова улегся и при-

иялся за второй наручннк, который все еще сжнмал его правое запястье.

Вдруг снаружн послышался шум шагов, н едва он успел обмотать болтающнеся звенья цепн вокруг свободиой руки, как дверь отворилась н вошли двое пиратов.

— Эй, плотинк, где молоток? — спроснл одии нз иих, в котором Крэддок узиал огромного квартнрмейстера. — Сбей оковы у него с ног. А браслеты на руках оставь — так будет вернее.

Орудуя молотком н зубнлом, плотиик снял оковы с ног.

— Что вы хотнте со мной делать? — спроснл Крэддок.

— Поднимешься иа палубу, там увндншь.

Матрос схватил его за руку и грубо потащнл к трапу. Крэддок поднял голову: над ним сиял квадрат синего неба, рассеченный бизаиь-гафелем с развевающимнся флагами. Прн виде этнх флагов у Стнвеиа Крэддока перехватило дыхание. Флагов было два, и одни из нних — флаг Брнтаиии — висел иад флагом «Веселого Роджера»: символ добропорядочностн над снмволом злодейства.

Крэддок стоял в полном иедоуменнн, ио снльный толчок в спину погиал его вверх по трапу. Ступнв на палубу, он увидел, что иад красным вымпелом тоже полощется флаг Брнтанни, а все снастн унизаны гнрляндами.

Значит, кто-то вырвал корабль нз рук пнратов? Но это совсем уж невероятно, нбо пираты облепили левый борт и восторженно размахнвали высоко поднятыми в воздух шляпами. Самым заметным из всех был реиегатпомощник. Ои стоял на самом краю полубака и ненстово жестикулнровал. Крэддок глянул через борт, увндел, кого они приветствуют, и мгновенно осознал всю серьезиость положения.

С левого борта, примерио иа расстояинн мнлн, белели дома и форты Порт-Ройяла. Над всемн крышамн развевалнсь флаги. Впереди вндиелся проход между скаламн, ведущий в гавань Кннгстона. Там, иа расстояннн ие более четверти миля, двнгался, борясь с легким ветерком, иебольшой шлюп. На верхушке мачты шлюпа

развевался британский флаг, и все снасти были разукрашены. Палубу его густо заполняли какие-то люди. Они махали шляпами и выкрикивали приветствия. На общем темном фоне выделялись пятна алого цвета, и это означало, что на шлюпе находились и гарнизонные офицеры.

В один миг Крэддок понял, в чем дело. Шарки, дьявольски коварный и наглый пират, разыгрывал ту роль, которая предназначалась Крэддоку, если бы он вернулся в Кингстон победителем. Это в честь его, Крэддока, гремели салюты и развевались флаги. К «Счастливому избавлению» шел шлюп с губернатором, комендантом и всем начальством острова затем, чтобы приветствовать его, Крэддока. Через каких-нибудь десять минут шлюп будет в пределах досягаемости пушек «Счастливого избавления», и Шарки выиграет такую крупную ставку, какая до сих пор не снилась ни одному пирату.

— Вывести его вперед! — крикнул Шарки, когда Крэддок появился в сопровождении старшины и плотника.— Амбразуры пока держите закрытыми, но подкатите все орудия левого борта и будьте готовы дать залп всем бортом. Еще два кабельтовых, и они наши.

— Они как будто поворачивают,— сказал боцман.— Мне думается, они нас распознали.

— Это мы быстро исправим,— сказал Шарки, уставившись на Крэддока.— Эй, ты, стань здесь... вот здесь, где ты будешь виден, и они тебя узнают. Ухватись одной рукой за ванты и помахай им шляпой. Быстрее, не то твои мозги испачкают тебе одежду. Нэд, воткни-ка в него свой нож на один дюйм. Ну как, помашешь шляпой? Попробуй еще разочек, Нэд... Эй, пристрелить его! Задержать его!

Но уже было поздно. Понадеявшись на наручники, квартирмейстер выпустил на секунду руку Крэддока. В ту же секунду тот вырвался из рук плотника. Под градом пистолетных выстрелов Крэддок перепрыгнул через борт и поплыл. В него попали и раз и другой, но требуется немало пистолетных пуль, чтобы убить отважного и сильного человека, который твердо решил довести до конца задуманное дело и лишь потом умереть. Крэддок превосходно плавал, и, несмотря на кровавый

след, который он оставлял за собой, расстояние между ним и пиратским кораблем быстро увеличивалось.

— Мушкет! Дайте мне мушкет! — кричал Шарки, свирепо ругаясь.

Он был прославленным стрелком, и его железные нервы никогда не подводили его в критическую минуту. Черноволосая голова, то взлетавшая на гребне волны, то низвергавшаяся вниз, уже находилась на полпути к шлюпу. Шарки долго прицеливался, прежде чем спустить курок. При звуке выстрела пловец выпрямился, взмахнул рукой, подавая шлюпу знак предостережения, и голос его загремел на весь залив. Шлюп поспешно повернул назад, и бортовой залп пирата уже не достиг цели.

Угрюмо улыбаясь в смертельной агонии, Стивен Крэддок медленно шел ко дну, где его ждало золотое песчаное ложе.

ОШИБКА КАПИТАНА ШАРКИ

Шарки, чудовище Шарки, снова вышел в море. После двухлетнего пребывания у Коромандельского побережья его черный корабль смерти под названием «Счастливое избавление» снова бороздил Карибское море в поисках добычи, а рыболовные и торговые суда, завидя залатанный грот-марсель, медленно поднимающийся над лиловой гладью тропического моря, бросались бежать, спасаясь от пирата.

Прослышав, что им опять грозит страшный бич океана, занимавшиеся своим делом суда, от китобойцев Нантакета до кораблей из Чарльстона, перевозящих табак, от испанских грузовых судов из Кадикса до кораблей Вест-Индии, трюмы которых набиты сахаром, становились похожими на птиц, разлетающихся в стороны, когда на поле упадет тень ястреба, или обитателей джунглей, прячущихся в страхе, когда в ночной тьме раздается хриплый рев тигра.

Одни жались к берегам, готовые в любой момент укрыться в ближайшем порту, а другие плавали далеко за пределами известных торговых путей, но всем им дышалось легко и свободно только тогда, когда пассажиры и груз находились под защитой пушек какого-нибудь форта.

По всем островам ходили слухи о найденных в море обгорелых останках кораблей, о вспышках, внезапно озарявших ночной мрак, и об иссушенных солнцем трупах, распростертых на багамских песчаных косах. Все

это были обычные признаки того, что Шарки вновь ведет свою кровавую игру.

Эти прекрасные воды и заросшие пальмами острова с желтой кромкой песчаных берегов уже не одно столетие являлись излюбленным прибежищем пирата. Сначала им был дворянин, искатель приключений, человек чести и голубой крови, он сражался, вдохновляемый патриотизмом, хотя всегда изъявлял готовность взять свою долю награбленной испанцами добычи.

Веком позднее эта романтическая фигура исчезает, уступая место пиратам-разбойникам, отъявленным грабителям; однако они подчинялись определенному, ими же выработанному уставу, слушались своих прославленных капитанов и порой совместно проводили крупные, хорошо организованные операции.

Но и они исчезли вместе со своими флотилиями, наводившими ужас на города, а им на смену пришел самый страшный из пиратов — пират-одиночка, пират-изгнанник, кровожадный Измаил морей, объявивший войну всему человечеству. То было подлое племя, порожденное восемнадцатым веком, и самым отвратительным из них был капитан Шарки: никто не мог равняться с ним ни по дерзости, ни по своим порокам и низости.

В начале мая 1720 года барк «Счастливое избавление» дрейфовал с зарифленными парусами в пяти милях к западу от Наветренного пролива, поджидая, когда попутный ветер пригонит к нему какое-нибудь богатое безоружное судно.

Он стоял там уже три дня — черное, зловещее пятно в центре огромного сапфирового круга воды. Далеко к юго-востоку на горизонте вырисовывались невысокие голубые горы Эспаньолы.

Час за часом проводил Шарки в бесплодном ожидании, и им овладевало дикое раздражение — его надменный дух прямо-таки воспламенялся, когда встречал противодействие, пусть даже оказанное самой судьбой. Заливаясь гнусным, гогочущим смехом, он сказал в ту ночь своему старшине-рулевому Нэду Галлоуэю, что за столь долгое и томительное ожидание команда первого же захваченного им судна расплатится сполна.

Просторная каюта пиратского корабля была полна дорогих, но испорченных вещей и представляла удиви-

тельную смесь роскоши и беспорядка. Панельная обшивка из резного и полированного сандалового дерева была покрыта грязными пятнами и продырявлена пулями во время какого-то буйного пиршества.

На парчовых диванах валялись груды пышного бархата и кружев, а изделия из редких металлов и ценные картины заполняли каждую нишу и каждый уголок, ибо все, что привлекло внимание пирата на разграбленных им бесчисленных судах, было свалено в его каюте. Пол был устлан дорогим мягким ковром, но и тот был испещрен пятнами от вина и прожжен табачным пеплом.

Большая медная лампа, подвешенная к потолку, освещала ярким желтым светом эту необыкновенную каюту и двух мужчин, сидящих за столом. На столе стояло вино, мужчины были без курток и, сидя в одних рубашках, резались в пикет. Оба курили длинные трубки, и тонкий синий дымок клубился в воздухе и уплывал через полуоткрытый люк в потолке, сквозь который виднелся кусок темно-фиолетового неба, усеянного крупными серебряными звездами.

Нэд Галлоуэй, человек громадного роста, был непутевым отпрыском, гнилым сучком на цветущем древе пуританского рода из Новой Англии. Гигантскую фигуру и мощные конечности он унаследовал от своих богобоязненных предков, а дикий, кровожадный нрав был его личной особенностью. Заросший бородой до самых висков, со свирепыми синими глазами, спутанной львиной гривой жестких темных волос и огромными золотыми серьгами в ушах, в Карибском море он был кумиром женщин в каждом портовом притоне от Тортуги до Маракаибо. Красная шапка, синяя шелковая рубашка, коричневые бархатные штаны, перехваченные яркими лентами у колен, и высокие морские сапоги составляли наряд этого пиратского Геркулеса.

Совсем иным был капитан Джон Шарки. Его худая, длинная, гладко выбритая физиономия своей бледностью напоминала лицо покойника, и знойное южное солнце придало ей лишь пергаментный оттенок. У него были похожие на паклю, уже основательно поредевшие волосы и крутой узкий лоб. Острый тонкий нос выдавался вперед, а близко посаженные мутно-голубые глаза были окружены красным ободком, как у белого буль-

терьера, и от этих глаз даже сильные духом люди отводили взгляд со страхом и отвращением. Его костлявые руки с длинными, тонкими пальцами находились в непрестанном движении, точно щупальца насекомого, играя то картами, то золотыми луидорами, груда которых лежала перед ним. Одежда его была из какой-то темной ткани, но люди, которым случалось смотреть на это страшное лицо, едва ли обращали внимание на костюм капитана.

Внезапно игра была прервана; рывком отворив дверь, в каюту вломились двое грубых с виду мужчин: боцман Израэл Мартин и канонир Рэд Фолн. В то же мгновение Шарки уже стоял на ногах, зажав в каждой руке по пистолету, а в глазах его сверкал зловещий огонь.

— Чтоб вам сдохнуть, негодяи!— заорал он.— Я вижу, что, если время от времени не отправлять одного из вас на тот свет, вы забываете, кто я такой. Как вы смели ворваться в мою каюту,— что это вам, кабак?

— Брось, капитан Шарки,— сказал Мартин, и его кирпично-красное лицо еще больше потемнело.— Вся эта брань навязла у нас в ушах, довольно уж мы ее наслышались.

— Хватит с нас,— поддержал его канонир Рэд Фолн.— Раз на пиратском судне нет помощников, боцман, канонир и квартирмейстер — те же офицеры.

— Я этого не отрицаю,— выругавшись, проворчал Шарки.

— Ты нас всячески обзываешь в присутствии матросов, и сейчас мы не знаем, стóит ли нам рисковать своей шкурой, защищая твою каюту от тех, кто собрался там на баке.

Шарки почувствовал, что запахло бунтом. Он положил пистолеты на стол и откинулся на спинку кресла, сверкнув своими желтыми клыками.

— Дело дрянь,— проговорил он.— Дело дрянь, если двое смелых парней, которые опустошили вместе со мной не одну бутылку вина и перерезали не одну глотку, затевают ссору из-за сущего пустяка. Я знаю, вы отважные ребята и пошли бы со мной против самого дьявола, если бы я вас попросил. Эй, слуга, принеси кружки, утопим в вине все наши раздоры.

— Не время пить, капитан Шарки,— возразил Мартин.— Люди собрались на совет вокруг грот-мачты и вот-вот явятся сюда. Они что-то замышляют, капитан Шарки, и мы пришли тебя предупредить.

Шарки вскочил на ноги и схватил шпагу, которая висела на стене, поблескивая медной рукояткой.

— Чтоб им сдохнуть, мерзавцам!— крикнул он.— Они сразу образумятся, как только я проткну одного из этих молодчиков, а то и сразу пару.

Он рванулся к двери, но ему преградили путь.

— Их сорок человек, и во главе их шкипер Суитлокс,— сказал Мартин,— и как только ты появишься на палубе, они наверняка разорвут тебя в клочья. Сюда в каюту они вряд ли посмеют войти, побоятся наших пистолетов.

В этот миг с палубы донесся топот тяжелых сапог. Затем наступила тишина, и не было слышно ни звука, кроме мерного плеска воды о борт корабля. Затем раздался грохот, словно в дверь били рукояткой пистолета, и в тот же миг сам Суитлокс, высокий черноволосый человек с темно-красным родимым пятном на щеке, ворвался в каюту. Однако встретив взгляд бесцветных, тусклых глаз, он несколько сник, утратив свой гонор.

— Капитан Шарки,— сказал он.— Я пришел как представитель команды.

— Мне это известно, Суитлокс,— вкрадчиво ответил капитан.— За то, что ты натворил нынче ночью, тебя следовало бы прикончить.

— Может, и так, капитан Шарки,— продолжал шкипер,— но если ты взглянешь наверх, то убедишься, что за мной стоят люди, которые не дадут меня в обиду.

— Не дадим, будь мы прокляты!— прогремел сверху чей-то бас, и, подняв глаза, командиры увидели в открытом люке множество свирепых, дочерна загорелых бородатых лиц.

— Ну так, что вы хотите?— спросил Шарки.— Говори, парень, и быстрей с этим покончим.

— Ребята решили,— сказал Суитлокс,— что ты сам дьявол и что у нас не будет удачи, пока мы ходим с тобой по морям. Было время, когда нам попадалось два, а то и три корабля в день, и каждый из нас имел столь-

ко женщин и монеты, сколько хотел. А теперь уже целую неделю мы не поднимали паруса и с тех пор, как миновали Багамскую банку, кроме трех нищенских шлюпов, не захватили ни одного судна. Кроме того, ребятам стало известно, что ты прикончил плотника Джека Бартоломью, огрев его черпаком по голове, и теперь каждый из нас боится за свою жизнь. Да и ром уже весь вышел, а нам страсть как охота выпить. И потом ты сидишь у себя в каюте, а по уставу тебе полагается пить и веселиться вместе с командой. Вот поэтому мы сегодня, посовещавшись, решили...

Шарки бесшумно взвел под столом курок пистолета, и, возможно, мятежный шкипер так никогда бы и не окончил свою речь, но в этот самый миг на палубе раздался быстрый топот ног и в каюту ворвался возбужденный корабельный юнга.

— Корабль!— закричал он.— Близко по борту большой корабль!

Распря мгновенно была забыта — пираты бросились по своим местам. И действительно, плавно колыхаясь на волнах, подгоняемый мягким тропическим ветерком, прямо на них на всех парусах шел тяжело груженный корабль.

Было ясно, что он шел издалека и не знал порядков, господствовавших в Карибском море, ибо не сделал ни малейшей попытки уклониться от встречи с низким черным судном, стоявшим на его пути, а прямо двигался на него,— видимо, небольшой барк не внушал ему никаких опасений.

Торговое судно шло так смело, что на мгновение пираты, уже бросившиеся к пушкам и поднявшие боевые фонари, решили, что их застиг врасплох военный корабль.

Но при виде невооруженных бортов и оснастки торгового судна из их груди вырвался ликующий вопль, и в ту же секунду десятки головорезов с криками и руганью вскарабкались на фока-рей и ринулись оттуда вниз на палубу, взяв встречный корабль на абордаж.

Шестерых матросов, которые несли ночную вахту, прикончили на месте, сам Шарки ударом шпаги ранил помощника капитана, а Нэд Галлоуэй сбросил несчаст-

ного за борт, и, прежде, чем спящие успели подняться со своих коек, судно очутилось в руках пиратов.

Добычей оказался прекрасно оснащенный корабль «Портобелло», под командованием капитана Гарди направляющийся из Лондона в Кингстон на Ямайке с грузом хлопчатобумажных тканей и скобяных изделий.

Собрав на палубе своих ошеломленных и обезумевших от страха пленников, пираты разбрелись по кораблю в поисках добычи, передавая все, что попадалось под руку, гиганту-квартирмейстеру, который, в свою очередь, передавал награбленное на борт «Счастливого избавления», где все вещи складывались у грот-мачты и тщательно охранялись.

Груз никого не интересовал, но в сейфе нашли тысячу гиней, а среди пассажиров, которых было человек десять, оказались три богатых ямайских купца, возвращавшихся домой из Лондона с туго набитыми кошельками.

Когда все ценное было собрано, пассажиров и моряков захваченного судна потащили на шкафут, откуда по приказу Шарки, смотревшего на это с ледяной улыбкой, их поочередно бросали за борт, причем Суитлокс, стоя у поручней, награждал каждого ударом тесака, чтобы какой-нибудь хороший пловец не предстал впоследствии перед судом в качестве свидетеля обвинения. Среди пленников была полная, седовласая женщина, жена плантатора, но и ее, несмотря на крики и мольбы о пощаде, бросили за борт.

— Пощады ищешь, тварь? — заржал Шарки. — Лет двадцать назад ты, может, ее бы заслужила.

Капитан «Портобелло», еще бодрый, крепкий старик с голубыми глазами и седой бородой, остался на палубе последним. Он стоял в свете фонарей со спокойным и решительным видом, а перед ним кланялся и кривлялся сам Шарки.

— Капитаны должны уважать друг друга, — сказал Шарки, — и будь я проклят, если не знаю, как вести себя. Видишь, я дал тебе возможность умереть последним, как и подобает смельчакам. Теперь, дружище, ты видел их конец и можешь с легким сердцем отправиться вслед за ними.

— Так я и сделаю, капитан Шарки,— сказал старый моряк,— ибо я по мере моих сил выполнил свой долг. Но прежде, чем я отправлюсь за борт, мне хочется кое-что тебе шепнуть.

— Если ты собираешься просить пощады, можешь не стараться. Ты заставил нас ждать целых три дня, и будь я проклят, если хоть один из вас останется в живых.

— Нет, я хочу лишь рассказать то, что тебе следует знать. Вы и не подозреваете, что является настоящим сокровищем на борту этого судна.

— Вот как? Черт меня побери, я вырежу тебе печенку, капитан Гарди, если ты не расскажешь нам все! Где сокровище, о котором ты говоришь?

— Это сокровище не золото, а прекрасная девушка, которая достойна не меньшего внимания.

— Где же она? И почему ее не было среди других?

— Я скажу тебе, почему ее не было среди нас. Она единственная дочь графа и графини Рамирес — вы убили их вместе с другими. Ее зовут Инес Рамирес; в ее жилах течет самая благородная кровь Испании. Они направлялись в Чагру, куда ее отец был назначен губернатором. В пути стало известно, что она, как это случается с девушками, влюбилась в человека гораздо ниже ее по званию, который тоже был здесь на борту; поэтому ее родители, могущественные люди, приказаниям которых нельзя было противоречить, заставили меня заключить ее в отдельную каюту позади моей собственной. Там она содержалась в строгости, ей приносили еду и никого не позволяли видеть. Это мой последний подарок тебе, хотя я и сам не знаю, зачем рассказал о ней,— ведь ты действительно самый отъявленный негодяй, и перед смертью меня утешает только мысль о том, что на этом свете тебе суждено стать добычей виселицы, а на том тебя ждет ад.

С этими словами он подбежал к поручням и прыгнул в темноту: опускаясь в морские глубины, он молился лишь о том, чтобы предательство по отношению к девушке не легло слишком тяжелым грехом на его душу.

Тело капитана Гарди на глубине сорока саженей еще не коснулось песчаного дна, как пираты уже побежали к указанной каюте.

В дальнем углу действительно оказалась запертая дверь, которую они прежде не заметили. Ключа не было, но они принялись выбивать дверь ружейными прикладами, между тем как изнутри раздавались отчаянные крики. При свете фонарей они увидели забившуюся в угол юную девушку редкой красоты; ее длинные спутанные волосы спадали до самых пят, она забилась в угол, в ужасе глядя расширенными темными глазами на свирепых, залитых кровью пиратов. Грубые руки схватили ее, поставили на ноги, и пираты с воплями потащили ее туда, где находился Джон Шарки. Протянув вперед фонарь, он долго с наслаждением всматривался в ее лицо, а затем с громким смехом наклонился и окровавленной рукой коснулся ее щеки.

— Это печать пирата, девочка, он клеймит ею свои сокровища. Отведите ее в каюту и обращайтесь с ней хорошо. А теперь, друзья, потопим это судно и будем вновь пытать счастье.

Не прошло и часа, как огромный «Портобелло» пошел ко дну и лег рядом со своими мертвыми пассажирами на песчаном дне Карибского моря, а пиратский барк с награбленным добром направился к северу в поисках очередной жертвы.

В ту же ночь в каюте «Счастливого избавления» было устроено пиршество, участники которого основательно напились. Это были капитан, Нэд Галлоуэй и Плешивый Стейбл, врач, сначала практиковавший в Чарльстоне, но вынужденный бежать от правосудия и предложивший свои услуги пиратам после того, как уморил одного из пациентов. Стейбл был обрюзгший субъект, с шеей в жирных складках и лысым сверкающим черепом,— ему он и был обязан своим прозвищем. Шарки, зная, что ни один зверь не бывает свирепым, когда он сыт, на время забыл о бунте; экипаж был доволен: всем досталось немало добра с «Портобелло»,— и капитану нечего было бояться. Поэтому он пил, орал во все горло и хохотал вместе со своими собутыльниками. Разгоряченные, осатаневшие, они были готовы на любое зверство. И вдруг Шарки вспомнил о девушке. Он приказал слуге-негру немедленно привести ее.

Инес Рамирес теперь знала все, она поняла, что отец и мать ее убиты и она попала в руки их убийц. Но вместе

со знанием к ней пришло и спокойствие, поэтому, когда ее привели в каюту, на гордом, смуглом ее лице не было и следа страха, она только решительно сжала губы, да глаза у нее сверкнули ликующим блеском, как у человека, который исполнен светлых надежд. И когда предводитель пиратов встал и схватил ее за талию, она лишь улыбнулась в ответ.

— Клянусь богом, девчонка с изюминкой! — вакрнчал Шарки, обнимая ее.— Она рождена, чтобы стать любовницей пирата. Сюда, моя птичка, выпей за нашу дружбу.

— Статья шестая! — заикнулся доктор.— Вся добыча поровну.

— Да! Не забудь об этом, капитан Шарки,— подтвердил Галлоуэй.— Так сказано в статье шестой.

— Я разрублю на куски того, кто встанет между этой девушкой и мною! — зарычал Шарки, переводя свои рыбьи глаза с одного на другого.— Нет, девочка, еще не родился человек, который заберет тебя у Джона Шаркн. Садись ко мне на колени и обними меня вот так. Будь я проклят, если она не полюбила меня с первого взгляда! Скажи мне, милочка, почему с тобой так плохо обращались на том корабле и даже заперли в отдельную каюту?

Девушка качнула головой и улыбнулась.

— No inglese... No inglese [1],— пролепетала она.

Она выпила бокал вина, который протянул ей капитан, и ее темные глаза заблестели еще ярче, чем прежде. Сидя на коленях у Шарки, она обняла его за шею и играла его волосами, гладила уши и шею. Даже отчаянный старшина и бывалый доктор смотрели на нее с удивлением, смешанным с ужасом, но Шарки лишь радостно смеялся.

— Будь я проклят, если эта девочка не само пламя! — кричал он, прижимая ее к себе и целуя покорные губы.

Но вдруг внимательный взгляд доктора, неотступно следивший за ней, стал странно напряженным, а лицо окаменело, словно ему в голову пришла какая-то страшная мысль. Пепельно-серая бледность покрыла его бычью

[1] Не говорю по-английски (*исп.*).

физиономию, всегда красную от вина и тропического солнца.

— Посмотри на ее руку, капитан Шарки! — закричал он.— Ради бога, взгляни на ее руку!

Шарки уставился на руку, которая ласкала его. Она была странного мертвенно-бледного цвета, с желтыми лоснящимися перепонками между пальцев. Кожа была припудрена белой пушистой пылью, напоминавшей муку на свежеиспеченной булке. Пыль густым слоем покрывала шею и щеку Шарки. С криком отвращения он сбросил женщину с колен, но в тот же миг, издав торжествующе злобный вопль, она, как дикая кошка, прыгнула на доктора, который с пронзительным визгом исчез под столом. Одной клешней она вцепилась в бороду Галлоуэя, но он вырвался и, схватив пику, отогнал женщину от себя; она что-то невнятно бормотала и гримасничала, а глаза у нее горели, как у маньяка.

Услышав крики, в каюту вбежал черный слуга, и им сообща удалось снова водворить обезумевшее создание в каюту и запереть на ключ. Затем все трое, задыхаясь и с ужасом глядя друг на друга, опустились в кресла. Одна и та же мысль сверлила мозг каждого, но Галлоуэй первым заговорил об этом.

— Прокаженная! — крикнул он.—Она заразила всех нас, будь она проклята.

— Только не меня,— ответил доктор,— она не тронула меня даже пальцем.

— Черт возьми,— закричал Галлоуэй,— она дотронулась только до моей бороды! Я сбрею ее еще до рассвета.

— Ну и дурака же мы сваляли! — воскликнул доктор, ударяя себя по голове.— Заразились мы или нет, но у нас теперь не будет и минуты покоя, пока не пройдет год и не минет опасность. Ей-богу, покойный капитан хорошо нам отомстил. И как мы могли поверить, кретины, что девчонку засадили в отдельную каюту из-за каких-то там шашней. Ясно, как день, что ее болезнь заметили уже в пути; не бросать же ее за борт — им только и оставалось, что держать ее взаперти, пока они не придут в какой-нибудь порт, где имеется лепрозорий.

Мертвенно-бледный Шарки, откинувшись на спинку кресла, слушал доктора. Красным носовым платком он стер роковую пыль, которой был усыпан.

— Что же будет со мной? — зарычал он.— Что ты скажешь, Плешивый Стейбл? Есть у меня какой-нибудь шанс на спасение? Будь ты проклят, негодяй! Говори, не то я изобью тебя до полусмерти, а то и совсем прикончу! Есть у меня хоть один шанс?

Но доктор отрицательно покачал головой.

— Капитан Шарки,— сказал он,— было бы бесчестно обманывать тебя. Ты заражен. Ни один человек, на которого попали чешуйки проказы, не может спастись.

Охваченный ужасом Шарки опустил голову на грудь и сидел неподвижно; перед его тусклым взором уже вставало безотрадное будущее. Квартирмейстер и доктор тихо поднялись со своих мест и украдкой выбрались из душной, зараженной каюты на свежий утренний воздух. Мягкий, душистый ветерок овеял их лица. Кудрявые розовые облака уже ловили первый блеск солнца, поднимающегося из-за поросших пальмами гор далекой Эспаньолы.

В то же утро у грот-мачты состоялся второй совет, где выбрали представителей, которых послали за капитаном. Когда они подошли к каюте, из нее вышел Шарки с патронташем и двумя пистолетами; в глазах его горел все тот же дьявольский огонь.

— Будьте вы прокляты, негодяи! — заорал он.— Неужели вы осмелитесь поднять на меня руку? Назад, Суитлокс, или я уложу тебя на месте! Ко мне, Галлоуэй, Мартин, Фоли, ко мне, загоним собак обратно в конуру!

Но командиры покинули его, и никто не пришел ему на помощь. Пираты бросились на Шарки. Один был убит, но спустя минуту Шарки схватили и привязали к грот-мачте. Мутный взгляд капитана переходил с одного лица на другое, и люди, встретив его, поспешно отводили глаза.

— Капитан Шарки,— сказал Суитлокс,— ты плохо обращался с нами, ты убил плотника Бартоломью, размозжив ему голову черпаком, а сейчас ты застрелил Джона Мастерса. Все это можно было бы простить тебе, потому что долгие годы ты был нашим капитаном и мы подписали контракт, обязавшись служить под твоей

комаидой до конца ныиешиего плаваиия. Но теперь мы услышали об этой девчоике и зиаем, что ты заражеи до мозга костей, а пока ты здесь, мы тоже можем заразиться, будем гиить и разлагаться заживо. Поэтому, Джои Шарки, мы, пираты «Счастливого избавлеиия», посовещавшись, решили, пока еще не поздио и зараза не успела распростраииться, отправить тебя в шлюпке иавстречу твоей судьбе.

Джои Шарки иичего ие ответил, ио, медлеиио повериув голову, проклял их всех яростиым взглядом. Спустили судовую шлюпку и, ие развязывая ему рук, сбросили его туда иа тросе.

— Рубить коицы! — крикиул Суитлокс.

— Обожди мииуту, шкипер Суитлокс! — сказал кто-то из матросов.— А что же с девчоикой? Оиа будет сидеть здесь и погубит всех иас?

— Отправить ее вместе с любовником! — завопил другой матрос, и пираты громкими криками выразили свое одобреиие.

Девушку привели, подталкивая пиками, и подтолкнули к шлюпке. В ее гииющем теле горел гордый испанский дух, и она бросала торжествующие взгляды иа своих мучителей.

— Perros! Perros ingleses! Leproso, leproso! [1] — в исступлеиии кричала оиа, когда ее бросили в шлюпку.

— Желаем удачи, капитаи! Попутиого ветра иа весь медовый месяц! — кричал хор иасмешливых голосов, когда коицы были отдаиы, ветер иадул паруса барка и шлюпка осталась далеко за кормой — крошечиая точка в иеобозримом просторе пустынного моря.

Выписка из судового журиала пятидесятипушечиого корабля «Геката» флота его величества во время рейса по Карибскому морю.

«26 января 1726 года. Сегодня, поскольку солоиина стала иепригодиой для еды и пятеро матросов заболели цингой, я приказал отправить две шлюпки иа берег к северо-западиой окоиечиости Эспаиьолы для поисков

[1] Собаки! Собаки англичане! Прокаженные, прокаженные! *(Исп.)*

свежих фруктов и диких коз, которыми изобилует этот остров.

Семь часов пополудни того же дня. Шлюпка вернулась с большим запасом фруктов и двумя козами. Шкипер Вудраф сообщает, что вблизи места высадки на опушке леса был обнаружен скелет женщины, одетой в роскошное платье европейского покроя, из чего можно заключить, что она принадлежала к знати. Ее череп был пробит большим камнем, который валялся поблизости. Рядом находилась хижина, и по некоторым признакам, как-то: обгорелые дрова, кости и другие следы,— можно было убедиться, что в ней некоторое время жил человек. На берегу ходят слухи о том, что в этих краях в прошлом году отсиживался кровожадный пират Шарки, но никто не знает, отправился ли он в глубь острова или был подобран каким-нибудь кораблем. Если он снова в море, молю бога направить его под наши пушки».

КАК КОПЛИ БЭНКС ПРИКОНЧИЛ КАПИТАНА ШАРКИ

Пираты были ие просто грабителями. Оии представляли собой плавучую республику, в которой господствовали собствеииые закоиы, обычаи и порядки. В бесконечных кровавых распрях с испаицами иа их сторoие было даже иекоторое подобие права. В своих опустошительиых иабегах иа прибрежиые города Карибского моря оии совершали ие больше зверств, чем испаицы во время своего вторжеиия в Голлаидию или на Карибские острова в тех же америкаиских землях.

Предводитель пиратов, аигличаиии или фраицуз, Моргаи или Граимои, считался в те времеиа достойиым человеком, отечество порой призиавало и даже восхваляло его, если ои воздерживался от слишком уж чудовищиых поступков, способиых потрясти людей семиадцатого века с их загрубелой совестью. Некоторые из этих пиратов были весьма иабожиы, и до сих пор еще рассказывают, как Соукиис одиажды в воскресеиье выбросил за борт игральиые кости, а Даииэл застрелил человека в церкви за богохульство.

Одиако иаступило время, когда пиратские флотилии уже перестали собираться у Тортуги, и иа смену им пришли пираты-одииочки, стоявшие вие закоиа. Но даже у иих еще существовала дисциплииа и какие-то моральиые устои; эти первые пираты-одииочки — Эйворисы, Ииглеиды и Робертсы — еще испытывали какое-то уважеиие к человеческим чувствам. Оии были грозой купцов, ио моряк еще мог ждать от иих пощады.

Однако и они, в свою очередь, уступили место более кровожадным и отчаянным разбойникам, которые открыто заявляли, что находятся в состоянии войны со всем человечеством, и клялись не давать и не ждать пощады. Об этих пиратах до нас дошло мало достоверных сведений. Они не писали мемуаров и не оставили никаких следов, кроме почерневших от времени, запятнанных кровью останков, которые иногда выбрасывают на берег волны Атлантики. Об их деятельности можно судить лишь по длинному перечню судов, уплывших в море и не вернувшихся в порты.

Роясь в анналах, мы лишь изредка находим отчет о каком-нибудь судебном процессе, который на мгновение приподнимает окутывающую их завесу, и видим людей, поражающих нас своей бессмысленной жестокостью. Таковы были Нэд Лоу, шотландец Гоу и злодей Шарки, чей угольно-черный барк «Счастливое избавление» был известен от берегов Ньюфаундленда до устья Ориноко как мрачный предвестник страданий и гибели.

На островах и на материке немало людей питало кровную вражду к Шарки, но ни один из них не пострадал так, как Коплн Бэнкс из Кингстона. Бэнкс считался одним из самых крупных торговцев сахаром на Вест-Индских островах. Он был человеком с положением, состоял членом городского совета, женился на девушке из знатного рода Персивалей и приходился двоюродным братом губернатору Виргинии. Своих двух сыновей он отправил учиться в Лондон, и его жена поехала за ними в Англию с тем, чтобы привезти их домой на каникулы. На обратном пути корабль «Герцогиня Корнуэльская» попал в лапы Шарки, и вся семья погибла ужасной смертью.

Услыхав эту горестную весть, Коплн Бэнкс не проронил ни слова, но впал в безысходную, мрачную меланхолию. Он забросил дела, избегал друзей и проводил бо́льшую часть времени в грязных тавернах, в обществе рыбаков и матросов. Там, среди буйных гуляк, он сидел с неподвижным лицом и молча пыхтел своей трубкой, а в глазах его горела затаенная ненависть. Все считали, что горе пошатнуло его рассудок, а старые друзья смотрели на него с осуждением, ибо тех, с кем он теперь водил дружбу, никак нельзя было назвать порядочными людьми.

Время от времени доносились слухи о новых бесчинствах Шарки на море. Бывало, что о них рассказывали моряки со шхуны, которая, заметив огромное пламя на горизонте, спешила предложить помощь горящему кораблю, но тут же обращалась в бегство при виде поджарого черного барка, притаившегося в засаде, словно волк возле зарезанной им овцы. Иногда эти слухи подтверждались моряками торгового судна, которое влетало в гавань с парусами, выгнутыми, как дамский корсаж, ибо ему удалось приметить медленно поднимавшийся над лиловой морской гладью залатанный грот-марсель. В другой раз страшные вести привозило каботажное судно, обнаружившее на Багамской отмели высушенные солнцем трупы.

Однажды появился человек — помощник капитана с гвинейского судна,— которому удалось вырваться из рук пиратов. Говорить он не мог — Шарки отрезал ему язык,— но мог писать, и он писал и писал, а Коплн Бэнкс жадно читал его записи. Целыми часами просиживали они над картой: немой показывал далекие рифы и извилистые заливы, а его собеседник с неподвижным лицом и пылающими глазами курил трубку, не произнося ни слова.

Как-то утром, спустя два года после того, как стряслась катастрофа с его семьей, Коплн Бэнкс с прежней энергией бодрым шагом вошел в свою торговую контору. Управляющий уставился на него в изумлении, ибо его хозяин в течение долгих месяцев не проявлял ни малейшего интереса к делам.

— Доброе утро, мистер Бэнкс! — сказал он.

— Доброе утро, Фримэн. Я видел, в бухте стоит «Забияка Гарри».

— Да, сэр. В среду он уходит на Наветренные острова.

— У меня другие планы насчет него, Фримэн. Я решил отправить его за невольниками в Уиду.

— Но груз уже на судне, сэр.

— Значит, придется его разгрузить, Фримэн. Мое решение твердо: «Забияка Гарри» пойдет за невольниками в Уиду.

Все доводы и уговоры оказались тщетными, и огорченный управляющий вынужден был распорядиться о разгрузке судна.

И вот Копли Бэнкс начал готовиться к плаванию в Африку. По-видимому, он полагался больше на силу оружия, чем на подкуп вождей, ибо не взял в качестве товара никаких ярких безделушек, которые так любят туземцы; зато его бриг был вооружен восемью крупнокалиберными пушками, множеством мушкетов и тесаков. Кладовая на корме превратилась в пороховой погреб, а пушечных ядер было на корабле не меньше, чем на хорошо оборудованном капере[1]. Вода и провиант были запасены на длительное путешествие.

Но удивительнее всего был состав экипажа. Глядя на нанятых Бэнксом моряков, управляющий Фримэн уже не мог не верить слухам о том, что его хозяин спятил.

Под различными предлогами Бэнкс начал увольнять старых, испытанных матросов, много лет служивших фирме, а вместо них набрал в порту настоящее отребье — людей, репутация которых была настолько черной, что даже самый неудачливый из агентов постыдился бы их вербовать.

Среди них был Сунтлокс Родимое Пятно; все знали о его причастности к убийству мастеров-резчиков, и ходила молва, что отвратительным багровым пятном, обезобразившим его физиономию, он был заклеймен именно в этом страшном деле. Его наняли первым помощником капитана, а вторым был Израэл Мартин, загорелый дочерна коротышка, служивший еще у Хауэлла Дэвиса при взятии крепости в Капской земле.

Команда была подобрана из числа проходимцев, с которыми Бэнкс познакомился в грязных притонах, а личным слугой у него стал человек с изможденным лицом, который кудахтал, как индюк, когда пытался разговаривать. Бороду свою он сбрил, и в нем трудно было узнать помощника капитана, которого коснулся нож Шарки и который сбежал, чтобы поведать свою историю Копли Бэнксу.

Все эти приготовления привлекли внимание жителей Кингстона, и они обсуждали их на разные лады. Комендант гарнизона — артиллерийский майор Гарви — имел серьезную беседу с губернатором.

---

[1] Частновладельческое судно, занимавшееся с ведома правительства разбоем, нападая на вражеские корабли.

— Это не торговое судно, а небольшой военный корабль,— заявил он.— Считаю необходимым арестовать Копли Бэнкса и захватить судно.

— Что же вы подозреваете? — спросил губернатор, который от лихорадки и портвейна сделался тугодумом.

— Подозреваю,— ответил майор,— что это будет второй Стид Боннет.

Стид Боннет, всеми уважаемый, набожный плантатор, внезапно поддавшись неукротимой жажде насилия, таившейся доселе у него в крови, бросил все и стал пиратом в Карибском море. Событие это произошло недавно и вызвало большое волнение на островах. Губернаторов и прежде обвиняли в том, что они потакают пиратам, получая свою долю от грабежей, и, если губернатор не проявит сейчас бдительности, это будет истолковано в дурную сторону.

— Ну что ж, майор Гарви,— сказал губернатор,— хоть мне и очень неприятно принимать меры, которые могут обидеть моего друга Копли Бэнкса, ибо я много раз сидел у него за столом, но, принимая во внимание ваши слова, у меня нет иного выхода. Поэтому я приказываю вам подняться на борт судна и узнать, каково его назначение и какую цель преследует его хозяин.

Но когда в час ночи майор Гарви с отрядом солдат собрался нанести неожиданный визит «Забияке Гарри», он увидел лишь пеньковый трос, плавающий у причала. Бриг уплыл — его владелец почуял опасность. Судно уже миновало косу Палисейдс и шло курсом на северо-восток к Наветренному проливу.

На следующее утро, когда бриг миновал мыс Морант, легкой дымкой маячивший на южном горизонте, Копли Бэнкс собрал команду и поведал морякам о своих планах. Он выбрал их, сказал он, как проворных и отчаянных парней, которые предпочитают рискнуть жизнью в море, чем голодать на берегу. Королевские военные суда немногочисленны и слабы, поэтому они смогут завладеть любым торговым кораблем, который повстречается им на пути. Многим пиратам везет, а судно у них легкое, и проворное, и прекрасно снаряжено,— так почему бы им не сменить свои парусиновые куртки на бархатные кафтаны? Если они согласны плавать под черным флагом, он готов стать их капитаном, но если кто-нибудь откажы-

вается, то может сесть в шлюпку и возвратиться на Ямайку.

Четверо из сорока шести пожелали уволиться и, сев в лодку, уплыли под свист и улюлюканье всего экипажа. Остальные, собравшись на корме, приняли свой устав. Под одобрительные возгласы на грот-мачте был поднят квадрат черной парусины с намалеванным на нем белым черепом.

Выбрали офицеров и установили их права. Копли Бэнкс стал капитаном, но поскольку на пиратском судне не бывает помощников, то Суитлокса Родимое Пятно избрали квартирмейстером, а Израэла Мартина — боцманом. Обычаи братства были хорошо известны, потому что добрая половина матросов и прежде служила на пиратских кораблях. Пища должна быть одинаковой для всех, и всякий может пить вволю. У капитана будет каюта, но любой член экипажа имеет право войти туда, когда пожелает.

Вся добыча должна делиться поровну, но капитан, квартирмейстер, боцман, плотник и главный канонир получают сверх того лишнюю долю. Тот, кто первым заметит в море корабль, получает лучшее оружие, какое будет захвачено у противника. Тот, кто первым взберется на борт вражеского судна, получает самое богатое платье, какое там только окажется. Каждый имеет право поступать со своим пленником, будь то мужчина или женщина, как ему заблагорассудится. Если пират бросит оружие, квартирмейстер обязан застрелить его. Таковы были правила, под которыми подписались все члены экипажа «Забияки Гарри», поставив на листе бумаги сорок два креста.

Итак, в море появился новый разбойничий корабль, который через год стал не менее известным, чем «Счастливое избавление». От Багамских до Подветренных островов, от Подветренных до Наветренных имя Копли Бэнкса стало грозой торговых судов и успешно соперничало с именем Шарки. Долгое время барк и бриг не встречались, что, нужно сказать, было весьма удивительно, ибо «Забияка Гарри» все время рыскал во владениях Шарки. Но вот однажды, когда он заплыл в бухту Коксон Хоул на восточной оконечности Кубы, намереваясь стать на кренгование, там уже находился барк «Сча-

стливое избавление», у которого для той же цели были подготовлены блоки и тали.

Копли Бэнкс поднял зеленый флаг и пушечным залпом приветствовал чужой корабль, как это было принято среди пиратов. Затем спустили шлюпку, и он отправился на судно Шарки.

Капитан Шарки не отличался особой приветливостью и не жаловал даже людей, которые промышляли тем же ремеслом, что и он сам. Он принял Копли Бэнкса, сидя верхом на пушке, а возле него стояли старшина Нэд Галлоуэй, уроженец Новой Англии, и толпа горластых головорезов. Но едва Шарки повернул в их сторону свое бледное лицо и мутно-голубые глаза, как горлопаны умолкли.

Шарки был одет в рубашку с батистовыми брыжами, виднеющимися из-под открытого, с большими клапанами жилета из красного атласа. Палящее солнце, казалось, ничуть не согревало его тощее тело; он даже надел низкую меховую шапку, словно стояла зима. Через плечо у него спускалась пестрая шелковая лента, на которой висела коротенькая смертоносная шпага, а за широким с медной пряжкой поясом торчали пистолеты.

— Чтоб тебе утонуть, разбойник! — заорал он, как только Копли Бэнкс перебрался через фальшборт.— Я изобью тебя до полусмерти, а то и прикончу совсем! Как ты смеешь охотиться в моих водах?

Копли Бэнкс смотрел на него глазами, похожими на глаза путешественника, который узрел наконец отчий дом.

— Я вполне с тобой согласен,— сказал он,— я тоже считаю, что нам двоим в море тесно. Но если ты возьмешь свою шпагу и пистолеты и сойдешь со мной на берег, кто бы из нас ни победил, от одного презренного негодяя мир избавится.

— Вот это дело! — воскликнул Шарки, соскакивая с пушки и протягивая Бэнксу руку.— Немного встречал я людей, которые отваживались смотреть в глаза Джону Шарки и не заикались от страха при разговоре с ним. Черт меня побери, если мы не будем друзьями! Но если ты будешь играть нечестно, я поднимусь к тебе на борт и выпотрошу тебя на твоей собственной корме.

— И я обещаю тебе то же самое! — сказал Копли Бэкс, и оии поклялись быть друзьями.

В то же лето они отправились иа север, дошли до берегов Ньюфауидлеида, грабили ныо-йоркских купцов и китобоев из Новой Аиглии. Копли Бэнкс захватил ливерпульский корабль «Гаииоверский дом», ио ие он, а Шарки привязал его капитаиа к брашпилю и забил до смерти пустыми виииыми бутылками.

Они вместе вступили в бой с правительствеииым фрегатом «Королевская фортуиа», который был послаи иа их поиски, и после иочиого пятичасового сражеиня отразили его атаки, причем пьяиые пираты дрались обиажеииыми при свете боевых фоиарей, а около каждого орудия стояло ведро рома и жестяиая кружка. Оии вместе встали иа ремоит в Топсэйлской бухте в Севериой Каролние, а весиой сиова появились у Граид-Кайкоса, собираясь в долгое плаваиие к Вест-Иидским островам.

К этому времеии Шарки и Копли Бэнкс крепко подружились, ибо Шарки уважал отъявлеииых иегодяев и людей с железным характером, и ему казалось, что капитаи «Забияки Гарри» удачио совмещает оба эти качества. Одиако прошло миого месяцев, прежде чем ои иачал доверять Бэиксу, ибо ему была присуща холодиая подозрительиость. За все это время ои ии разу ие покидал свой корабль и всегда держал около себя своих матросов. А Копли Бэикс часто подимался иа борт «Счастливого избавлеиия» и прииимал там участие во миогих жутких оргиях и иакоиец усыпил подозреиия Шаркн. Тот и поиятия не имел, какое зло ои причинил своему веселому собутыльнику,— разве мог ои запомиить среди многочисленииых жертв жеищину и двух мальчиков, с которыми так легко расправился три года иазад! Поэтому, когда Шарки вместе со своим квартирмейстером получил приглашеиие иа пир в последиий деиь их стояикн у баики Кайкос, он охотио соглаен лся.

Неделю тому иазад оии захватили пассажирское судно, вследствие чего стол был обильиым, и во время ужиниа оии впятером порядком выпили. В каюте находились оба капитана, Сунтлокс Родимое Пятио, Нэд Галлоуэй и старый пират Израэл Мартин. Им прислуживал иемой слуга, которому Шарки разбил стакаиом голову за то, что тот слишком медлеино наливал вино. Квартирмей-

стер забрал у Шаркн пистолеты, потому что у капитана была скверная привычка, скрестив под столом руки, стрелять в своих соседей, дабы убедиться, кто самый счастливый. Это удовольствие когда-то стоило ноги его боцману, поэтому, когда посуда была убрана со стола, Шаркн уговорили снять с себя пистолеты; их положили подальше, чтобы он не мог до них дотянуться.

Каюта капитана «Забияки Гарри» находилась на кормовой надстройке, и у задней стены ее стояло орудие. Ядра были сложены вдоль стен, а три большие бочки с порохом служили столами, на которых стояли тарелки и бутылки. В этой мрачной комнате пятеро пиратов пели, орали и пили, а немой слуга наполнял их стаканы, приносил табак и свечи, чтобы разжечь трубки. С каждым часом разговор становился все более непристойным, голоса все более хриплыми, ругательства и крики все более бессвязными, пока, наконец, трое собутыльников не закрыли налитые кровью глаза и не уронили на стол отяжелевшие головы.

Копли Бэнкс и Шарки остались лицом к лицу: первый держался, потому что выпил меньше остальных, второй — потому что даже выпитое в огромном количестве спиртное не могло потрясти его железные нервы и разогреть рыбью кровь. За спиной Шарки на страже стоял слуга, то и дело наполняя его быстро пустеющий стакан. Снаружи слышался мерный плеск прибоя, и над водой летела матросская песня с барка.

В тишине безветренной тропической ночи до них отчетливо доносились слова:

Купец по морю плывет,
Бархат-золото везет.
Он не ведает, не знает,
Где пират его ждет!
Не зевай! Налетай! Забирай его казну!
Душу вон вытряхай, а корабль пускай ко дну!

Двое собутыльников сидели молча, слушая песню. Затем Копли Бэнкс взглянул на слугу, и тот поднял трос, лежавший на груде ядер.

— Капитан Шарки,— сказал Копли Бэнкс,— помнишь «Герцогиню Корнуэльскую», которую ты захватил и потопил три года назад возле мели Статира, когда это судно шло из Лондона?

— Будь я проклят, если я могу упомнить все их названия,— ответил Шарки.— В те дни мы пускали ко дну не меньше десяти судов в неделю.

— Там среди пассажиров была мать с двумя сыновьями. Может, теперь ты припомнишь?

Шарки откинулся в раздумье на спинку стула, подняв вверх свой огромный нос, напоминающий птичий клюв. Затем он разразился похожим на ржание гогочущим смехом.

— Вспомнил! — заявил он и в доказательство рассказал кое-какие подробности.

— Но чтоб мне сгореть, если это не выскочило у меня из головы! — воскликнул он.— Какого черта ты вспомнил об этом?

— Меня это интересует,— ответил Копли Бэнкс,— потому что та женщина была моей женой, а мальчики — моими сыновьями.

Шарки уставился на своего приятеля и увидел, что огонь, который всегда тлел в его глазах, разгорелся в жаркое пламя. Он прочел в них угрозу и схватился за пояс, но пистолетов там не оказалось. Тогда он повернулся, чтобы схватить пистолеты, но в тот же миг вокруг него обвился трос и руки его оказались плотно прижатыми к бокам. Он дрался, как дикая кошка, и звал на помощь.

— Нэд! — вопил он.— Нэд! Проснись! Нас подло обманули! На помощь, Нэд, на помощь!

Однако трое собутыльников были мертвецки пьяны, и никакой крик не мог их разбудить. Трос обматывался вокруг его тела, пока наконец Шарки не был спеленат, как мумия, с головы до ног. Тогда Копли Бэнкс и немой прислонили его, неподвижного и беспомощного, к бочонку с порохом, заткнули ему рот носовым платком, но он продолжал проклинать их взглядом своих тусклых глаз. Немой, ликуя, что-то залепетал, и тут Шарки впервые дрогнул, увидев, что во рту у него нет языка. Он понял, что попал в руки мстителей, давно и терпеливо выслеживавших его.

Его враги заранее разработали свой план и теперь тщательно проводили этот план в жизнь.

Прежде всего они выбили днища у двух пороховых бочек и высыпали содержимое их на стол и на пол. Они

обсыпали порохом трех пьяных, насыпали и под них, пока каждый не оказался лежащим в куче пороха. Затем перенесли Шарки к пушке и в сидячем положении привязали над амбразурой так, что он находился прямиком перед дулом примерно на расстоянии фута. Он не мог даже пошевельнуться. Немой связал его с матросской ловкостью, и у Шарки не осталось никакой надежды освободиться от пут.

— Теперь, кровожадный дьявол,— тихо сказал Копли Бэнкс,— тебе придется выслушать меня, ибо это будут последние слова, которые ты услышишь. Ты мой пленник, но достался ты мне дорогой ценой, потому что я пожертвовал всем, чем может пожертвовать человек в этом мире, и вдобавок продал свою душу. Чтобы поймать тебя, мне пришлось стать таким, каким был ты. В течение двух лет я боролся с этим искушением, надеясь, что можно отомстить иным путем, но затем понял, что другого пути нет. Я грабил, и убивал, и, что еще хуже, смеялся, и жил вместе с тобой — и все это ради одного — ради мести. И вот мое время пришло: ты умрешь той смертью, какую я тебе избрал. Ты увидишь, как тень смерти медленно надвигается на тебя и дьявол ждет тебя во мраке.

Шарки слышал хриплые голоса своих пиратов, песня которых неслась над водой:

Плавал по морю купец,
Да пришел ему конец.
Где теперь его казна?
У морских бродяг она!
Не зевай! Налетай! Всех на палубе вяжи!
Всех на палубе вяжи! В ход пускай свои ножи!

Слова песни отчетливо долетали до него, и он слышал, что совсем рядом взад и вперед по палубе ходят два человека. Но он был беспомощен; глядя на дуло пушки, он не мог двинуться ни на дюйм, не мог издать даже стона. Снова донесся хор голосов с палубы барка:

В гавань правь, пират, скорей,
Там вовсю гуляй и пей!
Там у девок нам почет,
Там рекой вино течет!
Не зевай! Налетай! Если с нами капитан,
Не страшны нам ни земля, ни океан!

Обреченный пират слушал эту веселую, разухабистую песню, и его участь казалась ему еще ужасней, но в его злобных мутно-голубых глазах не видно было и тени раскаяния. Коплн Бэнкс хорошенько протер запальное отверстие пушки и насыпал свежего пороху. Затем он взял свечу и укоротил ее, оставив не больше дюйма. Он укрепил ее на густо усыпанном порохом запале орудия, у самой скважины. Потом насыпал порох толстым слоем на пол с таким расчетом, чтобы свеча, упав при отдаче орудия, зажгла и большущую кучу, в которой валялись трое пьяных.

— Ты заставлял других смотреть в глаза смерти, Шарки,— сказал он.— Теперь пришел твой черед. Ты и эти свиньи отправитесь в путь вместе!

С этими словами Коплн Бэнкс зажег поставленную у запала свечу и потушил все огни на столе. Затем он и немой вышли и заперли за собой дверь каюты. Но прежде, чем закрыть дверь, Бэнкс бросил торжествующий взгляд назад и вновь встретил проклятие неукрощенных глаз пирата. Желтовато-белое лицо с блестящим от пота высоким лысым лбом — вот каким они увидели Шарки в эту последнюю минуту при тусклом свете единственной свечи.

У борта стоял ялик. Копли Бэнкс и немой слуга прыгнули в него и направились к берегу, не спуская глаз с брига, стоявшего на границе лунного света и тени пальм. Они долго ждали, глядя на смутно очерченную отсветом изнутри кормовую амбразуру. Но вот наконец донесся глухой гул орудия и через миг грохот взрыва. Длинный, поджарый черный барк, крыло белого песка и ряд раскачивающихся перистых пальм на мгновение выступили в ослепительном блеске и снова исчезли в темноте. Над бухтой разносились шум и крики.

Копли Бэнкс, сердце которого пело в груди, коснулся рукой плеча своего товарища, и они двинулись вместе в безлюдные джунгли Кайкоса.

СУХОПУТНЫЙ ПИРАТ

(Насыщенный час)

Место — пустынный, окаймленный зарослями вереска участок шоссе Истбори-Танбридж близ Кросс-Инхеида. Время — половина двенадцатого ночи в одно из воскресений на исходе лета.

По дороге медленно двигался автомобиль — поджарый, длинный «роллс-ройс» с мягким ходом и тихо урчащим мотором. В ярком свете передних фар по сторонам проплывали, как на киноэкране, колеблемые ветром верхушки трав и кустарника и тут же отступали во мрак, казавшийся по контрасту еще более густым. Позади на полотне дороги отсвечивало рубиновое пятно от стоп-фары, однако ее тусклый красноватый свет не позволял разглядеть номерной знак. Это была открытая машина туристского типа, но даже в темноте безлунной ночи наблюдатель не мог бы не заметить какой-то бесформенности ее очертаний. Все стало ясно, когда автомобиль пересек широкий поток света, падавший из открытой двери придорожного коттеджа. Кузов машины был накрыт чехлом из сурового полотна. Даже длинный черный капот был тщательно задрапирован каким-то материалом.

Странным автомобилем управлял широкоплечий, плотный водитель; он был один в машине. Низко надвинув на глаза тирольскую шляпу, он сидел, сгорбившись над рулевым колесом. В тени, отбрасываемой шляпой, сверкал багровый кончик горящей сигареты. Воротник

свободного, шнрокого пальто из материала, похожего иа бобрик, был поднят. Человек сидел, подавшись вперед и вытянув шею, и, пока автомобиль с переключенным на холостой ход мотором бесшумно скользил вниз по отлогой дороге, водитель, словно в каком-то нетерпеливом ожидании, пристально всматривался в темноту.

Издалека, с южной стороны, донесся приглушенный расстоянием автомобильный сигнал. В воскресную ночь в таком месте движение на дороге происходило преимущественно с юга на север — поток лондонцев, отдыхавшнх на побережье, возвращался в столицу. Человек в машине выпрямился и прнслушался. Сигнал повторился в той же стороне. Человек снова нагнулся над рулем, все так же напряженно всматриваясь в темноту, потом внезапно выплюнул окурок и глубоко вздохнул. Далеко впереди, огибая поворот шоссе, показались две маленькие желтые точки. Вот они скрылись в выемке, потом снова вынырнули и снова нсчезли. Водитель замаскированного автомобиля перешел от пассивного ожидання к действиям. Он достал из кармана черную маску, надел ее и приладил на лице, так, чтобы она не мешала видеть. На мгновение он включил ручной ацетиленовый фонарик, быстро оглядел себя и положил фонарь на сиденье рядом с маузером. Потом он еще ниже надвинул шляпу, выжал сцепление и включил коробку скоростей. Вздрогнув и заурчав, черная машина словно подпрыгнула и, мягко дыша мощным мотором, помчалась по отлогому спуску. Шофер выключил передние фары и припал к рулю. Только мутно-серая полоса в темном вереске показывала линию дороги. Спереди донеслось лязганье и фырканье встречной машины, взбиравшейся на подъем. Напрягая старческие силы, она кашляла и хрипела, а ее мотор стучал, как больное сердце. Ярко-желтые лучн света еще раз скрылись из глаз — машина снова нырнула во впадину, а когда она выбралась на пригорок, между двумя автомобилями оставалось ярдов тридцать. Черная машина резко встала поперек дороги, преграждая путь, и человек в маске предупреждающе помахал ацетиленовым фонариком. Старенький автомобиль отчаянно взвизгнул тормозами и остановился как вкопанный.

— Эй, вы! — послышался раздраженный голос.— Так недолго н аварию устроить! Почему, черт возьми,

вы не включаете передние фары? Я чуть на вас не наехал!

Луч фонарика осветил крайне рассерженного румяного молодого человека с голубыми глазами и русыми усами, одиноко сидевшего за рулем ветхого двенадцатисильного «уолсли». Внезапно сердитое выражение на его покрасневшем лице сменилось крайним недоумением. Водитель замаскированного автомобиля уже стоял на дороге, наводя на путешественника темный длинноствольный пистолет, за которым виднелась черная маска с мрачно смотревшими сквозь прорези глазами.

— Руки вверх! — послышался отрывистый, резкий приказ.— Руки вверх! Или...

Водителя «уолсли» никто не назвал бы трусом, тем не менее он поднял руки.

— Вылезайте!

Под дулом пистолета, по-прежнему освещаемый лучом фонарика, молодой человек вышел на дорогу. Он попытался было опустить руки, но суровый окрик заставил его отказаться от своего намерения.

— Послушайте, вы не находите, что все это как-то устарело, а? — заговорил он.— Вы, наверно, шутите?

— Ваши часы! — приказал человек с пистолетом.

— Да что вы!

— Я сказал, ваши часы!

— Пожалуйста, берите, если они так вам нужны. Кстати, часы только позолочены. Вы либо опоздали лет на двести, либо ошиблись на несколько тысяч миль. Вам надо бы подвизаться в пустынях Австралии или в Америке. А здесь, на дороге в Суссексе, вам просто не место.

— Бумажник! — продолжал грабитель, тон и манеры которого исключали всякую мысль о сопротивлении. Ему тут же вручили бумажник.

— Кольца?

— Не ношу.

— Встать вон там. И не двигаться.— Грабитель прошел мимо своей жертвы, откинул капот «уолсли» и засунул в мотор руку со стальными плоскогубцами. Послышался треск перерезанной проводки.

— Черт бы вас побрал! — закричал хозяин «уолсли».— Не уродуйте машину!

Он повернулся, намереваясь подойти к автомобилю,

но грабитель молниеносно направил на него револьвер. Однако как ни быстро действовал неизвестный, в тот момент, когда он выпрямился над капотом, молодой человек заметил нечто такое, что заставило его вздрогнуть от изумления. Он хотел что-то сказать, но сдержался.

— Садитесь в машину! — приказал грабитель.

Молодой человек занял свое место.

— Ваше имя?

— Рональд Баркер. А ваше?

Человек в маске предпочел не заметить этой дерзости.

— Где вы живете?

— Мои визитные карточки в бумажнике. Можете взять одну из них.

Грабитель вскочил в «роллс-ройс», мотор которого все это время тихо урчал и пришепетывал, словно аккомпанируя их диалогу. Он с шумом спустил ручной тормоз, включил скорость, резко развернулся и на большой скорости объехал неподвижный «уолсли». Через минуту он уже был в полумиле от места происшествия и мчался, сверкая фарами, по дороге на юг. Мистер Рональд Баркер тем временем, светя себе фонариком, лихорадочно рылся в ящике с инструментами в поисках куска проволоки, которая позволила бы ему исправить электропроводку и продолжить путь.

Отъехав на безопасное расстояние, грабитель остановил машину и достал из кармана отобранные у Баркера вещи; часы он положил обратно, затем открыл бумажник и пересчитал деньги. Вся жалкая добыча составила семь шиллингов. Но ничтожные результаты затраченных усилий, видимо, не оказали на грабителя никакого впечатления, наоборот, лишь позабавили его; глядя при свете фонарика на две полукроны и флорин, он рассмеялся. Неожиданно его поведение изменилось. Он сунул в карман тощий бумажник, освободил тормоз и с тем же решительным выражением на лице, с каким только что провел свою первую операцию, помчался дальше. Вдали снова показались фары встречной машины.

Теперь грабитель действовал смелее. Приобретенный опыт, несомненно, внушил ему самоуверенность. Не выключая фар, он сблизился с встречной машиной, затор-

мознл посредине дороги и потребовал, чтобы путешественннки остановились. Те повиновалнсь, ибо представшее нм зрелнще производнло довольно внушительное впечатление. Оии увидели два пылающнх диска по бокам черного раднатора, а выше — лнцо в маске н зловещую фнгуру водителя. Золотнстый сноп света, отбрасываемый пнратской машнной, выхватывал из темноты элегаитный открытый двадцатиснльный «хамбер»; за его рулем, растеряиио мигая, сндел явио ошеломленный коротышка шофер в форменной фуражке. В окна машины с обеих сторои высовывались повязаниые вуалетками шляпкн н под нимн изумленные лнца двух хорошеньких молодых женщин. Одна нспуганно визжала иа все повышающейся ноте. Другая держалась спокойнее и рассудительнее.

— Возьми же себя в руки, Гильда! — шептала она.— Замолчн, пожалуйста, не будь такой дурой. Нас разыгрывает Берти или кто-то другой из мальчиков.

— Нет, иет! Это настоящий иалет, Флосси! Это самый настоящий баидит. О боже, что же иам делать?

— Нет, но какая реклама! Какая потрясающая реклама! В утреннне газеты уже не попадет, но вечерние, конечио, напечатают.

— А во что она обойдется иам? — простонала Гильда.— О Флоссн, Флосси, сейчас я упаду в обморок! А может, нам лучше закричать? Ты только взгляии, как ои страшен в этой черной маске!.. Боже мой, боже мой! Он убивает бедиого малеиького Альфа!

Поведение грабителя действительно внушало тревогу. Он подбежал к машине и за шиворот вытащнл шофера из кабнны. Прн виде маузера коротышка водитель тотчас же перестал протестовать, послушно откинул капот машнны н вытащил нз мотора свечн. Лншив свою добычу возможности двигаться, замаскированный баидит с фонарнком в руке шагнул вперед н остановнлся у дверцы машины. На этот раз ои ие проявнл той резкости, с которой обошелся с мистером Роиальдом Баркером, н хотя его голос и манеры оставалнсь суровыми, все же вел он себя учтиво.

— Сожалею, сударынн, что выиужден вас побеспокоить,— обратился ои к дамам, приподнимая шляпу,

и его голос был заметно выше того, каким он разговаривал со своей предыдущей жертвой.— Позвольте узнать, кто вы.

Мисс Гильда не могла произнести ничего связного, зато мисс Флосси оказалась особой с более твердым характером.

— Нечего сказать, хорошенькое дельце! — воскликнула она.— Хотелось бы мне знать, какое вы имеете право останавливать нас на дороге?

— У меня мало времени,— ответил грабитель более сухо.— Потрудитесь отвечать.

— Скажи же ему, Флосси! Ради бога, будь с ним мила! — шепнула Гильда.

— Мы артистки театра «Гэйети» в Лондоне. Возможно, вы слышали о мисс Флосси Тортон и мисс Гильде Маннеринг? Всю прошлую неделю мы играли в «Ройял» в Истборне, а в воскресенье решили отдохнуть. Ну, вас устраивает мой ответ?

— Я вынужден потребовать ваши кошельки и драгоценности.

Обе дамы испустили пронзительный вопль, но, как и мистер Рональд Баркер незадолго до них, обнаружили, что непреклонное спокойствие незнакомца принуждает к повиновению. Они торопливо отдали кошельки, а на переднем сиденье автомобиля скоро выросла кучка сверкающих колец, браслетов, брошек и цепочек. В свете фонарика бриллианты мерцали, словно электрические искорки. Грабитель прикинул в руке сверкающий клубок.

— Тут есть что-нибудь особенно вам дорогое? — спросил он, но мисс Флосси не собиралась идти на компромисс.

— Не разыгрывайте из себя Клода Дюваля!— воскликнула она.— Или берите все, или ничего не берите. Мы не намерены принимать из милости крохи нашего же собственного добра.

— За исключением ожерелья Билли! — поспешно заявила Гильда и протянула руку к короткой нитке жемчуга. Грабитель с поклоном вернул ей ожерелье.

— Что-нибудь еще?

Храбрая Флосси, а вслед за ней и Гильда внезапно разрыдались. Слезы женщин произвели совершенно

неожиданный эффект: грабитель поспешно бросил драгоценности на колени ближайшей к нему дамы.

— Вот, возьмите. Все это только мишура. Для вас она представляет ценность, для меня никакой.

Слезы немедленно сменились улыбками.

— А наши кошельки можете взять. Реклама нам дороже всего. Но что у вас за странный метод зарабатывать на жизнь — это в наше-то время! Вы не боитесь, что вас поймают? Все это так удивительно, будто сцена из какой-то комедии.

— Возможно, из трагедии,— заметил бандит.

— О, надеюсь, что нет, я уверена, что нет! — одновременно воскликнули обе артистки.

Но грабителю было некогда продолжать разговор. Далеко на дороге показались две маленькие светящиеся точки. Предстояло новое дело, и им нужно было заняться отдельно. Он развернул автомобиль, приподнял в знак прощания шляпу и поспешил навстречу очередной жертве, а мисс Флосси и мисс Гильда, высунувшись из приведенной в негодность машины и все еще переживая свое приключение, наблюдали за красным пятнышком стоп-фары, пока оно не слилось с темнотой.

Но в этот раз грабитель мог рассчитывать на более богатую добычу. Освещая дорогу четырьмя большими фарами, на возвышенность взбирался роскошный шестидесятисильный «даймлер»; его ровное глубокое похрапывание свидетельствовало о большой мощности мотора. Подобно старинному испанскому галиону с высокой кормой, груженному сокровищами, автомобиль шел своим курсом, но должен был остановиться, когда встречная машина развернулась у него перед самым радиатором. Из открытого окна лимузина высунулось разъяренное, покрытое красными пятнами лицо. Грабитель увидел высокий лоб с большими залысинами, отвислые щеки и маленькие злые глазки, проглядывавшие из складок жира.

— Прочь с дороги! Сейчас же убирайся с дороги! — резким, скрипучим голосом крикнул путешественник.— Херн, поезжай прямо на него. Или иди и вышвырни его из машины! Он пьян, говорю тебе, он пьян!

До этого манеры современного сухопутного пирата можно было назвать даже учтивыми. Теперь они стали

грубыми. Когда шофер, плотный, сильный человек, подстегиваемый выкриками своего пассажира, выскочил из машины и вцепился грабителю в горло, тот ударил его по голове рукояткой револьвера. Шофер со стоном упал на землю. Переступив через распростертое тело, незнакомец с силой рванул дверцу автомобиля, схватил толстяка за ухо и, не обращая внимания на его вопли, выволок на дорогу. Потом, неторопливо занося руку, дважды ударил его по лицу. В тиши ночи пощечины прозвучали, как револьверные выстрелы. Побелевший, словно мертвец, и почти потерявший сознание толстяк бессильно сполз на землю возле машины. Грабитель распахнул на нем пальто, сорвал массивную золотую цепочку со всем, что на ней было, выдернул из черного атласного галстука булавку с крупным сверкающим бриллиантом, снял с пальцев четыре кольца, каждое из которых стоило по меньшей мере трехзначную сумму, и, наконец, вытащил из внутреннего кармана толстяка пухлый кожаный бумажник. Все это он переложил в карманы своего пальто, добавив жемчужные запонки пассажира и даже запонку от его воротничка. Убедившись, что поживиться больше нечем, грабитель осветил фонариком распростертого шофера и убедился, что тот жив, хотя и потерял сознание. Незнакомец вернулся к хозяину и начал яростно срывать с него одежду; полагая, что пришел его конец, толстяк задрожал и в ужасе заскулил.

Неизвестно, что собирался сделать бандит, но ему помешали. Какой-то звук заставил его повернуть голову, и он увидел невдалеке огни быстро приближающейся с севера машины. Несомненно, она уже повстречалась с ограбленными, и теперь шла по его следу, набитая полицейскими со всей округи.

В распоряжении грабителя оставались считанные минуты. Он бросил валявшегося на земле толстяка, вскочил в машину и на полной скорости помчался по шоссе. Немного погодя «роллс-ройс» свернул на узкую проселочную дорогу и полетел по ней, не сбавляя хода. Лишь после того, как между ним и преследователями оказалось миль пять, неизвестный рискнул остановиться. В уединенном месте он пересчитал добычу всего вечера: тощий бумажник мистера Рональда Баркера, более толстые —

четыре фунта в обоих — кошельки актрис и в заключение великолепные драгоценности и туго набитый бумажник плутократа с «даймлера». Пять бумажек по пятьдесят фунтов, четыре по десять, пятнадцать соверенов [1] и некоторое количество ценных бумаг представляли солидную добычу. Для одного вечера вполне достаточно. Пират спрятал награбленное в карман, закурил и продолжал путь с видом человека, совесть которого абсолютно чиста.

В понедельник утром, на следующий день после насыщенного событиями вечера, сэр Генри Хейлуорти, хозяин Уолкот-олд-плейс, не спеша позавтракал и направился в кабинет, собираясь перед уходом в суд написать несколько писем. Сэр Генри был заместителем главного судьи графства, носил титул баронета и происходил из древнего рода; судействовал он уже десять лет и, кроме того, славился как коннозаводчик, вырастивший много отличных лошадей, и как самый лихой наездник во всем Уилде. Высокий и стройный, с энергичным, тщательно выбритым лицом, густыми черными бровями и квадратным подбородком, свидетельством решительного характера, он принадлежал к числу тех, кого предпочтительнее иметь в числе друзей, нежели врагов. Ему было около пятидесяти, но он выглядел значительно моложе. Единственным, что выдавало его возраст, была маленькая седая прядь, которую природа, подчиняясь одному из своих капризов, поместила над правым ухом сэра Генри, отчего его густые черные кудри казались еще темнее. В то утро он был рассеян и, раскурив трубку, уселся за письменный стол и глубоко задумался над чистым листом почтовой бумаги.

Внезапно он очнулся. Из-за скрытого лавровыми кустами поворота подъездной аллеи послышался отдаленный лязг металла, вскоре переросший в стук и грохот старенького автомобиля. Вот на аллее показался древний «уолсли», за рулем которого сидел румяный молодой человек с русыми усами. При виде него сэр Генри вскочил, но тут же снова опустился на стул. Через ми-

[1] Золотая монета достоинством в один фунт стерлингов.

нуту слуга доложил о приходе мистера Рональда Баркера, и сэр Генри поднялся ему навстречу. Визит казался слишком ранним, но Баркер принадлежал к числу близких друзей сэра Генри. Каждый из них заслуженно слыл прекрасным стрелком, наездником и игроком в бильярд, общность интересов и вкусов сблизила их, и младший (и более бедный) из друзей обычно проводил в Уолкот-олд-плейс по меньшей мере два вечера в неделю. Сэр Генри с дружески протянутой рукой поспешил навстречу Баркеру.

— А! Ранняя пташка! — пошутил он.— Что это с вами? Если вы отправляетесь в Льюнс, могу составить вам компанию.

Однако молодой человек держался как-то странно и невежливо. Не обращая внимания на протянутую руку и дергая себя за длинные усы, он стоял, вопросительно и раздраженно посматривая на судью.

— Ну-с, в чем же дело? — поинтересовался судья.

Молодой человек продолжал молчать. Он явно хотел что-то сказать, но не решался. Сэр Генри начал терять терпение.

— Вы, кажется, не в себе сегодня. В чем же все-таки дело? Вас что-нибудь расстроило?

— Да,— многозначительно ответил Рональд Баркер.

— Что же?

— Вы!

Сэр Генри улыбнулся.

— Садитесь, мой друг. Если вы недовольны мною,— я слушаю вас.

Баркер сел. Он, видимо, собирался с силами, прежде чем бросить обвинение, а когда наконец решился, оно напомнило пулю, вылетевшую из револьвера.

— Почему вы ограбили меня вчера вечером?

Судья не выразил ни удивления, ни возмущения. Ни один мускул не дрогнул на его спокойном, невозмутимом лице.

— Вы утверждаете, что я ограбил вас вчера вечером?

— На Мейфилдской дороге меня остановил высокий, крупный тип в машине. Он сунул револьвер мне в физиономию и отобрал бумажник и часы. Сэр Генри, это были вы!

Судья улыбнулся.

— Разве у нас тут нет других высоких, крупных людей? Разве только у меня есть автомобиль?

— Уж не думаете ли вы, что я не в состоянии отличить «роллс-ройс» от машин других марок? Это я, проведший полжизни в машине, а полжизни — под ней?! У кого, кроме вас, есть тут «роллс-ройс»?

— Мой дорогой Баркер, а вы не думаете, что подобный современный бандит, как вы его охарактеризовали, скорее всего будет оперировать где-нибудь за пределами своего района? А сколько «роллс-ройсов» можно увидеть на юге Англии?

— Неубедительно, сэр Генри, неубедительно! Я даже узнал ваш голос, хотя вы и пытались его изменить. Однако довольно! Зачем вы это сделали? Вот чего я никак не могу понять. Ограбить меня, одного из своих ближайших друзей, человека, который помогал вам, как мог, во время выборов, ради каких-то дешевых часов и нескольких шиллингов... Нет, это просто невероятно!

— Просто невероятно,— повторил судья, улыбаясь.

— А потом еще эти бедняжки-актрисы, которые вынуждены сами зарабатывать себе на жизнь. Я ехал вслед за вами. Это же отвратительно! Другое дело с этой акулой из Сити. Если уж промышлять грабежом, то грабить подобных типов — дело справедливое. Но своего друга и этих девушек... Ну, знаете, просто не могу этому поверить.

— Тогда почему же верите?

— Да потому, что это так.

— Просто вы убедили себя в этом. Но чтобы убедить других, у вас нет никаких доказательств.

— Я готов под присягой показать против вас в полицейском суде. Когда вы рвали электропроводку в моей машине — какая возмутительная наглость! — я увидел выбившуюся из-под вашей маски вот эту седую прядь. Она-то и выдала вас.

При этих словах внимательный наблюдатель заметил бы на лице баронета чуть заметный признак волнения.

— У вас, оказывается, довольно живое воображение,— заметил он.

Гость покраснел от гнева.

— Взгляните сюда, Хейлуорти,— сказал он, открывая руку и показывая небольшой, с неровными краями треугольник черной материи.— Видите? Это валялось на дороге около машины молодых женщин. Вы, должно быть, вырвали кусок, когда выскакивали из автомобиля. Пошлите-ка за своим черным пальто, в котором вы обычно сидите за рулем. Если вы не позвоните сию же минуту прислуге, я позвоню сам и добьюсь, чтобы его принесли. Я намерен разобраться в этом деле до конца, и не стройте на сей счет никаких иллюзий.

Ответ баронета оказался неожиданным. Он встал, прошел мимо кресла Баркера к двери, запер ее на ключ, а ключ положил в карман.

— Вам-таки придется разобраться до конца,— сказал он.— Пока вы будете разбираться, я закрываю дверь на замок. А теперь, Баркер, поговорим откровенно, как мужчина с мужчиной, причем от вас зависит, чтобы наш разговор не закончился трагедией.

С этими словами он приоткрыл один из ящиков письменного стола. Его гость сердито нахмурился.

— Угрозы вам не помогут, Хейлуорти. Я выполню свой долг, вам не удастся меня запугать.

— Я и не собираюсь вас запугивать. Говоря о трагедии, я имел в виду не вас. Я хотел сказать, что нельзя допустить огласки этой истории. Родных у меня нет, но существует фамильная честь, и с этим невозможно не считаться.

— Слишком поздно об этом думать.

— Не совсем так. А теперь мне нужно многое рассказать вам. Прежде всего вы правы — это я вчера вечером остановил вас на Мейфилдской дороге.

— Но почему...

— Подождите. Я сам все расскажу. Вот взгляните.— Сэр Генри открыл ящик стола и вынул из него два небольших свертка.— Сегодня вечером я собирался отправить их по почте из Лондона. Один адресован вам, и я, разумеется, могу отдать вам сверток сейчас. В нем ваши часы и бумажник. Как видите, если не считать порванной электропроводки, вы не понесли никаких потерь в результате вчерашнего приключения. Другой сверток адресован молодым дамам из театра «Гэйети», и в нём находятся их кошельки. Надеюсь, вы убедились, что еще

до того, как вы пришли разоблачить меня, я намеревался полностью возместить ущерб каждому из потерпевших?

— И что же? — спросил Баркер.

— А теперь перейдем к сэру Джорджу Уайльду. Возможно, вам не известно, что он глава фирмы «Уайльд и Гугендорф» — той самой, что основала этот гнусный «Ладгейтский банк». Иное дело — его шофер. Даю слово, я собирался вознаградить его. Но главное — хозяин. Вы знаете, я небогатый человек. Мне кажется, об этом известно всему графству. Я слишком много потерял, когда «Черный тюльпан» проиграл на состязаниях в Дерби. Были и другие затруднения. Потом я получил наследство — тысячу фунтов. Этот проклятый банк платил семь процентов по вкладам. Я был знаком с Уайльдом, и, встретившись с ним, я спросил, можно ли доверить свои деньги банку. Он ответил утвердительно. Я вложил свои сбережения, а через двое суток Уайльд объявил себя банкротом. В долговом суде выяснилось, что он уже в течение трех месяцев знал о неизбежном крахе. Знал, и все же взял на свой тонущий корабль все, что у меня было. Черт бы его побрал, ему-то что, у него и без того хватает. Ну, а я потерял все, и никакой закон не смог мне помочь. Он самым настоящим образом ограбил меня. При следующей встрече он расхохотался мне в лицо. Посоветовал покупать консоли[1] и сказал, что я еще дешево отделался. Тогда я поклялся во что бы то ни стало сквитаться с ним. Я принялся изучать его привычки. Я узнал, что вечерами по воскресеньям он возвращается из Истборна. Я узнал, что он всегда имеет при себе бумажник с крупной суммой денег. Так вот, теперь это мой бумажник. Вы хотите сказать, что мои поступки не вяжутся с требованиями морали? Клянусь, если бы у меня хватило времени, я бы раздел этого дьявола догола, как он поступил со многими вдовами и сиротами!

— Все это понятно. Но при чем тут я? При чем тут артистки?

— Будьте сообразительнее, Баркер. Как вы думаете, мог бы я ограбить своего личного врага и остаться

[1] Облигации государственной консолидированной ренты, по которым выплачивается два с половиной процента годовых.

непойманным? Безнадежная затея. Я должен был разыграть роль обычного бандита, лишь случайно повстречавшего Уайльда. Вот я и появился на большой дороге, доверившись случаю. Мне не повезло: первым, кого я встретил, оказались вы. Какой же я идиот! Не узнать ваш старый рыдван по лязгу, с которым он взбирался на подъем... Увидев вас, я едва мог говорить от смеха. Однако мне пришлось выдержать свою роль до конца. То же самое и с актрисами. Боюсь, тут я выдал себя, так как не мог присвоить безделушки женщин, но все же продолжал разыгрывать комедию. Потом появился тот, кого я ждал. Тут уж было не до фарса. Я намеревался обобрать его дочиста и обобрал. Ну, Баркер, что вы скажете теперь? Вчера я держал пистолет у вашего виска, а сегодня вы держите у моего.

Молодой человек медленно встал и с широкой улыбкой крепко пожал судье руку.

— Больше так не делайте,— сказал он.— Слишком рискованно. Эта свинья Уайльд жестоко с вами рассчитается, если вас поймают.

— Хороший вы парень, Баркер. Нет, больше я этим заниматься не собираюсь. Кто это сказал о «насыщенном часе»[1]? Честное слово, это чертовски интересно! Настоящая жизнь! А еще говорят об охоте на лис! Нет, я никогда не повторю вчерашнее, иначе не смогу остановиться.

На столе пронзительно зазвенел телефон, и баронет поднял трубку. Он слушал и одновременно улыбался своему гостю.

— Я сегодня задержался,— обратился он к нему,— между тем в суде графства меня ждет несколько дел о мелких кражах.

---

[1] Ссылка на строки из стихотворения английского поэта Т. О. Мордаунта (1730—1809): «...один насыщенный славными свершениями час стоит целого века бездействия».

ХОЗЯИН ФОЛКЭНБРИДЖА

Боксерская легенда

Том Крибб, чемпион Англии, закончив свою активную боксерскую карьеру двумя знаменитыми боями с грозным Молине, приобрел на углу Хеймаркет и Пэнтон-стрит таверну под названием «Британский герб». Обитая зеленым сукном дверь вела из-за стойки в большую, оклеенную красными обоями комнату, где Крибб хранил свои сокровища: фотографии, кубки, почетные пояса — трофеи многочисленных побед выдающегося боксера. В этой уютной комнате обыкновенно собирались любители спорта из аристократии. Смакуя отличные вина Тома Крибба, они вспоминали прошедшие матчи, обсуждали последние новости и договаривались об устройстве новых боев. Приходили сюда и собратья Крибба по профессии, особенно те, кто познал нужду или попал в беду. Все знали об отзывчивости чемпиона: он никогда не захлопывал двери перед коллегой, если только доброе слово или сытный обед могли поднять настроение товарища.

Утром того дня, о котором пойдет речь, 25 августа 1818 года, в уютном пристанище Крибба сидели двое. Одним из них был сам хозяин, сильно располневший за семь лет, что прошли с той поры, когда, готовясь к своему последнему бою, он с тренером, капитаном Барклеем, проходил по горным дорогам миль по сорок в день. Высокий, широкоплечий, с могучей грудью, Крибб весил чуть ли не 280 фунтов, но его мужественное,

с крупными чертами лицо и решительный взгляд свидетельствовали, что дородность трактирщика пока не заглушила боевой дух боксера.

Было около одиннадцати часов утра, а перед Криббом на столе уже стояла огромная кружка горького эля. Привычными движениями он резал брусок прессованного черного табака для жевания и мозолистыми пальцами перетирал ломтики в мелкую крошку. Несмотря на свое боевое прошлое, Крибб выглядел, как и подобало выглядеть добродушному, почтенному содержателю гостиницы, смирному, доброму, довольному своей жизнью человеку.

Зато его собеседнику, по-видимому, жилось совсем не так легко, и выражение лица у него было иное.

Это был высокий, хорошо сложенный человек, лет на пятнадцать моложе чемпиона. Волевым выражением лица и шириной плеч он напоминал Крибба в расцвете сил. С первого взгляда было очевидно, что перед вами профессиональный боксер. Любой знаток бокса оценил бы его прекрасные природные данные — шестифутовый рост, мощную мускулатуру, великолепное сложение при ста восьмидесяти фунтах веса — и предсказал бы, что, если он наделен еще и смелым сердцем, то далеко пойдет в своей спортивной карьере. Том Уинтер, или Спринг, как он предпочитал себя называть, действительно одержал на родине, в Хирфордшире, ряд замечательных побед. Успехи на провинциальном ринге были подкреплены двумя победами над сильными тяжеловесами в Лондоне. Но вот три недели назад молодому боксеру пришлось пережить горечь поражения от знаменитого Пэйнтера, и он все еще тяжело переживал неудачу.

— Не вешай носа, парень,— сказал чемпион, взглянув на своего расстроенного собеседника из-под мохнатых бровей.— Слишком уж ты принимаешь это к сердцу, Том.

Молодой боксер лишь тяжело вздохнул.

— Не только тебя — побеждали и других, однако они не раскисали так и даже становились потом чемпионами Англии. Вот я, чемпион страны, сижу перед тобой. А разве меня не поколотил Джордж Николс в Бродуотере в 1805 году? Ну и что? Я не бросил ринг, и вот,

пожалуйста: когда из Америки приехал Большой Блэк, разве против него выставили Джорджа Николса, а не меня? Говорю тебе: продолжай драться и, черт побери, ты еще станешь чемпионом.

Том Спринг покачал головой.

— Ни в коем случае, отец, ведь для этого придется драться с вами!

— Но не могу же я вечно оставаться чемпионом. Это бессмысленно. В будущем году на ринге Файвз-корт я публично, перед всем Лондоном, откажусь от своего звания. И мне хочется передать его тебе. Мне уже не выдержать серьезной тренировки. Прошло мое время.

— Знаете, отец, я ни за что не буду оспаривать ваш титул, пока вы сами от него не откажетесь. А потом посмотрим.

— Ладно, Том. Не волнуйся и жди подходящего момента. А пока для тебя всегда найдутся здесь постель и кусок хлеба.

Спринг стукнул себя кулаком по колену.

— Знаю, отец. С того самого дня, как я приехал из Фаунторпа, вы относились ко мне, как к родному сыну.

— У меня верный глаз. Быть тебе чемпионом.

— Хорош чемпион! Нэд Пэйнтер побил меня в сорок раундов.

— Да, но до этого-то побил его ты.

— И опять побью, клянусь богом!

— Так оно и будет, мой мальчик. Вот Джордж Николс никак не хотел встретиться со мной еще разок. Он знал, что ему не поздоровится. На выигранные деньги он купил себе в Бристоле мясную лавку и живет-поживает, в ус не дует.

— С Нэдом Пэйнтером я еще разделаюсь. Но у меня не осталось ни шиллинга за душой. Те, кто финансировал мои матчи, потеряли в меня веру. Если бы не вы, отец, хоть с сумой иди.

— Что, у тебя совсем ничего нет, Том?

— Мне не на что даже поесть. Все деньги, до последнего пенни, я оставил на ринге в Кингстоне вместе со своим добрым именем. Не знаю, как и жить, если не удастся сейчас же договориться хоть об одном матче. Но кто теперь согласится поддержать меня?

— Вот уж напрасно, дружище! Люди, понимающие толк в боксе, всегда тебя поддержат. Несмотря на неудачу с Нэдом Пэйитером, ты все равно один из лучших боксеров. Но ведь есть и другие возможности немного заработать. Сегодня утром здесь побывала одна дама. Одета со вкусом, ничего показного, кричащего, а на дверце кареты герб — и вот... Она спрашивала тебя.

— Спрашивала меня? Дама?! — Молодой боксер вскочил, в его глазах отразился ужас. — Отец, уж не хотите ли вы сказать...

— Ничего плохого, мой мальчик. Я на такое не пойду. Тут уж ты не сомневайся.

— Но вы же сами сказали, что я могу немного заработать.

— Пожалуй. Во всяком случае, заработать достаточно, чтобы перебиться в это трудное время. Тут, кажется, есть что-то для тебя подходящее. Имеет отношение к боксу. Она интересовалась твоим ростом, весом, спрашивала, какого я мнения о твоих способностях. Можешь не сомневаться, ничего плохого о тебе я не сказал.

— Уж не собирается ли она устроить матч?

— Видишь ли, дама эта, по-видимому, кое-что смыслит в боксе. Она расспрашивала и о Джордже Купере, и о Ричмонде Черном, и о Томе Оливере, но все сворачивала на тебя, допытывалась, верно ли, что ты лучший из этой компании, да заслуживаешь ли ты доверия. Вот это интересовало ее больше всего, можно ли тебе довериться. Честное слово, Том, будь ты даже боксером-архангелом, и то вряд ли смог бы оправдать все, что я о тебе наговорил.

В дверях показался буфетчик.

— С вашего позволения, мистер Крибб... Снова приехала дама в карете.

Чемпион положил на стол длинную глиняную трубку.

— Подойди сюда, мой мальчик, — сказал он и, потянув своего молодого друга за рукав, подвел его к узкому боковому окну. — Взгляни! Ты когда-нибудь видел более шикарную карету? А пару таких гнедых? Каждый рысак стоит не меньше двухсот гиней! Смотри: и кучер и ливрейный лакей — едва ли кто их перещеголяет! А вот и сама дама... Выходит из кареты... Подожди здесь, мой мальчик, пойду ее встречу.

Том Крибб ушел, а молодой Спринг остался у окна. Он нервно барабанил пальцами по стеклу. Неискушенный деревенский юноша, он не знал женщин большого света, но много слышал о западнях, подстерегающих неопытных людей в больших городах. Слышал он немало рассказов и о боксерах, которых приближали к себе богатые женщины, а потом бросали, как было с гладиаторами в Риме эпохи его заката. Не удивительно, что когда в комнату быстро вошла высокая женщина в вуали, он повернулся к ней с некоторой настороженностью и внутренним трепетом. Однако он несколько успокоился, заметив позади дамы грузную фигуру Тома Крибба, что избавляло его от беседы с глазу на глаз. Дверь за ними закрылась, и леди подчеркнуто неторопливо сняла перчатки. Затем, так же неторопливо, сверкая бриллиантами на пальцах, подняла густую вуаль. Только после этого она, наконец, повернулась к Спрингу.

— Это он и есть? — спросила она.

Они стояли, рассматривая друг друга с интересом, постепенно сменившимся взаимным восхищением. Она видела перед собой великолепно сложенного юношу, привлекательности которого ничуть не умаляла ни подавляемая застенчивость, ни краска смущения, залившая его щеки. А он видел женщину лет тридцати — высокую, смуглую, властную, с величественной осанкой. Каждая черта ее гордого, прекрасного лица говорила об аристократическом происхождении. Это была женщина, рожденная для придворной жизни. Склонность повелевать была у нее в крови, но ее смягчала очаровательная женственность. Глядя на нее, Том Спринг говорил себе, что еще никогда — ни в жизни, ни в мечтах — он не видел более красивой женщины. Тем не менее какой-то внутренний голос предупреждал его об опасности. Да, у нее прекрасное, непостижимо прекрасное лицо. Но выражает ли оно искренность и доброту? К восхищению ее красотой у Тома примешивалось подсознательное чувство антипатии.

Дама же думала о своем. Она уже не видела в молодом боксере человека и теперь критически рассматривала его как машину, предназначенную для определенной цели.

— Рада познакомиться с вами, мистер... мистер Сприг,— сказала она, осматривая его с придирчивостью барышника, покупающего коня.— Он вовсе не так высок, как вы меня заверяли, мистер Крибб. Мне помнится, вы говорили о шести футах.

— Так оно и есть, сударыня, но это не бросается в глаза. Только тощие кажутся высокими. Вот посмотрите, наши головы на одном уровне, хотя я и лишился шерсти на макушке, а во мне ведь шесть футов.

— Какой у него объем груди?

— Сорок три дюйма, сударыня.

— На вид вы очень сильны, мистер Сприг, это верно. Надеюсь, вы к тому же и смелы?

Сприг пожал плечами.

— Не мне говорить об этом, сударыня.

— Насчет смелости — уж это я могу вас заверить!— поспешил вмешаться Крибб.— Почитайте, сударыня, номер «Спортивной хроники» с отчетом о встрече Тома с Нэдом Пэйнтером. Как он держался против Нэда! До самой последней секунды, пока тот из него дух не вышиб. Я был его секундантом, и уж мне-то все известно. Могу показать вам куртку, которая была тогда на мне, и вы сразу поймете, до чего Том выносив.

Дама жестом руки отклонила предложение Крибба.

— Но ведь Сприг все же проиграл,— холодно заметила она.— Человек, побивший его, несомненно, лучший из них двоих.

— Извините, сударыня, но я не могу с вами согласиться. А мое мнение, кроме Джентльмена Джексона, никто в боксерском мире оспаривать не осмелится. Мой парень однажды уже побил Пэйнтера и снова побьет его, если ваша милость сочтет возможным финансировать матч.

Дама вздрогнула и гневно взглянула на чемпиона.

— Почему вы так меня назвали?

— Прошу прощения. По привычке. Я так всегда обращаюсь к дамам.

— Я запрещаю вам называть меня «ваша милость».

— Хорошо, сударыня.

— Я здесь инкогнито. Вы оба должны обещать мне, что не будете наводить обо мне никаких справок. Иначе нам не о чем больше разговаривать.

— Хорошо, сударыия. Я даю слово. Спрннг, конечио, тоже. Осмелюсь, однако, заметить, что я не в состояиии запретить своим буфетчикам и подручным разговаривать с вашнми слугамн.

— Мой кучер и лакей зиают обо мне ие больше вашего. Но у меня мало временн, перейдем к делу. Мие кажется, мнстер Спрннг, вы сейчас иичем не заняты.

— Совершеиио верно, сударыня.

— Со слов мнстера Крнбба я знаю, что вы готовы драться с кем угодно н в каком угодно весе.

— С любым двуиогнм!— воскликнул Крнбб.

— С кем вы хотите, чтоб я дрался?— спросил молодой боксер.

— Это вас не касается. Если вы действительио согласны драться с кем угодио, имя вашего протнвинка ие имеет зиачения. У меия есть основання ие изывать его.

— Как хотите, сударыня.

— Вы прекратнли треннровку всего иесколько иедель иазад. Сколько вам нужно времеин, чтобы полностью войти в форму?

— Недели три, возможио, месяц.

— Хорошо. Я буду оплачнвать все расходы по тренировке и, кроме того, платнть вам два фуита в иеделю. Вот задаток, пять фуитов. Вы будете драться, когда я сама найду, что вы готовы, а обстоятельства благоприятиы. Если схватка закоичится вашей победой, вы получите пятьдесят фунтов. Вас устранвают мон условия?

— Вполне, сударыня, вы очень щедры.

— И помнные, мнстер Спрннг, я выбнраю вас ие потому, что вы самый лучшнй боксер — на сей счет существуют два миеиия,— а потому, что вы порядочный человек, как мне дали поиять, и вам можно довернться. Да, условия матча должиы остаться в секрете.

— Поинмаю. Буду молчать.

— Это частный матч. И ничего больше. Треиировку вы иачиете завтра.

— Слушаюсь, сударыия.

— Я проснла бы мистера Крибба треиировать вас.

— С удовольствием, ио, с вашего позволення, суда-

рыня, разве он ничего не получит, если проиграет схватку?

Лицо женщины исказилось, ее кулаки сжались.

— Ни единого пенни! Ни единого пенни, если проиграет! — воскликнула она. — Он не может... не смеет проиграть!

— Ну что ж, сударыня, я никогда не слышал о подобных условиях. Но я сижу на мели, а беднякам выбирать не приходится. Я сделаю все, как вы сказали. Буду тренироваться, пока вы не скажете «хватит», а потом драться там, где вы прикажете. Надеюсь, схватка состоится на большом ринге?

— Да, — ответила она, — ринг будет большой.

— И далеко от Лондона?

— В пределах ста миль. Что вас еще интересует? Мне пора ехать.

— Я хотел бы спросить, сударыня, — озабоченно сказал Крибб, — смогу ли я быть его секундантом? Я помогал ему в двух последних боях.

— Нет! — резко ответила женщина.

Она молча повернулась и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. Через несколько мгновений ее изящная карета промчалась мимо окна, свернула на оживленный Хеймаркет и вскоре затерялась в потоке уличного движения.

Боксеры молча посмотрели друг на друга.

— Ну-с, черт побери, это, пожалуй, почище любого петушиного боя! — воскликнул наконец Крибб. — Во всяком случае, пять фунтов у нас в кармане, мой мальчик. Однако как все это странно!

После недолгого обсуждения было решено, что Том Спринг будет жить и тренироваться в таверне «Замок», в Хемпстед-Хите, с тем чтобы Крибб мог приезжать туда и наблюдать за ним. На следующий день Том перебрался в «Замок», захватив с собой гири, гантели и скакалку, и сразу приступил к тренировкам, чтобы как можно скорее войти в форму. Однако и ему и его добродушному тренеру трудно было заставить себя серьезно относиться к делу.

— Очень скучаю по табачку, отец,— заметил молодой боксер в конце третьего дня, когда они присели отдохнуть после упражнений.— Право, ничего со мной не случится, если выкурю трубочку.

— Знаешь, мой мальчик, вообще-то это против моих правил, но вот тебе табак и трубка. Честное слово, я не могу себе представить, что сказал бы капитан Барклей из Юри, если бы увидел боксера, который курит во время тренировки! Вот уж он не давал спуска! Он заставил меня сбросить сорок с лишним фунтов, когда тренировал ко второму матчу с Черным.

Спринг закурил и, окружив себя облаком голубого дыма, откинулся на спинку скамейки.

— Вам, отец, было легко соблюдать строгий режим. Вы знали, что вам предстоит. Вы знали место, время, противника. Вы знали, что, когда через месяц выйдете на ринг, в зале будет десять тысяч болельщиков и что они поставили на обоих противников, может, сотню тысяч фунтов. Вы знали, с кем вам придется схватиться и как действовать, чтобы победить. У меня же все иначе. Думаю, это чисто женский каприз и все кончится ничем. Если бы я был уверен, что дело предстоит серьезное, я бы скорее сломал трубку, чем закурил.

Том Крибб озадаченно поскреб затылок.

— Я и сам ничего не понимаю, мой мальчик, кроме одного: платит она прилично. А вообще, если здраво рассудить, кто из лучших боксеров-профессионалов может выстоять против тебя ну хоть полчаса? Уж только не Стрингер, ты его уже побеждал. Купер? Но он сейчас в Ньюкасле. Ричмонда ты сможешь побить, даже не снимая пиджака. Гэсман весит меньше ста семидесяти фунтов. Есть еще Билл Нит из Бристоля. Так оно и есть, мой мальчик! Пожалуй, дама решила выпустить против тебя Гэсмана или Билла Нита.

— Но тогда почему не сказать прямо? Я бы постарался получше подготовиться к встрече с Гэсманом, а тем более с Биллом Нитом. Но, черт побери, не могу я тренироваться по-настоящему, не зная, кого увижу перед собой на ринге.

Внезапно беседа боксеров была прервана. Открылась дверь, и в комнату вошла дама. При виде боксеров ее смуглое, красивое лицо вспыхнуло гневом. Она по-

смотрела на иих с такнм презрением, что оба с ввиноватым видом вскочнлн на ноги. Так они и стоялн, потупив глаза и перемниаясь с ногн на ногу, словио два огромных провнннвшнхся пса перед раздраженной хозяйкой. Длиииые трубки все еще дымнлнсь у ннх в руках.

— Так!— наконец проговорнла оиа, яростио топнув.— И это иазывается треннровкой!

— Мы очень сожалеем, сударыня,— сконфуженно сказал Крнбб.— Я не думал... Я ни иа секунду не предполагал...

— Что я приеду провернть, не напрасио лн плачу вам? Коиечио, этого вы не предполагалн.— Оиа резко повернулась к Тому Спрингу.— Болваи! Вас побьют, н тем все кончнтся.

Юноша серднто посмотрел на нее.

— Я попроснл бы вас обойтнсь без браии, сударыня. У меия тоже есть самолюбне. Согласен, курнть во время треннровки — самое последнее дело. Вот перед вашнм прнходом я и говорил Тому Крнббу, что если бы вы не отиосчлнсь к иам, как к детям, а сказали бы, где и с кем мне придется драться, я бы сумел взять себя в руки.

— Что верно, то верио, сударыня,— подтверднл чемпнон.— Я увереп, что это будет лнбо Гэсман, лнбо Билл Нит. Ведь никого другого нет. Так что вы только иамекннте, н я обещаю, что к нужному дню иаш парень будет в самой отлнчной форме.

Дама презрнтельно усмехнулась.

— По-вашему, бокснровать могут только те, кто зарабатывает на жнзнь кулакамн?

— Бог мой, так, значнт, речь ндет о любнтеле?— восклнкнул изумленный Крнбб.— Но не можете же вы, в самом деле, требовать от Тома Спринга, чтобы он треннровался трн неделн для схваткн с каким-то арнстократом-любнтелем!

— Больше я не скажу ин слова,— резко ответила дама.— Не ваше дело, кто протнвник. Но зиайте, еслн вы будете треннроваться так, как сегодия, я выгоню вас и иайму другого, более серьезиого человека. Не думайте, что меня легко обмануть только потому, что я женщиия. В боксе я разбираюсь не хуже любого мужчнны.

— Это я сразу понял, с первого вашего слова,— сказал Крибб.

— Поняли — и не забывайте. И не ждите новых предупреждений. Если снова провинитесь, найму другого.

— Вы так и не скажете, с кем мне предстоит драться?

— Нет и нет. Можете поверить, вам или любому другому боксеру в Англии потребуются все силы и умение, чтобы с ним справиться, будь вы даже в самой лучшей спортивной форме. Ну, а сейчас немедленно приступайте к тренировке и смотрите, чтобы я вновь не застала вас без дела.

Она смерила обоих здоровяков надменным взглядом, повернулась на каблучках и величественно вышла из комнаты.

Как только захлопнулась дверь, Крибб протяжно свистнул, посмотрел на своего сконфуженного друга и вытер цветным платком лоб.

— Ну, мой мальчик, придется нам теперь заняться всерьез.

— Правильно,— с серьезным видом отозвался Том Спринг.— Придется нам теперь заняться всерьез.

В течение следующих двух недель дама несколько раз неожиданно появлялась в гостинице, чтобы удостовериться, что ее боксер и в самом деле добросовестно готовится к предстоящей схватке. Обычно она появлялась в помещении для тренировок, когда ее меньше всего ждали, но все же ни разу не имела повода обвинить Тома Спринга и его тренера в недостатке рвения. Том, надев перчатки, подолгу колотил мешок, совершал тридцатимильные прогулки, пробегал милю за почтовой каретой, запряженной хорошей лошадью, и без конца прыгал через скакалку. Много пота пришлось ему пролить, пока не наступил день, когда его тренер с гордостью сказал, что он «согнал последнюю унцию жира и может драться не на жизнь, а на смерть».

Лишь единственный раз дама пришла не одна, а в сопровождении какого-то высокого, хорошо сложенного молодого человека с аристократическими манерами. Его

можно было бы назвать очень красивым, если бы не изуродованный в результате какого-то несчастного случая нос. Скрестив руки на груди, он задумчиво смотрел на великолепный торс полуобнаженного боксера, работавшего с гантелями.

— Ну как, по-твоему, подойдет? — спросила дама.

Молодой щеголь пожал плечами.

— Не нравится мне вся эта затея, cara mia. Не могу кривить душой и уверять, что нравится.

— Ну как же так, Джордж! Я только этим и живу сейчас.

— Знаешь, это как-то не по-английски. Что-то от средневековой Италии, от Лукреции Борджиа. Женщины одинаково неистовы в любви и в ненависти во все века, но твой способ выражения этих чувств явно устарел для Лондона девятнадцатого столетия.

— Но разве не следует его проучить?

— Да, да! Но, думаю, можно найти другой способ.

— Ты уже испробовал другой способ, а чего добился?

Молодой человек мрачно усмехнулся, отвернул манжету сорочки и взглянул на глубокий рубец на запястье.

— Немногого, что и говорить,— признался он.

— Ты попытался и потерпел неудачу.

— Это верно.

— Так что же остается? Суд?

— Нет, нет, только не это!

— Значит, теперь моя очередь попытаться, и я никому не позволю мне мешать.

— Cara mia! Кто осмелится тебе помешать! Я, во всяком случае, и в мыслях этого не держу. Но и помочь тебе ничем не смогу.

— А я и не прошу твоей помощи.

— Верно, ты способна справиться и одна... А теперь, с твоего позволения, если тебе здесь больше нечего делать, вернемся в Лондон. Сегодня поет Гальдони, и я во что бы то ни стало должен попасть в оперу.

Визитеры уехали: он — легкомысленный и беззаботный, она — с решительным, как у самой Судьбы, лицом.

Наконец наступил день, когда Крибб смог сообщить даме, что Спринг находится в наилучшей форме.

— Не в моих силах сделать больше, сударыня. Сейчас он может драться, если даже призом будет целое королевство. Лучше он уже не будет — лишняя неделя только повредит.

Дама окинула Спринга взглядом знатока.

— Он делает вам честь,— произнесла она.— Сегодня вторник. Он будет драться завтра.

— Прекрасно, сударыня. Куда ему прийти?

— Внимательно выслушайте меня. Все должно быть сделано так, как я скажу. Вы, мистер Крибб, приведете его в таверну «Золотой крест» на Чаринг-Кросс в среду к девяти часам утра. Там он сядет в дилижанс, отправляющийся в Брайтон, и сойдет в Танбридж-Уэлсе у таверны «Королевский дуб». Здесь он поест того, что можно есть боксерам перед схваткой. В таверне он будет ждать, пока к нему не подойдет грум в темно-красной ливрее. Грум либо передаст ему все, что нужно, на словах, либо вручит письмо с соответствующими распоряжениями.

— А мне разве нельзя с ним поехать?

— Нет.

— Право, сударыня, ну хотя бы до Танбридж-Уэлса! Войдите в мое положение: готовить-готовить парня, а потом вдруг бросить его в самый решающий момент!

— Ничего не поделаешь. Вы слишком известны. О вашем появлении немедленно узнает весь город, и это может сорвать мои планы. О вашей поездке не может быть и речи.

— Что ж, подчиняюсь, но я очень огорчен.

— Мне, наверно, надо захватить с собой боксерские трусы и башмаки с шипами?— поинтересовался Спринг.

— Ни в коем случае! Прошу вас не брать ничего, что могло бы выдать вашу профессию. Наденьте ту же самую одежду, что была на вас при нашей первой встрече. Вы должны выглядеть мастеровым или ремесленником.

На озадаченном лице Тома Крибба появилось выражение полнейшего отчаяния.

— Без секунданта, в обычной одежде, в башмаках... Это же совсем не по правилам! Честное слово, сударыня, я сгораю от стыда, что участвую в таком деле. Какой же бой без секунданта? Просто драка, и ничего больше. Я слишком далеко зашел, чтобы умыть руки, но раскаиваюсь, что впутался в эту историю.

Несмотря на то, что указания дамы шли вразрез с профессиональной этикой, воля этой властной женщины восторжествовала, и все было сделано так, как она распорядилась. В девять часов утра Том Спринг уже сидел в дилижансе, отправлявшемся в Брайтон, и махал рукой Тому Криббу, стоявшему у дверей «Золотого креста» в окружении своих поклонников из официантов и конюхов таверны. Была та мягкая пора года, когда лето незаметно переходит в осень и зеленая листва буков и папоротника покрывается первой позолотой. Выросший в деревне юноша вздохнул всей грудью, как только дилижанс, запряженный шестеркой серых в яблоках лошадей, оставил позади скучные улицы Саутварка и Льюишема. Он любовался чудесными видами, которые открывались перед ним, когда дилижанс проезжал мимо тщательно ухоженных садов и полей Ноула, а потом, перевалив Риверсайд-Хилл, огибал широкие просторы Кентской низменности. Миновав Танбриджскую школу и Саутборо, дилижанс покатил по крутой дороге, петлявшей среди причудливых обнажений песчаника, и остановился перед большой таверной — ее и называла дама в своих последних наставлениях. Спринг вышел из дилижанса и заказал в столовой бифштекс с кровью, как рекомендовал тренер. Едва он покончил с ним, как появился слуга в темно-красной ливрее и с удивительно невыразительным лицом.

— Прошу прощения, сэр, не вы ли мистер Спринг... мистер Томас Спринг из Лондона?

— Это я, молодой человек.

— В таком случае я должен передать вам следующее указание: вы пробудете здесь ровно час после еды, потом сядете в фаэтон, который найдете у входа в таверну, и я доставлю вас куда надо.

Молодой боксер никогда не терял хладнокровия, что бы ни происходило на ринге и вокруг него. Истошные

крики болельщиков, возбужденные вопли толпы, вид противника только бодрили его, заставляли радостно биться его смелое сердце и вызывали в нем желание доказать, что он по праву является центром кипящих страстей. Но теперешнее одиночество и неопределенность действовали на него гнетуще. Он бросился на кушетку, набитую конским волосом, и попытался вздремнуть, но волнение и беспокойство гнали сон, и в конце концов он встал и принялся мерить шагами пустую комнату. Вдруг из-за двери показалась чья-то широкая румяная физиономия. Заметив, что его присутствие обнаружено, незнакомец вошел в комнату.

— Прошу прощения, сэр,— сказал он,— мне, кажется, я имею честь разговаривать с мистером Томасом Спрингом?

— К вашим услугам.

— Боже мой! Я чрезвычайно польщен, что вы находитесь под крышей моего дома. Моя фамилия Кордери, сэр, я владелец этой старомодной гостиницы. Я так и думал, что мои глаза не обманывают меня. Я всего лишь скромный любитель бокса, сэр. В сентябре прошлого года я был в Маулси. Вы тогда побили Джека Стрингера из Роклиффа. Замечательный бой, очень красивый бой, осмелюсь сказать. Мое суждение не так уж легковесно, сэр; вот уже много лет не было ни одного матча в Кенте или Суссексе, на котором вы не увидели бы Джо Кордери у самого ринга. Спросите мистера Грегсона из таверны Чопхауз в Холборне, он вам кое-что расскажет о старом Джо Кордери. Между прочим, мистер Спринг, вы к нам случайно пожаловали не для того, чтобы провести бой? Сразу видно, что вы в прекрасной форме. Буду весьма признателен, если вы откроете мне секрет.

У Спринга мелькнула мысль, что, доверившись владельцу гостиницы, он, возможно, узнает больше, чем расскажет сам. Но он был человеком слова и не забыл, что обещал молчать.

— Просто хочу спокойно провести день в деревне, мистер Кордери. Вот и все.

— Вот те раз! А я-то надеялся, что наклевывается добрая потасовка. У меня есть нюх на такие дела, ми-

стер Спринг, не думал я, что предчувствие меня обманет. Но вам-то лучше знать. Может, позже мы с вами съездим взглянуть на мои плантации хмеля — сейчас самое подходящее время года, сэр.

Том Спринг не умел хитрить, и его неуклюжие отговорки вряд ли звучали очень убедительно, но тут, в самый разгар их беседы, в комнату вошел официант и сообщил Спрингу, что его ожидает фаэтон. Глаза Кордери заблестели от любопытства и нетерпения.

— А вы, кажется, утверждали, будто никого не знаете в наших краях, мистер Спринг!

— Видите ли, мистер Кордери, есть тут у меня один добрый приятель, он и прислал за мной свою двуколку. Вероятно, я вернусь в город ночным дилижансом. Через час-другой я загляну сюда, и мы с вами выпьем по чашке чаю.

У дверей гостиницы стоял четырехместный фаэтон, запряженный прекрасным черным рысаком, на козлах сидел слуга в темно-красной ливрее. Том Спринг уже уселся было рядом с ним, но слуга торопливо шепнул, что у него есть распоряжение посадить мистера Спринга сзади. Том опустился на заднее сиденье, и фаэтон тут же умчался. Взволнованный Кордери, теперь уже совсем убежденный в том, что затевается нечто очень интересное, побежал в конюшню, громко приказал конюхам запрягать и уже через несколько минут бросился по горячим следам вдогонку за фаэтоном, расспрашивая на каждом перекрестке о черном рысаке и кучере в темно-красной ливрее.

Тем временем фаэтон несся по направлению к Кроуборо. Когда до него оставалось всего несколько миль, кучер свернул с шоссе на узкую дорогу, обрамленную буками, рыжевато-коричневая листва которых образовывала тенистый свод. По этому рыжевато-золотистому тоннелю впереди фаэтона в том же направлении шла высокая, грациозная дама. Когда коляска поравнялась с ней, кучер остановил лошадь. Дама отступила в сторону и взглянула на седоков.

— Хочу верить, что вы в наилучшей форме,— сказала она, пристально рассматривая боксера.— Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, сударыня, самым лучшим образом.

— Я сяду рядом с вами, Джонсон. Нам еще довольно далеко ехать. Поезжайте через Нижний Уоррен, а затем сверните на дорогу, огибающую Гравел Хэнгер. Я скажу, где остановиться. Но не торопитесь, у нас в запасе двадцать минут.

Словно в необычном сне, перед молодым боксером проплыл лабиринт уединенных аллей. Но вот фаэтон остановился у какой-то калитки; за ней начинался густо заросший молодой порослью ельник. Дама вышла из коляски и жестом приказала Спрингу последовать ее примеру.

— Ждите нас в дальнем конце аллеи,— распорядилась она, обращаясь к кучеру.— Мы задержимся здесь. Мистер Спринг, будьте добры, идите за мной. Я отправила письмо, в котором назначила здесь свидание.

По извилистой тропинке они быстро пересекли ельник, перебрались через изгородь и оказались в соседнем лесу, наполненном глухим кудахтаньем фазанов. Пройдя его, они попали в чудесный холмистый парк, по которому там и сям были разбросаны могучие дубы; парк вплотную подходил к красивому особняку елизаветинской эпохи, от фасада которого спускались украшенные балюстрадами террасы. По парку, направляясь к лесу, шел человек.

Дама схватила боксера за руку.

— Вот ваш противник! — воскликнула она.

Они стояли в тени деревьев и хорошо видели незнакомца, тогда как от него их скрывала тень деревьев. До него оставалось еще несколько ярдов. Том Спринг рассматривал его с огромным интересом. Это был высокий мужчина могучего сложения, одетый в синий сюртук с позолоченными, сверкавшими на солнце пуговицами, белые бриджи из рубчатой материи и сапоги для верховой езды. Он шел быстрой, энергичной походкой и время от времени ударял себя по ноге хлыстом. Внешность и осанка выдавали в нем волевого, энергичного человека.

— Послушайте, да ведь это же джентльмен! — воскликнул Спринг.— Нет, сударыня, это не по моей части! Я ничего не имею против этого человека, а у него

не может быть зла против меня. Что я должен с ним сделать?

— Подраться с ним! Избить его! Для этого я вас и привезла.

Том Спринг с возмущением отвернулся.

— Я приехал сюда вести честный бой, сударыня, а не избивать человека, который и не помышляет о драке. Схватка не состоится.

— Вы еще не успели разглядеть его как следует, а уже струсили! — прошипела дама.— Боитесь, что он вас побьет?

— Думайте как хотите, но дело это не для меня.

Дама побледнела от досады и гнева.

— Болван! — крикнула она.— Неужели все сорвется в последнюю минуту? Вот здесь... в бумаге... пятьдесят фунтов. Вы отказываетесь от пятидесяти фунтов?

— Это дело для труса. Мне оно противно.

— Для труса? Этот человек тяжелее вас на тридцать фунтов и сильнее любого боксера-любителя в Англии!

Молодой боксер почувствовал некоторое облегчение. В конце концов заработанные честным путем пятьдесят фунтов очень ему пригодятся. Вот только бы убедиться, что перед ним достойный противник и что он не против помериться силами.

— Откуда вы знаете, что он так силен? — спросил Том.

— Еще бы не знать! Я его жена.

Она повернулась и мгновенно исчезла в кустарнике. Незнакомец был уже совсем близко, и при взгляде на него Спринг почти перестал колебаться. Он увидел массивного человека лет тридцати, с широкой грудью, мрачным, грубым лицом, густыми нависшими бровями и жесткой складкой губ. Весил он не меньше двухсот десяти фунтов и двигался походкой натренированного атлета. Заметив стоявшего под деревом Спринга, неизвестный ускорил шаги и легко перепрыгнул через разделявшую их изгородь.

— Эй, ты! — крикнул он, останавливаясь в нескольких ярдах от Спринга и оглядывая его с ног до головы.— Кто ты, черт тебя возьми, откуда ты, черт возь-

ми, появился и какого черта тебе иужио иа моей усадьбе?

Тои иезиакомца был еще оскорбительиее, чем его слова. Щеки Спринга залил румяиец гнева.

— Послушайте, мистер,— сказал он.— Быть вежливым иичего ие стоит. С какой стати вы так со миой разговариваете?

— Ах ты иегодяй! Да я пиками выгоию тебя из усадьбы. Стоишь иа моей земле и еще осмеливаешься дерзить? — Незиакомец подиял хлыст и угрожающе двинулся иа Спринга.— Уйдешь ты или нет? — крикнул он, занося хлыст.

Уклоияясь от удара, Том Спринг отскочил в сторону.

— Не торопитесь, мистер,— сказал он.— Если уж по справедливости, то вам следует зиать, с кем вы имеете дело. Я Сприиг, профессиоиальиый боксер. Может быть, вы обо мне слышали?

— Так я и думал, что ты мерзавец из этой породы. Я уже имел дело с вашей братией и еще не встретил ни одного, кто мог бы выстоять против меня хоть пять минут. Может, хочешь попробовать?

— Если только вы посмеете подиять на меия хлыст, мистер...

— Так вот же тебе! — И незиакомец со всего размаха ударил юиошу хлыстом по плечу.— Будешь ты теперь драться?

— А я за тем и приехал.— Сприиг облизнул сухие губы.— Бросайте, мистер, свой хлыст. Драться так драться. Я как раз натренирован и готов схватиться с кем угодно. Вы сами напрашиваетесь. Что ж, только не пеняйте потом.

Незнакомец уже снимал сииий сюртук со своих широких плеч. Под сюртуком оказалась жилетка из атласа с узорами в виде веточек, он сиял и ее и вместе с сюртуком повесил иа сук ольхи.

— Значит, говоришь, иатреиирован? — бормотал он.— Черт побери, сейчас я с тобой разделаюсь... Будет тебе треиировка!

Если Том Сприиг еще сомиевался, не злоупотребляет ли ои своим преимуществом, то теперь его сомиеиия окончательио рассеялись. Перед иим стоял увереииый в

себе, физически великолепно развитый человек. Особенно ясно это стало после того, как незнакомец снял черный атласный галстук с большим рубином и сорвал с толстой, мускулистой шеи тесный белый воротничок. Затем он не спеша отстегнул золотые запонки и засучил рукава, обнажая мощные волосатые руки, которые могли бы послужить моделью для скульптора.

— Подойди поближе к изгороди,— предложил он, закончив подготовку,— там просторнее.

Боксер не отставал в приготовлениях от своего грозного противника. Повесив на куст шляпу, сюртук и жилет, он вышел на открытое место.

— По-уличному или по правилам? — хладнокровно спросил любитель.

— По правилам.

— Отлично. Принимай стойку, Спринг. Давай попробуем.

Они стояли друг против друга на опушке леса, на круглой, поросшей травой поляне, через которую пробегала тропинка. С лица незнакомца сошло вызывающее, надменное выражение, теперь на его губах играла мрачная усмешка, а глаза под густыми бровями яростно сверкали. Судя по стойке, он был весьма опытным боксером. Том Спринг, легко передвигаясь вправо и влево и выжидая момент, когда противник откроется, внезапно понял, что ни Стрингер, ни даже сам Пэйнтер не представляли для него такой опасности. Левая рука любителя была вынесена вперед, правая защищала несколько отклоненный назад корпус, голова надежно прикрыта. Спринг попытался нанести легкий удар в солнечное сплетение и одновременно в лицо, но любитель моментально обрушил на Тома серию сокрушительных ударов, от которых он лишь с большим трудом уклонился. Спринг отскочил назад, но противник продолжал его преследовать. Один из сильных ударов отбросил вниз правую руку Спринга, второй, в плечо, свалил его на землю, и незнакомец упал на него. Они тут же вскочили на ноги и, зло взглянув друг на друга, снова приняли боевую стойку.

Теперь уже не оставалось сомнений, что любитель не только тяжелее, но и сильнее Спринга. Ему удавалось еще дважды свалить Тома с ног. В одном случае

он сбил его тяжелыми ударами, в другом просто швырнул на спину. Такие падения могли бы отбить охоту продолжать бой у менее стойкого человека, но Том Спринг видел в них лишь мелкие неприятности, неизбежные в его профессии. В синяках, с трудом переводя дыхание, он вновь мгновенно вскакивал с земли. Изо рта у него текла тонкая струйка крови, но твердый взгляд голубых глаз говорил, что его боевой дух не сломлен.

Постепенно Спринг освоился с агрессивной тактикой противника и все успешнее отражал его атаки. Любитель продолжал нападать и в четвертом раунде, но Том изменил тактику защиты. До сих пор он только отступал и потому проигрывал. Теперь, выждав момент, когда противник вновь ринулся на него, Том левой рукой нанес ему мощный прямой удар, усиленный не только рывком самого Спринга, но и резким встречным броском противника. Столкновение оказалось настолько сильным, что Спринга отбросило назад, любитель же закачался, отступил и, закрыв лицо рукой, прислонился к дереву.

— Пора, пожалуй, на том и закончить,— предложил Спринг,— не то вам придется плохо.

Любитель невнятно выругался и сплюнул кровь.

— Давай дальше! — крикнул он.

Том понимал, что и сейчас его задача не из легких. Получив жестокий урок, любитель уже не пытался выиграть бой наскоком и не надеялся поколотить опытного боксера так, как он поколотил бы на деревенской ярмарке какого-нибудь неотесанного увальня. Теперь он не просто пускал в ход кулаки, а продумывал и рассчитывал каждый свой удар и умело перемещался по площадке. Спринг признал про себя, что, если бы незнакомец прошел профессиональную тренировку, он мог бы с успехом противостоять первоклассным боксерам. Он умело защищался и отвечал молниеносными контратаками. С железной стойкостью он переносил любые удары, а когда ему удавалось войти в клинч, с силой швырял на землю более легкого Спринга. И все же ошеломляющий удар, на который он сам напросился своей тактикой в начале боя и который заставил его трезвее взглянуть на своего противника, все больше на нем сказывался. Он

уже не так быстро ориентнровался, его удары становнлись все слабее. К тому же он дрался с самым осторожным и хладнокровным из всех прославленных боксеров, не упускавшим ни единой возможности нанести удар или воспользоваться полученным преимуществом. Медленно, раунд за раундом его выматывал расчетливый и стремнтельный протнвник, наносивший сильные и точные удары. Наконец любитель в изнеможении остановился; он задыхался, его лицо (вернее, то, что не было залито кровью) побагровело от напряжения. Он дошел до предела человеческой выносливости. Его противник, хотя тоже покрытый синяками н избитый, но по-прежнему хладнокровный, готовый к бою и по-прежнему опасный, стоял и ждал.

— Я же говорю, что лучше на том н прекратить,— повторил Спринг.— С вами все кончено.

Но самолюбие не позволило побежденному примириться с подобным исходом. Зарычав от бешенства, забыв о всяких правилах, он снова ринулся на Спринга, осыпая его градом беспорядочных ударов. В первое мгновение этот натнск ошеломил Спринга. Затем он сделал шаг в сторону, нанес удар, и незнакомец, взмахнув руками, рухнул на землю. Он распростерся на траве, раскинув огромные руки и ноги и обратив к небу обезображенное лицо.

Спринг молча смотрел на лежавшего без сознания человека, пока не почувствовал на своей обнаженной руке чье-то мягкое и теплое прикосновение. Рядом с ним стояла та же дама.

— Не теряйте времени! — воскликнула она, сверкая черными глазами.— Бейте его!

Вскрикнув от отвращения, Спринг оттолкнул женщину, но она снова схватила его за руку.

— Я заплачу вам семьдесят пять фунтов...

— Бой окончен, сударыня. Я больше до него не дотронусь.

— Сто фунтов! Целых сто фунтов. Они у меня здесь, в корсаже. Вы отказываетесь от ста фунтов?!

Спринг отвернулся. Неожиданно женщина метнулась мимо него, намереваясь ударить поверженного каблуком в лицо, но Спринг грубо оттащил ее.

— Отойдите! — крикнул он, встряхивая даму.— Постыдились бы бить лежачего.

Мужчина застонал и повернулся на бок. Потом он с трудом сел, провел влажной рукой по лицу и, пошатываясь, поднялся на ноги.

— Ну что ж,— произнес он, пожимая широкими плечами,— схватка была честной, мне не на что жаловаться. В свое время я был любимым учеником Джексона, но вы оказались лучше меня.

Внезапно взгляд его упал на лицо разгневанной женщины.

— А, Бетти! — воскликнул он.— Так это тебя я должен благодарить! Как же я не догадался, когда получил твое письмо!

— Да, мой повелитель,— ответила женщина, насмешливо приседая.— Это меня ты должен благодарить. Все подстроила твоя маленькая жена. Я спряталась вот за теми кустами и смотрела, как тебя избивали, словно собаку. Ты не получил всего, что мне хотелось, но, думаю, с таким лицом ты не скоро сможешь пленять женщин. Помнишь, что ты тогда сказал, мой повелитель? Помнишь эти слова?

Несколько мгновений незнакомец ошеломленно молчал, затем схватил валявшийся на земле хлыст и взглянул на женщину из-под нависших бровей.

— Ты сущий дьявол! — воскликнул он.

— А что скажет гувернантка? — спросила женщина.

Побелев от ярости, незнакомец бросился на нее с занесенным хлыстом, но Спринг, раскинув руки, быстро встал между ними.

— Так не годится, сэр. Я не могу этого допустить.

Незнакомец злобно посмотрел на жену из-за плеча боксера.

— Так это все в отместку за дорогого Джорджа! — горько усмехнулся он.— Но и бедный Джордж со своим сломанным носом, видимо, уже получил отставку. Ты что, перешла на боксеров? Путаешься со спортсменом?

— Лжец! — воскликнула женщина.

— А, сударыня, задело? Ну что ж, вот вы вдвоем и предстанете перед судом за браконьерство и физическое насилие. Какая будет картина, бог мой, какая картина!

— Ты не сделаешь этого, Джон!

— Не сделаю?! Подождите здесь минуты три, и вы увидите, сделаю или нет.

Он сорвал с дерева свою одежду и, все еще пошатываясь, побежал через поле, свистком созывая своих людей.

— Живо! Живо! — крикнула дама Спрингу.— Нельзя терять ни минуты! — Бледная и дрожащая, она задыхалась от волнения.— Он поднимет на ноги всю округу. Это будет ужасно... Ужасно!

Женщина побежала по узкой извилистой тропинке, и Спринг, одеваясь на ходу, бросился за ней. По полю, справа от них, уже спешил на свисток вооруженный лесник. Два батрака, метавшие сено, прекратили работу и, не выпуская вил, оглядывались по сторонам. Но дорога оставалась пока безлюдной, а фаэтон поджидал их. Лошадь мирно пощипывала траву у обочины, на высоких козлах дремал кучер. Дама быстро вскочила в коляску и знаком подозвала Спринга.

— Вот ваши пятьдесят фунтов,— сказала она, передавая ему завернутые в бумагу деньги.— Вы идиот, что не воспользовались случаем и не превратили их в сотню. Мы с вами в расчете.

— Но куда же мне идти? — спросил боксер, растерянно всматриваясь в разбегавшиеся во все стороны тропинки.— Куда мне идти?

— К дьяволу! — крикнула женщина.— Гони, Джонсон!

Фаэтон сорвался с места и исчез за поворотом дороги. Том Спринг остался один.

Со всех сторон неслись крики и свистки. Он понимал, что теперь, когда даме удалось избавиться от неприятной перспективы разделить с ним его судьбу, ей совершенно безразлично, попадет он в беду или нет. Собственно, и сам Том Спринг начал испытывать безразличие ко всему. Он был до смерти утомлен, от падений и ударов у него болела голова, к тому же его глодала обида. Он медленно побрел по дороге, не имея ни малейшего представления о том, где надо свернуть на Танбридж-Уэлс. В отдалении послышался лай собак, и он понял, что их пускают по его следу. Убежать от них нельзя, и Том решил, что с таким же успехом может подождать со-

бак и здесь. Он вырвал из изгороди кол потяжелее и, крайне обозленный, угрюмо присел в ожидании того, что ему предстояло.

Но первым появился не враг, а друг. Из-за поворота дороги вылетела двуколка с впряженным в нее резвым рыжим коньком. Двуколкой правил румяный владелец гостиницы «Королевский дуб». Он бешено размахивал кнутом и поминутно оглядывался назад.

— Прыгайте ко мне, мистер Спринг, прыгайте! — крикнул он, натягивая вожжи.— И люди и собаки... Сейчас они будут здесь... Садитесь скорее! Пошел, Рыжик!

Больше он не проронил ни слова, пока они буквально не пролетели, словно на скачках, две мили и не оказались в безопасности на Брайтонской дороге. Только здесь он бросил вожжи на спину коня и толстой ручищей хлопнул Тома Спринга по плечу.

— Великолепно! — воскликнул он. Его большое красное лицо сияло от восторга.— Боже мой, как это было прекрасно!

— Что? — удивился Спринг.— Вы видели бой?

— С начала до конца! Клянусь честью! И подумать только, что я дожил до счастья стать одним-единственным зрителем такого матча! О, это было замечательно! — кричал он в бурном восторге.— Видеть, как его милость упал, словно бык от удара в затылок, а ее милость, сидя за кустами, хлопала в ладоши! Я предчувствовал, что предстоит что-то интересное, и следил за вами всю дорогу. Когда вы остановились, я привязал Рыжика к дереву в рощице и через лес прокрался за вами. И хорошо, что так сделал, потому что сейчас вся округа поднята на ноги.

Спринг в крайнем изумлении бессмысленно глазел на своего спутника.

— Его милость! — наконец выдохнул он.

— Именно, мой мальчик, лорд Фолкэнбридж, вице-губернатор, председатель суда графства, пэр королевства — вот кто ваш противник.

— Боже милосердный!

— А вы не знали? Пожалуй, это к лучшему. А то вы, быть может, и не отколотили бы его так основательно. Но имейте в виду, если бы вы не победили его, то

уж он бы отделал вас как следует! В нашем графстве нет человека, способного выстоять против него. Браконьеров и цыган он избивает по двое, по трое сразу. Его тут все боятся. Но вы отдули его за милую душу. О дружище, это было прекрасное зрелище!

Но Спринг, слишком ошеломленный услышанным, не отвечал. Лишь после того, как он оказался под гостеприимным кровом гостиницы, умылся и плотно поел, он пригласил к себе мистера Кордери. Том рассказал ему о событиях, которые предшествовали этому необыкновенному приключению, и попросил хозяина гостиницы объяснить ему, что все это может значить. Кордери внимательно выслушал гостя, то и дело тихонько посмеиваясь. Потом он вышел из комнаты и тут же вернулся с истрепанной газетой и разгладил ее на коленях.

— Это «Пентайльский вестник», мистер Спринг,— другую такую сплетницу, как эта газетка, не скоро найдешь. Если они пронюхают про сегодняшнее дело, то уж не упустят случая как следует его преподнести. Однако мы с вами никому не скажем! Ее милость вряд ли станет болтать, да и его милость, думается, тоже попридержит язык, хотя он во гневе и устроил за вами погоню. Вот, мистер Спринг, послушайте. Я прочитаю, а вы курите свою трубку. Это номер за июль прошлого года, а говорится тут следующее:

«Потасовка в высшем обществе

Теперь уже не секрет, что разногласия, уже сколько лет существовавшие между лордом Ф. и его очаровательной супругой, в последние дни достигли апогея. Чрезмерное увлечение его милости спортом, а также внимание, которое он, как говорят, уделял живущей у него в доме особе низкого звания, давно уже вызывали недовольство леди Ф.

Последнее время она искала утешения в дружбе с неким джентльменом — назовем его сэром Джорджем У...ном. Сэр Джордж, известный дамский угодник и прекрасно сложенный молодой человек, с удовольствием взялся утешать прелестную страдалицу. Однако результат оказался весьма печальным как для чувств ее милости, так и для красоты джентльмена. Лорд Ф. с группой

слуг захватил парочку врасплох во время свидания недалеко от своего особняка. Несмотря на протесты дамы, лорд Ф. пустил в ход свою силу и умение и постарался наказать несчастного Лотарио так, чтобы, как он выразился на прощание, сэр Джордж не мог уже более пленять женщин своей внешностью. Леди Ф. покинула его милость и уехала в Лондон, где, несомненно, ухаживает сейчас за своим обезображенным Аполлоном. Есть все основания предполагать, что дело закончится дуэлью, хотя ко времени сдачи номера в печать мы еще не располагали точными сведениями».

Владелец гостиницы отложил газету.

— Вы удостоились чести попасть в высшее общество, мистер Томас Спринг! — сказал он.

Боксер провел рукой по своему избитому лицу.

— Знаете, мистер Кордери,— сказал он,— меня вполне устраивает и низшее общество.

«РОДНИ СТОУН»

«Родни Стоун» был среди произведений, любимых самим Конан Дойлем. В книге соединились три особенно близких писателю сферы: английская история, спорт, есть здесь и таинственность, требующая догадок и расследования. Боксерский ринг как центр, притягивающий людей различных сословий, дал Конан Дойлю возможность непринужденно изобразить знаменитых исторических деятелей и вымышленные лица, короче, показать живые сцены из быта Англии 1800-х годов. Роман близок к книгам писателя о наполеоновских войнах, хотя в «Родни Стоуне» эти войны главным образом — воспоминание. На страницах романа произносится имя «генерала Буонапарте», мы видим адмирала Нельсона, героя Трафальгарской битвы. В свою очередь, перед читателем появляются драматург Ричард Шеридан, автор «Школы злословия», проповедник Фокс, принц Уэльский и, наконец, боксерские знаменитости того времени.

Взявшись за эпоху 1800-х годов, Конан Дойль начал писать пьесу. На первых порах с ним сотрудничал его родственник — литератор Хорнунг, но в дальнейшем и в основном Конан Дойль работал один. Пьеса была названа «Дом Темперлей» и предназначалась, как и ранний драматический опыт писателя «Ватерлоо» (1894), для выдающегося английского актера Генри Ирвинга. «Мелодрама ринга»—так определял пьесу сам Конан Дойль; в ней было четыре длинных акта и тридцать четыре действующих лица. Главная же трудность для театра заключалась в многочисленных боксерских схватках, составлявших непременную и зна-

чительную часть действия. Затраты на подобный спектакль были бы слишком высоки, чтобы какой-либо постановщик рискнул пойти на них. Надолго прибежищем «Дома Темперлей» оказался рабочий стол писателя. Только в 1910 году пьеса увидела свет рампы в театре «Адельфи», но ненадолго и без заметного успеха. «Боюсь, что дамы будут смущены спортивными эпизодами»,— писал Конан Дойль перед спектаклем. И действительно, «прекрасная половина» зрительного зала не интересовалась кулачными боями, представленными вполне натурально. В известной мере это определило холодный прием «Дома Темперлей». Кроме того, в числе причин для неудачи биографы писателя называют театральный кризис и, наконец, смерть короля Эдуарда VII. Однако на этом история «Дома Темперлей» не оборвалась. В 1927 году Альфред Хичкок, один из пионеров кинематографии, поставил по пьесе фильм «Ринг». В этом фильме, как и в других фильмах, сделанных по его произведениям, Конан Дойля коробило недостаточное внимание к тому, что сам он соблюдал с тщательностью: верное воспроизведение «колорита эпохи». Кинематограф же относился к этому довольно небрежно, и телефоны появлялись на экране в эпоху диккенсовских дилижансов.

Еще работая в 90-х годах над пьесой, изучая «времена Регентства», Конан Дойль намеревался использовать тот же материал в романе, о чем он и сообщил в письме к матери в сентябре 1894 года. Поскольку «Дом Темперлей» сделался известен позднее, чем был опубликован «Родни Стоун», считалось, что пьеса явилась инсценировкой романа. Даже самые последние и наиболее полные сведения, почерпнутые из архива писателя, не дают четкого ответа на этот вопрос. Пьер Нордон, получивший доступ к личным бумагам Конан Дойля, склонен полагать, что как раз пьеса возникла раньше и послужила основой романа. Конан Дойль находился тогда в Швейцарии, из Давоса он переехал в Ко, где закончил «Приключения бригадира Жерара» и приступил к «Дому Темперлей». Здесь же им были написаны первые главы «Родни Стоуна». К августу 1895 года им была завершена значительная часть романа. Конан Дойль обозначил для себя «Родни Стоуна» как «книгу бокса».

«Насколько я знаю, никто еще не писал об этом,— говорил он в письме к другу,— а между тем ринг — типично англосаксонский вид спорта, никогда прежде не существовавший за пределами стран английского языка и обладающий теперь, мне кажется, большой популярностью в народе, несмотря на то невыразимо

жалкое состояние, до которого этот спорт был доведен. В прежние времена то был спорт благородства, изящества и честного боя. Я бы, например, скорее взялся сражаться с копьем и мечом на турнире, чем выдержал бы сотню раундов с добрым бойцом на кулаках,— если говорить о храбрости и выносливости, которые тут требуются. Надеюсь, когда книга попадет к вам в руки, вы найдете, что она вышла у меня интересной».

Роман, надо отметить, сильно способствовал популяризации бокса в Англии, переживавшего в 90-х годах прошлого века период упадка. Бокс как тема выглядел непривлекательно, и только авторитет «создателя Шерлока Холмса» позволил Конан Дойлю убедить редакторов журнала «Стрэнд мэгэзин» печатать «Родни Стоуна».

Как всегда в работе над исторической темой, Конан Дойль сидел, обложившись книгами, восстанавливая по ним в деталях отошедшую эпоху. Он тщательно доискивался, как одевались тогда, как держали себя, чем увлекались, как ездили — в каких экипажах, на каких лошадях, с какими упряжками. Как же, кстати, ездили? Может теперь показаться невероятным то, о чем пишет Конан Дойль: пятьдесят миль менее чем за пять часов на паре лошадей. Вот, однако, документальные сведения: в 20-х годах XIX столетия английский рысак Норфольк-Кобб делал двадцать четыре мили в час, а другой рысак — Нонпарель — прошел сто миль за девять часов пятьдесят семь минут. В России тройка купца Караулова зимой 1847 года пробежала тридцать три версты за один час двадцать одну минуту. Современник, описавший замечательный бег, утверждал, что если бы этим лошадям дать передохнуть часок, то они прошли бы еще с десяток верст столь же свежо.

Подробно описано в романе Конан Дойля, что представлял тогда бокс. А. И. Куприн решительно отсылал за специальными справками по истории бокса к произведениям Конан Дойля (см., например, его рассказ «Лимонная корка»).

«Ты будешь рада узнать,— писал Конан Дойль матери в сентябре 1895 года,— что я закончил свою книгу. Думаю назвать ее «Родни Стоун. Былое бокса». В целом я ею доволен...»

В 1896 году роман печатался в журнале «Стрэнд мэгэзин» и в том же году вышел отдельным изданием.

«Родни Стоун», конечно, больше, чем только «книга бокса», хотя именно «боксерские» главы и эпизоды написаны с особенным подъемом. По мнению рецензентов и позднейших исследователей, исторические фигуры — драматург Шеридан, адмирал

Нельсон и др.— не столь выразительны, как боксеры, реально существовавшие или вымышленные. Но широкий исторический фон придает роману значительность. Сочетание схваток на ринге и политических интриг создает атмосферу эпохи. Мысль автора ясно и вместе с тем без лишней навязчивости выразилась в сцене боксерского обеда: усадив всех за один стол,— и высоких покровителей бокса, и практиков его, и просто тогдашних «болельщиков»,— Конан Дойль создает некое подобие средневекового пиршества. Называя кушанья, подчеркивая традиционность блюд, писатель как бы сближает самые разные времена: он стремится всеми силами к одному — представить современникам живое и цельное ощущение прошлого, дорогого наследия.

Д. Урнов

СОДЕРЖАНИЕ

Артур Конан Дойль
Собрание сочинений в 8 томах.
Том VI.

Редакторы тома
И. Гурова и Р. Боброва.

Иллюстрации художника
И. Ушакова.

Оформление художника
С. Пожарского

Технический редактор
А. Шагарина.

Подписано к печати 15/I 1967 г. Зак. 2584.
Тираж 626 000 (325 001—626 000) экз.
Изд. № 2145. Формат бумаги $84\times108^{1}/_{32}$.
Физ. печ. л. 13,0 + 4 вкл. иллюстраций.
Условных печ. л. 22,26. Уч.-изд. л. 22,84.
Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, улица «Правды», 24.

Индекс 70667

